

КОНТУРЫ ГЛОБАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Партийно-политические системы в современном мире

Читайте в номере:

Коммунистическая партия в системе власти в СССР

Политические процессы в постсоветской Центральной Азии

Австрийская партия свободы: между правым популизмом, австрийским патриотизмом и немецким национализмом

Левый популизм в странах Запада. Феномен Ж.-Л. Меланшона

Метаболизмы правого популизма во Франции XXI века

Политические партии Таиланда – проверка на прочность демократии

Партийная система современной Японии: от господства ЛДП до реальной многопартийности

Становление гражданского общества и партийно-политической системы: опыт Индии

Политическая система Исламской Республики Иран: особенности и возможности трансформации

Латинская Америка: президентская власть и оппозиция в XXI веке

Эволюция партийных систем: новая точка бифуркации?

Оценка уровня евроскептицизма партий Франции на основе контент-анализа их предвыборных программ

Правовое регулирование финансирования политических партий в Королевстве Испании и Российской Федерации: сравнительный анализ

Антииммигрантские партии Европы: фальстарт или второе дыхание?

ТОМ 11 • НОМЕР 3 • 2018

Контурь глобальных трансформаций:

ПОЛИТИКА • ЭКОНОМИКА • ПРАВО

VOLUME 11 • NUMBER 3 • 2018

Outlines of Global Transformations:

POLITICS • ECONOMICS • LAW

Контурь глобальных трансформаций

ПОЛИТИКА • ЭКОНОМИКА • ПРАВО

В журнале публикуются материалы, посвященные актуальным проблемам политической науки, мировой политики, международных отношений, экономики и права. Журнал призван объединить представителей российского и зарубежного экспертного и научного сообщества, сторонников различных научных школ и направлений. Главная цель журнала — предоставить читателю глубокий анализ какой-либо проблемы, показать различные подходы к ее решению. Каждый из выпусков журнала посвящен одной определенной теме, что позволяет обеспечить комплексное рассмотрение процессов, явлений или событий.

Редакционная коллегия

Кузнецов А.В., главный редактор, ИМЭМО РАН
Исаков В.Б., заместитель главного редактора, НИУ ВШЭ
Лексин В.Н., заместитель главного редактора, Институт системного анализа РАН
Соловьев А.И., заместитель главного редактора, МГУ
Багдасарян В.Э., МГУ
Вершинин А.А., МГУ
Вилисов М.В., Центр изучения кризисного общества
Володенков С.В., МГУ
Жебит А., Федеральный университет г. Рио-де-Жанейро (Бразилия)
Звягельская И.Д., МГИМО (Университет)
Качинс Э., Центр стратегических и международных исследований (США)
Кривопапов А.А., Центр изучения кризисного общества
Лившин А.Я., МГУ
Лукин А.В., МГИМО (Университет)
Мельвиль А.Ю., НИУ ВШЭ
Мигранян А.А., Институт экономики РАН
Миронюк М.Г., НИУ ВШЭ
Орлов И.Б., НИУ ВШЭ
Пабст А., Кентский университет, Великобритания
Сильвестров С.Н., Финансовый университет при Правительстве РФ
Телин К.О., МГУ
Унникришнан Нандан, исследовательский центр Observer Research Foundation (Индия)
Эпштейн А.Д., Иерусалимский университет (Израиль)

Редакционный совет

Якунин В.И., председатель редакционного совета, МГУ
Абрамова И.О., Институт Африки РАН
Гаман-Голутвина О.В., МГИМО (Университет)
Гринберг Р.С., Институт экономики РАН
Лисицын-Светланов А.Г., Институт государства и права РАН
Макаров В.Л., Центральный экономико-математический институт РАН
Порфирьев Б.Н., Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН
Рязанцев С.В., Институт социально-политических исследований РАН
Садовничий В.А., МГУ
Торкунов А.В., МГИМО (Университет)
Шутов А.Ю., МГУ
Молчаков Н.Ю., секретарь, Центр изучения кризисного общества

Учредитель: Ассоциация независимых экспертов «Центр изучения кризисного общества», Москва

Адрес: 119146, Москва, Комсомольский проспект,
д. 32, к. 2.
Сайт: <http://www.ogt-journal.com>
Тел.: +7 (903) 556-34-19

E-mail: molchakov@centero.ru
Периодичность: 6 раз в год
Тираж: 1000 экз.
Журнал распространяется бесплатно.

Содержание

Представляя номер 6–9

Российский опыт

Александр Яковлевич ЛИВШИН. Коммунистическая партия в системе власти в СССР 13–35

Постсоветское пространство

Дина Борисовна МАЛЫШЕВА. Политические процессы в постсоветской Центральной Азии 36–52

Проблемы Старого света

Анна Сергеевна БАДАЕВА. Австрийская партия свободы: между правым популизмом, австрийским патриотизмом и немецким национализмом 53–68

Дмитрий Викторович ШМЕЛЕВ. Левый популизм в странах Запада. Феномен Ж.-Л. Меланшона 69–84

Галина Николаевна КАНИНСКАЯ. Метаболизмы правого популизма во Франции XXI века 85–101

Азия: вызовы и перспективы

Наталья Григорьевна РОГОЖИНА. Политические партии Таиланда – проверка на прочность демократии 102–119

Дмитрий Викторович СТРЕЛЬЦОВ. Партийная система современной Японии: от господства ЛДП до реальной многопартийности 120–136

В национальном разрезе

Андрей Геннадиевич ВОЛОДИН. Становление гражданского общества и партийно-политической системы: опыт Индии 137–151

Нина Михайловна МАМЕДОВА. Политическая система Исламской Республики Иран: особенности и возможности трансформации 152–165

Наиля Магитовна ЯКОВЛЕВА. Латинская Америка: президентская власть и оппозиция в XXI веке 166–184

Политические процессы в меняющемся мире

Эдуард Геннадьевич СОЛОВЬЕВ. Эволюция партийных систем: новая точка бифуркации? 185–198

Алексей Олегович ДОМАНОВ. Оценка уровня евроскептицизма партий Франции на основе контент-анализа их предвыборных программ 199–212

Точка зрения

Наталья Игоревна ПЛАТОНОВА, Гарегин Николаевич МИТИН. Правовое регулирование финансирования политических партий в Королевстве Испании и Российской Федерации: сравнительный анализ 213–229

Андрей Эдуардович ЯШЛАВСКИЙ. Антииммигрантские партии Европы: фальстарт или второе дыхание? 230–244

Outlines of Global Transformations

POLITICS • ECONOMICS • LAW

The Outlines of Global Transformations Journal publishes papers on the urgent aspects of contemporary politics, world affairs, economics and law. The journal is aimed to unify the representatives of Russian and foreign academic and expert communities, the adherents of different scientific schools. It provides a reader with the profound analysis of a problem and shows different approaches for its solution. Each issue is dedicated to a concrete problem considered in a complex way.

Editorial Board

Alexey V. Kuznetsov – Editor-in-Chief, the Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Russian Federation
Vladimir B. Isakov – Deputy Editor-in-Chief, National Research University Higher School of Economics, Russian Federation
Vladimir N. Leksin – Deputy Editor-in-Chief, Institute of System Analysis, Russian Federation
Alexander I. Solovyev – Deputy Editor-in-Chief, Lomonosov Moscow State University, Russian Federation
Vardan E. Bagdasaryan, Lomonosov Moscow State University, Russian Federation
Alek D. Epstein, Institute of Middle Eastern Studies, Israel
Aleksey A. Krivopalov, Center for Crisis Society Studies, Russian Federation
Andrew C. Kuchins, Center for Strategic and International Studies, USA
Alexander Ya. Livshin, Lomonosov Moscow State University, Russian Federation
Alexander V. Lukin, Moscow State Institute of International Relations, Russian Federation
Andrei Y. Melville, National Research University Higher School of Economics, Russian Federation
Aza A. Migranyan, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Russian Federation
Michail G. Mironyuk, National Research University Higher School of Economics, Russian Federation
Igor B. Orlov, National Research University Higher School of Economics, Russian Federation
Adrian Pabst, University of Kent, United Kingdom
Sergey N. Silvestrov, Financial University under the Government of the Russian Federation, Russian Federation
Kirill O. Telin, Lomonosov Moscow State University, Russian Federation
Nandan Unnikrishnan, Observer Research Foundation, India
Alexander A. Vershinin, Lomonosov Moscow State University, Russian Federation
Maksim V. Vilisov, Center for Crisis Society Studies, Russian Federation
Sergey V. Volodenkov, Lomonosov Moscow State University, Russian Federation
Alexander Zhebit, Federal University of Rio de Janeiro, Brazil
Irina D. Zvyagel'skaya, Moscow State Institute of International Relations, Russian Federation

Editorial Council

Vladimir I. Yakunin – Head of the Editorial Council, Lomonosov Moscow State University, Russian Federation
Irina O. Abramova, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Russian Federation
Oksana V. Gaman-Golutvina, Moscow State Institute of International Relations, Russian Federation
Ruslan S. Grinberg, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Russian Federation
Andrey G. Lisitsyn-Svetlanov, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences, Russian Federation
Valeriy L. Makarov, Central Economics and Mathematics Institute, Russian Academy of Sciences, Russian Federation
Boris N. Porfiryev, Institute of Economic Forecasting, Russian Academy of Sciences, Russian Federation
Sergey V. Ryazantsev, Institute of Social and Political Research, Russian Academy of Sciences, Russian Federation
Viktor A. Sadovnichiy, Lomonosov Moscow State University, Russian Federation
Anatoly V. Torkunov, Moscow State Institute of International Relations, Russian Federation
Andrei Y. Shutov, Lomonosov Moscow State University, Russian Federation
Nikita Y. Molchakov – Executive Secretary, Center for Crisis Society Studies, Russian Federation

Publisher: Association for Independent Experts "Center for Crisis Society Studies", Moscow, Russian Federation

Address: 2, 32, Komsomolskij Av., Moscow, 119146,
 Russian Federation
Web-site: <http://www.ogt-journal.com>
Tel.: +7 (903) 556-34-19

E-mail: molchakov@centero.ru
Frequency: 6 per year
Circulation: 1000 экз.
Subscription: The journal content is free distributed

Contents

Introduction.....	10–12
-------------------	-------

Russian Experience

Alexander Ya. LIVSHIN. Communist Party in the Power System of the USSR	13–35
--	-------

Post-Soviet Space

Dina B. MALYSHEVA. Political Processes in the Republics of post-Soviet Central Asia	36–52
---	-------

Problems of the Old World

Anna S. BADAIEVA. Freedom Party of Austria: between Right-wing Populism, Austrian Patriotism and German Nationalism	53–68
---	-------

Dmitry V. SHMELEV. Left-wing populism in Western countries. The Phenomenon of J.-L. Mélenchon	69–84
---	-------

Galina N. KANINSKAYA. The Metabolism of the Right Populism in France of the 21st Century	85–101
--	--------

Asia: challenges and perspectives

Natalia G. ROGOZHINA. Political Parties of Thailand – Examination for Democratic Stability.	102–119
--	---------

Dmitry V. STRELTISOV. The Party System in Contemporary Japan: from the LDP Dominance to a Real Multi-party System	120–136
---	---------

National Peculiarities

Andrey G. VOLODIN. The Formation of Civil Society and Party-Political system: the Experience of India	137–151
---	---------

Nina M. MAMEDOVA. Political System of the Islamic Republic of Iran: Its Features and the Upside for Transformation	152–165
--	---------

Nailya M. YAKOVLEVA. Latin America: Presidential Power and the Opposition in the Twenty-first Century	166–184
---	---------

Political Processes in the Changing World

Eduard G. SOLOVYEV. Evolution of Party Systems: New Point of Bifurcation? ...	185–198
--	---------

Aleksey O. DOMANOV. Euroscepticism Level of French Parties Determined by the Content-analysis of Their Pre-election Manifestos	199–212
--	---------

Point of View

Natal'ya I. PLATONOVA, Garegin N. MITIN. Legal Regulation of Political Party Financing in the Kingdom of Spain and the Russian Federation: Comparative Analysis	213–229
--	---------

Andrei E. YASHLAVSKII. Europe's Anti-immigrant Parties: False Start or Second Wind?	230–244
---	---------

Представляя номер

Очередной номер журнала «*Контуры глобальных трансформаций*» посвящен партийно-политическим системам современного мира. Если в Европе и США парламентские партии постепенно стали преобладающей формой организации публичного поля, создавая институциональное обрамление дисперсного гражданского общества, то за пределами Запада парламентаризм играет иную роль. Институты гражданского общества там зачастую лишь маскируют взаимодействие традиционных социальных групп. Авторы сборника стремились рассмотреть наиболее характерные примеры такого взаимодействия с максимально широким географическим охватом.

Тем не менее внимательный читатель легко обнаружит в этом номере существенный пробел. Речь идет об отсутствии специальной статьи, посвященной Коммунистической партии Китая. Это упущение было вызвано стремлением не повторять содержание прошлогоднего выпуска, специально посвященного Китаю и опубликованного в № 5 за 2017 г. под названием «*Первая пятилетка председателя Си*». Роль компартии в китайском обществе с учетом укрепляющегося единовластия действующего председателя КНР была тогда отдельно рассмотрена в статьях И.Ю. Зуенко и Е.Н. Румянцева.

Особое внимание отводится в сборнике историческому примеру России. Номер открывает статья А.Я. Лившина о Коммунистической Партии Советского Союза – во многом уникальной политической структуре, цементирувавшей общество и государство в СССР. Подобно тому как Советский Союз стал примером причудливого синтеза традиционной имперской формы и ее нового идеологического наполнения, создавшая новое государство коммунисти-

ческая партия также сохраняла в своем развитии многие подчас несовместимые тенденции. С конца 1920-х годов и фактически вплоть до краха СССР партия обладала монополией на осуществление контрольных функций в масштабе всего советского общества, хотя именно в этот исторический период произошло стремительное сворачивание внутрипартийной демократии.

Велика была роль КПСС и в контроле региональных элит. СССР, создававшийся на руинах Российской империи, появился на свет в результате множества компромиссных решений – в первую очередь в национальном вопросе. Возникшая в 1922 г. как результат этой политики иерархическая «федерация федераций» сохраняла устойчивость лишь до тех пор, пока партия, государство и федерация продолжали оставаться в состоянии относительного равновесия. При этом именно жесткая партийная дисциплина, сдерживавшая республиканские элиты, сообщала федерации такую прочность, что многие критики советской власти вообще считали федеративное устройство СССР фикцией. Утрата коммунистической партией в годы перестройки ведущей политической роли имела роковые последствия, поскольку без нее советский федерализм оказался нежизнеспособным.

Основная часть материалов данного сборника посвящена проблемам Европы. Статья Н.И. Платоновой и Г.Н. Митина затрагивает правовое регулирование финансирования политических партий на примере России и Испании. Обе страны сопоставляются авторами, принимая во внимание позднее начало в них так называемого «демократического транзита». В обоих случаях государство стремилось создать такую си-

стему финансирования партий, которая бы обеспечивала баланс между публичным и частным финансированием. Однако вместо строительства надежного барьера на пути распространения политической коррупции это решение вызвало стремительный дрейф России и Испании в сторону огосударствления парламентских партий.

Исследование Д.В. Шмелева посвящено политической биографии Ж.-Л. Меланшона и французскому левому популизму, тогда как статья Г.Н. Канинской описывает феномен французского правого популизма. А.О. Доманов сосредоточился на контент-анализе предвыборных программ евроскептических партий Франции.

Тема миграции в идеологических построениях и риторике праворадикальных партий Западной Европы, как показано в статье А.Э. Яшлавского, тесно соседствует с критикой Евросоюза. Скептики видят в нем наднациональное объединение, активно вмешивающееся во внутренние дела стран-членов и диктующее европейским государствам их политику по отношению к мигрантам. Несмотря на некоторые успехи западноевропейских праворадикальных сил, апеллирующих к озабоченности, которую испытывают граждане в связи с наплывом мигрантов, их возможность прийти в ближайшей перспективе к власти, по мнению автора, вызывает сомнения. Во всяком случае до тех пор, пока этим силам не удастся избавиться в глазах общественного мнения от негативного имиджа, ассоциируемого с нацизмом, расизмом и ксенофобией.

В этом случае характерен пример маленькой Австрии. А.С. Бадаева придерживается мнения, что искусственное формирование австрийской идентичности в послевоенный период и минимизация в Австрии процесса денацификации делают Австрийскую партию

свободы достаточно опасным игроком на политической сцене страны, а также вдохновляющим примером для соседних государств, где националистические и ультраправые партии активизируются на фоне миграционного кризиса в Европейском Союзе. Более того, на примере Австрийской партии свободы можно говорить о конце эры «больших партий» в Европе. Продолжительная история этой партии и этапы ее эволюции репрезентативны и поучительны при обращении к изучению ультраправых движений в Западной Европе. Еще с 1980-х годов в регионе началась эпоха популизма, который апеллировал к нуждам и требованиям широких народных масс и таким образом стал необходимой частью каждой предвыборной кампании.

Итак, в самом Старом Свете происходит размывание либерального консенсуса и вообще либерально-демократической политической модели. Как показывает Э.Г. Соловьев, в борьбе за так называемого медианного избирателя партии окончательно лишились определенной идеологической и социальной базы. В русле подобной тенденции четкое деление политических партий на правые и левые во все большей степени становилось данью политической традиции. В программных установках популистских партий нередко обнаруживается довольно сложная смесь правой, националистической, консервативной социокультурных составляющих и левых экономических подходов. В стремлении противостоять оттоку избирателей традиционные партии вынуждены перехватывать у оппонентов и интегрировать в свою политику некоторые существенные элементы их программ, а также хлесткие политические лозунги, радикализируя тем самым собственные позиции по ряду вопросов. Однако если европейские правые популисты не смогут диверсифицировать свой политиче-

ский арсенал и будут концентрироваться лишь на вопросах неэффективности правительств в решении проблем миграции, они так и останутся партиями относительного меньшинства.

Сравнение конкретных функций, которые партии выполняют внутри тех или иных обществ, позволяет сопоставить между собой и лучше понять действующие в них механизмы контроля публичного поля. Формы этого контроля могут быть разнообразны. Латинская Америка, положение в которой рассматривает Н.М. Яковлева, в целом отличается крайней политической нестабильностью. Автор придерживается мнения, что дисбалансы президентских систем, заложенные в нормативно-законодательной базе, способствуют консолидации персоналистских режимов разной идеологической окраски и открывают возможности для концентрации власти в руках главы государства. Широкие полномочия президентов и ослабление контрольных функций парламентов способствуют расцвету коррупции, принявшей в последние годы форму эпидемии и затронувшей высшие эшелоны власти практически всех стран.

По мнению А.Г. Володина, гражданское общество и его институты в западной части ойкумены первоначально развивались как часть политико-экономической системы отношений «метрополия – колония». Индия была ее наиболее передовым элементом. Тем не менее, несмотря на определенное заимствование британского опыта, режим парламентской демократии играет в Индии совершенно нехарактерную для Европы роль. В первую очередь он смягчает последствия эрозии традиционного кастового общества и микширует межнациональные противоречия внутри бывшей империи, поскольку независимая Индия создавалась путем превращения унитарной Британской Индии в федерацию.

Если говорить о Японии, то с точки зрения Д.В. Стрельцова политические партии в ней образовывались в рамках существующей властной вертикали и как инструмент эффективной нейтрализации оппозиции. В партийном строительстве наблюдался очевидный приоритет создания организационной оболочки над идеологическим содержанием. Партии, не находившиеся у власти и не имевшие шанса войти в правящую коалицию, строго говоря, политическими партиями вообще не являлись. Они оставались парламентскими организациями, не обязательно имевшими даже массовое членство. В середине 1950-х гг. все политические партии, за исключением коммунистов, видели основную цель своего существования не в реализации программных установок, а в предоставлении своим членам из числа действующих депутатов наиболее удобного для них способа получить депутатский мандат на очередных выборах. Сегодня в условиях деидеологизации политического пространства и усиления идейно-организационной аморфности политических партий в обществе существенно усилился запрос на популистское начало в политике. Премьер С. Абэ уловил запрос на лидера, который умеет говорить на понятном массам языке.

Не менее важен опыт Юго-Восточной Азии. Н.Г. Рогожина в статье о Таиланде затронула весьма актуальную тему имитации за пределами Запада внешней формы западных электоральных процедур. Современная политическая история королевства представляет собой борьбу двух тенденций: авторитаризма и демократии. При этом партии стали не институтами парламентской демократии, но элитарными организациями, действующими в интересах социальных верхов.

В политических системах исламских государств также присутствуют элемен-

ты демократии и самоуправления, хотя и в формах, существенно отличающихся от западных. Законодательная ветвь власти в Иране, как следует из статьи Н.М. Мамедовой, децентрализована. Министры же являются не столько высокопоставленными администраторами, сколько политическими фигурами.

Политические режимы в странах Центральной Азии генетически восходят еще к советскому периоду, а потому их легитимность имеет в глазах противников в лучшем случае остаточный характер. Из статьи Д.Б. Малышевой можно сделать вывод, что бывшие советские республики региона ожидают непростое будущее.

Итак, различные политические структуры, именующиеся партиями, пронизывают ткань общественной жизни практически всех современных сообществ – от Западной Европы до экваториальной Африки и Юго-Восточной Азии. Казалось бы, в этом заимствовании незапад-

ными культурами несвойственного им политического лексикона можно разглядеть исторический триумф так называемого коллективного Запада. Однако наблюдаемая нами повсеместная унификация понятийного аппарата не должна вводить в заблуждение, потому что за единством внешней модернистской формы может скрываться самое неожиданное – зачастую патриархальное и архаическое – содержание. Несмотря на стремительное распространение глобализации, человечество упорно сопротивляется попыткам унификации его жизненных укладов по единому либерально-эгалитарному стандарту.

Председатель редакционного совета
журнала, доктор политических наук
ЯКУНИН В.И.

Главный редактор журнала,
член-корреспондент РАН
КУЗНЕЦОВ А.В.

Introduction

This issue of the «*Outlines of Global Transformations*» is devoted to party-political systems of the modern world. While in Europe and the US parliamentary parties have gradually become a dominant organizational form in public sphere, institutionalizing otherwise disperse civil society, in the non-Western world parliamentarism plays a different part with civil society institutions often merely camouflaging the interaction between traditional social groups. The issue's contributors aimed to study the most illustrative examples of such interaction with the widest possible geographical coverage.

Nevertheless an attentive reader will easily discover a significant gap in this issue. This refers to the absence of a special article devoted to the Communist Party of China. This negligence was caused by the desire not to reduplicate last year's issue, devoted specifically to China – № 5 of 2017 titled «*Chairman Xi's First Five-Year Plan*». The role of the Communist Party in Chinese society was then separately analyzed in the articles by I.Yu. Zuenko and E.N. Rumyantsev, with due regard to the strengthening one-man rule of the reigning PRC's chairman.

Within this issue special attention is paid to Russia's historical example. The first article of the collection is A.Ya. Livshin's study on the Soviet Union's Communist Party – in many respects a unique political structure cementing the society and the state in the USSR. In much the same way that the Soviet Union had become an example of a bizarre synthesis of traditional imperial form and its new ideological content, the Communist Party that had created the new state also embraced many, sometimes incompatible development trends. Since late 1920s and basically until the USSR's collapse the party had held a monopoly for exercising con-

trol on the scale of the entire Soviet society though it is during this historical period that the inner-party democracy plummeted.

The CPSU also played a big part in controlling the regional elites. The USSR had arisen on the ruins of the Russian Empire as a result of many tradeoffs, first of all, in the question of nationalities. The hierarchic «federation of federations» which emerged in 1922 as a result of this policy remained stable only as long as the party, the state and the federation preserved relative equilibrium. That said it is strict partisan discipline which restrained republican elites that made the federation so strong – as a matter of fact many Soviet regime critics even deemed the USSR's federal structure a fiction. The communist party's political discredit during Perestroika turned out to be fatal as without it the Soviet federalism proved unsustainable.

Most part of the issue's materials deal with the problems of Europe. The article by N.I. Platonova and G.N. Mitin touches on legal regulation of political parties' funding through the example of Russia and Spain. The authors compare the two countries with respect to their late onset of the so called «democratic transition». In both cases the state aimed to create such partisan funding mechanism that would strike the balance between public and private funding. However instead of fencing off the increasing political corruption this solution caused Russia and Spain to drift rapidly towards governmentalization of parliament parties.

The study by D.V. Shmelev is devoted to J.-L. Melenchon's political biography and left-wing French populism while the article by G.N. Kaninskaya describes the phenomenon of right-wing French populism. A.O. Domanov has focused on ana-

lyzing the content of French Eurosceptic parties' election programmes.

The issue of ideological and rhetorical migration of Western Europe's far-right parties, as shown in the article by A.E. Yashlavskii, sits alongside criticism of the EU. The skeptics consider it as a supranational Union meddling in the internal affairs of the member states and dictating them the terms of their national migration policy. Despite some success of the Western European far right appealing to the citizens' concern with migrants' inflow, their possible rise to power in the immediate future, according to the author, is questionable. At least until those forces manage to get rid of the negative public image associated with Nazism, racism and xenophobia.

The case of the small Austria is characteristic. A.S. Badaeva recons that the artificial formation of Austrian identity in the post-war period and minimization of Austria's denazification process make Austria's Liberty Party quite a dangerous player in the country's political game as well as an inspiring example for neighboring states where nationalist and ultra-right parties walk tall again against the backdrop of the European Union's migration crisis. Moreover, through the example of Austria's Liberty Party one can assume the end of «big parties» era in Europe. This party's long history and its evolution stages are representative and educative when studying ultra-right movements in Western Europe. As early as 1980s the region entered the era of populism that appeals to the needs and requirements of the masses, and thus became an integral part of each elections campaign.

Thus, in the very Old World the liberal consensus and liberal democratic political model in general is being diluted. According to E.G. Soloviev, while struggling for the so called «median voter» parties have ultimately lost definite ideological and social base. In line with this trend clear classification of political parties in-

to right-wing and left-wing was increasingly becoming a mere political tradition. In populist parties' programme settings there is often a quite complicated mixture of right wing, nationalist, conservative socio-cultural elements and left wing economic approaches. Striving to withstand electoral outflow traditional parties have to snatch up some of their opponents' key programme features as well as biting political slogans for further integration into their policy, thus radicalizing their own stand on a number of issues. However if Europe's right wing populists fail to diversify their political toolkit focusing only on governments' inefficiency in solving migration issues, they will further remain relatively minor parties.

Comparing certain functions played by parties within any given society helps to better understand and check against each other their public sphere control mechanisms. Such control can take on different forms. Latin America, whose state is examined by N.M. Yakovleva, is generally characterized by the extreme political instability. The author recons that presidential systems' innate disbalances within legal and regulatory framework facilitate consolidation of personalist regimes of various ideological overtones and bring about the opportunities for accumulation of power into the state leader's hands. Presidents' broad powers and weakening of parliaments' control functions facilitate the boom of corruption that has become epidemic over the last years affecting top echelons of power in almost every country.

According to A.G. Volodin, civil society and its institutions in non-Western part of the oecumene initially evolved as a part of «metropole-colony» political and economic relational system with India being its most advanced element. Nonetheless, despite adopting some of British experience, Indian parliamentary democracy regime plays a role completely unchar-

acteristic for Europe. First of all, it downplays the consequences of traditional caste society erosion and interfuses cross-national contradictions within the former empire, as independent India had been created by transforming unitary British India into a federation.

Talking of Japan, according to D.V. Streltsov, political parties here were formed within the existing vertical power structure and as an effective opposition neutralization tool. In party-building creating an organizational carcass held a clear priority over ideological content. Parties that held no power and had no chance to join the governing coalition technically were not political parties at all. They remained parliamentary organizations, not even necessarily mass membership ones. In mid-1950s all political parties, except for the communists, had their main focus not on implementing their programme settings, but on providing their current politician members with the most convenient way to get a deputy's seat in the next elections. Nowadays, considering de-ideologization of political environment and increasing political parties' ideological and organizational amorphousness, populist political base has become much more demanded in the society. Prime minister S. Abe has picked up on the request for a leader able to speak in layman's terms.

Not less important is the experience of South-East Asia. In her article on Thailand N.G. Rogozhina has addressed quite a vital issue of imitating Western electoral procedures' exterior forms outside the West. Modern political history of the kingdom has been a struggle of two trends: authoritarian and democratic. That said the parties have become not parliamentary democracy institutions, but elite organizations acting in the interests of social establishment.

Islam states' political systems also feature elements of democracy and self-gov-

ernment, though in forms significantly different from the Western ones. Iran's legislative branch, according to the article by N.M. Mamedova, is decentralized with ministers being not so much top-ranking administrators, as political figures.

Political regimes in Central Asian countries genetically stem from the Soviet period, that's why their legitimacy is residual, in their opponent's opinion. The article by D.B. Malysheva suggests that the future of the region's former Soviet republics is anything but simple.

Thus, various political structures called «parties» pervade the social lives of basically every modern community – from Western Europe to equatorial Africa and South-East Asia. It seems that in this adaptation of alien political lexicon by non-Western cultures one can perceive the historical triumph of the so called collective West. However the universal unification of conceptual framework we observe is deceptive as the content behind the unity of external modernist form can be most unexpected – often patriarchal and archaic. Despite rapid globalization the mankind is persistent in resisting the attempts to unify its lifestyles according to a single liberal egalitarian standard.

Head of Editorial Council,
Doctor of Political Sciences
V.I. YAKUNIN

Editor-in-Chief,
Corresponding Member of RAS
A.V. KUZNETSOV

Российский опыт

Коммунистическая партия в системе власти в СССР

Александр Яковлевич ЛИВШИН

доктор исторических наук, профессор, факультет государственного управления, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Адрес: 119991, Москва, Ломоносовский просп., д. 27-4. E-mail: livshin@spa.msu.ru

ЦИТИРОВАНИЕ: Лившин А.Я. (2018) Коммунистическая партия в системе власти в СССР // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 11. № 3. С. 13–35. DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-3-13-35

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются основные механизмы и этапы превращения большевистской «партии нового типа» в «партию-государство» – организационное сердце системы власти, построенной после 1917 г. Партию большевиков на поверхность исторической жизни вынесла грандиозная по масштабам русская революция. Властно-управленческая система, достигшая апогея в период пребывания Сталина во главе СССР, олицетворяла собой одновременно и нарушение исторической преемственности, и ее продолжение в новых формах. Большевистская идеология являлась ключевым средством коммуникации власти и народа. В центре системы коммуникации стояла партия, пропаганда же являлась одним из важнейших инструментов партийного управления обществом. Процесс легитимации коммунистической власти был сложным и достаточно длительным, завершился он в основном к концу двадцатых годов. В групповом сознании и в политическом поведении руководства партии в эпоху нэпа преобладали настроения единения, необходимости обеспечить сбалансированный коллективный подход к управлению страной. Принципы олигархического правления были отринуты тогда, когда из руководства

партией и государством были устранены фигуры, способные составить конкуренцию Сталину. Складывание и дальнейшие исторические трансформации института номенклатуры составляют центральную проблему изучения роли коммунистической партии в политической системе советского государства. Во время Великой Отечественной войны институционально система «партии-государства» достигает высшей точки централизации, но одновременно за счет делегирования Сталиным многих полномочий другим членам ГКО и Политбюро, созданная конфигурация становится более гибкой и адаптивной. После войны в недрах властной модели «партии-государства» вновь подспудно вызревали контуры системы олигархического «коллективного руководства». Н.С. Хрущев, совершая путь к консолидации своей личной власти, использовал тот же ее основной инструмент, что и Сталин в двадцатые годы, – контроль над партийным аппаратом. Одним из итогов хрущевского правления была институционализация советской системы, в том числе правящей партийно-советской бюрократии. Лозунгом нового этапа эволюции советской системы власти стало сохранение и поддержание стабильности. Формируется модель

итеративного планирования, при которой большинство контрольных цифр становятся итогом сложного процесса утряски и бюрократических согласований, когда импульсы в пирамиде партийно-государственного управления идут не только сверху вниз, но и снизу вверх. Многочисленные иерархии: союзно-отраслевые, регионально-отраслевые, контрольные и проч. в силу своей ригидности и неповоротливости были не в состоянии оперативно реагировать на потребности времени, быстро принимать решения. Функции координирующей инстанции, особенно в зонах пересечения ответственности этих многочисленных иерархий, брали на себя партийные структуры. Они же придавали постоянный импульс системе итеративных согласований внутри плановой советской модели. Горбачевская перестройка, исходившая из идеи демократического социализма, окончательно разрушила власть «партии-государства». Система власти, лишившись внутренней целостности, быстро рассыпалась.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Коммунистическая партия, власть, революция, легитимность, номенклатура, партийный аппарат

За сто лет, прошедших после прихода партии большевиков к власти в России в октябре 1917 г., создано огромное количество научных, публицистических и художественных трудов, как трактующих феномен большевизма, так и описывающих этапы последовавшей трансформации партии коммунистов в костяк властного механизма советского государства. Но, несмотря на обилие трактовок и объяснений, мы, осмысливая историю, сталкиваемся с одной из ее величайших загадок: как сумела маргинальная партия, не принадлежавшая к политическому мейнстриму дореволюционной России, не

просто захватить власть, но и сформировать на новых началах государственную систему огромной страны, превратившись в сердцевину ее властно-управленческого механизма, или, скорее, став властным аппаратом как таковым, «партией-государством»? Любая концепция, объясняющая этот феномен, кажется недостаточной, загадка исторической судьбы «партии нового типа» будет еще долгое время приковывать внимание исследователей. «Социально-политический феномен, воплотившийся в таком стратифицированном и многофункциональном явлении, как советская компартия, с трудом поддается идентификации», – писал известный российский историк С.А. Павлюченков [Павлюченков 2008, с. 18].

Становление «партии нового типа»

Успех партии большевиков, с одной стороны, может быть объяснен тем, что она верно ухватила цивилизационную сущность России, находившейся в начале XX в. на переломном этапе своей истории. Бытует мнение, что лишь партия большевиков с момента зарождения последовательно отставивала и в программных документах, и в практической политике некий отличный от западноевропейского и при этом вполне реализуемый путь развития. Это утверждение, однако, можно интерпретировать двояко: Россия не могла в принципе идти тем же путем, каким двигалась западная цивилизация; большевистская партия же предложила некую альтернативу развития, более-менее адекватную социокультурной матрице России и ее государственным традициям. Но с другой стороны, можно выдвинуть и иную версию: Россия в конце XIX – начале XX вв., не справившись с издержками в целом от-

носителем успешного процесса капиталистической модернизации (заклю- чавшегося, по сути, в ее последователь- ной европеизации), качнулась в сторо- ну традиционализма, выразителем ко- торого в весьма специфической форме явилась «партия нового типа».

Между тем очевидно, что партию большевиков на поверхность истори- ческой жизни вынесла грандиозная по масштабам русская революция, сломав- шая естественное течение истории. В статье «Социология революции» Поти- рим Сорокин замечал, что революция в России явилась ярким свидетельством прекращения периода мирной, «орга- нической» эволюции человечества [Со- рокин 1992, с. 266]. В известном смыс- ле, сам феномен «партии-государства» явился продуктом революционных по- трясаний. Вполне справедливым при этом выглядит утверждение известного израильского социолога и специалиста в области теории цивилизаций Ш. Эй- зенштадта, что «в России имело место величайшее нарушение преемственно- сти в плане перестройки социополити- ческого порядка, изменения символической и политической легитимности режима и изменения структуры соци- альной иерархии» [Эйзенштадт 1999, с. 280]. Большевики и их партия лишь отчасти отражали и продолжали поли- тическую традицию России; еще в боль- шей степени «партия-государство» яв- лялась продуктом нарушения истори- ческой преемственности.

Если исходить из версии, что воз- никновение власти коммунистической «партии-государства» явилось реак- цией на противоречия процесса «ев- ропейски ориентированной» модерни- зации России, то имеется одна сфера политического процесса (а скорее, да- же цивилизационного развития стра- ны), с которой не справлялись власт- но-управленческие и идеологические механизмы дореволюционной России.

Речь идет о своеобразной «имперской дилемме»: проблеме преобразования государства имперского типа в демо- кратическое государство, построенное на федеративной или иной основе, но при этом отражающее общую тенден- цию социально-экономической и поли- тической «европеизации» России.

Действительно, Российская империя, как ее иногда называют – «империя на марше», на протяжении веков не предус- матривала законченных и навсегда уста- новленных институтов и механизмов в формах своего государственного стро- ительства и управления присоединен- ными территориями. Система носила гибкий, «инклюзивный» характер, под- страиваясь под обстоятельства и нахо- дя приемлемые как для имперской эли- ты, так и для местного населения формы управления: где-то военные и полуво- енные (наместничества), где-то полуев- ропейские и почти европейские (Поль- ша, Финляндия), где-то – опиравшиеся на «туземные» традиции и институты. Неопределенность и нечеткость импер- ской системы управления являлись од- новременно и силой, и слабостью, по- тенциальной опасностью. Как полага- ют Джейн Бербэнк и Марк фон Хаген, отсутствие единого «организационного принципа» формировало «гибкое поли- тическое пространство», в котором ужи- вались различные подходы к организа- ции самоуправления, экономической жизни, образования [Burbank, von Hagen 2007, p. 20]. Однако, по мнению указан- ных авторов, неспособность обеспе- чить равные права, включая избиратель- ные, со временем становилась источни- ком растущего напряжения [Burbank, von Hagen 2007]. Тем не менее этот сво- еобразный подход *ad hoc* обеспечивал прочность имперской конструкции и в целом соответствовал задачам обеспе- чения устойчивой управляемости.

Следует подчеркнуть, что именно не- избежный процесс модернизации, по-

шедший по пути перехода к правовому государству на конституционных основах, создал упомянутую «имперскую дилемму». Требовалось наделять всех подданных правами, причем не только гражданскими, но и политическими. Необходимо было осуществлять переход к универсальному правовому пространству, не сочетавшемуся с традиционной системой управления «империей на марше». Задача оказалась нерешаемой в рамках прежней государственности и силами прежней властной элиты. В частности, введение равного избирательного права в империи, где согласно результатам переписи 1897 г. великороссы составляли менее 45% населения, в существовавших архаических государственных рамках было чревато потерей стабильности. По сути, ни одна политическая партия, кроме большевиков, не предлагала внятного решения «имперской дилеммы», причем в неразрывном сочетании с решением жгучих социально-экономических вопросов, которое могло бы быть понято и принято большинством населения страны. Модернизация уперлась в этот тупик, и в умеренной части политического спектра не нашлось ни лидера, ни партии, ни программы, которые бы провели страну по узкому коридору глубоких системных преобразований империи в демократическое государство, между Сциллой хаотического распада страны и Харибдой сохранения отживших свой век традиционных устоев. Можно, конечно, вспомнить усилия партии эсеров по выстраиванию демократической «федералистской» национальной программы, что, безусловно, способствовало их успеху на выборах в Учредительное собрание. Но историческое поражение эсеров в 1917–1918 гг. окончательно направило решение проблемы управления Россией как многонациональной и многоконфессиональной страной в русло политики большевистской «партии нового типа».

Между тем «партия-государство» сумела если не гармонизировать эту сферу, то сформировать некую властную модель, обеспечившую стабильную управляемость «псевдофедерацией». Эта система включала в себя густую сеть «клиент-патронских» отношений, так называемого «патримониального институционализма», соединявшего Центр с регионами и национальными республиками, причем партия и партийный аппарат являлись ее организационным сердцем [Истер 2010, с. 41–44]. Важную роль, помимо формальных институтов, играли столь характерные для советского государства неформальные политические связи и негласные механизмы управления. По мнению Джералда Истера, советскую государственность отличало то, что руководители провинциальных партийных комитетов «играли роль боевых генералов в кампании нового государства по созданию административно-командной системы на периферии Советской России» [Истер 2010, с. 192]. Если в дореволюционной России губернаторы получали власть лично от императора, то в советской системе региональные руководители (в том числе в национальных республиках) считались представителями центрального руководства коммунистической партии. «Они оставались преимущественно неподконтрольными любым региональным или общественным ограничениям», – полагает Дж. Истер [Истер 2010, с. 199]. Так партия в рамках «псевдофедерации» создавала видимость единого универсального институционального пространства, за фасадом которого таилась густая сеть клановых, личностных, неформальных связей и механизмов управления. Общим знаменателем этой сложной системы был партийный аппарат, включенный в номенклатурную систему СССР. Все это, разумеется, лишь отодвигало глубокий кризис в отношениях федерального центра и республик, как и кри-

зис межнациональных отношений в целом. Но советское государство просуществовало достаточно долго, и отнюдь не напряженные отношения между народами, населявшими Советский Союз, явились первопричиной его распада.

Вернемся, однако, к еще одной важной теоретической проблеме, лежащей в центре нашего понимания механизмов превращения РСДРП(б) в «партию-государство». Если считать, что большевики были единственной партией, предложившей России реальную жизнеспособную «неевропейскую» и «незападную» (вернее, антизападную) альтернативу развития, то можно ли считать идеологию большевизма утопией, которая могла реализоваться, выведя страну на новые рубежи развития и, самое главное, создав фундамент последующих успешных экономических и политических трансформаций? Утопичность идеологии большевизма, в центре которой – намерение построить бесклассовое общество на началах государства-коммуны, с экономикой, отринувшей товарно-денежные отношения – подтверждена самим ходом как российской, так и мировой истории. Но без понимания роли идеологии в превращении политической партии в «партию-государство» невозможно осмыслить советскую историю в целом. Разумеется, это большая и комплексная проблема; остановимся лишь на том ее аспекте, который касается роли партийной идеологии в государственном строительстве.

Авторы книги «Социокультурные основания и смысл большевизма» совершенно правильно, на наш взгляд, связали роль партии в советской политической системе с идеологическим конструктом, в основе которого была так называемая «историческая необходимость» большевистской революции и построения социализма. Если существует некая заданная «историческая необходимость», то единственным ре-

альным субъектом истории является партия, возглавившая угнетаемые массы [Ахиезер, Давыдов, Шуровский, Яковенко, Яркова 2002, с. 57–60]. «История большевизма есть, прежде всего, история формирования, функционирования идеологии, которую создал большевизм. Эта идеология была, с одной стороны, формой постоянно вырабатываемого самосознания партии... Но, с другой стороны, идеология являлась постоянно переосмысливаемой формой коммуникации между народом и партией, языком, на котором эта связь осуществлялась... Фокусом этого потока оказывалось руководство партии как особой социокультурной формы решения медитационной задачи», – утверждают авторы, и с этим мнением вполне можно согласиться [Ахиезер, Давыдов, Шуровский, Яковенко, Яркова 2002, с. 59].

В этом специфическом «коммуникативном» смысле СССР, безусловно, являлся идеократическим государством; большевистская идеология была ключевым средством коммуникации власти и народа. В центре системы коммуникации стояла партия: именно она генерировала смыслы, создавала курсы, была основным «медиатором». Пропаганда являлась одним из важнейших инструментов партийного управления обществом [Лившин, Орлов 2008; Лившин, Орлов 2012].

Известный историк Майкл Дэвид-Фокс, анализируя большевистскую идеологию, выделяет то, что ее характеризует в качестве доктрины (имея в виду марксизм-ленинизм), мировоззрения, исторической концепции, дискурса, ритуала, веры (влияния идеологии не только на умы, но и на сердца) [David-Fox 2015, pp. 81–97]. Интерпретируя идеологию как инструмент политики партии, Дэвид-Фокс замечает, что строительство социализма стало синонимом успеха советского государства, а идеологическое обоснование

использовалось для оправдания любого политического зигзага [David-Fox 2015, p. 91]. Манипулирование идеологией лежало в сердцевине деятельности большевистской партии по строительству государства и управлению им.

Идеология большевизма в той ипостаси, в которой она может быть охарактеризована как вера, является интерпретацией картины мира и жизненного опыта людей, живущих в периоды глубочайших кризисов и общественных потрясений. Она снабжает общество некой объяснительной системой, воспринимаемой на основе глубокой эмоциональной приверженности идее советского коллективизма. Идея коммунистического коллективизма тесно переплетается с теми аспектами идеологии, которые воспроизводят архетипы религиозности, в частности идею христианского спасения. В этом смысле использование вождями большевизма, в том числе и Сталиным, в партийном дискурсе религиозных и мессианских мотивов ряд историков трактует как признак, сближающий «партию-государство» с «церковью-государством» [David-Fox 2015, p. 97]. «Компартия бросила вызов принципам мироздания, она всегда стремилась преодолеть свой партийный характер, посягая на значение всеобщего, и настойчиво пропагандировала те элементы общего, которые присутствовали в ней как в особенном», – писал С.А. Павлюченко [Павлюченко 2008, с. 19]. Это изначальное стремление «партии нового типа» стать чем-то значительно большим, чем просто партия, стимулировалось идеологией большевизма, ее «сакральными» компонентами; именно в этом смысле, а не в контексте утопичности коммунистической

идеи, можно говорить об идеократическом характере советского государства.

Этапы становления «партии-государства» описаны в литературе достаточно полно. Изначально у большевиков не было ясного видения политического и управленческого механизма государства Советов. В работе «Государство и революция», написанной в августе-сентябре 1917 г., В.И. Ленин впервые в относительно цельном виде изложил весьма утопическую идею необходимости и возможности перехода к государству всеобщего народоправства (перехода управленческой деятельности непосредственно в руки трудящихся масс на основе прямой непосредственной демократии, через Советы). Партия при этом была упомянута всего один раз в качестве элемента государственной конструкции. Понятно, что Ленин рассматривал «партию нового типа» как основной инструмент осуществления революции и борьбы за власть. Для реализации этой функции, как подчеркивается в многочисленных ленинских работах, партия должна базироваться на профессиональных революционерах, на началах железной дисциплины и централизма. Однако идея отмирания государства, которой Ленин, опиравшийся на работы Маркса и Энгельса, включая «Гражданскую войну во Франции» (и написанное Энгельсом в 1891 г. введение к этой работе), придерживался в то время, не позволяла рассматривать партийные принципы и институты в качестве несущей конструкции властного механизма.

После победы революции утопия государства-коммуны не просуществовала ни дня в качестве практического принципа управления и прожила очень недолгую жизнь в качестве теоретиче-

1 Например, 26 января 1924 г. на траурном заседании II Съезда Советов, посвященном памяти В.И. Ленина, Сталин произнес речь, которая структурно напоминала антифон и совершенно определенно была выдержана в духе православной молитвы, литургии; основным содержанием ее было изложение «заповедей» Ленина.

ского конструкта, лежащего в основе представлений о советской государственности. «После Октябрьской революции партия как институт вновь заняла главное место в большевистском сознании, и под воздействием Гражданской войны большинство членов партии перестали воспринимать “Государство и революцию” всерьез», – пишет Роберт Даниелс [Даниелс 2011, с. 83]. Партия, по мысли С.А. Павлюченкова, в условиях революционного хаоса создала уникальную возможность образовывать «небольшой, но надежный островок централизованной власти, который год от года рос, покоряя анархию и захватывая свою шестую часть суши» [Павлюченков 2008, с. 212].

Уже в 1919 г. Г.Е. Зиновьев, оценивая ход и промежуточные итоги трансформации власти, происходившей под влиянием Гражданской войны, заявил, что «всем известно, ни для кого не тайна, что фактическим руководителем Советской власти в России является ЦК партии»². Подмена советских органов партийными в деле практического осуществления государственного управления была в разгаре, и вектор развития процесса в сторону формирования «партии-государства» обозначился вполне четко. В написанной в апреле-мае 1920 г. работе «Детская болезнь левизны в коммунизме» Ленин декларировал новый тип организации властно-управленческой системы: диктатура пролетариата осуществляется партией; партия, управляя «массами», действует *через* Советы, профсоюзы и прочие «приводные ремни», обеспечивающие функционирование большевистской власти. Фактически утопия всеобщего народоправства была заменена достаточно жесткой государственной кон-

струкцией, организационным сердцем которой стала «партия нового типа».

Партия и государство в СССР

Важное значение для понимания дальнейшей судьбы «партии-государства» имеет проблема легитимности. Процесс легитимации коммунистической власти был сложным и достаточно длительным, завершился он в основном к концу двадцатых годов³. Большую роль в обеспечении того, что народ признал за большевиками и их партией право управлять им, причем управлять как раз теми методами, которыми это делалось, сыграл нэп. В этот «переходный период» власть строила политику на гораздо менее утопических, более реалистических основаниях учета специфики и социокультурных особенностей сложного, многослойного, многоукладного, домодернизационного характера общества. Институты, ритуалы, способ формирования новой власти стали казаться естественными, вытекающими из российской традиции и обеспечивающими государственную преемственность. Всеобъемлющая власть советской партийной бюрократии, олицетворявшая привычную населению традицию русского государственного централизма, также работала на легитимацию большевистского режима. Кроме того, к концу двадцатых годов в активную жизненную фазу вступило поколение, проходившее социализацию в послереволюционные годы, окончившее советскую школу и испытывавшее систематическое и достаточно длительное воздействие коммунистической пропаганды. Для этого нового молодого поколения монополярная власть ВКП(б) была абсо-

2 Известия ЦК КПСС (1989). № 8. С. 187 // <http://journal-club.ru/?q=node/17202>.

3 Подробнее см.: [Лившин 2010, с. 51–73].

лютно легитимной, как легитимным было и само положение «партии нового типа» в центре системы управления страной. Партия, вопреки проискам мировой буржуазии, интервентов и внутренней контрреволюции победившая врагов в Гражданской войне, а затем последовательно очищавшая себя от скверны антипартийных оппозиций в двадцатые годы, пронесшая через все испытания знамя Ленина, была в их глазах окружена ореолом успеха, аурой победителей. А победителей, как известно, не судят, их признают лидерами, им вручают свою судьбу и доверяют право вести народ дальше, к новым победам. Так к моменту начала «великого перелома» и эпохи сталинской «революции сверху» система власти, в центре которой находилась «партия-государство», обрела устойчивую легитимность.

В двадцатые годы, в период нэпа, восприятие обществом партийной власти обрело еще одно качество, которое, с одной стороны, также подпитывало процесс легитимации, а с другой – представляло для режима определенную опасность. Речь идет о дихотомии восприятия высшей власти, «вождей» и средней-низовой-местной прослойки бюрократии. «Вожди», руководители партии⁴, идеализировались и мифологизировались, в то время как на представителей низовых отрядов номенклатуры возлагалась ответственность за все тяготы повседневного существования людей, включая властный произвол и коррупцию. Конечно, такие дихотомичные

воззрения были привычными и отвечали российской традиции, но нарушалась целостность восприятия «партии-государства» как единого управленческого и кадрового механизма, необходимость создания которого была провозглашена Сталиным на XII съезде партии⁵.

Упомянутая выше борьба с «оппозициями» двадцатых годов показывает нам еще один немаловажный аспект процесса становления «партии-государства». Речь идет о формировании после смерти Ленина своего рода олигархической модели власти, которую условно можно обозначить как модель коллективного руководства⁶. «...Сплочение Политбюро против Троцкого в 1924–1925 гг. породило любопытную модель коллективного руководства... Коллективное руководство представляло собой взаимодействие политически равных советских вождей и относительно автономных ведомств, возглавляемых этими вождями. Признаком коллективного руководства было достаточно развитое разделение функций партийного и государственного аппаратов», – считает известный российский исследователь О.В. Хлевнюк [Хлевнюк 2015, с. 121]. В групповом сознании и в политическом поведении руководства партии в тот период преобладали настроения единения, необходимости обеспечить сбалансированный коллективный подход к управлению страной. Принципы олигархического правления были отринуты тогда, когда из руководства партией и государством были устранены фигу-

4 В первую очередь, члены Политбюро – те, кто, однако, подтвердил свое право называться «твердым ленинцем», то есть, в конечном счете, Сталин и его сторонники. Сам Сталин практически до конца нэповской эпохи воспринимался общественным сознанием как «первый среди равных».

5 На XII съезде в 1923 г. Сталин обрисовал свое видение принципов функционирования «партии-государства»: «После того как дана правильная политическая линия, необходимо подобрать работников так, чтобы на постах стояли люди, умеющие осуществлять директивы, могущие принять эти директивы, как свои родные, и умеющие проводить их в жизнь. В противном случае политика теряет смысл, превращается в махание руками». См.: *Сталин И.В. Сочинения*. Т. 5. М., 1947. С. 210.

6 Вывод о неизбежности нарастания олигархических тенденций после прихода большевиков к власти разделяет известный российский политолог О. Гаман-Голутвина. Этот вывод правомерен, если сопоставить события в России с опытом германских и итальянских социалистических партий: олигархический бюрократизм повсеместно приходит на смену демократии (см.: [Гаман-Голутвина 2006, с. 231].

ры, способные составить конкуренцию Сталину. Разгром «оппозиций» создал важную предпосылку ликвидации автономии ведомств и связанных с ними бюрократических аппаратов. Важную роль в этом разгроме сыграла принятая еще на X съезде в 1921 г. резолюция «О единстве партии», запрещавшая создание оппозиционных фракций; до этого оппозиционность в компартии если и не поощрялась, то не считалась крамолой⁷. Таким образом, накануне сталинской «революции сверху» страна вступила в завершающий этап становления системы власти, которую мы обозначаем как «партия-государство».

В тот период, в двадцатые и тридцатые годы, сформировался институт советской номенклатуры. Его складывание и дальнейшие исторические трансформации составляют центральную проблему изучения роли коммунистической партии в политической системе советского государства. «В своей совокупности номенклатура обеспечивает всю полноту власти в обществе», – справедливо отмечал М. Восленский [Восленский 1991, с. 112].

Номенклатура – понятие гораздо более емкое, чем особая система кадровых назначений, подбора, расстановки и передвижения по вертикали и горизонтали представителей советской управленческой элиты⁸. Это и принцип руководства обществом, и обладающий широкими привилегиями слой правящей элиты.

Секретариат ЦК и руководимый им партийный аппарат выдвинулись на первые роли в государственной жизни фактически одновременно с переходом реальной власти из рук Советов в руки

компартии, т.е. в период Гражданской войны, к концу которой в партии состояло 700 тыс. чел. Правда, последовавшие чистки партийных рядов привели к тому, что в начале 1924 г. в ВКП(б) насчитывалось 350 тыс. членов и 122 тыс. кандидатов [Гимпельсон 2000, с. 127]. С приходом Сталина на пост Генерального секретаря ЦК в 1922 г. работа аппарата была поставлена на совершенно новый организационный уровень. Генеральный секретарь, помимо выполнения иных обязанностей, получил в свои руки полномочия формировать повестку заседаний Политбюро и руководить кадровыми назначениями в партии. «От Сталина зависели карьеры многочисленных функционеров среднего уровня», – отмечает О.В. Хлевнюк [Хлевнюк 2010, с. 102]. Перехват партийным аппаратом функции управления страной, помимо иных последствий, означал отстранение рядовых членов партии от принятия решений. Это положение, при котором властные импульсы внутри самой партии шли почти исключительно сверху вниз, сохранялось на всем протяжении существования советского режима. При этом происходило становление специфического для сталинской эпохи «технократического взгляда на партию как на большое учреждение или фабрику» [Горлицкий, Момзен 2011, с. 57].

Сталин, которого люди, знавшие его методы руководства, за глаза называли «товарищ Картотеков» [Павлюченков 2008, с. 214], до предела бюрократизировал и формализовал работу аппаратных структур. Возникший в 1924 г. в результате слияния Оргинструкторского и Учетно-распределительного от-

7 На VIII партийном съезде член Политбюро Г.Е. Зиновьев утверждал: «Оппозиция – вещь законная. Никто против этого ничего не имеет. Съезд для того и собирается, чтобы каждая группа нашей партии сказала свое мнение» (цит. по: [Гимпельсон 2000, с. 135]).

8 Формально номенклатура – перечень руководящих должностей, назначение на которые происходило решениями соответствующих партийных органов. Номенклатурой также назывался список кандидатов на занятие руководящих позиций в партийных, советских, государственных и общественных структурах, т.е. список членов социальной группы, являвшейся советской управленческой элитой.

делов Секретариата ЦК Организационно-распределительный отдел, наряду с Оргбюро ЦК, стал центром аппаратно-кадровой работы. Таким образом, руководившие аппаратом структуры, в первую очередь Секретариат ЦК, стараниями Сталина были превращены из организационно-технических, «канцелярских» органов в политические⁹.

Формально историю советской номенклатуры обычно ведут от 12 июня 1923 г., когда было принято постановление Оргбюро «О назначениях». Это и последовавшие решения очертили основные механизмы номенклатурного принципа подбора и расстановки кадров. В частности, были утверждены номенклатурные списки № 1 и № 2, куда включены должности, назначения на которые производились решениями ЦК (Политбюро; это первый список) и Орграспредотделом (второй список). Фактически назначения по обоим спискам осуществлял Сталин. В тот период среди высших советских чиновников появилось даже выражение «ходить под Сталиным» – так говорили о кандидатах на должности, отозванных с прежних мест, но еще не получивших нового назначения [Хлевнюк 2010, с. 103]. Несколько позже возник список № 3 – ведомственная номенклатура.

Номенклатуру как правящую группу, таким образом, формировала партия. «Манипуляция кадрами стала основополагающим способом партийного строительства и главным приемом в реализации принципа партийного централизма на всех уровнях возводимой пи-

рамиды власти», – утверждал С.А. Павлюченков [Павлюченков 2008, с. 227]. Это относилось к руководящим кадрам собственно партии («партийная номенклатура»), Советов всех уровней, наркоматов (с 1946 г. – министерств; обычно эту группу чиновников относят к «хозяйственной номенклатуре»), официальных «общественных» организаций. Монопольная организация партийной власти в сочетании с необходимостью действовать в чрезвычайных обстоятельствах и чрезвычайными методами (вначале в условиях «великого перелома» – форсированной индустриализации и сплошной коллективизации, в условиях массовых репрессий, затем – в условиях войны и послевоенного восстановления) сформировали основные черты и признаки номенклатуры.

Во-первых, это «неотчуждаемость» номенклатуры. Система власти обеспечивала неизбежность пребывания в номенклатуре; работники, покидая одну должность, тут же занимали другую, оставаясь при этом в номенклатурной «обойме» [Восленский 1991, с. 130–138]. Этот базовый принцип осуществления власти «партии-государства» в сталинский период, казалось бы, не подвергивался в силу того, что номенклатурные ряды постоянно подвергались «прополке» в ходе массовых репрессий¹⁰. Однако не следует забывать, что изначально номенклатура создавалась и крепла как «классическая модель элиты мобилизационного типа» [Гаман-Голутвина 2006, с. 226]. Ее базовое предназначение заключалось в проведении

9 Важным для понимания сущности советской партийно-государственной системы является то, что политическими функциями Оргбюро ЦК и Секретариат были наделены именно в силу своего непосредственного участия в кадровых назначениях. Так, в период между XIII и XIV съездами партии из всех вопросов, рассмотренных Оргбюро, организационно-партийные составляли лишь 18,2%, а самую большую группу составляли вопросы распределения и перемещения работников аппаратов всех уровней – 33,2%. В свою очередь, из вопросов, решения по которым принимались Секретариатом ЦК, лишь немногим более 8% организационных, а 45,4% – кадровые (см.: [Гимпельсон 2000, с. 159]).

10 Один из самых сокрушительных ударов репрессий пришелся по «ленинской гвардии» – большевистскому руководящему ядру с дореволюционным стажем партийной работы. Символом этого периода в истории власти «партии-государства» стало устранение почти всех старых членов и кандидатов в члены Политбюро – Троцкого, Зиновьева, Каменева, Бухарина и др.

социальной мобилизации, поскольку в первые десятилетия существования советской власти, в условиях Гражданской и Великой Отечественной войн, «большого скачка» в социально-экономической сфере осуществлялся мобилизационный тип развития. Репрессии были неотъемлемым элементом форсированного движения, важнейшим инструментом реализации власти «партии-государства», как неизбежна была определенная степень милитаризации советской элиты. От нее требовалось самопожертвование, готовность принести жизнь на алтарь «исторической необходимости». Очевидно, что роль «сталинского авангарда», который сам в первую очередь перемалывается в жерновах репрессивной системы, не могла не войти в противоречие с групповым социальным интересом самосохранения советской элиты. Этот интерес ярко проявился уже в послесталинский период.

Важным признаком номенклатурной системы является ее информационная закрытость, секретность процесса разработки принимаемых решений, полное отсутствие публичности. Да и процесс рекрутирования в состав номенклатуры, как и механизмы дальнейших кадровых передвижений внутри системы, были скрыты завесой секретности.

«Выдвиженчество» и кадровые переброски также отличали номенклатурную систему. Выдвижение рабочих и крестьян в номенклатуру («привлечение широких масс к руководящей работе») по принципу анкетного соответствия, лояльности и идейной преданности, наличия «классового чутья» и «классового сознания» практиковалось с первых лет существования режима. Хотя к концу тридцатых годов была сформирована более-менее целостная система подготовки руководящих кадров, базовые «анкетные» принципы

«выдвиженчества» сохранялись на всем протяжении советского периода.

Номенклатурная система расстановки кадров являлась противовесом ведомственности: каждый руководящий работник, трудившийся в той или иной вертикально-интегрированной отраслевой структуре, действовал в рамках двойной подчиненности, неся ответственность не столько перед отраслевым начальством, сколько перед партийными структурами. «Отвётработника» легко могли перебросить в организацию, принадлежавшую другому ведомству, однако подчиненность партии и основная подотчетность по отношению к партийным структурам сопровождали номенклатурного работника всю его профессиональную жизнь.

Именно «переброска кадров» стала одним из постоянно реализуемых принципов организации управления страной. Номенклатурные работники перемещались по стране, делалось все для того, чтобы они не засиживались на одном месте. Еще в 1920 г. циркуляр ЦК разъяснял, что плановые переброски в масштабах страны осуществляются каждые три месяца, причем в кандидаты на перемещение должно было заноситься не менее 20% общего числа «отвётработников» [Гаман-Голутвина 2006, с. 229]. Переброски продолжались и в дальнейшем и сопровождали всю эпоху становления и укрепления власти «партии-государства». Они носили не только географический, но и отраслевой характер: чиновники перемещались горизонтально по ведомствам, последовательно руководя сельским хозяйством, культурой, социальной сферой. Лозунг «Кадры решают все!» по сути являлся идеологемой, реальным содержанием которой был окончательный переход к всевластию номенклатурной бюрократии.

Еще одним важным свойством номенклатуры был доступ к спецнаб-

жению, что в условиях товарного дефицита являлось важной привилегией. «Представляя государство, высшая партийная и советская номенклатура назначила себе лучшее в стране спецснабжение», – пишет известный специалист по проблемам снабжения и потребления в советскую эпоху Е. Осокина [Осокина 1997, с. 100]. Была построена целая иерархия спецраспределителей (а также спецмастерских, спецателье, спецстоловых, спецполиклиник и спецбольниц), снабжавших номенклатуру пайками дефицитных продуктов и товарами, которых не было в открытой продаже, оказывавших услуги, лечивших и в целом делавших жизнь несравненно более комфортной и обустроенной, нежели жизнь простых советских граждан. «Ответработники» имели и другие существенные привилегии: в сфере обеспечения жильем, в уровне зарплат, в доступе к элитному образованию, в возможности посещать другие страны и проч. Система привилегий, действовавшая на уровне союзного государства, копировалась и в республиках.

Тотальное обобществление собственности, переход к прямому директивному планированию в рамках пятилеток, широкое применение внеэкономического принуждения и репрессий институционально оформили и закрепили номенклатурную власть «партии-государства». Этот процесс совпал с завершением слома системы коллективного руководства и установлением единоличной сталинской диктатуры. 4 ноября 1930 г. Сталин заявил: «Председатель Совнаркома существует для того, чтобы он в ежедневной практической

работе проводил в жизнь указания партии» [Горлицкий, Моммзен 2011, с. 64], т.е. самого Сталина.

Здесь, однако, заключена проблема, связанная с пониманием механизма функционирования партийно-государственной модели управления. Даже в тридцатые годы, когда советская экономика была относительно небольшой, управлять ею, как и иными сферами, из одного кремлевского кабинета было практически невозможно. Объект управления – гигантская многонациональная страна – был слишком обширен и сложен для этого. По свидетельству Пола Грегори, Сталин и Политбюро в те годы непосредственно принимали решения по трем группам вопросов: о распределении капиталовложений, о распределении валютных фондов и о хлебозаготовках [Грегори 2006, с. 340–341]. Даже Госплан, структура, призванная осуществить стратегические установки партийного руководства, принимал относительно небольшое количество управленческих решений из тех миллионов и десятков миллионов, которые ежегодно утверждались и реализовывались в СССР. Сталин до конца жизни непосредственно руководил деятельностью репрессивных органов и строго контролировал ее. Большинство остальных управленческих действий отдавались на откуп руководителям более низкого уровня¹¹.

Для объяснения того, как функционировала на повседневном уровне машина управления, существует несколько концепций. Одной из наиболее достоверных представляется теория «иерархической диктатуры» (или «гнезд диктатуры» – «nested dictatorship»), ко-

11 О.В. Хлевнюк, однако, полагает, что Сталин в тридцатые годы вникал и в различные относительно второстепенные вопросы, причем в его исключительном ведении находились ключевые военно-стратегические и внешнеполитические сферы (см.: [Хлевнюк 2010, с. 442]). При этом очевидно, что ситуация менялась с годами и в конце сороковых – начале пятидесятых годов была далеко не такой. Да и в довоенные и военные годы, разумеется, «верховный диктатор» не имел возможности лично контролировать сотни тысяч вопросов и принимать решения по ним, от которых зависело управление огромной страной.

торой, в частности, придерживается упомянутый выше П. Грегори.

Советская система управления представляла собой своего рода номенклатурную иерархию диктаторов, «маленьких Сталиных», каждый из которых был вынужден применять методы давления и принуждения по отношению к подчиненным. На каждом уровне начальник, включенный в общую систему номенклатурных назначений, обладал абсолютной диктаторской властью в рамках своих полномочий. Вся система «иерархической диктатуры» контролировалась партийным аппаратом, который, в свою очередь, подчинялся «верховному диктатору» – Сталину. «Каждому диктатору требовались мини-диктаторы, которые бы подчинялись ему и могли бы применить силу для того, чтобы добиться выполнения инструкций, а не наоборот», – пишет П. Грегори [Грегори 2006, с. 340]. Только так гигантская управленческая машина, действовавшая к тому же в условиях неизбежной в закрытом обществе «информационной слепоты», преобладания в силу командной экономической модели внеэкономических методов принуждения, могла обеспечить решение поставленных Сталиным и партией задач.

Накануне войны получили развитие некоторые новые тенденции в механизмах партийного руководства, также связанные с эволюцией системы единой власти. 4 мая 1941 г. решением Политбюро Сталин был назначен Председателем Совета народных комиссаров, т.е. возглавил правительство СССР. По мнению О. Хлевнюка, «формальное соединение в руках Сталина руководства высшими партийными и советскими органами привело к более четкому разделению их функций и порядка работы» [Хлевнюк 2010, с. 440]. Можно говорить о большей структурной четкости и стройности выстроен-

ной системы, ее процедурной упорядоченности. Аппарат ЦК был освобожден от решения большей части экономических вопросов, существенно ослабела его вовлеченность в непосредственное хозяйственное управление. В свою очередь, резко усилилось значение аппарата СНК. Однако внутренняя сущность власти «партии-государства» от этого не изменилась: практически все члены Политбюро стали членами Бюро СНК, что при усилении административного веса правительственного аппарата означало более удобную для Сталина конфигурацию системы управления. В условиях сосредоточения в руках вождя высшего партийного и хозяйственного руководства власть «партии-государства» достигла максимальной концентрации в одном руководящем центре.

Во время войны сложилась несколько иная по сравнению с предыдущим периодом модель отношений между Сталиным и его соратниками по высшему партийному руководству. История создания ГКО свидетельствовала о «временном изменении характера диктатуры» [Хлевнюк 2015, с. 282–283], о формировании нового политического компромисса внутри Политбюро, о консолидации системы высшей власти на основе заметного усиления управленческих полномочий высших советских руководителей. Одни и те же советские «вожди» были одновременно членами Политбюро, Бюро СНК, ГКО и Ставки, деятельность всех этих структур тесно переплеталась, что обеспечивало соединение задач военно-стратегического и экономического управления. Сам по себе ГКО не имел сколько-нибудь значимого аппарата, поэтому руководство страной осуществлялось при помощи партийного, советского и хозяйственного управленческих механизмов в центре и на местах. С одной стороны, институционально система «партии-государства» достигает высшей точки

централизации, но с другой – за счет делегирования Сталиным многих полномочий другим членам ГКО и Политбюро созданная конфигурация была более гибкой и адаптивной, лучше приспособленной для решения управленческих задач гигантской сложности.

В начале Великой Отечественной войны (июль 1941 г.) был восстановлен институт военных комиссаров, представлявших партию в войсках и назначенных чрезвычайными полномочиями (просуществовал до 9 октября 1942 г.). В годы войны быстро росла численность ВКП(б): в члены партии вступило 3,3 млн чел., а кандидатами в члены стали более 5 млн. Пропагандистские клише – «воюющая» и «сражающаяся» партия – в тот драматический период были как никогда близки к истине.

После Победы, в эпоху позднего сталинизма, в стране наблюдался быстрый рост численности как высшего слоя номенклатуры (так называемой номенклатуры ЦК; с 1948 по 1952 гг. выросла с 40 868 до 50 788 должностей), так и следующего за ним слоя, включавшего номенклатуры ЦК компартий республик, обкомов и крайкомов (на 1 июля 1952 г. достигла численности 352 669) [Хлевнюк, Горлицкий 2011, с. 8]. В этот период, еще при жизни вождя, стала заметна тенденция к стабилизации аппарата – чистки и репрессии против номенклатуры уже не носили столь массового характера¹². Происходила быстрая консолидация правящей социальной группы, на всех этапах властной иерархии наблюдалось преобладание «опытных кадров». Если на 1 января 1941 г. 49% секретарей ЦК компартий республик, обкомов и крайкомов составляли работники в возрасте 31–35 лет, то на 1 июля 1952 г. тако-

вых было лишь 5,2% [Хлевнюк, Горлицкий 2011, с. 9]. В недрах властной модели «партии-государства» вновь, как и в 1920-е гг., подспудно вызревали контуры системы олигархического «коллективного руководства». Этот процесс подстегивался старением Сталина и его физической неспособностью вникать в управленческую рутину, вмешиваться в решение большого количества второстепенных вопросов. При этом надо понимать, что становление олигархической системы в конце сороковых – начале пятидесятих годов не было линейным: престарелый диктатор прочно контролировал основные рычаги власти и препятствовал обретению «соратниками» клиентел и собственных политических баз. В 1949 г. члены Политбюро были отстранены от исполнения непосредственных министерских обязанностей. При этом с 1939 г. не созывались партийные съезды, да и пленумы ЦК были исключительно редким явлением. Политбюро давно не функционировало как коллективный орган, решения принимались Сталиным с участием в их обсуждении группы тех или иных приближенных к нему руководителей. Наконец, 5 октября 1952 г. был созван XIX съезд партии. Решением съезда Политбюро, в которое входило 11 членов, упразднялось и заменялось гораздо более широким Президиумом ЦК из 25 человек (плюс 11 кандидатов). Включение в состав президиума ЦК ряда новых работников, перепрыгнувших через несколько ступенек номенклатурной лестницы, было призвано ослабить власть прежнего руководящего ядра «партии-государства». Интересен еще один момент: в стремлении сбалансировать полномочия прежних карательных органов – МВД и МГБ –

¹² Это, однако, не касалось репрессий против рядовых граждан, включая целые народы, – они по-прежнему проходились катком по всему обществу.

и ослабить их руководителей Сталин пошел на создание альтернативных структур, подчиненных в управленческом отношении непосредственно ЦК партии. Р.Г. Пихоя называет вновь создававшиеся органы «партгосбезопасностью» [Пихоя 2000]¹³. Тем не менее новая система, постепенно укрепляясь, плавно перетекла в следующую эпоху, обеспечив относительно безболезненный переход власти в руки коллектива «сратников» после смерти диктатора. Можно согласиться с его мнением, что «власть в послевоенном СССР принадлежала олигархии, скрывавшейся за высшими звеньями партийного и государственного аппарата и маскировавшейся за массовой Коммунистической партией, выборной системой Советов» [Пихоя 2000, с. 6].

Н.С. Хрущев, совершая путь к консолидации своей личной власти в рамках системы коллективного руководства, использовал тот же основной инструмент, что и Сталин в двадцатые годы – контроль над партийным аппаратом. Само по себе это интересное развитие политического процесса, поскольку его соратникам – конкурентам по коллективному руководству, видимо, казалось, что центр власти в позднесталинскую эпоху окончательно переместился в правительственные структуры, а высокая степень сращения партийного и государственного аппарата позволит без особых усилий установить контроль над партийными секретарями всех уровней, действуя из правительства. Используя крушение Берии как предлог, чтобы обвинить его (и его мнимых сторонников) в стремлении отказаться от примата партийного руководства, Хрущев последовательно развивал наступление на позиции «со-

ратников». Любое заявленное стремление ограничить роль партии, сбалансировать ее всепроникающую власть государственным аппаратом, разграничить функции партийного и государственного руководства стало рассцениваться как покушение на устои советской власти. Быстро организовав смещение большого количества региональных партийных секретарей и заменив их на своих сторонников, Хрущев подошел к XX съезду КПСС уверенным в прочных властных позициях.

История этого эпохального события и его последствий для власти и для страны в целом достаточно хорошо известна. «Секретный доклад» Н.С. Хрущева о масштабных преступлениях сталинского режима, хотя и выводил из-под удара советскую общественно-политическую систему, коммунистическую партию и лично Хрущева, имел поистине тектонические последствия. Система власти «партии-государства» начала масштабную эволюцию в новое, пока еще неизведанное состояние, при котором должны были измениться в пользу всего общества приоритеты государственной политики, а массовые репрессии переставали быть одним из базовых механизмов социального управления.

Итоги съезда и принятые на нем решения обострили политическую борьбу в СССР, при этом Хрущев обладал несравненно более сильными, чем Маленков и прочие «сратники» по коллективному руководству, властными позициями. Никита Сергеевич прочно контролировал как ЦК, так и республиканских и областных первых секретарей.

Здесь необходимо сделать отступление. Известный экономический исто-

13 Так, в структуре Министерства иностранных дел было создано Бюро информации, занимавшееся внешней разведкой. Оно подчинялось ЦК партии. Партийные органы непосредственно занимались также следствием (см.: [Пихоя 2000, с. 62–63]).

рик Пол Грегори, которого мы уже упоминали, подошел к формулировке одной из своих базовых идей, используя метафорическую дилемму «лошадь или жокей?». Под лошадью он имел в виду советскую командно-административную систему, а под жокеем – того, кто руководил этой системой на том или ином этапе истории. Сталина при этом он считал первым «жокеем». За ним последовали другие индивидуальные и коллективные «жокеи», которые и привели советскую модель к крушению на рубеже восьмидесятых и девяностых годов. Однако, по идее П. Грегори, «лошадь» всегда первична – «рост концентрации политической власти в руках верховного диктатора произошел бы и в том случае, будь на месте Сталина кто-то другой» [Грегори 2006, с. 339]. И при Сталине, и при Хрущеве, и при Брежневе-Андропове-Черненко «административно-командная система оставалась практически неизменной» [Грегори 2006, с. 341]. Следовательно, можно сказать, что трансформации системы могли происходить только в случае объективного и стихийного развития внутри нее кризисных процессов, а деятельность «вождей» и руководителей партии тут ни при чем.

Но, как мы знаем, символическим итогом правления Хрущева явилось мирное и «демократическое» отстранение его от власти простым голосованием членов ЦК. Это означало, видимо, что и «лошадь» уже далеко не та, что при его предшественнике, причем произошло это главным образом благодаря деятельности самого Хрущева, хотя объективно таковы были потребности времени. Если мы вспомним М.С. Горбачева и всю историю перестройки, в ходе которой система «партии-государства» стремительно и лавинообразно развалилась, то нелепо было бы отрицать роль Михаила Сергеевича и его противоречивых реформ в подрыве существовавшей систе-

мы власти. Да и понятно, что роль Сталина и его личных качеств в строительстве всех частей командно-административной модели настолько уникальна, что не позволяет «отправить в утиль» воззрения сторонников «тоталитарной школы» в историографии сталинизма. Иными словами, «лошадь» (советская система) под влиянием политического руководства и деятельности лидеров «партии-государства» претерпевала заметные мутации, которые уже при Хрущеве позволяли задать вопрос: а та ли это самая система, что существовала в сталинское правление?

Победив в 1957 г. в борьбе с «антипартийной группой», Хрущев продолжил масштабные перестановки в высшем звене партаппарата: к началу шестидесятых годов сменились первые секретари более чем в половине регионов. Перестановки ускорились зимой 1960–1961 гг.: в республиках, краях и областях во власти почти не осталось сталинских креатур (за исключением Дагестана и Прибалтики). Подавляющее большинство руководящих работников было хрущевскими назначениями, что, впрочем, не спасло самого советского руководителя от вынужденной отставки. Парадоксально, но смена генерации высшей номенклатуры в условиях отсутствия репрессий против элиты привела к окончательному оформлению ее группового социального интереса, заключавшегося в достижении кадровой стабильности при сохранении и наращивании привилегий. При этом самостоятельной влияющей силой стала местная партийная бюрократия [Модсли, Уайт 2011, с. 236–237]. Реформы, зачастую мало предсказуемые, представляли угрозу этому базовому интересу номенклатуры. Важную роль в расхождении Хрущева и советской правящей элиты сыграла реформа управления экономикой 1957 г.: были введены новые органы управления по террито-

риальному признаку – совнархозы, а отраслевые министерства упразднялись. С одной стороны, союзная отраслевая номенклатура не могла быть довольна столь радикальными преобразованиями. С другой стороны, местные элиты, казалось бы, должны были приветствовать изменения, однако баланс был все же не на стороне Хрущева – любые радикальные реформы ослабляли клиент-патронские и иные неформальные связи, нарушали стабильность власти. Идеологическая и культурная десталинизация при этом в глазах бюрократии превращались в символ расшатывания порядков, подрыва основ власти коммунистической партии. В 1961 г., согласно новому Уставу КПСС, был принят принцип принудительной ротации кадров – массового регулярного обновления партийных органов (низшие органы должны были на каждых выборах обновляться на 50%, а ЦК КПСС и его Президиум – на 25%). При этом нельзя было занимать одну и ту же должность более двух раз. Примечательно, что в Устав, содержащий, помимо прочих положений, «Моральный кодекс строителя коммунизма», были введены статьи о расширении прав местных партийных организаций, о том, что в рамках отдельных организаций или партии в целом «возможны дискуссии по спорным или недостаточно ясным вопросам». Подчеркивалось, что задачей партийных организаций является «развитие самостоятельности и активности масс, как необходимого условия постепенного перехода от социалистической государственности к коммунистическому самоуправлению». Нововведения в партийной жизни диктовались объективной необходимостью преодолеть бюрократическое сопротивление изрядно буксовавшим реформам, но вытекали из утопических представлений о возможности построить в обозримом будущем коммунистическое общество. Разделение в 1962 г. партий-

ного аппарата по производственному признаку на городской и сельский, задуманное в том числе для сохранения Хрущевым власти, было воспринято как попытка проигнорировать принцип стабильности номенклатуры. Итог нам хорошо известен.

Одним из результатов хрущевского правления была институционализация советской системы, в том числе правящей партийно-советской бюрократии. Новое «коллективное руководство» во главе с Л.И. Брежневым не только восстановило отраслевые министерства, но и вновь перешло к территориально-отраслевому принципу построения партийных организаций. Воссоздавалась привычная партийная вертикаль – от ЦК КПСС к обкомам и райкомам партии. Интересна в этой связи судьба Комитета партийно-государственного контроля ЦК КПСС и Совета Министров СССР – структуры, созданной в 1962 г. и имевшей высшие контрольные полномочия в отношении как партийных, так и советских органов, а также вооруженных сил и даже Комитета государственной безопасности. Этот орган был призван преодолеть бюрократическое сопротивление хрущевским реформам, которое могло поставить под сомнение выполнимость планов, изложенных в Программе партии. Потенциально гигантская разветвленная контролирующая суперструктура могла представлять немалую опасность для любого руководства, как и для номенклатурной прослойки в целом. Поэтому в 1965 г. Комитет партийно-государственного контроля был преобразован в Комитет народного контроля и лишен большинства полномочий.

Косыгинская экономическая реформа, хотя и придавала определенную динамику развитию советского народного хозяйства, была свернута не только из страха перед непредсказуемыми последствиями ее углубления, но и вви-

ду отчаянного бюрократического сопротивления. Лозунгом нового этапа эволюции советской системы власти стало сохранение и поддержание стабильности. Символом этой «стабильности» стало то, что на XXVI съезде КПСС Секретариат ЦК КПСС и Политбюро были переизбраны в полном составе, без малейших кадровых изменений. При этом быстро росла численность как самой партии, так и номенклатуры. С 1966 по начало 1980-х гг. число членов КПСС увеличилось с 12,5 до 17,5 млн чел. [Модсли, Уайт 2011, с. 242]. Резко замедлилась кадровая динамика в высших слоях партийно-государственной элиты: доля членов ЦК, сохранивших свой пост по результатам выборов на съездах, была в брежневскую эпоху самой высокой за всю историю партии [Модсли, Уайт 2011, с. 242]. Все это сопровождалось идеологической полуреабилитацией Сталина и сталинизма как системы.

В этот период произошло окончательное конституционное закрепление всевластия партии: Конституция СССР 1977 г. содержала статью 6, провозглашавшую КПСС «руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций». Структура аппарата ЦК партии, его отделов и секторов детально дублировала органы законодательной, исполнительной и судебной власти. На практике партийному аппарату не удавалось сосредоточиться на выработке стратегических решений, решение любого вопроса требовало очень сложной процедуры согласований между партийными, советскими и хозяйственными структурами.

В эпоху «застоя» произошел ряд других значимых изменений в механизмах осуществления партийно-государственной власти. В частности, произошло постепенное перерастание систе-

мы управления экономикой из сугубо командной в некую новую систему, названную известным экономистом Виталием Найшулем «экономикой согласований – бюрократическим рынком» [Найшуль 1991, с. 31–32]. Позднесоветская экономика была настолько велика и сложна, что осуществился неизбежный процесс уменьшения доли плановых заданий, формируемых в Центре, и, соответственно, увеличилась доля заданий, продуцируемых нижними этажами управленческой иерархии [Найшуль 1991, с. 41]. Создается модель итеративного планирования, при которой большинство контрольных цифр становятся итогом сложного процесса утряски и бюрократических согласований, когда импульсы в пирамиде партийно-государственного управления идут не только сверху вниз, но и снизу вверх. Многочисленные иерархии – союзно-отраслевые, регионально-отраслевые, контрольные и проч. – в силу своей ригидности и неповоротливости были не в состоянии оперативно реагировать на потребности времени, быстро принимать решения, подстраиваться под задачи научно-технического прогресса. Функции координирующей инстанции, особенно в зонах пересечения ответственности этих многочисленных иерархий, брали на себя партийные структуры. Они же придавали постоянный импульс системе итеративных согласований внутри плановой советской модели. В сущности, система эта начала складываться еще при Хрущеве, что только подчеркивает объективный характер проблем и вытекавших из них управленческих задач. Соответствующие отделы ЦК партии координировали работу подведомственных им правительственных структур, компенсируя отсутствие гибкости и придавая властно-управленческой системе некую адаптивную способность. При Брежневе и его наследниках эта модель приобрела законченный

вид, обеспечивавший итеративный характер принятия решений. В самих партийных структурах сформировались «министерские лобби», в хозяйственных органах и на производстве, а также в регионах чуть ли не главными фигурами стали «толкачи», «пробивавшие» для своих «хозяев» фонды, капвложения, нужные контрольные цифры и т.п. На административно-бюрократическом «рынке» при этом обращаются награды, премии, привилегии, возможности номенклатурного роста и проч. «Бюрократический рынок сформировал определенный тип управленца – не “солдата партии”, как в сталинское время, а “торговца партии”, для которого в государственной деятельности нет никаких институциональных ограничений. Судьба сибирской реки может обмениваться на диссертацию, согласие поставить партию труб – на московскую прописку для одного человека», – пишет В. Найшуль [Найшуль 1991, с. 50]. Интересно, что в идеологической жизни произошел в это время окончательный переход к неосталинизму, парадоксально сочетавшийся с кадровой стагнацией.

Горбачевская перестройка, исходившая из идеи демократического социализма, окончательно разрушила власть «партии-государства». Система власти, лишившись внутренней целостности, быстро рассыпалась. Политика гласности пробудила общество, вызвала небывалый интерес к переменам, создала необходимую для глубоких реформ социально-психологическую атмосферу. Появление в структуре власти избранного по новым правилам Съезда народных депутатов СССР, отмена в марте 1990 г. шестой статьи Конституции, введение поста Президента СССР сделали невозможными поддержание прежнего политического порядка. С начала 1990 г. и по лето 1991 г. из партии вышла почти четверть членов. Опорная конструкция советской го-

сударственности – коммунистическая партия – лишившись монополии на власть, не в состоянии была остановить быстрый распад власти, неизбежной частью которого стала суверенизация союзных республик.

Заключение

История рассвета и заката власти «партии-государства» рождает множество вопросов, на большинство из которых нет однозначного ответа. Одним из наиболее принципиальных является вопрос о том, можно ли было, начав согласованные реформы власти и экономики на предшествовавших перестройке этапах истории, обеспечить постепенный и относительно безболезненный переход к более гибкой и демократической общественной системе? По нашему мнению, эта возможность представляется исключительно утопической, а противоречия, заложенные в генотип созданной Лениным–Сталиным модели власти, были непримиримыми. Репрессии как метод социальной мобилизации и способ консолидации режима не могли продолжаться вечно, а при переходе к «мирному» способу осуществления партией своей монопольной власти режим неминуемо начал «размягчаться», обрастать многочисленными элитными интересами, тяготеть к конвертации власти в собственность и богатство. По сути, уже хрущевские преобразования, отвергнувшие методы «большого скачка», начали размывать базовые основания партийно-номенклатурной системы. Очень важным аспектом проблемы являются отношения между властью и обществом. Энтропия фактического отсутствия обратных связей разрушала советскую модель, поскольку отчужденное от государственных механизмов общество, проникаясь духом двоемыслия и неверия в коммунистические идеалы,

накапливало потенциал недовольства. Особенно остро это сказалось на сфере межнациональных отношений, как и на отношениях между Центром и союзными республиками. В условиях экономического кризиса, распада единого экономического пространства «псевдофедерация», скрепленная лишь едиными принципами аппаратно-номенклатурной системы, начала разваливаться: за «войной законов» последовал «парад суверенитетов». Местные элиты, уже не связанные обязательствами перед ЦК КПСС и нормами партийной дисциплины, спешили дистанцироваться от Москвы, обрести полноту власти, в том числе для того, чтобы конвертировать власть в собственность. Россия также объявила свой государственный суверенитет; начиналась новая глава в истории нашей страны.

Список литературы

- Ахиезер А.С., Давыдов А.П., Шуровский М.А., Яковенко И.Г., Яркова Е.Н. (2002) Социокультурные основания и смысл большевизма. Новосибирск: Сибирский хронограф.
- Верт Н. (2010) Террор и беспорядок. Сталинизм как система. М.: РОССПЭН.
- Восленский М.С. (1991) Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М.: Советская Россия; МП «Октябрь».
- Гаман-Голутвина О.В. (2006) Политические элиты России: Вехи исторической эволюции. М.: РОССПЭН.
- Гейер М., Фицпатрик Ш. (ред.) (2011) За рамками тоталитаризма: Сравнительные исследования сталинизма и нацизма. М.: РОССПЭН.
- Гимпельсон Е.Г. (2000) НЭП и советская политическая система: 20-е годы. М.: ИРИ РАН.
- Грегори П. (2006) Политическая экономика сталинизма. М.: РОССПЭН.
- Даниелс Р.В. (2011) Взлет и падение коммунизма в России. М.: РОССПЭН.
- Истер Дж. (2010) Советское государственное строительство. Система личных связей и самоидентификация элиты в Советской России. М.: РОССПЭН.
- Кип Дж., Литвин А. (2009) Эпоха Иосифа Сталина в России: Современная историография. М.: РОССПЭН.
- Лёве Х.-Д. (2009) Сталин. М.: РОССПЭН.
- Лившин А.Я. (2010) Настроения и политические эмоции в Советской России: 1917–1932 гг. М.: РОССПЭН.
- Лившин А.Я., Орлов И.Б. (2008) Пропаганда и политическая социализация // Отечественная история. № 1. С. 99–105.
- Лившин А.Я., Орлов И.Б. (2012) Советское «пропагандистское государство» в годы II мировой войны: ресурсные ограничения и коммуникативные возможности // The Soviet and Post-Soviet Review, vol. 39, no 2, pp. 192–218.
- Модсли Э., Уайт С. (2011) Советская элита от Сталина до Горбачева. Центральный Комитет и его члены, 1917–1991 гг. М.: РОССПЭН.
- Найшуль В.А. (1991) Высшая и последняя стадия социализма // Погружение в трясину. Анатомия застоя: Сборник. М.: Прогресс. С. 31–62.
- Осокина Е.А. (1997) За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. М.: РОССПЭН.
- Павлюченков С.А. (2008) «Орден меченосцев»: Партия и власть после революции. 1917–1929 гг. М.: Собрание.
- Пихоя Р.Г. (2000) Советский Союз: история власти. 1945–1991. 2-е изд. Новосибирск: Сибирский хронограф.
- Сорокин П.А. (1992) Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат.

Хлевнюк О.В. (2010) Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М.: РОССПЭН.

Хлевнюк О.В. (2015) Сталин. Жизнь одного вождя: биография. М.: АСТ, CORPUS.

Хлевнюк О.В., Горлицкий Й. (2011) Холодный мир: Сталин и завершение сталинской диктатуры. М.: РОССПЭН.

Эйзенштадт Ш. (1999) Революция и преобразование обществ. Сравни-

тельное изучение цивилизаций. М.: Аспект Пресс.

David-Fox M. (2015) *Crossing Borders: Modernity, Ideology, and Culture in Russia and the Soviet Union*, Pittsburgh: University of Pittsburgh Press.

Burbank J., von Hagen M., Remnev A. (eds.) (2007) *Russian Empire: Space, People, Power, 1700–1930*, Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press.

Russian Experience

Communist Party in the Power System of the USSR

Alexander Ya. LIVSHIN

DSc in History, Professor, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University. Address: 27-4, Lomonosovskij Av., Moscow, 119192, Russian Federation. E-mail: livshin@spa.msu.ru

CITATION: Livshin A.Ya. (2018) Communist Party in the Power System of the USSR. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 11, no 3, pp. 13–35 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-3-13-35

ABSTRACT. *In this article major mechanisms and different stages of the Bolshevik party's transformation into a "party-state" are examined. The Communist party has been brought to the surface of political life and power by the Russian revolution; the organizational principles of the Party along with its approaches to political process have to a larger extent evolved as results of the revolution. Therefore the system of power which has reached its peak during Stalin's rule has both been the product of continuity as well as change of the Russian political tradition. The Communist ideology has served as main instrument of communication between the authorities and the people. The Party occupied central position in that system of communication; one of the most important tools of the Party's control over*

the Soviet society was propaganda. However the process of the communist regime acquiring legitimacy has been rather lengthy; it was completed only by the late 1920s. The basic principles of "unity" within a ruling group were rejected when rivalry for power ended in Stalin's favor. The central element in the Communist party's system of power was the ruling elite – nomenclature. During World War II the institution of "party-state" has reached the highest degree of centralization; but on the other hand, the decision-making system was rather flexible and adaptable as compared with the previous period. After the War even within Stalin's dictatorship the contours of oligarchic "collective leadership" were emerging. N. Khrushchev used the same instrument as Stalin did – control over the Party

apparatus – while consolidating his power. One of the important results of Khrushchev's rule was the institutionalization of the ruling bureaucracy. Maintaining "stability" became the slogan for the new stage of the Communist regime's evolution. Socio-economic system was getting increasingly complex and less manageable; different hierarchies, including local and industrial elites, have been failing to make timely and correct decisions due to their rigidity and sluggishness. The Party was attempting to compensate those deficiencies, but was less and less capable of doing so. Gorbachev's "Perestroika" which was based on the idea of democratic socialism has finally ended the rule of the "party-state". Having lost its internal integrity the system of power has rapidly deteriorated.

KEY WORDS: Communist party, power, October revolution, legitimacy, nomenclature, party apparatus

References

- Akhiezer A.S., Davydov A.P., Shurovskij M.A., Yakovenko I.G., Yarkova E.N. (2002) *Sotsiokul'turnye osnovaniya i smysl bol'shevizma* [Sociocultural Foundations and the Meaning of Bolshevism], Novosibirsk: Sibirskij Khronograf.
- Burbank J., von Hagen M., Remnev A. (eds.) (2007) *Russian Empire: Space, People, Power, 1700–1930*, Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press.
- Daniels R. (2011) *Vzlet i padenie kommunizma v Rossii* [The Rise and Fall of Communism in Russia], Moscow: ROSSPEN.
- David-Fox M. (2015) *Crossing Borders: Modernity, Ideology, and Culture in Russia and the Soviet Union*, Pittsburgh: University of Pittsburgh Press.
- Easter G. (2010) *Sovetskoe gosudarstvennoe stroitel'stvo. Sistema lichnykh svyazej i samoidentifikatsiya elity v Sovetskoj Rossii* [Reconstructing the State. Personal Networks and Elite Identity in Soviet Russia], Moscow: ROSSPEN.
- Eisenstadt Sh. (1999) *Revolyutsiya i preobrazovanie obshchestv. Sravnitel'noe izuchenie tsivilizatsij* [Revolution and the Transformation of Societies], Moscow: Aspekt Press.
- Gaman-Goluvina O.V. (2006) *Politicheskie elity Rossii: Vekhi istoricheskoy evolyutsii* [Russian Political Elites: The Milestones of Historical Evolution], Moscow: ROSSPEN.
- Geyer M., Fitzpatrick Sh. (eds.) (2011) *Za ramkami totalitarizma. Sravnitel'nye issledovaniya stalinizma i natsizma* [Beyond Totalitarianism. Stalinism and Nazism Compared], Moscow: ROSSPEN.
- Gimpel'son E.G. (2000) *NEP i sovetskaya politicheskaya sistema: 20-e gody* [NEP and the Soviet Political System: 1920s], Moscow: IRI RAN.
- Gregory P. (2006) *Politicheskaya ekonomiya stalinizma* [The Political Economy of Stalinism. Evidence from the Soviet Secret Archives], Moscow: ROSSPEN.
- Keep J., Litvin A. (2009) *Epokha Iosifa Stalina v Rossii. Sovremennaya istoriografiya* [Stalinism. Russian and Western Views at the Turn of the Millenium], Moscow: ROSSPEN.
- Khlevnyuk O.V. (2010) *Khozyain. Stalin i utverzhdenie stalinskoj diktatury* [The Master. Stalin and the Establishment of Stalin's Dictatorship], Moscow: ROSSPEN.
- Khlevnyuk O.V. (2015) *Stalin. Zhizn' odnogo vozhdya: biografiya* [Stalin. The Life of One Leader], Moscow: ACT, CORPUS.
- Khlevniuk O., Gorlizki Y. (2011) *Kholodnyj mir: Stalin i zavershenie stalinskoj diktatury* [Cold Peace: Stalin and the Soviet Ruling Circle], Moscow: ROSSPEN.
- Livshin A.Y. (2010) *Nastroeniya i politicheskie emotsii v Sovetskoj Rossii: 1917–1932 gg.* [Moods and Political Emotions in Soviet Russia: 1917–1932], Moscow: ROSSPEN.

Livshin A.Y., Orlov I.B. (2008) *Propaganda i politicheskaya sotsializatsiya* [Propaganda and Political Socialization]. *Otechestvennaya istoriya*, no 1, pp. 99–105.

Livshin A.Y., Orlov I.B. (2012) *Sovetskoe «propagandistskoe gosudarstvo» v gody II mirovoj vojny: resursnye ogranicheniya i kommunikativnye vozmozhnosti* [The Soviet “Propaganda State” during World War II: Resource Constraints and Communication Capabilities]. *The Soviet and Post-Soviet Review*, vol. 39, no 2, pp. 192–218.

Lowe H.D. (2009) *Stalin* [Stalin], Moscow: ROSSPEN.

Mowdsley E., White S. (2011) *Sovetskaya elita ot Stalina do Gorbacheva. Tsentral’nyj Komitet i ego chleny, 1917–1991 gg.* [The Soviet Elite from Lenin to Gorbachev. The Central Committee and its Members, 1917–1991], Moscow: ROSSPEN.

Najshul’ V.A. (1991) *Vyshshaya i poslednyaya stadiya sotsializma* [The Supreme and Final Stage of Socialism]. *Pogruzhenie v tryasinu. Anatomiya zastoya* [Sinking in a Swamp (the Anatomy of Stagnation)], Moscow: Progress, pp. 31–62.

Osokina E.A. (1997) *Za fasadom «stalinskogo izobiliya»: Raspredelenie i rynok*

v snabzhenii naseleniya v gody industrializatsii. 1927–1941 [Beyond the Facade of Stalin’s Abundance: Distribution and Market in Supplying the Population During Industrialization. 1927–1941], Moscow: ROSSPEN.

Pavlyuchenkov S.A. (2008) *«Orden mechenostsev»: Partiya i vlast’ posle revolyutsii. 1917–1929 gg.* [“The Order of Sword-Bearers”: the Party and the Power After the Revolution. 1917–1929], Moscow: Sobranie.

Pikhoya R.G. (2000) *Sovetskij Soyuz: istoriya vlasti. 1945–1991* [Soviet Union: The History of Power. 1945–1991], Novosibirsk: Sibirskij Khronograf.

Sorokin P.A. (1992) *Chelovek. Tsivilizatsiya. Obshchestvo* [Man. Civilization. Society], Moscow: Politizdat.

Voslenskij M.S. (1991) *Nomenklatura. Gospodstvuyushchij klass Sovetskogo Soyuza* [Nomenclature. The Ruling Class of the Soviet Union], Moscow: Sovetskaya Rossiya.

Werth N. (2010) *Terror i besporyadok. Stalinizm kak sistema* [Terror and Disorder. Stalinism as a System], Moscow: ROSSPEN.

Постсоветское пространство

Политические процессы в постсоветской Центральной Азии

Дина Борисовна МАЛЫШЕВА

доктор политических наук, зав. сектором Центральной Азии Центра постсоветских исследований, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук. Адрес: 117997, Москва, Профсоюзная ул., д. 23. E-mail: dsheva@mail.ru

ЦИТИРОВАНИЕ: Малышева Д.Б. (2018) Политические процессы в постсоветской Центральной Азии // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 11. № 3. С. 36–52. DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-3-36-52

АННОТАЦИЯ. В статье анализируются современные внутривнутриполитические процессы в государствах постсоветской Центральной Азии. Рассматриваются особенности функционирования их централизованных политических систем, а также взаимодействие исполнительной (президент и правительство) и законодательной (парламент) ветвей власти в условиях сложившегося в большинстве стран региона авторитарного типа правления. Обращено внимание на то, как правящие элиты в целях политической мобилизации используют процедуры электоральной демократии (выборы и пр.), носящие по большей части формальный характер. Определено место в структурах власти как официально признанных политических партий, так и оппозиционных объединений, которые разделяются в основном на светские и религиозные (исламистские). Неформальные политические структуры, функционирующие в ряде случаев в виде территориальных или родовых кланов, рассмотрены в статье в качестве специфической характеристики центральноазиатских обществ. На основе анализа политических процессов в центральноазиатских странах сделан вы-

вод: в целом в регионе завершен период постсоветского транзита и появились пусть авторитарные, но в целом консолидированные режимы нового типа, формирующие суверенную государственность и независимую внешнеполитическую стратегию.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический процесс, Центральная Азия, авторитаризм, политическая система, президент, власть, политическая элита, партии, оппозиция, кланы

Рассмотрение политических процессов в современной Центральной Азии (ЦА) в контексте дихотомии «авторитаризм – демократия», а их политических систем – в привычных западной политологии формулировках, включающих такие понятия, как «тоталитаризм» (см., например, [Lewis 2008]), в наши дни не выглядит столь актуальным по причине кардинальной трансформации самой мировой системы, качественных изменений в ее западном сегменте, глубокого кризиса либерализма – как идеи и как основы для строительства нового миропорядка, о котором с начала 1990-х гг. на Западе (да и в России) грезили очень мно-

гие. Как подчеркивает американский политолог, дипломат и президент Совета по международным отношениям Ричард Хаас, «увядающий либеральный мировой порядок сегодня не является больше ни либеральным, ни мировым, ни упорядоченным... Либерализм отступает. А демократии ощущают на себе все большее влияние популизма. Политические позиции в Европе завоевывают экстремистские партии... Все труднее становится говорить о мире как о едином целом. Мы наблюдаем возникновение региональных порядков – или же беспорядков, как ярче всего продемонстрировал Ближний Восток – каждый из которых имеет собственные характеристики. Попытки выстроить глобальную (читай: либерально-западную. – Д.М.) конструкцию провалились» [Haass 2018].

На таком усложняющемся международном фоне бывшие советские республики ЦА, которые в процессе политического «взросления» не пренебрегали внешними заимствованиями, пытаются выстраивать собственную государственность [Лаумулин 2016], и она уже не вписывается в создававшиеся долгие годы представления о странах региона как о сколках советской модели, восточных деспотиях или же «островках демократии в преимущественно авторитарном пространстве» (расхожее западное клише, адресуемое обычно Кыргызстану). Более рациональной выглядит оценка известного исследователя из Казахстана К.Л. Сыроежкина, который утверждает: в регионе ЦА «сформировались вполне консолидированные политические режимы нового типа, которые никак не вписываются в логику классической модели транзита» [Звягельская 2011, с. 191]. Очевидно и то, что за десятилетия, прошедшие со времени провозглашения независимости, центральноазиатские государства стремительно трансформировали свои

политические системы из посткоммунистических в централизованные, сочетающие элементы авторитаризма с «управляемой демократией».

Специфика централизованных политических систем ЦА

Националистам, игравшим в конце 1980-х гг. заметную роль в политике республик региона и попытавшимся с обретением независимости войти во власть, сделать это не удалось.

В Таджикистане противостояние властей, олицетворявших старую советскую номенклатуру, и оппозиционных исламско-демократических и националистических партий и движений (Демократическая партия, Национально-демократическая партия «Растохез», Партия исламского возрождения Таджикистана – ПИВТ, Лали Бадахшан) приобрело наиболее драматичный характер, вылившись в гражданскую войну. Добиться в ней перевеса оппозиции, имевшей изначально весьма ограниченную базу, не удалось. Не смогла она взять реванш и по завершении междоусобицы – при создании в 1997 г. Комиссии по национальному примирению и при легализации в 1999 г. деятельности политических партий. Президентские выборы 1999 г. выдвиженец ПИВТ Давлат Усмон проиграл; неудачными (всего два места) стали для этой партии и парламентские выборы марта 2000 г.

В соседнем Узбекистане гражданской войны не было, однако и там националистическая оппозиция не смогла пробиться во власть. Причин несколько. Одна из них заключается в том, что партии «Бирлик» («Единство») и «Эрк» («Свобода»), попытавшиеся совместить национализм с борьбой против «коммунистического тоталитаризма», а также с идеями демократи-

ческих преобразований, не смогли выдержать конкуренцию с исламом и его политическими движениями – «Товба» («Покаяние»), «Адолат» («Справедливость»), узбекский филиал Исламской партии возрождения, «Ислам и демократия» с ее идеей создания «единого мусульманского Туркестана»¹.

Кроме того, выдвинутые узбекскими националистами лозунги борьбы с «советским колониализмом», ответственность за возрождение которого возлагалась и на русских, оттолкнули от этих политиков русскоязычных граждан республики. Сыграл свою роль и характер установившейся в Узбекистане жесткой и централизованной политической системы, хотя сначала президент И. Каримов попытался найти общий язык с исламскими объединениями и надеялся даже мирно инкорпорировать их в государственные структуры. Однако исламская оппозиция, все больше склонявшаяся к радикализму, не оставила у руководителей республики сомнений в том, что готова прибегнуть для осуществления своих целей к насильственным методам и представляет самую серьезную угрозу, поэтому государство повело с ней бескомпромиссную борьбу. Запрет распространился и на любые проявления несогласия с выдвигавшейся руководством республики официальной линией; это вывело за пределы легальной политической деятельности даже умеренную оппозицию.

В Казахстане, где удалось сформировать сильную президентскую вертикаль, вознесенный на ее вершину Назарбаев сумел заручиться поддержкой государственных структур и региональных кланов. Возникшие в Казахстане в бурное перестроечное время националистические течения были

организационно слишком слабы, чтобы суметь бросить серьезный вызов главе государства. Тем не менее некоторые политические партии (в их числе – Партия национальной независимости «Алаш») попытались вбросить в политическое пространство Казахстана идеи тюркского единства и Казахстана как ядра нового Великого Туркестана [Звягельская 2011, с. 11–12]. Эту идею, однако, перехватила у оппозиции правящая казахская элита, успешно овладевшая в 1990-е гг. националистической риторикой. Со временем президент Казахстана превратился в самого активного в ЦА проводника проекта «тюркского содружества», и местным националистам не осталось ничего другого, как поддерживать этот новый для республики политический тренд.

Особый случай представлял Туркменистан: его политические трансформации, навешанные перестройкой, вообще обошли стороной, и здесь не возникло никаких новых партий или общественных движений, тем более оппозиционного или же националистического толка. В Киргизии отдельные политики пропагандировали националистические идеи, но сформированных на такой идеологической платформе структурированных партий или же движений в тот период в республике так и не появилось.

Менее удачной оказалась попытка внедрения на политической почве ЦА модели демократической модернизации. В значительной мере это было связано с тем, что фундаментом, на котором в республиках ЦА возводились строго иерархические государственные конструкции, была собственность – общенародная в советские времена, но потом успешно перераспределенная

1 Абдуллаев Е. (1997) Ислам и «исламский фактор» в современном Узбекистане // *Central Asia & Central Caucasus Press AB*, no 6 // http://www.ca-c.org/journal/12-1997/st_12_abdullaev.shtml, дата обращения 14.04.2018.

властными элитами в свою пользу – таким образом, что государство в лице нового политического класса «объявило себя юридическим собственником средств производства» [Аликберов, Звягельская 2013, с. 151]. К слову сказать, такой же «строительный материал» (общенародная собственность) использовали правящие классы для консолидации своей власти в других независимых государствах, создававшихся на руинах СССР. Там укрепление централизованных политических систем повсеместно сопровождалось расширением контроля над собственностью, в результате чего власть и собственность стали слившимися понятиями. И ЦА не стала исключением.

В странах региона ускорился процесс сращивания политических элит с бизнес-структурами, что давало дополнительные преимущества «семьям»/кланам, находившимся на вершине власти. Если в досоветские времена местные эмиры получали безграничные полномочия благодаря контролю над ресурсами (ирригацией), то в наши дни во владении правящих господствующих групп оказывались целые сектора экономики – энергетика, хлопкообрабатывающая промышленность, транспорт, строительство и пр. [Starr 2006, p. 8].

В Казахстане (см. подробнее, например: [Агеев 2008]) родственники президента (Рахат Алиев и Дарига Назарбаева, Тимур Кулибаев, Алтынбек Сарсенбаев и др.), занимая государственные посты, становились одновременно главами различных финансово-промышленных групп. Одна такая группа, руководимая «вторым зятем» Тимуром Кулибаевым, в 2005 г. контролиро-

вала значительную часть банковского сектора РК, мобильную связь, ведущую нефтяную компанию Казахстана «КазМунайГаз», нефтеперерабатывающие предприятия². Бывший вице-премьер и глава администрации президента Ахметжан Есимов, являющийся, по некоторым сведениям, племянником президента РК [Зенкович 2005, с. 294], перешел в 2017 г. от руководства престижной национальной компанией «Астана ЭКСПО-2017» (она занимается организацией и проведением одноименной выставки в Казахстане) к управлению фондом национального благосостояния «Самрук-Казына», доля которого в национальном производстве составила в 2016 г. свыше 7,5%, а стоимость активов – 26,7 млрд долл³.

Максим Бакиев, сын президента Кыргызстана Курманбека Бакиева, возглавившего страну в 2005 г. после «революции тюльпанов», стал в 2009 г. руководителем Центрального агентства Кыргызской Республики по развитию, инвестициям и инновациям, которое контролировало одну из самых прибыльных отраслей народного хозяйства – золотодобывающую [Кадыров 2010, с. 67]. Однако в 2010 г. в Кыргызстане грянула новая «революция», и обвиненные в коррупции Бакиевы бежали из страны.

В Узбекистане также созданы все условия для того, чтобы представители правящей элиты реализовывали свои интересы в сфере бизнеса. Старшая дочь Ислама Каримова Гульнара до своей опалы владела теле- и радиоканалами, была акционером ряда газовых, хлопковых и пр. отраслей. Младшая дочь Лола занимала пост постоян-

2 Грозин А. (2005) Кто есть кто в современном Казахстане // Арабески. 7 ноября 2005 // <http://arabeski.globalrus.ru/opinions/137358>, дата обращения 14.04.2018.

3 Масанов Ю. (2017) Ахметжан Есимов стал главой «Самрук-Казына». Что о нем известно? // Informburo.kz. 23 декабря 2017 // <https://informburo.kz/stati/ahmetzhan-esimov-stal-glavoy-samruk-kazyna-chto-o-nyom-izvestno.html>, дата обращения 14.04.2018. См. также официальный сайт компании (<https://www.sk.kz>).

ного представителя Республики Узбекистан при ЮНЕСКО, в то время как ее муж Тимур Тилляев контролировал, по данным узбекских оппозиционеров, крупнейший оптовый рынок Ташкента, Asia Alliance Bank, транспортную компанию Abu Saxiy Nur, занимавшуюся – в том числе и под прикрытием службы национальной безопасности Узбекистана – нелегальным (а значит и беспошлинным) ввозом в страну товаров⁴.

Властные структуры в ЦА действуют на основе патрон-клиентельных отношений. Ко всем вовлеченным в политику адресовано требование (не всегда, впрочем, соблюдающееся) абсолютной лояльности лидеру. Как отмечается в одном из исследований, сильный удельный вес в политической элите обретает этнократия – интеллектуальные, политические, культурные лидеры, носители по преимуществу самосознания титульного этноса/нации; обнаруживается «закрытость политических элит от остального населения, огромный отрыв от него в экономической, политической, информационной и ментальной сферах» [Крылов 2017, с. 125].

Обращая внимание на формальный характер функционирования в большинстве стран ЦА политических институтов, политолог и член аналитической платформы «Алматы-клуб» (Казахстан) Санат Кушкумбаев подчеркивает: «Власть и собственность остаются у элит, социализировавшихся и впитавших ценности бюрократического и квази-эгалитарного советского общества. Соответственно, неосоветские подходы и установки, парадоксальным образом приобретая национальный колорит, вновь ожили и получили институциональную основу. Власть бывших республиканских партийных лидеров

стала системой президентского правления, позиции первых секретарей областных комитетов партии трансформировались в должности акимов/хакимов (губернаторов) регионов, верховные советы стали именоваться парламентами (меджлисами, кенешами). Но при этом представительные и судебные институты не стали самостоятельными органами власти, превратившись в имитационный атрибут для формальной легитимации квазисистемы разделения ветвей власти» [Ларуэль 2017, с. 7].

Универсальным типом политических систем в ЦА стали сильные президентские республики, где в руках исполнительной власти оказалась сосредоточена львиная доля властных полномочий и исключительных прав. Демократические по форме, эти политические системы являются авторитарными либо традиционными по своему содержанию, поскольку, как показывает казахстанский ученый М. Лаумулин на примере некоторых центральноазиатских стран, в них «полномочия президента практически ничем не были ограничены» [Лаумулин 2016, с. 96]. Роль исполнительной власти оказалась, таким образом, гипертрофирована, в то время как процедуры электоральной демократии используются властью, по меткому замечанию И. Звягельской, «как одна из форм политической мобилизации» [Звягельская 2009, с. 59].

Хотя во всех пяти центральноазиатских республиках формально присутствует разделение властей на три ветви (исполнительная, законодательная и судебная), до независимого друг от друга функционирования этих ветвей во всех странах ЦА все еще очень далеко. Парламенты весьма ограниче-

4 Спецслужбы Узбекистана в Латвии: от «отмывания денег» до наркотрафика (2016) // Uzخالqharakati.com. 15 апреля 2016 // <http://uzخالqharakati.com/ru/archives/12019>, дата обращения 14.04.2018.

ны, они не способны поменять принципы формирования власти, повлиять на разработку принципиальных параметров и направлений внутренней и внешней политики.

Некоторым исключением являются Казахстан и Кыргызстан: там в отличие от остальных центральноазиатских стран парламенты стараются наделить большей самостоятельностью и независимостью.

Структурные корректировки политических систем Казахстана и Кыргызстана

Президент Назарбаев называет Казахстан «демократическим, светским, социально-правовым и унитарным государством, для которого человек, его жизнь, права и свободы представляют главную ценность» [Назарбаев 2017, с. 47]. Показателем близости политической системы Казахстана к требованиям, предъявляемым к власти в демократическом государстве, являются регулярно проводимые в стране относительно свободные парламентские и президентские выборы, что влечет за собой чередуемость пребывания должностных лиц на парламентском и правительственном уровнях. В Конституции заложен принцип разделения властей, существует относительный плюрализм СМИ.

Логика дальнейшего поступательного движения в сторону демократизации политической системы побудила руководство республики приступить к существенным структурным корректировкам. В частности, наме-

тилась тенденция к наделению парламента большими функциями за счет перераспределения отдельных полномочий президента. 3 июля 2017 г. президент Назарбаев подписал Конституционный закон Республики Казахстан «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам перераспределения полномочий между ветвями государственной власти»⁵. Как отметил Назарбаев в своем телеобращении, принятие такого закона обусловлено необходимостью «сбалансировать отношения между ветвями власти на конституционном уровне, <...> усилить роль Парламента в формировании Правительства, повысить ответственность Кабинета министров перед депутатским корпусом <...> передать значительную часть установленных законом полномочий Президента по регулированию социально-экономических процессов Правительству и другим исполнительным органам <...> для Президента в новых условиях приоритетами станут стратегические функции, роль верховного арбитра в отношениях между ветвями власти. Глава государства сконцентрируется также на внешней политике, национальной безопасности и обороноспособности страны», в то время как «роль Правительства и Парламента значительно усилится»⁶.

Следовательно, внутривластные процессы в Казахстане в обозримой перспективе будут развиваться в контексте инициированных президентом Назарбаевым институциональных реформ и конституционных изменений, которые должны способствовать реализации многоступенча-

5 Закон Республики Казахстан от 3 июля 2017 г. № 86-VI (2017) // Adilet.zan.kz. 3 июля 2017 // <http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1700000086>, дата обращения 14.04.2018.

6 Обращение Президента Республики Казахстан по вопросам перераспределения полномочий между ветвями власти (2017) // Ibirzha.kz. 25 января 2017 // <http://ibirzha.kz/obrashhenie-prezidenta-respubliki-kazahstan-po-voprosam-pereraspredeleniya-polnomochij-mezhdu-vetvyami-vlasti>, дата обращения 14.04.2018.

той программы политического транзита. Усиление роли политических институтов путем делегирования парламенту дополнительных полномочий видоизменит определенным образом иерархию принятия политических решений и должно придать процессу передачи власти в Казахстане (если таковой будет запущен) плавный и стабильный характер.

Опасность будет представлять сценарий внутриэлитной борьбы за власть, который может перекинуться на общество, где имеются потенциальные зоны дестабилизации и протестные группы с радикально настроенными участниками. Не исключают в Казахстане и возможности возникновения на границах вооруженного конфликта. Для противодействия этим и другим потенциальным угрозам безопасности казахстанское руководство готово будет применить новое «оружие» – «гибридные методы», о которых говорится в принятой в сентябре 2017 г. пятой по счету военной доктрине Республики Казахстан⁷.

В отличие от Казахстана, где президент и его ближайшее окружение направляют все основные процессы развития страны, а верховной власти удается поддерживать внутриэлитный баланс, Кыргызстану в целом свойственна политическая нестабильность.

За годы независимости страна пережила две революции с применением насилия, здесь сменилось в общей сложности 29 премьер-министров, 16 спикеров, 10 раз менялась Конституция. Президентская власть в Кыргызстане традиционно слабее, чем в других центральноазиатских республиках, а кла-

ново-региональные (между «севером» и «югом») и национальные (между киргизами, узбеками, таджиками) противоречия несравненно острее. Тем не менее именно Кыргызстан, наряду с Украиной, Молдовой, Пакистаном и другими, отнесен к категории «частично свободных стран» в ежегодном докладе международной правозащитной организации *Freedom House* «Свобода в мире в 2018 году»⁸. Такую оценку Кыргызстан заслужил в значительной мере потому, что стал первым в ЦА государством, сделавшим реальные шаги в сторону учреждения парламентской модели, считающейся в правозащитных кругах более демократичной в сравнении с президентской. Однако не все в таком транзите однозначно, и есть большие сомнения в том, что смена политических вех сможет обеспечить Кыргызстану мир и спокойствие.

Впервые проект новой Конституции, предполагавший переход к парламентской форме правления, был вынесен на конституционный референдум, состоявшийся 27 июня 2010 г. Под впечатлением от кровавых событий «тюльпановой революции» (см. о ней подробнее: [Акаева 2006]) инициаторы конституционной реформы намеревались исключить концентрацию власти в одних руках и злоупотребление ею, создать систему сдержек и противовесов для реального разделения ветвей власти, для чего нужно было, по их мнению, возложить на парламент ключевую роль в системе государственной власти⁹.

Однако одобренная на референдуме Конституция говорила скорее о реали-

7 Указ Президента Республики Казахстан от 29 сентября 2017 года № 554 «Об утверждении Военной доктрины Республики Казахстан» (2017) // Министерство обороны Республики Казахстан. 29 сентября 2017 // <https://mod.gov.kz/rus/dokumenty/ukazy/?cid=0&rid=4208>, дата обращения 14.04.2018.

8 Freedom in the World 2018. Kyrgyzstan (2018) // [Freedomhouse.org](https://freedomhouse.org) // <https://freedomhouse.org/report/freedom-world/2018/kyrgyzstan>, дата обращения 14.04.2018.

9 Временное правительство (комментарии к проекту Конституции Кыргызской Республики) (2010) // [AKIpress.org](http://akipress.org). 9 июня 2010 // <http://akipress.org/constitution/news:1791>, дата обращения 14.04.2018.

зации смешанной – парламентско-президентской – модели.

Так, согласно статье 64 Конституции, за президентом закреплялись значимые полномочия: назначение выборов в Жогорку Кенеш (парламент) и местные кенешы; представление парламенту кандидатур для избрания на должности судей Верховного суда, назначение Генерального прокурора, внесение в Жогорку Кенеш кандидатуры для избрания на должность председателя Национального банка и др.¹⁰

За президентом также сохранили право представлять Кыргызскую Республику внутри страны и за ее пределами; назначать по согласованию с премьер-министром глав дипломатических представительств и постоянных представителей в международных организациях, отзывать их. Президент является Главнокомандующим Вооруженными Силами Кыргызской Республики, определяет, назначает и освобождает их высший командный состав, возглавляет Совет обороны, предупреждает о возможности введения чрезвычайного положения, а при необходимости вводит его в отдельных местностях без предварительного объявления¹¹.

Новые поправки (около 30) внесены в Конституцию Кыргызстана по итогам состоявшегося 11 декабря 2016 г. конституционного референдума, и самая значительная из них касалась сокращения полномочий президента. На прошедших 15 октября 2017 г. президентских выборах, знаменовавших собой столь непривычную для Кыргызстана неревolutionционную передачу власти, президент Алмазбек Атамбаев до-

бровольно сложил полномочия, передав бразды правления новому лидеру – кандидату от правящей Социал-демократической партии и бывшему премьер-министру Сооронбаю Жээнбекову. Но уже с весны 2018 г. в Кыргызстане обнаружились первые признаки политического кризиса, заставившие заговорить об угрозе двоевластия¹². Станет ли эксперимент с «политическим моделированием» стратегической ловушкой для новоиспеченной центральноазиатской демократии, покажет время. Можно только надеяться, что Кыргызстан, где в избытке имеются неустоявшиеся со времен «революций» проблемы, не погрузится в очередную межклановую конфронтацию, риск возникновения которой весьма значителен.

Укрепление вертикали власти в президентских республиках

Долгое время после окончания в 1997 г. гражданской войны правящей элите Таджикистана удавалось проводить собственную политическую линию, эксплуатируя страхи населения по поводу возможности возобновления межджиджикского вооруженного противостояния. На руку правительству играло и то, что полевых командиров и лидеров оппозиции удалось вытеснить с политической арены, а оставшиеся оппозиционеры из ПИВТ не играли заметной роли в политике.

В силу объективных причин тенденция по формированию сильной президентской власти затронула Тад-

10 Конституция Кыргызской Республики (2010) // Gov.kg. 27 июня 2010 // http://www.gov.kg/?page_id=263&lang=ru, дата обращения 14.04.2018.

11 Конституция Кыргызской Республики (2010) // Gov.kg. 27 июня 2010 // http://www.gov.kg/?page_id=263&lang=ru, дата обращения 14.04.2018.

12 Атамбаев vs Жээнбеков: Киргизия начала движение к двоевластию? (2018) // EADaily.com. 2 апреля 2018 // <https://easily.com/ru/news/2018/04/02/atambaev-vs-zheebekov-kirgiziya-nachala-dvizhenie-k-dvoevlastiyu>, дата обращения 14.04.2018.

Таджикистан гораздо позже других центральноазиатских республик. Это было связано со слабой институционализацией власти после гражданской войны и отсутствием достаточных финансово-экономических ресурсов у правящего режима. Однако со временем правящая элита Таджикистана активно включилась в процесс консолидации власти и особенно – усиления ее исполнительной ветви. 22 мая 2016 г. в Таджикистане прошел референдум по внесению в конституцию изменений (41 поправка). Наиболее существенными из них стали снятие ограничений на количество сроков правления президента и снижение возраста для кандидатов в президенты, что позволит на следующих президентских выборах, которые планируется провести в 2020 г., вновь выставить свою кандидатуру действующему президенту Эмомали Рахмону¹³.

Закон «Об Основателе мира и национального единства – Лидере нации», подписанный в 2015 г. и принятый в 2016 г. в новой редакции, дает особые права президенту и членам его семьи и наделяет действующего президента особым статусом – основателя независимого Таджикистана¹⁴. Наряду с наращиванием действующим президентом властных полномочий, упрочением властной вертикали, совершенствованием управленческого аппарата, происходит укрепление провластных институтов, что проявилось, в частности, в образовании пропрезидентской Народно-демократической партии Таджикистана (НДПТ) – типичной «партии власти», сросшейся с государственным аппаратом.

Укрепление вертикали власти в Таджикистане нацелено, во-первых, на сохранение полномочий в руках правящего клана, а во-вторых – на предотвращение развития политического процесса в Таджикистане по пессимистическому сценарию (массовые антиправительственные выступления или вооруженные бунты), учитывая масштаб существующих в Таджикистане проблем в социально-экономической сфере, отличающейся крайним неблагополучием. Именно там накапливается негативный потенциал, который способен привести республику к взрыву [Дынкин, Иванова 2014, с. 429, 432]. Угроза может исходить также от внешнего фактора – скрывающихся на территории Афганистана боевиков из числа таджикских оппозиционеров-радикалов исламистского толка и наращивающей свои силы на сопредельном с ЦА афганском Севере запрещенной в России террористической структуры «Исламское государство» [Мальшева 2017, с. 16]. И все же вероятность негативного сценария для Таджикистана выглядит проблематичной, хотя бы потому что система государственной власти все еще сохраняет там достаточную для поддержания стабильности устойчивость.

Сформированная в Узбекистане за годы независимости строго иерархическая, централизованная политическая система позволила снизить остроту разногласий между кланами, представлявшими на разных уровнях управления государством выходцев из различных регионов Узбекистана. Власти удалось уничтожить или загнать в подполье участников радикальных

13 Неизменные черты референдумов Центральной Азии (2016) // Радио Азаттык. 22 мая 2016 // <http://rus.azattyk.org/a/cas-referendums/27750477.html>, дата обращения 14.04.2018.

14 Закон Республики Таджикистан об основателе мира и национального единства – лидере нации (2015) // President.tj. 25 декабря 2015 // <http://www.president.tj/ru/taxonomy/term/5/951>, дата обращения 14.04.2018.

исламистских движений, легализовав официально признанные течения умеренного ислама. Вместе с тем преследованиям подверглись оппозиционные политики и их партии, обвиненные в антигосударственной деятельности. Насколько справедливы были такие обвинения против отдельных представителей оппозиции, судить сложно из-за закрытого характера политической системы Узбекистана времен И. Каримова.

Последовавший в республике после его кончины 2 сентября 2016 г. политический транзит был осуществлен достаточно плавно: 4 декабря 2016 г. прошли досрочные президентские выборы, победителем которых, как и предполагали многие, стал премьер-министр и кандидат от Либерально-демократической партии Узбекистана Шавкат Мирзиёев; а 14 декабря на совместном заседании Законодательной палаты и Сената Высшего Собрания Республики Узбекистан (Олий Мажлиса) Мирзиёев торжественно вступил в должность, став вторым президентом Узбекистана за всю независимую историю этой республики.

Задачи, стоящие перед новым руководством, сложны и многоплановы. Стало очевидно, что сложившаяся в Узбекистане политическая система, которая была замкнута на фигуре первого президента, не очень приспособлена для решения проблем, касающихся, в первую очередь, экономической и социальной сфер. Не отвечали больше потребностям страны и императивам ее развития финансово-экономические отношения прежней, каримовской эпохи. Поэтому трансформацию политической системы многие в Узбекистане

связывают с переходом от изоляционизма и экономической модели импортозамещения к экспортноориентированному развитию¹⁵.

По форме Туркменистан – президентская республика, которой в наибольшей степени по сравнению с другими странами региона присущи характеристики авторитарной политической системы.

В силу того, что Туркменистан остается самым закрытым в ЦА, судить о его политической системе и о происходящих в республике политических процессах можно только по внешним или косвенным признакам. В целом сформированную за годы независимости политическую систему Туркменистана отличают жесткая вертикаль управления, единоначалие верховного руководителя и монопольный контроль над ресурсным потенциалом страны.

Состоявшиеся в Туркменистане 12 февраля 2017 г. президентские выборы – первые с момента внесения в Конституцию (принята 14 сентября 2016 г.) изменений, согласно которым президентские полномочия увеличиваются с пяти до семи лет и снимается верхнее возрастное ограничение (70 лет) для избрания президента – не принесли сюрпризов, даровав победу действующему президенту Гурбангулы Бердымухамедову. Таким образом, политическая система Туркменистана остается практически неизменной со времен первого президента республики Сапармурада Ниязова. И хотя в последние годы вертикаль власти подверглась легкой корректировке, сама политическая система не утратила от этого своей авторитарной сути.

15 Эргашев Б. (2018) Открытие Узбекистана. Итоги первого года президентства Шавката Мирзиёева // EURASIA.expert. 11 января 2018 // <http://eurasia.expert/otkrytie-uzbekistana-itogi-pervogo-goda-prezidentstva-shavkata-mirziyeeva/>, дата обращения 14.04.2018.

Партии, власть и оппозиция

Хотя Назарбаев назвал политические партии «основным строительным материалом, из которого строится здание демократии» [Назарбаев 2017, с. 130], политические партии в Казахстане и других государствах ЦА едва ли можно считать аналогами партийных структур, действующих на Западе, поскольку в ЦА партии созданы часто под конкретного лидера и – если не являются «партией власти» – мало влияют на политический процесс.

На политической арене Казахстана действуют 10 политических партий, из которых 8 зарегистрированы официально. Это пропрезидентская Народная демократическая партия «Нур Отан» («Свет Отечества»), практически не имеющая политических конкурентов и занимающая большинство мест в парламенте; «Бирлик» («Единство»); относящая себя к «конструктивной оппозиции» Демократическая партия Казахстана «Ак-Жол», Демократическая партия «Адилет», Народно-демократическая партия «Ауыл», Коммунистическая партия Казахстана, Коммунистическая народная партия Казахстана и Общенациональная социал-демократическая партия [Аликберов, Звягельская 2011, с. 165–170]. Этот широкий политический спектр имеет сформулированный Назарбаевым принципиальный ограничитель, который гласит: «Любые сословные, религиозные, родовые и иные запрещенные Конституцией и законом партии в Казахстане не пройдут» [Назарбаев 2017, с.131].

В Кыргызстане после первой (2005) и второй (2010) «революций» распространилось несколько десятков политических партий. Широко известные партии – такие, например, как «Ата-Жур» («Земля предков») или «Ата-Мекен» («Отчизна»), построенные на идеологической платформе, были полно-

стью структурированы под конкретного лидера, действовавшего в кланово-политической системе координат [Сыроежкин 2011, с. 22]. Да и сами родоплеменные объединения (кланы) и землячества оказывались куда более эффективным инструментом политического процесса, поскольку строили свою работу адресно, а не только во время избирательных кампаний. На состоявшихся 4 октября 2015 г. парламентских выборах в законодательный орган республики (Жогорку Кенеш) вошли 6 партий, среди которых лидирующие позиции заняла Социал-демократическая. Выдвинутый из ее рядов премьер-министр республики Сооронбай Жээнбеков стал победителем прошедших 15 октября 2017 г. президентских выборов, закрепив, таким образом, статус СДПК как партии власти.

В Узбекистане имеется шесть официально зарегистрированных партий: сформировавшаяся на базе Коммунистической партии Узбекской ССР Народно-демократическая партия, Экологическое движение Узбекистана, Социал-демократическая партия «Адолат» («Справедливость»), Либерально-демократическая партия, Партия национального демократического возрождения.

Политические реалии Узбекистана таковы, что здесь процессы партийного строительства продолжают находиться под строгим и неослабевающим контролем президента и правительства. Спецификой процесса партийного строительства в Узбекистане стало и то, что здесь так и не появилась партия власти. Вместе с тем, следуя духу времени, дали о себе знать и некоторые признаки демократизации узбекского общества – появление национальных институтов прав человека (омбудсмана и Национального центра по правам человека).

На парламентских выборах, состоявшихся в Таджикистане 1 марта

2015 г., абсолютное большинство мест получила Народно-демократическая партия Таджикистана, возглавляемая президентом страны, и тогда же по результатам выборов впервые в истории Таджикистана в законодательном органе республики лишились своего представительства ПИВТ и Коммунистическая партия.

Что касается оппозиции, то претендующие в ЦА на оппозиционность политические партии и движения, часть из которых – сами выходцы из властных господствующих групп, ярких альтернативных программ проводимой политике не предлагают, и основной целью большей части из них остается перехват властных рычагов и установление своего контроля над приватизированными активами. Неудивительно, что правящие режимы во всех государствах ЦА воспринимают оппозицию как угрозу своим властным полномочиям.

Среди казахстанской оппозиции выделяются две партии – Общенациональная социал-демократическая партия «Азат» и «Алга», являющаяся правопреемницей закрытой в 2005 г. оппозиционной партии «Демократический выбор Казахстана». 21 декабря 2012 г. Алмалинский районный суд Алматы принял решение признать экстремистской партию «Алга» и запретить ее деятельность в Казахстане.

В Узбекистане в начале 1990-х гг. на роль оппозиции претендовали две крупные политические партии – Народное движение Узбекистана «Бирлик» («Единство») и Партия демократической свободы «Эрк». После того как партия «Бирлик» в 1992 г. была запрещена по обвинению в антиправительственной деятельности, а «Эрк» оказалась вне закона в связи с тем, что лидерам этой партии инкриминировалась организация терактов в 1999 г., место оппозиции попыта-

лась занять основанная в 2003 г. и выступившая с требованием проведения аграрных реформ Партия свободных крестьян. Она, однако, так и не смогла зарегистрироваться, а ее лидер С. Умаров был осужден в 2006 г. за уголовное преступление. Но самым большим репрессиям со стороны властей подверглись участники Исламского движения Узбекистана (ИДУ): оно было запрещено в Узбекистане в 1992 г. и включено рядом стран (Россия, США и др.) в число наиболее опасных террористических организаций. Лишенные возможности продолжать свою деятельность в Узбекистане даже на нелегальной основе, оставшиеся участники ИДУ устремились за пределы республики – преимущественно в Афганистан и Пакистан (в зону племен на афгано-пакистанском пограничье). Там ИДУ распалось на несколько группировок, представлявших собой экстремистски настроенные объединения и продолжавших призывать, по свидетельству американской исследовательницы Марты Брилл Олкотт, к созданию в Узбекистане исламского государства, управляемого по законам шариата [Olcott 2012, p. 253].

Вместе с тем официальная узбекская пропаганда настойчиво связывала все оппозиционные партии с исламом, хотя запрещенные «Бирлик» и «Эрк», например, были скорее националистическими партиями, а незарегистрированная партия «Озод дехконлар» («Свободные крестьяне») являлась светской крестьянской партией. Она ставила практически те же задачи, что и официально разрешенные партии в Узбекистане, однако в отличие от них «Озод дехконлар» выступала за смещение представителей нынешней власти, но только конституционным путем.

Весьма немногочисленная оппозиция в Таджикистане, представленная в основном небольшой группой

правозащитников, не оказывает существенного влияния на политический процесс. Но власть терпит их, чтобы на международной арене создавать Таджикистану благоприятный имидж. Другое дело – исламская оппозиция, действующая по большей части в глубоком подполье либо из-за границы (Афганистан). У нее есть некоторый шанс перехватить протестный потенциал в выгодном для себя направлении, использовать социальные проблемы для антиправительственной борьбы. Однако этой части оппозиции противостоит сильная государственная машина, учитывая, что власть опасается даже «легальной» исламской оппозиции. Об этом говорит запрет в августе 2015 г. достаточно умеренной по своим политическим установкам ПИВТ, которая до того была представлена в парламенте республики несколькими депутатами. Партию лишили возможности распространять информацию, закрыв ее типографию якобы за нарушение санитарных норм. Штаб-квартира ПИВТ была опечатана и закрыта, а руководитель партии Мухиддин Кабири перебрался в Стамбул. В сентябре 2015 г. Верховный суд Таджикистана объявил ПИВТ (насчитывавшую к тому времени около 40 тыс. сторонников) «экстремистской террористической организацией» и запретил ее деятельность¹⁶.

В Туркменистане немногочисленная оппозиция была полностью выведена за пределы правового поля еще в правление С. Ниязова. Оппозиционные лидеры, а также лица, причисленные к таковым и обвиненные властью в антиправительственной деятельности (как это произошло в период президентства

Ниязова с бывшим министром иностранных дел Борисом Шахмурадовым, приговоренным к пожизненному сроку заключения, после чего достоверных сведений о нем не поступало), либо были арестованы, либо сумели выехать за пределы страны, так что едва ли применительно к Туркменистану можно вести речь о какой-то реальной политической оппозиции.

Неформальные политические институты

Они присутствовали долгое время в качестве участников целого ряда политических процессов в постсоветских государствах Центрально-Азиатского региона, но с тех пор многие из этих исторических кланово-политических структур модифицировались. И все же неформальные институты и связи (кланы, жузы и пр.) продолжают играть определенную роль в политической жизни государств ЦА, что привносило в прошлом и привносит в центральноазиатскую политику наших дней элемент ретрадиционализации.

Как справедливо подмечает российский исследователь А. Грозин, именно у «номадических народов» (казахов, киргизов и туркмен) «клановое сознание оказалось прочнее, чем у народов с многовековой оседлостью» (узбеки и таджики), в то время как для последних знание о том, кто из какого рода и племени, утратило такое значение и актуальность, как у кочевых народов, и стало в значительной мере «функцией внутриэлитных взаимоотношений и сугубо функциональным институтом, облегчающим жизнь»¹⁷.

¹⁶ Tajikistan Early Warning: Internal Pressures, External Threats (2016) // International Crisis Group. Europe and Central Asia Briefing, January 11, 2016, no 78, pp. 4–5.

¹⁷ Грозин А. (2010) Элиты Туркменистана и центральноазиатские кланы: общее, особенное и трудности модернизации // Perspektivy.info. 21 декабря 2010 // <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=72647>, дата обращения 14.04.2018.

В Казахстане на официальном уровне принято считать, что после провозглашения независимости упразднена основа для разделения казахского социума на кланы. Но на практике принадлежность к тому или иному клану определяет возможности и поле деятельности. В итоге, отмечает А. Грозин, «при всем стремлении власти создать “общество-нацию”, “казахстанцев”, межплеменные различия казахов, первоочередность самоидентификации по линии – жуз-племени-колена [...] (и уже потом – общекзахское или общекзахстанское) остаются приоритетными»¹⁸.

В современном Кыргызстане сохранившееся деление на северные и южные кланы определило многие направления политического процесса в период независимости, став мощным фактором мобилизации масс во времена кризисов, подменяя собой зачастую правовые механизмы.

В Таджикистане разногласия между региональными элитами, проявившиеся до и после межтаджикского конфликта, в настоящее время приглушены. Однако кланово-региональный характер политической системы республики по-прежнему определяет поведение ее политической элиты. Религиозная оппозиция здесь также сформирована по клановому принципу и ориентирована, главным образом, на страны исламского мира. Питательной средой для сохранения клановости в политической сфере является социально-экономический дисбаланс между регионами (Ходжанд, Памир, Каратегин, Гарм, Куляб), кадровая политика в центре и на местах, когда преимущества при назначении на государственные должности имеют представители родственных носителям властных полномочий кланов.

В Узбекистане со времени обретения независимости этнический состав политической элиты оставался относительно однородным, и формировалась она в основном из среды узбеков – выходцев из трех региональных кланов (самаркандского, ташкентского и ферганского). Постепенно власти удалось добиться того, чтобы в целях уравнивания политической системы кланово-региональные различия были задвинуты на второй план. И это придает политической системе Узбекистана и расстановке там сил внутри властных структур неповторимую особенность.

В Туркменистане в силу того, что страна закрыта, а публичность любого лица в ней, кроме президента, не поощряется, трудно судить о том, насколько реально те или иные политики представляют кланы, связанные с определенными территориями (Ахалский район, Марыйский, Кизил-Арватский и др.) и племенными группами (теке, йомуды, эрсари и др.), влияют ли они на политику, действительно ли доминирующее положение в высших эшелонах власти занимают представители ахалтекинско-го клана и насколько прочны их позиции. Можно только догадываться о том, что правящая элита не представляет собой монолита, и клановые группы, возможно, пытаются реализовать свои цели внутри правящей бюрократической иерархии по таким косвенным признакам, как кадровые перестановки.

Анализ политических процессов в центральноазиатских странах позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, в государствах региона в целом завершен период постсоветского транзита, и здесь можно зафиксиро-

18 Грозин А. (2010) Элиты Туркменистана и центральноазиатские кланы: общее, особенное и трудности модернизации // Perspektivy.info. 21 декабря 2010 // <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=72647>, дата обращения 14.04.2018.

ровать появление пусть авторитарных, но в целом консолидированных режимов нового типа, формирующих суверенную государственность и независимую внешнеполитическую стратегию. Во-вторых, достижение долгосрочной стабильности потребует от государств в рамках перехода от авторитарных методов к политике, отвечающей потребностям и интересам граждан, задействования широкого спектра мер социальной направленности. В-третьих, совместить потребности модернизации с императивом сохранения стабильности в сложносоставных и остающихся во многом традиционными центральноазиатских обществах, где проведение кардинальных экономических, социальных и политических реформ может быть сопряжено с риском неконтролируемого развития событий, – задача достаточно сложная. Удастся ли безболезненно преодолеть сложный период трансформации, будет зависеть от целой совокупности факторов, а вектор развития, который изберут центральноазиатские страны, неизбежно скажется на направленности многих происходящих в постсоветской ЦА политических процессов.

Список литературы

- Агеев А., Байшуаков А., Сейтимов Е. (2008) Элита Казахстана. Власть. Бизнес. Общество. Алматы: ИНЭС-ЦА.
- Акаева Б. (2006) Цветы зла. О так называемой тюльпановой революции в Кыргызстане. М.: Международные отношения.
- Аликберов А.К., Звягельская И.Д. (ред.) (2013) Трансформация и конфликты в Центральной Азии и на Кавказе. М.: Институт востоковедения РАН.
- Воскресенский А.Д. (ред.) (2006) Политические системы и политические культуры Востока. М.: Восток-Запад.
- Дынкин А.А., Иванова Н.И. (ред.) (2014) Глобальная перестройка. М.: Весь мир.
- Звягельская И.Д. (2009) Становление государств Центральной Азии. Политические процессы. М.: Аспект Пресс.
- Звягельская И.Д. (ред.) (2011) Политический процесс в Центральной Азии. Результаты, проблемы, перспективы. М.: Институт востоковедения РАН.
- Зенькович Н. (2005) Самые секретные родственники: Энциклопедия биографий. М.: ОЛМА-ПРЕСС.
- Кадыров Ш. (2010) Элитарные кланы. Осло: Университет Осло.
- Кривопапов А.А. (ред.) (2016) От Туркестана к Центральной Азии: политическое будущее региона. М.: Научный эксперт.
- Крылов А.Б. (ред.) (2017) Постсоветские государства: 25 лет независимого развития: Сб. статей в 2 т. Т. I. М.: ИМЭМО РАН.
- Лаумулин М.Т. (2016) К вопросу о формировании постсоветской государственности в Средней (Центральной) Азии // Контуры глобальных трансформаций. Т. 9. № 5. С. 95–113.
- Малышева Д. (2017) Афганский кризис и постсоветская Центральная Азия // Мировая экономика и международные отношения. Т. 61. № 8. С. 14–23.
- Назарбаев Н.А. (2017) Эра независимости. Астана.
- Сыроежкин К.Л. (ред.) (2011) Центральная Азия сегодня: вызовы и угрозы. Алматы: КИСИ при Президенте РК.
- Haass R.N. (2018) Liberal World Order // Project-syndicate.org, March 21, 2018 // <https://www.project-syndicate.org/commentary/end-of-liberal-world-order-by-richard-n-haass-2018-03>, дата обращения 25.03.2018.
- Laruelle M. (ed.) (2017) Kazakhstan: Nation-branding, Economic Trials, and Cultural Changes, Washington: The George Washington University.

Lewis D. (2008) *The Temptations of Tyranny in Central Asia*, New York: Columbia University Press.

Olcott M.B. (2012) *In the Whirlwind of Jihad*, Washington: The Carnegie Endowment for International Peace.

Starr S.F. (2006) *Clans, Authoritarian Rulers and Parliaments in Central Asia*, Central Asia-Caucasus Institute and Silk Road Studies Program.

Post-Soviet Space

Political Processes in the Republics of post-Soviet Central Asia

Dina B. MALYSHEVA

DSc in Politics, Head of a Division, Center of Post-Soviet Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences. Address: 23, Profsoyuznaya St., Moscow, 117997, Russian Federation. E-mail: dsheva@mail.ru

CITATION: Malysheva D.B. (2018) Political Processes in the Republics of post-Soviet Central Asia. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 11, no 3, pp. 36–52 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-3-36-52

ABSTRACT. *The article analyzes contemporary political processes in the newly independent states of post-Soviet Central Asia. The peculiarities of functioning of their centralized political systems, as well as the interaction of the executive (the president and the government) and the legislative (parliament) branches of power are considered in the context of the authoritarian type of government that prevails in most countries of the region. Attention is drawn to the use by the ruling elites for the purposes of political mobilization of procedures for electoral democracy (elections, etc.), which is mostly of a formal nature. The place in the power structures of both officially recognized political parties and opposition ones is defined, which are divided mainly into secular and religious (Islamist). Informal political structures that function in a number of cases in the form of regional communities, territorial or ethnic clans are considered in the article as a specific characteristic of Central*

Asian societies. Based on the analysis of the political process in the Central Asian countries, it was concluded that the whole period of post-Soviet transit has come to an end and that authoritarian but consolidated regimes of a new type are emerging in the region; they form a sovereign statehood and an independent foreign policy strategy.

KEY WORDS: *political process, Central Asia, authoritarian political system, president, authority, political elite, parties, opposition, clans*

References

- Ageev A., Baishuakov A., Seitimov E. (2008) *Elita Kazakhstana. Vlast'. Biznes. Obshchestvo* [Elite of Kazakhstan. Authority. Business. Society], Almaty: INES-TsA.
- Akaeva B. (2006) *Tsvety zla. O tak nazyvaemoj tyul'panovoj revolyutsii v Kyrgyz-*

stane [Flowers of Evil. About the so-called Tulip Revolution in Kyrgyzstan], Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.

Alikberov A.K., Zvyagel'skaya I.D. (eds.) (2013) *Transformatsiya i konflikty v Tsentral'noj Azii i na Kavkaze* [Transformation and Conflicts in Central Asia and the Caucasus], Moscow: Institut vostokovedeniya RAN.

Dynkin A.A., Ivanova N.I. (eds.) (2014) *Global'naya perestrojka* [Global Restructuring], Moscow: Ves' mir.

Haass R.N. (2018) Liberal World Order. *Project-syndicate.org*, March 21, 2018. Available at: <https://www.project-syndicate.org/commentary/end-of-liberal-world-order-by-richard-n-haass-2018-03>, accessed 25.03.2018.

Kadyrov Sh. (2010) *Elitarnye klany* [Elite Clans], Oslo: University of Oslo.

Krivopalov A.A. (ed.) (2016) *Ot Turkestana k Tsentral'noj Azii: politicheskoe budushchee regiona* [From Turkestan to Central Asia: the Political Future of the Region], Moscow: Nauchnyi ekspert.

Krylov A.B. (ed.) (2017) *Postsovetskie gosudarstva: 25 let nezavisimogo razvitiya*. Sbornik statej v 2-kh tt. Tom I [Post-Soviet States: 25 Years of Independent Development. A Collected Papers in 2 volumes. Vol. I], Moscow: IMEMO RAN.

Laumulin M.T. (2016) K voprosu o formirovanii postsovetskoj gosudarstvennosti v Srednej (Tsentral'noj) Azii [On the Formation of Post-Soviet Statehood in Central Asia]. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 9, no 5, pp. 95–113.

Laruelle M. (ed.) (2017) *Kazakhstan: Nation-branding, Economic Trials, and Cultural Changes*, Washington: The George Washington University.

Lewis D. (2008) *The Temptations of Tyranny in Central Asia*, New York: Columbia University Press.

Malysheva D. (2017) Afganskij krizis i postsovetskaya Tsentral'naya Aziya [The Afghan Crisis and Post-Soviet Central Asia]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, vol. 61, no 8, pp. 14–23.

Nazarbaev N.A. (2017) *Era nezavisimosti* [The Era of Independence], Astana.

Olcott M.B. (2012) *In the Whirlwind of Jihad*, Washington: The Carnegie Endowment for International Peace.

Starr S.F. (2006) *Clans, Authoritarian Rulers and Parliaments in Central Asia*, Central Asia-Caucasus Institute and Silk Road Studies Program.

Syroezhkin K.L. (ed.) (2011) *Tsentral'naya Aziya segodnya: vyzovy i ugrozy* [Central Asia Today: Challenges and Threats], Almaty: KISI pri Prezidente RK.

Voskresenskij A.D. (ed.) (2006) *Politicheskie sistemy i politicheskie kul'tury Vostoka* [Political Systems and Political Cultures of the East], Moscow: Vostok-Zapad.

Zen'kovich N. (2005) *Samye sekretnye rodstvenniki. Entsiklopediya biografii* [The Most Secret Relatives. Encyclopedia of Biographies], Moscow: OLMA-PRESS.

Zvyagel'skaya I. (2009) *Stanovlenie gosudarstv Tsentral'noj Azii. Politicheskie protsessy* [Formation of Central Asian States. Political Process], Moscow: Aspekt Press.

Zvyagel'skaya I. (ed.) (2011) *Politicheskij protsess v Tsentral'noj Azii. Rezul'taty, problemy, perspektivy* [Political Process in Central Asia. Results, Problems, Prospects], Moscow: Institut vostokovedeniya RAN.

Проблемы Старого света

Австрийская партия свободы: между правым популизмом, австрийским патриотизмом и немецким национализмом

Анна Сергеевна БАДАЕВА

кандидат политических наук, научный сотрудник Сектора теории политики, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук. Адрес: 117997, Москва, Профсоюзная ул., д. 23. E-mail: annabadaeva@mail.ru

ЦИТИРОВАНИЕ: Бадаева А.С. (2018) Австрийская партия свободы: между правым популизмом, австрийским патриотизмом и немецким национализмом // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 11. № 3. С. 53–66. DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-3-53-66

АННОТАЦИЯ. Шестидесятилетняя история Австрийской партии свободы весьма репрезентативна для изучения ультраправых партий и движений в Западной Европе, которая в последнее десятилетие переживает небывалый подъем ультраправого популизма на фоне резкого недовольства граждан политикой традиционных партий. Последние ради сохранения собственной власти вовлекаются в общий европейский политический тренд: используют нарратив правого популизма, идут на нелепые еще несколько лет назад политические альянсы и тем самым постепенно стирают идеологические границы между партиями. Исключительная особенность Австрийской партии свободы заключается в характерной интерпретации австрийской идентичности, балансирующей между немецким национализмом и австрийским патриотизмом. Верность этой позиции позволяет австрийским ультраправым иметь собственную устой-

чивую электоральную базу и рассчитывать на ее поддержку в кризисные периоды партии. Австрийской партии свободы не раз приходилось переживать внутрипартийные расколы и подниматься после серьезных падений. В настоящий момент партия находится на политическом взлете, который подкрепляется выбором практически одной трети австрийских избирателей. Партия имеет 6 из 13 министерских кресел, а ее лидер занимает пост вице-канцлера Австрии. Совокупность обстоятельств, характерных для австрийского общества, а именно минимизация процесса денацификации и искусственное формирование австрийской идентичности в послевоенный период, а также политизация вопроса иммиграции на фоне захлестнувшей ЕС волны инокультурных беженцев с Востока в 2015 году, делает Австрийскую партию свободы весьма опасным игроком на политической сцене Австрии и вдохновляющим примером для соседних стран.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *Австрийская партия свободы, правый популизм, праворадикальные партии, австрийская идентичность, немецкий национализм, Йорг Хайдер, Хайнц-Кристиан Штрахе*

К середине 2017 г., главным образом после выборов в Нидерландах и Франции, казалось бы, проявилась тенденция к снижению популярности ультраправых и правого популизма в Западной Европе. Однако очередные парламентские выборы в Германии и Австрии вновь стали шоком для европейского истеблишмента. В сентябре 2017 г. ультраправой партии «Альтернатива для Германии» (АдГ) удалось занять третье место на выборах, заручившись 12,6% голосов, впервые провести своих сторонников в Бундестаг и сформировать оппозицию правящей большой коалиции. В октябре 2017 г. гораздо более внушительная электоральная поддержка (26% голосов избирателей) обеспечила крайне правой Австрийской партии свободы (АПС) уже не только третье место в австрийском парламенте, но и широкое участие в коалиционном правительстве: партия получила 6 из 13 министерских кресел. Лидер австрийских ультраправых Хайнц-Кристиан Штрахе стал вице-канцлером Австрии. Годом ранее кандидат от АПС едва не одержал победу на президентских выборах, что является в общем-то уникальным событием для Австрии со времен Второй мировой войны. Статья посвящена анализу того, какие подводные камни и какие рецепты популярности скрываются за привлекательным образом современной Австрийской партии свободы, ставшей сегодня вполне респектабельным участником политической жизни австрийского общества.

От третьего лагеря к третьей силе

Среди всех западноевропейских партий, относящихся к ультраправому лагерю, Австрийская партия свободы выделяется прежде всего самой продолжительной историей и относительно стабильной электоральной базой. С даты основания, 7 апреля 1956 г., прошло более шести десятилетий. И никогда, даже в самые кризисные времена, на парламентских выборах результат АПС не опускался ниже 5%. На диаграмме 1 наглядно представлены достижения Австрийской партии свободы и ее непосредственного предшественника Союза независимых на парламентских выборах Австрии, начиная с 1949 г.

После поражения фашистской Германии в 1945 г. из-за процесса денацификации более 2,5 млн австрийцев оказались отстранены от политической жизни. Но уже в конце 1940-х гг. лидеры Социалистической партии Австрии (СПА)¹ начали продвигать идею создания новой партии в качестве противовеса единственному партнеру по коалиции Австрийской Народной партии (АНП), рассчитывая прежде всего на активность мелких и средних провинциальных предпринимателей. В 1949 г. такая партия под названием «Союз независимых» была создана. В нее вошли представители разных политических движений и настроений австрийского общества: бывшие члены фашистской Национал-социалистической немецкой рабочей партии (НСДАП) и военнослужащие вермахта, представители национал-либерального лагеря политико-партийной жизни Австрии (известного как «Drittes Lager» (нем.) или «Третий лагерь» (рус.)), отстаивающие идеи свободного рынка и

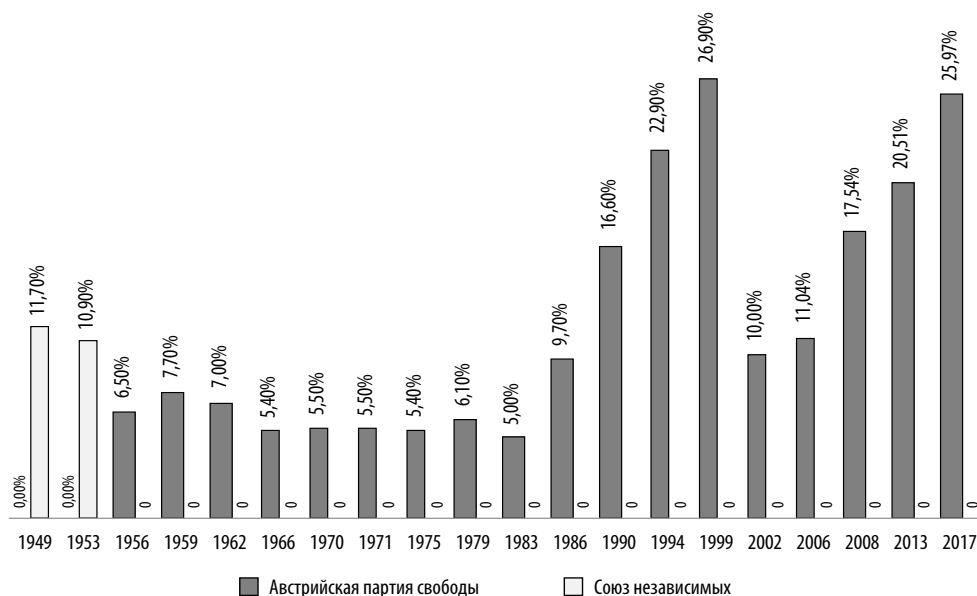
1 В 1991 г. название Социалистической партии Австрии изменено на Социал-демократическую партию Австрии (СДПА).

германского национализма в Австрии [Pelinka 2000, pp. 233–240]. Это движение существовало в стране еще до Второй мировой войны и активно противостояло как социалистам, так и католическим консерваторам [Kamps 2007, pp. 27–31]. В связи с этим нельзя недооценивать влияние идей «Третьего лагеря» на формирование в Австрии к началу 1950-х гг. первой значительной оппозиционной политической силы, уходящей корнями в пангерманизм и впитавшей все самые маргинальные элементы послевоенного времени.

С середины 1950-х гг., после подписания Декларации о независимости Австрии² и вывода союзнических войск с ее территории, политика денацификации

сильно ослабла – вплоть до амнистии заключенных-нацистов, что сильно изменило политический ландшафт Австрии. В 1956 г. была создана новая Австрийская партия свободы, которая заменила погрязший во внутренних противоречиях Союз независимых. Практически весь управленческий аппарат новой партии состоял из бывших офицеров вермахта и предлагал концепцию, идеологически напоминающую мягкий вариант национал-социализма. Первым главой партии был избран Антон Райнталлер, министр сельского хозяйства Нижней Австрии при нацистах. Второй лидер АПС, Фридрих Петер, также отличался «кровавым» прошлым, поскольку во время Второй мировой во-

Диаграмма 1. Результаты Австрийской партии свободы и Союза независимых на парламентских выборах в Австрии (1949–2017)

Источник: Nationalratswahl-Ergebnisse Österreich seit 1945 (2017) // Wien-konkret.at // <http://www.wien-konkret.at/politik/wahlen/nationalratswahlergebnisse-oesterreich/>, дата обращения 12.06.2018.

² «Государственный договор о восстановлении независимой и демократической Австрии», подписанный в Вене 15 мая 1955 года, среди прочего закреплял нейтралитет Австрии, запрещал новый аншлюс с Германией, а также нацистские и фашистские партии.

йны служил в айнзатцгруппе на Восточном фронте [Rees 1990]. Несмотря на это, Австрийская партия свободы в течение нескольких десятилетий, начиная со своих первых парламентских выборов в 1956 г., занимала стабильное третье место в политической системе страны и постоянно входила в парламент. Между тем «большая коалиция» из двух оставшихся крупнейших австрийских партий (АНП и СПА) успешно справлялась с целью недопущения радикальных партий и течений в правительство Австрии, в том числе и ультраправой АПС, которая к тому же играла им обеим на руку в стиле, характерном для «Третьего лагеря» австрийской политики, а именно выполняла роль противника и противовеса Коммунистической партии.

Однако имидж самих правящих австрийских партий то и дело подрывался громкими скандальными процессами, также связанными с нацистским прошлым их участников³. Столь своеобразный политический климат в Австрии, а также поддержка предпринимательских кругов, представляющих либеральную составляющую АПС, помогали партии долгие годы оставаться на плаву при поддержке 5–8% электората. Партия приобрела ядро сторонников и набралась политического опыта, что подготовило почву для ее политического взлета в 1980-х гг.

В начале 1980-х гг. демократически настроенное руководство предприняло попытку либерализации АПС. Но завершилась она провалом. С одной стороны, в 1983–1985 гг. АПС впервые была допущена в правительство, войдя в «малую коалицию» с теряющей позиции Социалистической партией Австрии, что окончательно закрепило за АПС название «третья сила» и повыси-

ло на нее спрос на политической арене Австрии. Но с другой – возник серьезный внутрипартийный раскол между либеральным крылом и ультраправыми консерваторами, сопровождающийся спадом популярности АПС. Парламентские выборы 1983 г. завершились наихудшим в истории партии результатом – 4,98% голосов избирателей.

Ситуация резко изменилась в пользу АПС в конце 1980-х гг., когда к власти пришли радикально настроенные силы, возглавляемые Йоргом Хайдером. В новом молодом лидере соединились харизматичность, ораторский талант, личные убеждения, коррелировавшие с ростом на тот момент националистических настроений в Австрии, и понимание складывающейся в стране политической ситуации, при которой социалисты (СПА) стремительно теряли популярность, но ни они, ни их партнеры по «большой коалиции» народники (АНП) не могли предложить австрийцам ясные ответы и понятные решения накопившихся в обществе проблем.

Возглавив в 1986 г. АПС, Й. Хайдер реанимировал старые традиции немецкого национал-радикализма и вывел этим АПС в ряды классических праворадикальных партий, идеологической основой которых является национализм. К концу 1980-х гг. на смену старому поколению в Австрии пришло новое, уже не относящееся критически к нацистскому прошлому собственной страны. Напротив, австрийская молодежь активно интересовалась имперским прошлым, и ей импонировали требования нового руководителя АПС освободить австрийскую нацию от коллективной вины за нацистские преступления, якобы мешающей развитию позитивной национальной идентичности

³ Например, «Дело Крайского – Петера – Визенталя», расследование которого показало, что пять министров правительства Бруно Крайского от СПА имели нацистское прошлое. Много споров вызывает и фигура австрийского президента Курта Вальдхайма от АНП, бывшего офицера вермахта и подозреваемого в причастности к расправе над югославами в Козаре.

[Погорельская 2004]. При этом Й. Хайдер отрицал самостоятельное существование австрийской нации, а в программе Австрийской партии свободы открыто значилось, что австрийцы принадлежат к немецкому народному и культурному обществу.

На парламентских выборах 1990 г. АПС улучшила свои результаты до 16,6%, а в 1994 г. – до 22,5%. Но триумф партии пришелся на 1999 г. – второе место и 27,22% голосов избирателей на парламентских выборах, а также формирование коалиционного правительства вместе с откатившейся на третье место Австрийской Народной партией. Успеху австрийских ультраправых способствовал целый ряд субъективных и объективных обстоятельств 1990-х гг. Благоприятный внутриполитический климат дополнился характерной экономической ситуацией: Австрия готовилась вступить в Европейский Союз; стремительно росло число граждан, как из рабочей среды, так и предпринимателей, недовольных экономической политикой все меньше отличимых друг от друга мейнстримных партий – Австрийской Народной партии и Социал-демократической партии Австрии; кроме того, в стране росло число безработных среди коренного населения на фоне нарастающей волны иммиграции. Лидер Австрийской партии свободы умело использовал эти обстоятельства. Его стратегия была проста: привлечь на свою сторону максимальное количество избирателей [Luther 2008, pp. 104–122]. Пообещав не урезать пенсии рабочим и не поднимать налогов людям, получающим малый доход, Й. Хайдер перетянул себе голоса от социалистов. Внося в программу партии широкие рыночные меры (быструю приватизацию, либерализацию рынка электроэнергетики), ультраправый лидер обнадежил бизнес-элиту. И наконец, он смог сплотить вокруг себя все националистически настроенные группы.

Формирование коалиционного правительства АНП–АПС в начале 2000 г. было встречено многотысячными протестами внутри страны, а также введением санкций против Австрии со стороны ЕС. Лидерам Евросоюза не нравились не только пронацистская риторика Й. Хайдера, но и ультимативные претензии к кандидату в ЕС Чехии, от которой АПС требовала отказа от «Законов Бенеша», согласно которым в конце 1940-х гг. из Судетской области было выслано в ФРГ большинство граждан немецкой национальности [Швейцер, Грибовский 2018, с. 50]. Однако после подписания АПС коалиционной программы, перечеркивающей все предвыборные обещания Й. Хайдера, рейтинги партии мгновенно пошли вниз. За два с половиной года популярность ультраправых упала практически в три раза, с 27 до 10%. Таким образом, вхождение ультраправых во власть закончилось полным провалом. Вызвано это было ухудшением имиджа АПС, имевшей равный с АНП удельный вес в правительстве, но не демонстрировавшей инициативность и эффективность при проведении необходимых социально-экономических реформ и разрешении чрезвычайных ситуаций. Летом 2002 г. Австрия оказалась в зоне мощнейшего наводнения, и именно в этих условиях правительство АНП–АПС не смогло найти компромисс по бюджету, из которого следует выделять средства для ликвидации последствий наводнения. Й. Хайдер занялся перетасовкой министров от АНП, растянувшейся до весны 2005 г., чем окончательно разобщил ряды партии и еще больше понизил собственный вотум доверия в народе. В 2005 г. произошел раскол АПС. Й. Хайдер покинул ряды партии и основал новую, весьма интересную партию «Союз за будущее Австрии» [Швейцер 2009, с. 65], перетянувшую на себя всех членов правительства от АПС и боль-

шую часть ее парламентской фракции, а также часть ультраправого электората. Оказались расколоты и региональные организации АПС, на местных выборах началось активное соперничество между АПС и Союзом за будущее Австрии, который стремился закрепить за собой либеральный имидж, делал упор на принципах социальной рыночной экономики, семейных ценностях и личных свободах, включая права меньшинств. В 2008 г. Й. Хайдер трагически погиб, и деятельность Союза за будущее Австрии стала постепенно сходить на нет. Однако позиционный поворот, продемонстрированный Й. Хайдером, в очередной раз доказал неординарность этой личности как лидера.

Обновление и возвращение во власть

Несмотря на трудности начала 2000-х гг., включающие уход харизматичного Й. Хайдера, кризис внутри АПС не был продолжительным. На руку Австрийской партии свободы сыграли рост антииммигрантских настроений в Австрии и недовольство населения углублением европейской интеграции. Лидерские позиции перешли к Хайнцу-Кристиану Штрахе. В целом текущая программа партии претерпела незначительные изменения со времен Й. Хайдера. Ее лозунг: «Австрия прежде всего». Но в тексте по возможности избегаются употребление слова «австрийцы». Вместо него используются иные термины, например «граждане Австрии», «народ Австрии», «наша нация». В программе АПС подчер-

кивается, что язык, история и культура Австрии немецкие, а большинство австрийцев «являются частью немецкого народного, культурного и языкового сообщества»⁴. Неотъемлемой частью Австрии и ее нации признаются и коренные этнические меньшинства. Между тем современная АПС отмежевывается от всех форм фанатизма и экстремизма, подчеркивая важность соблюдения европейских ценностей, либерально-демократических норм, неизбежность закона. Программа акцентирует гарантии свободы, безопасности, мира и благосостояния. Интересно, что в тексте программы Австрийской партии свободы понятие «культурная идентичность» встречается гораздо чаще, чем «национальная идентичность». При этом АПС настойчиво выступает за защиту нейтралитета и суверенитета Австрии. Таким образом австрийским ультраправым удается гармонично сочетать немецкий национализм с австрийским патриотизмом, что безусловно находит отклик у граждан Австрии. Парадоксально, но в деле укрепления позиций АПС и формирования толерантного к ней отношения в глазах избирателей имели большое значение продвигаемые истеблишментом в послевоенное время идеи самостоятельной австрийской нации и нейтральной Австрии, ставшей жертвой нацистского угнетения.

В целом вопрос национального самосознания весьма сложен и противоречив для рядового австрийца. Пропаганда «австрийской нации», образованной «коллективной волей населения» Австрии, стремившейся к независимости и свободе и «основанной на слиянии многообразных культурных им-

4 Parteiprogramm der Freiheitlichen Partei Österreichs (FPÖ) (2011) // Beschlossen vom Bundesparteitag der Freiheitlichen Partei Österreichs am 18. Juni 2011 in Graz // <http://www.parteiprogramm.at/bild/Parteiprogramme/FPÖE-Parteiprogramm2011.pdf>, дата обращения 12.06.2018.

пульсов, исходящих от бывших стран австрийской короны», была поставлена на государственные рельсы практически сразу после окончания Второй мировой войны. При этом в основу национального своеобразия была положена немецкая языковая общность. Активная пропаганда принесла свои плоды. Если в 1956 г. 46% австрийцев продолжали относить себя к «немецкому народу», то к началу XXI в. опросы демонстрировали уже 90% уверенность населения в существовании самостоятельной австрийской нации и суверенного национального государства Австрии. Вместе с тем подавляющее большинство опрошенных австрийцев не могло толком объяснить, в чем же заключаются их национальные особенности [Менассе 1999].

Шестидесятилетняя история АПС выявила еще одну ее особенность: ни одна другая современная западноевропейская ультраправая партия не меняла так много раз своих ориентаций и не игнорировала собственные программные установки сообразно политической ситуации, как это делала и продолжает делать Австрийская партия свободы [Heinisch, Hauser 2016, pp. 73–93]. Например, в современной литературе праворадикальные партии зачастую дополняются определениями «евроскептические», «антииммигрантские», «ориентированные на христианские ценности». Однако в случае с Австрийской партией свободы так было далеко не всегда.

Изначально АПС не входила в число противников европейской интеграции. В предвыборных манифестах партии 1986 и 1990 гг., напротив, подчеркивались экономические выгоды от потен-

циального вступления Австрии в Европейский Союз. И лишь после распада Советского Союза в 1991 г., а вместе с ним ослабления внешней угрозы, подписания Маастрихтского договора в 1992 г. и вступления Австрии в ЕС в 1995 г. риторика австрийских ультраправых резко изменилась на антиевропейскую. Манифесты 1994 и 1999 гг. уже выражали серьезную обеспокоенность негативными последствиями членства в ЕС, а именно возможными злоупотреблениями при распределении европейского бюджета и рядом угроз для австрийского рынка труда, в частности повышением уровня безработицы на фоне открытия границ и появления в стране дешевой иностранной рабочей силы [Williams 2013, pp. 138–140]. Спустя двадцать лет в ходе предвыборной кампании 2017 г. руководство АПС вновь смягчило свою антиевропейскую риторику, поскольку сегодняшнее австрийское общество в целом настроено проевропейски, и для Австрийской партии свободы было бы крайне рискованно (в плане размывания собственной электоральной базы) открыто выступать против ЕС. В программе АПС значится, что Австрия является частью культурного региона Европы, впитавшего в себя христианские, иудейские и некоторые иные нехристианские ценности, сформировавшие в итоге особый европейский взгляд на мир. Из программы следует, что австрийские ультраправые в целом позитивно относятся к единению Европы, однако подчеркивают важность свободы выбора каждого европейского народа⁵. В предвыборной кампании 2017 г. АПС в принципе не выступала против ЕС, но указывала на необходимость боль-

5 Parteiprogramm der Freiheitlichen Partei Österreichs (FPÖ) (2011) // Beschlossen vom Bundesparteitag der Freiheitlichen Partei Österreichs am 18. Juni 2011 in Graz // <http://www.parteiprogramm.at/bild/Parteiprogramme/FPOE-Parteiprogramm2011.pdf>, дата обращения 12.06.2018.

шей демократии вплоть до развития ее плебесцитарных форм, когда важные вопросы (как в Швейцарии) выносятся на народный референдум.

Что касается христианских ценностей, то только в конце 1990-х гг., стремясь максимально расширить свою электоральную базу, АПС начала аккуратно продвигать идею христианских корней и ценностей как основы Западного мира [Rosenberger, Hadj-Abdou 2013, pp. 149–163].

Ну и далеко не всегда Австрийская партия свободы была явным противником иммигрантов. Напротив, экономический бум в 1950–1960-х гг. привел к росту спроса на иностранную рабочую силу. Австрия заключала двухсторонние соглашения с южной и юго-восточной Европой, а также Турцией по приему временных работников на своей территории. В этот период агитировать против трудовых мигрантов могла себе позволить только Национал-демократическая партия Австрии (НДПА), созданная в 1967 г. из отколовшихся максимально радикализированных элементов АПС. Партия призывала к аншлюсу Австрии, идеологически и структурно была близка Национал-демократической партии Германии, созданной в ГДР в 1964 г. Экстремистская НДПА набрала всего 0,1% голосов избирателей на своих единственных парламентских выборах в 1970 г., а в 1988 г. была запрещена Конституционным судом Австрии.

Тем не менее, нефтяной кризис 1973 г. и последовавший за ним экономический спад скорректировали толерантное отношение к гастарбайтерам. В 1980-х гг. произошла активная политизация иммиграционного вопроса в Австрии. И оппозиционные пар-

тии, в том числе и АПС, незамедлительно подключились к процессу. Исследователи выделяют три этапа развития антииммигрантской и ксенофобской риторики Австрийской партии свободы. Первый этап негативного отношения к иностранцам приходится на 1986–1999 гг. и в целом связан с экономическими и социальными вопросами, а именно с ростом безработицы среди коренного населения, ухудшением криминогенной обстановки, неправомерностью траты общественного благосостояния на иммигрантов, которые, в свою очередь, создают угрозу австрийским ценностям и национальной идентичности [Ter Wal 2002, pp. 157–178].

Второй этап развития антииммигрантской риторики приходится на 1999–2005 гг., т.е. на период пребывания АПС в коалиционном правительстве. Он характеризуется изменением политического стиля в направлении сотрудничества с мейнстримными партиями по самым разным вопросам, включая отношение к мигрантам. Парадоксально, но даже теракты 11 сентября 2001 г. не изменили этого политического тренда. Однако критическое снижение популярности Австрийской партии свободы и ее раскол в начале 2000-х гг. показали, что антииммигрантская риторика способна принести больше политических дивидендов. Во-первых, партии мейнстрима, занятые развитием интеграционных процессов в ЕС и осознающие зависимость от иностранной рабочей силы в виду стремительно стареющего европейского населения, не могут коренным образом изменить свое терпимое отношение к мигрантам, поскольку пытаются решить за их счет демографические и экономические проблемы стра-

6 В докладе ООН «Замещающая миграция: дает ли она решение проблем сокращения и старения населения?» отмечается, что для поддержания постоянной численности населения ЕС в 2000–2050 гг. необходимо привлечь не менее 47 млн мигрантов из третьих стран, иными словами – почти по миллиону в год.

ны⁶. Следовательно, педалирование иммиграционной проблемы в глазах избирателей остается прерогативой оппозиции, прежде всего крайне правой. Вторых, антииммиграционная риторика, по сути, идеологически близка ультраправому лагерю, поскольку представляет собой новую форму национализма. И отказ от нее противоречил бы убеждениям традиционного электората АПС [Wolfreys 2013, pp. 19–37].

Третий этап ксенофобской волны Австрийской партии свободы начинается с 2005 г., момента очередного ухода партии в оппозицию и прихода нового лидера Х.-К. Штрахе, сделавшего акцент именно на «культурных различиях» австрийцев и иммигрантов. Антиисламский дискурс стал одним из ключевых моментов риторики АПС. Наиболее известные партийные слоганы, использовавшиеся партией в предвыборных кампаниях второй половины 2000-х гг., строились на непримиримой дихотомии между «нами» (христианами) и «другими»: «Родина, а не ислам», «Церковные колокола вместо муэдзина», «Запад в руках христиан» [Rosenberger, Hadj-Abdou 2013, pp. 149–163]. Масла в огонь подливал развивающийся исламистский религиозно-мотивированный терроризм. Запуганные европейские граждане начали внимательнее прислушиваться к ультраправым. На парламентских выборах 2008 г. Австрийская партия свободы получила уже 17,5% голосов избирателей⁷, а на выборах 2010 г. в городской и земельный совет Вены – 25,8%⁸. В дальнейшем популярность партии только росла.

Политолог, профессор Венского университета Хайнц Гертнер считает, что именно тема мигрантов и беженцев позволяет сегодня Австрийской партии свободы заручаться таким количеством голосов. В целом активная политизация иммиграционного вопроса продолжается более трех десятилетий. В настоящий момент проблема затрагивает все возможные аспекты: социальный, экономический, культурный, религиозный. Европейский миграционный кризис 2015 г. обострил ситуацию до предела, сделав иммиграционный вопрос ключевым в большинстве предвыборных кампаний стран ЕС в 2016–2017 гг. Австрия не стала исключением, оказавшись в эпицентре волны беженцев с Востока и приняв в кризисный 2015 г. около 90 тыс. беженцев, что соответствует 1% населения страны. Еще несколько сот тысяч переселенцев прошли через ее территорию в другие страны ЕС. Ряд жестоких террористических актов в европейских городах и получающие широкую огласку преступления мигрантов на сексуальной почве окончательно закрепили тенденцию недоверия граждан курсу традиционных партий. На парламентских выборах в октябре 2017 г. Австрийская партия свободы получила 26% голосов избирателей. По мнению австрийского политолога из университета г. Кремс Петера Фильцмайера, австрийские праворадикалы в настоящее время укрепили свою политическую силу в австрийском обществе настолько, что без их участия теперь крайне трудно будет создавать правящую коа-

7 Nationalratswahl-Ergebnisse Österreich seit 1945 (2017) // Wien-konkret.at // <http://www.wien-konkret.at/politik/wahlen/nationalratswahlergebnisse-oesterreich/>, дата обращения 12.06.2018.

8 Ergebnisse der Wien-Wahlen 1945–2010 (2010) // Wien-konkret.at // <http://www.wien-konkret.at/politik/wahlen/wienwahl2010/ergebnisse/>, дата обращения 12.06.2018.

9 Gärtner H. (2017) FPÖ: Auf Augenhöhe mit den Etablierten // Universität Wien, Oktober 17, 2017 // <http://homepage.univie.ac.at/heinz.gaertner/?p=1943>, дата обращения 12.06.2018.

10 Goncharenko R. (2017) "Putins Freunde" in FPÖ vor Machtrückkehr // Deutsche Welle, Oktober 17, 2017 // <http://amp.dw.com/de/putins-freunde-in-fp%C3%B6-vor-machtr%C3%BCckkehr/a-40945913>, дата обращения 12.06.2018.

лицию¹⁰. Действительно, к концу 2017 г. АПС совместно с Австрийской народной партией сформировали новое правительство, в котором 6 из 13 министерских портфелей отошли ультраправым, а их лидер Х.-К. Штрахе получил пост вице-канцлера Австрии. В 2016 г. у руководителя АПС были все шансы победить на президентских выборах, однако он предпочел альтернативу побороться в 2017 г. за пост канцлера – фигуры, имеющей реальную политическую власть в Австрии, в отличие от представительских функций президента. И тем не менее Норберт Хофер, кандидат от АПС на должность президента Австрии, едва не одержал победу на выборах. 22 мая 2016 г. с результатом 49,65% он уступил своему сопернику от Партии зеленых Александру ван дер Беллену ничтожные 0,6%¹¹. Что касается кандидатов в президенты от правящих АНП и СПА, то они набрали на двоих лишь 22% голосов избирателей в первом туре и не смогли пройти во второй. Президентские выборы 2016 г. стали тревожным звонком для австрийских мейнстримных партий в преддверии парламентских выборов 2017 г. Рейтинговая тенденция проводимых соцопросов весной 2017 г. также указывала на вполне вероятный вариант прихода АПС в высшие органы власти. Так, в марте 2017 г. за АПС готовы были отдать голоса около 30% избирателей, при этом она обгоняла две ключевые партии: Социал-демократическую партию Австрии (29%) и Ав-

стрийскую народную партию (20%)¹². Для истеблишмента ситуация осложнялась еще тем, что все большее количество избирателей начали видеть в АПС не протестную партию, а скорее альтернативную, которой можно дать шанс и допустить в коалиционное правительство¹³. В этой ситуации многое зависело от того, какую тактику выберут основные политические силы страны, и в первую очередь тогдашние партнеры по правящей коалиции АНП и СПА. Выводы в рядах этих партий были сделаны незамедлительно [Швейцер, Грибовский 2018, с. 51]. Особому ребрендингу и реформам, инициированным в мае 2017 г., подверглась консервативная Австрийская народная партия. Ключевую роль в этом процессе сыграло назначение нового партийного лидера Себастьяна Курца, 31-летнего амбициозного и прагматичного политика, с успехом разыгравшего на новом посту мигрантскую карту¹⁴ и перехватившего тем самым инициативу у праворадикальной АПС. Журнал Time Magazine назвал С. Курца «новым типом государственного деятеля» (проводя параллель с французским президентом Эммануэлем Макроном), способным найти золотую середину между радикальными альтернативами, в австрийском случае – на примере миграционной политики¹⁵. С мая по октябрь 2017 г. новый лидер АНП перетянул к себе значительное количество сторонников других партий, прежде всего АПС. Рейтинг обновленной АНП

11 Оспорив результаты и добившись повторных выборов, Н. Хофер 4 декабря 2016 г. так и не смог опередить своего соперника от Партии зеленых и уступил ему уже 7,6% голосов избирателей.

12 Murphy F. (2017) Polls in Austria Show Erosion of Far-Right Freedom Party's Lead // U.S. News, March 20, 2017 <https://www.usnews.com/news/world/articles/2017-03-20/polls-in-austria-show-erosion-of-far-right-freedom-partys-lead>, дата обращения 12.06.2018.

13 Child D. (2017) Austria, Europe and the far right: A Q&A with Cas Mudde // AlJazeera, October 13, 2017 // <https://www.aljazeera.com/news/2017/10/austria-europe-qa-cas-mudde-171008122125853.html>, дата обращения 12.06.2018.

14 Geiger K. (2017) Sebastian Kurz. Macron des Ostens, Macron der Migration // Welt, October 15, 2017 // <https://www.welt.de/politik/ausland/article169660696/Sebastian-Kurz-Macron-des-Ostens-Macron-der-Migration.html>, дата обращения 12.06.2018.

15 Shuster S. (2017) A New Kind of Statesman // Time, March 2, 2017 // <http://time.com/collection-post/4684932/sebastian-kurz-next-generation-leaders/>, дата обращения 12.06.2018.

за этот период вырос на 10%. Причем предвыборная кампания 2017 г. продемонстрировала настолько серьезное сближение позиций народников и ультраправых, что после завершения парламентских выборов Х.-К. Штрахе, суммируя результаты АПС и АНП, позволил себе заявить: «Программу Австрийской партии свободы выбрали 60% граждан»¹⁶. Австрийская журналистка газеты *Die Wiener Zeitung* Ева Целеховски удачно охарактеризовала эту ситуацию, сказав, что новый лидер консервативной АНП «обогнал справа» ультраправую АПС¹⁷. В частности, австрийские консерваторы настолько ужесточили свое отношение к инокультурным мигрантам, что именно за их лидером С. Курцем в местных СМИ закрепилось прозвище «маленький Гитлер» («kurz» по-немецки означает «короткий», «маленький»). Лидер Австрийской народной партии также занял решительные, свойственные ультраправым, позиции по вопросам внутренней безопасности Австрии и ограничения власти Брюсселя касательно еврозоны. Австрийская партия свободы, в свою очередь, значительно снизила накал антиевропейской риторики и перешла в стан так называемых мягких евроскептиков. В итоге в ходе предвыборной кампании 2017 г. между АПС и АНП оставались небольшие разногласия лишь в экономической части их программ, что по сути и сделало возможным формирование в кратчайшие сроки после выборов устойчивой правящей коалиции между консерваторами и праворадикалами.

С одной стороны, очевидно, что австрийские консерваторы совершенно открыто использовали в своей послед-

ней предвыборной кампании нарратив правого популизма. Однако на этот шаг их, бесспорно, подтолкнула политика австрийских ультраправых, которые еще со времен Й. Хайдера добивались успеха главным образом благодаря популизму, делая акцент на определенных болезненных проблемах общества и недовольстве граждан политикой мейнстрима. Ситуация в Австрии далеко не исключительная. Можно даже сказать, что еще с 1980-х гг. в Западной Европе началась своеобразная «эра популизма», во многом благодаря повсеместно разворачивающейся деятельности ультраправых партий и продвигаемой ими риторики. Популизм постепенно вышел на первый план и во всех остальных противоборствующих партиях, участвующих в политическом процессе. Он стал необходимой частью каждой предвыборной кампании, апеллирующей к нуждам и требованиям широких народных масс.

Но с другой стороны, сложившаяся ситуация указывает и на наличие в австрийской политической системе структурных сдвигов. Размытие границ в глазах избирателей между АНП и АПС, до сих пор считавшимися принадлежащими к разным идеологическим течениям, сдвиг ультраправой партии к центру, а консерваторов резко вправо, закрепило за АПС позицию альтернативной партии и терпимое отношение к ней со стороны избирателей. По мнению австрийского политолога Хайнца Гертнера, современная политическая система Австрии из двухпартийной превратилась в трехпартийную. Он также утверждает, что сформировавшаяся трехпартийность не исчезнет даже в случае снижения актуальности те-

16 Strache: "60 Prozent haben FPÖ-Programmgewählt" (2017) // Kurier.at // <https://m.kurier.at/amp/politik/inland/wahl/strache-60-prozent-haben-fpoe-programm-gewaehlt/292.283.570>, дата обращения 12.06.2018.

17 Goncharenko R. (2017) "Putins Freunde" in FPÖ vor Machtrückkehr // Deutsche Welle, Oktober 17, 2017 // <http://amp.dw.com/de/putins-freunde-in-fp%C3%B6-vor-machtr%C3%BCckkehr/a-40945913>, дата обращения 12.06.2018.

мы миграции, поскольку Австрийская партия свободы имеет глубокие корни в австрийском обществе¹⁸. Схожее мнение придерживается и нидерландский политолог Кас Мудде, специализирующийся на исследованиях современных ультраправых партий. На примере Австрии, он говорит о конце эры «больших партий» в Европе¹⁹.

Следует сказать несколько слов о вхождении Австрийской партии свободы во власть и о сформированном при ее участии в 2017 г. коалиционном правительстве. Это событие сопровождалось рядом мирных митингов и демонстраций в конце 2017 – начале 2018 гг., собравших в общей сложности не более 20 тыс. сторонников левых организаций и движения в защиту беженцев. Однако эти цифры никоим образом не идут в сравнение со 150 тыс. протестовавших против вхождения праворадикалов в правительство в центре Вены в феврале 2000 г. В 2018 г. АПС воспринимается гражданами Австрии весьма спокойно. Более того, на ультраправых возлагается особая надежда в сфере кардинального изменения слишком толерантной позиции власти по отношению к нелегалам и беженцам. При этом, по мнению австрийских политологов, от коалиционного правительства АПС и АНП не ожидают никаких авторитарных поворотов, коренных изменений в отношении политических свобод, свободы слова и печати, независимости правосудия²⁰. Перспектива прочного и единого коалиционного правительства выглядит намно-

го лучше в отличие от периода вхождения АПС во власть в 2000–2006 гг., поскольку в настоящее время все основные руководители этой партии и близкие к ней по духу беспартийные выдвиженцы получили министерские портфели, включая посты министра обороны, внутренних и иностранных дел. За пределами правительства не существует теневого партийного лидера, имеющего право вето, как это было в случае с Й. Хайдером. С декабря 2017 г. у АПС сконцентрировались серьезные силы безопасности: полиция, армия, спецслужбы. Поэтому вполне логично ожидать ужесточения законов и мер, касающихся иммиграции, беженцев, охраны границ государства, преступности и терроризма, то есть вопросов, лежащих в основе платформы правопорядка австрийских ультраправых уже в течение нескольких десятков лет. Многие из этого уже нашло отражение в представленной коалиционным правительством программе под названием: «Вместе. Для нашей Австрии» на 2017–2022 гг., в разделе, посвященном вопросам внутренней политики государства²¹. Повышенное внимание в программе уделено нейтралитету Австрии и ее участию в международных организациях. Вопросы внешней политики, равно как и экономический блок, были переданы народникам и в ведомство федерального канцлера Австрии, пост которого получил лидер АНП С. Курц. Новый канцлер, придерживаясь единого с АПС мнения о необходимости сократить потоки беженцев, с легкостью перетягивает одея-

18 Wagener V. Österreich nach der Wahl. FPÖ: Auf Augenhöhe mit den Etablierten // Deutsche Welle // <http://m.dw.com/de/fp%C3%B6-auf-augen%C3%B6he-mit-den-etablierten/a-40968614>, дата обращения 12.06.2018.

19 Mudde C. Austrian elections are a wake-up call to Europe // <https://www.politico.eu/article/austrian-elections-are-a-wake-up-call-to-europe-green-party-far-right/>, дата обращения 12.06.2018. не открывается

20 Pelinka A. (2017) Österreich-Wahl. Eine autoritäre Wende wird es nicht geben // Zeit, October 13, 2017 // <http://www.zeit.de/amp/politik/ausland/2017-10/oesterreich-wahl-rechtspopulismus-fpoe-front-national>, дата обращения 12.06.2018.

21 Zusammen. Für unser Österreich. Regierungsprogramm 2017–2022 // https://www.oeh.ac.at/sites/default/files/files/pages/regierungsprogramm_2017-2022.pdf, дата обращения 12.06.2018.

ло на себя, усиливая позиции собственной партии за счет неустойчивой части ультраправого электората. Соцопросы в апреле 2018 г. показали, что за ультраправых готовы вновь проголосовать 22% избирателей, что уже на 4% меньше итогов парламентских выборов, прошедших в октябре 2017 г.²² По ряду вопросов, в частности отмены санкций против России, наблюдаются очевидное смягчение позиций АПС и готовность сотрудничать с партнерами по власти. Удастся ли консервативной АНП серьезным образом ограничить разросшиеся популярность и влияние ультраправой АПС – это вопрос времени. Однако коалиционная правительственная программа задекларировала несколько спорных моментов, удовлетворяющих националистическим программным установкам и предвыборным требованиям АПС, реализовать на практике которые едва ли представляется возможным. Речь идет о предоставлении двойного гражданства лицам, имеющим непосредственное отношение к территории и культуре бывшей Австрийской империи, например гражданам Южного Тироля²³, экономически развитого германоязычного региона в составе Италии, отделенного от Австрии почти сто лет назад, после Первой мировой войны, по Сен-Жерменскому мирному договору. Новая программа правительства закрепила также возможность проводить на территории Австрии регулярные референдумы по швейцарскому образцу.

Продолжительная история Австрийской партии свободы и этапы ее эволюции репрезентативны и весьма поучи-

тельны при обращении к исследованию ультраправых партий и движений в Западной Европе. Партия неоднократно переживала политические взлеты и падения. Причем последние были связаны не только с деактуализацией миграционных проблем или эрозией идеологии национализма, но и с чередой внутрипартийных расколов. Усиление в последние годы со стороны западноевропейских праворадикальных сил общего тренда – роста правого популизма – и вовлечение в этот процесс традиционных партий постепенно приводит в глазах избирателей к стиранию идеологических границ между партиями и делает возможными казавшиеся немыслимыми еще несколько лет назад политические альянсы. И это совершенно новая тенденция на европейской политической арене, где в разных странах до последнего времени довольно четко очерчивались границы не только политической корректности, но и политически допустимого для мейнстримных партий. Можно констатировать, что на наших глазах эти границы существенно смещаются вправо.

На протяжении более чем шести десятилетий Австрийская партия свободы следовала принципам собственной интерпретации австрийского национализма. Участие ее в коалиционных правительствах неоднократно приводило к обвальному падению популярности австрийских ультраправых в силу утраты поддержки базового правого электората. Искусственное формирование австрийской идентичности в послевоенный период и минимизация процесса денацификации в Австрии делают Австрийскую партию свободы достаточно опасным

22 Wahlumfragen für Österreich von 2018 // Neuwal.com // <https://neuwal.com/wahlumfragen/index.php?jahr=2018&cid=#id=#focus>, дата обращения 12.06.2018.

23 Zusammen. Für unser Österreich. Regierungsprogramm 2017–2022 // https://www.oeh.ac.at/sites/default/files/files/pages/regierungsprogramm_2017-2022.pdf, дата обращения 12.06.2018.

игроком на политической сцене страны, а также вдохновляющим примером для соседних стран, где националистические и ультраправые партии активизируются на фоне миграционного кризиса в ЕС. Впрочем, существующие политические реалии заставляют австрийских правых радикалов действовать в определенных рамках, балансируя между правым популизмом, немецким национализмом и австрийским патриотизмом.

Список литературы

- Менассе Р. (1999) Страна без свойств: Эссе об австрийском самосознании. СПб.: Санкт-Петербург – XXI век.
- Погорельская С.В. (ред.) (2004) Актуальные проблемы Европы. № 2. Правый радикализм в современной Европе. М.: ИНИОН РАН.
- Швейцер В., Грибовский В. (2018) Итоги парламентских выборов в Австрии // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. № 1. С. 49–54.
- Швейцер В.Я., Степанов А.И., Юданов Ю.И. (ред.) (2009) Государства Альпийского региона и страны Бенилюкс в меняющейся Европе. М.: Весь мир.
- Heinisch R., Hauser K. (2016) The Mainstreaming of the Austrian Freedom Party: the More Things Change // Radical Right-Wing Populist Parties in Western Europe. Into the Mainstream? (eds. Akkerman T., Lange S.L., Rooduijn M.), London: Routledge, pp. 73–93.
- Kamps St. (2007) Die Freiheitlichen – Nazistische Reinkarnation oder politische Erneuerung? GRIN Verla, pp. 27–31.
- Luther K.R. (2008) Electoral Strategies and Performance of Austrian Right-Wing Populism, 1986–2006 // The Changing Austrian Voter. Contemporary Austrian Studies (eds. Bischof G., Plasser F.), New Brunswick NJ: Transaction Publishers, pp. 104–122.
- Pelinka A. (2000) Jörg Haiders “Freiheitliche” – ein nicht nur österreichisches Problem // Liberalismus in Geschichte und Gegenwart (ed. Faber R.), Würzburg: Königshausen&Neumann, pp. 233–240.
- Rees Ph. (1990) Biographical Dictionary of the Extreme Right – Since 1890, New York: Simon & Schuster.
- Rosenberger S., Hadj-Abdou L. (2013) Islam at Issue: Anti-Islamic Mobilisation of the Extreme Right in Austria // Varieties of Right-Wing Extremism in Europe (eds. Mammone A., Godin E., Jenkins B.), London: Routledge, pp. 149–163.
- Ter Wal J. (2002) Anti-foreigner Campaigns in the Austrian Freedom Party and Italian Northern League: The Discursive Construction of Identity // The Haider Phenomenon in Austria (eds. Wodak R., Pelinka A.), New Brunswick: Transaction, pp. 157–178.
- Williams B. (2013) Right-Wing Extremism and the Integration of the European Union: Electoral Strategy Trumps Political Ideology // Varieties of Right-Wing Extremism in Europe (eds. Mammone A., Godin E., Jenkins B.), London: Routledge, pp. 138–140.
- Wolfreys J. (2013) The European Extreme Right in Comparative Perspective // Varieties of Right-Wing Extremism in Europe (eds. Mammone A., Godin E., Jenkins B.), London: Routledge, pp. 19–37.

Problems of the Old World

Freedom Party of Austria: between Right-wing Populism, Austrian Patriotism and German Nationalism

Anna S. BADAIEVA

PhD in Politics, Research Fellow, Theory of Politics Section, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences. Address: 23, Profsoyuznaya St., Moscow, 117997, Russian Federation. E-mail: annabadaeva@mail.ru

CITATION: Badaeva A.S. (2018) Freedom Party of Austria: between Right-wing Populism, Austrian Patriotism and German Nationalism. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 11, no 3, pp. 53–68 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-3-53-68

ABSTRACT. Sixty years old Freedom Party of Austria (FPÖ) history is very representative for study West European far-right parties and movements. In last decade West Europe are going through the unprecedented rise of right-wing populism in conditions of citizens' dissatisfaction with traditional parties' politics and its institutions. Trying to retain their power the governance parties are involving in the common political trend: use narrative of right-wing populism, are ready to previously unthinkable party alliances erasing usual ideological boundaries. FPÖ exclusive characteristic consists in its special interpretation of Austrian identity combining German nationalism and Austrian patriotism. This position loyalty allows FPÖ to have its own stable electoral foundation and to hope for its support in crisis situations. FPÖ went through several intra-party conflict and experienced periods of serious falls and successful upgrades. At present the party is on its political rise supported by almost one third of Austrian electorate. FPÖ chairman Heinz-Christian Strache became the Vice-Chancellor of Austria after Austrian legislative election in 2017. FPÖ had 6 of 13 seats in the government led by Sebastian

Kurz. Set of specific to the Austrian society circumstances, such as denazification minimize and imitation of Austrian identity formation in the postwar period, politicization of the immigration issue escalated in 2015 by European migrant crisis, is making FPÖ a dangerous player on the Austrian political scene and an encouraging example for the far-rights parties of neighbor countries.

KEY WORDS: Freedom Party of Austria, right-wing populism, German nationalism, Austrian identity, far-right parties, Jörg Haider, Heinz-Christian Strache

References

Heinisch R., Hauser K. (2016) The Mainstreaming of the Austrian Freedom Party: the More Things Change. *Radical Right-Wing Populist Parties in Western Europe. Into the Mainstream?* (eds. Akkerman T., Lange S.L., Rooduijn M.), London: Routledge, pp. 73–93.

Kamps St. (2007) *Die Freiheitlichen – Nazistische Reinkarnation oder politische Erneuerung?* GRIN Verla, pp. 27–31.

Luther K.R. (2008) Electoral Strategies and Performance of Austrian Right-Wing Populism, 1986–2006. *The Changing Austrian Voter. Contemporary Austrian Studies* (eds. Bischof G., Plasser F.), New Brunswick NJ: Transaction Publishers, pp. 104–122.

Menasse R. (1999) *Strana bez svojstv: Esse ob avstrijskom samosoznanii* [Country without Properties: Essay on Austrian Identity], Saint-Petersburg: Sankt-Peterburg – XXI vek.

Pelinka A. (2000) Jörg Haider's "Freiheitliche" – ein nicht nur österreichisches Problem. *Liberalismus in Geschichte und Gegenwart* (ed. Faber R.), Würzburg: Königshausen&Neumann, pp. 233–240.

Pogorel'skaya S.V. (ed.) (2004) *Aktual'nye problemy Evropy. № 2. Pravyj radikalizm v sovremennoj Evrope* [Europe Actual Problems. No 2. The Radical Right in Contemporary Europe], Moscow: INI-ON RAS.

Rees Ph. (1990) *Biographical Dictionary of the Extreme Right – Since 1890*, New York: Simon & Schuster.

Rosenberger S., Hadj-Abdou L. (2013) Islam at Issue: Anti-Islamic Mobilisation of the Extreme Right in Austria. *Varieties of Right-Wing Extremism in Europe* (eds. Mammone A., Godin E., Jenkins B.), London: Routledge, pp. 149–163.

Shvejtser V.Ya., Stepanov A.I., Yudanov Yu.I. (eds.) (2009) *Gosudarstva Al'pijskogo regiona i strany Benilyuks v menyayushhejsya Evrope* [The States of Alpine Region and Countries of Benelux in the Changing Europe], Moscow: Ves' Mir.

Shvejtser V., Gribovsky V. (2018) Ito-gi parlamentskikh vyborov v Avstrii [The Results of the Parliamentary Election in Austria]. *Scientific and Analytical Herald of IE RAS*, no 1, pp. 49–54.

Ter Wal J. (2002) Anti-foreigner Campaigns in the Austrian Freedom Party and Italian Northern League: The Discursive Construction of Identity. *The Haider Phenomenon in Austria* (eds. Wodak R., Pelinka A.), New Brunswick: Transaction, pp. 157–178.

Williams B. (2013) Right-Wing Extremism and the Integration of the European Union: Electoral Strategy Trumps Political Ideology. *Varieties of Right-Wing Extremism in Europe* (eds. Mammone A., Godin E., Jenkins B.), London: Routledge, pp. 138–140.

Wolfreys J. (2013) The European Extreme Right in Comparative Perspective. *Varieties of Right-Wing Extremism in Europe* (eds. Mammone A., Godin E., Jenkins B.), London: Routledge, pp. 19–37.

Левый популизм в странах Запада. Феномен Ж.-Л. Меланшона

Дмитрий Викторович ШМЕЛЕВ

доктор исторических наук, профессор кафедры истории и связей с общественностью, Казанский национальный исследовательский технический университет им. А.Н. Туполева. Адрес: 420111, Казань, ул. К. Маркса, д. 10.

E-mail: dmitryShmelev@mail.ru

ЦИТИРОВАНИЕ: Шмелев Д.В. (2018) Левый популизм в странах Запада. Феномен Ж.-Л. Меланшона // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 11. № 3. С. 69–84. DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-3-69-84

АННОТАЦИЯ. В статье исследуется феномен левого популизма в Западной Европе. На примере Франции автор рассматривает специфику и исторические истоки левого популизма, его идеи и лозунги, избирательные технологии, факторы присутствия на политической сцене. В центре внимания находится политическая деятельность Жана-Люка Меланишона, его избирательная кампания на президентских и парламентских выборах 2017 года во Франции. В статье рассматриваются ключевые этапы политической карьеры Меланишона, особенности его политического дискурса и программа, создание Левого фронта, условия подъема и специфика левого популизма во Франции. Среди специфических черт французского левого популизма выделены антиэлитизм, антисистемность, эгалитаризм и требование социальной справедливости, пацифизм и критика неолиберального варианта глобализации. Автор считает, что подъем левого популизма во Франции привел к существенным изменениям в расстановке политических сил в период президентской и парламентской кампаний весны и лета 2017 года, выдвинув Меланишона на передний план политической борьбы. В свете эволюции политической ситуации во Франции в статье анализирует-

ся последующая деятельность Меланишона, связанная с его позицией вокруг дебатов о реформе трудового законодательства, социальными протестами осенью 2017 и весной 2018 года, отношениями с другими левыми партиями и движениями, структурными изменениями внутри «Непокоренной Франции». В статье подчеркивается неоспоримое лидерство движения Меланишона среди крайне левых организаций; отмечается, что сохранение на данный момент горизонтальных структур «Непокоренной Франции» (социальные сети, автономные инициативы, милитантизм), медийной стратегии, специфика политического дискурса и апелляция к разным слоям электората, участие в социальных протестах позволяют говорить о французском левом популизме и Меланишоне как главном политическом конкуренте президента Макрона.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: левый популизм, Франция, Левый фронт, «Непокоренная Франция», Ж.-Л. Меланишон, крайне левые

В современной политической истории Запада популизм часто выступал как инструмент политической борьбы и прихода к власти. Наряду с пра-

вым популизмом, широко представленным в различные эпохи, существовали также варианты левого популизма, имевшего идейную подпитку в виде утопических социальных народных проектов, деятельности левацких групп, оспаривавших более умеренную и конформистскую политику классических левых партий. Общей особенностью популизма правого или левого толка является тот факт, что он, по словам Ф. Закария, подразумевает «подозрительность и враждебность в отношении элит, мейнстримной политики и действующих институтов», воспринимается «как голос забытых “простых” граждан и отражение истинного патриотизма» [Закария 2016, с. 82]. На рубеже XX–XXI вв. торжество либерализма было поставлено под сомнение новым подъемом крайне правых партий, активно продвигавших антииммигрантские и антилиберальные лозунги. Одновременно в странах Западной Европы (Великобритании, Франции, Германии) и Латинской Америки имел место т.наз. «левый поворот», ассоциировавшийся с приходом к власти обновленных социал-демократических и левых популистских партий. Более того, монополии традиционных левых партий и движений, сместившихся к центру и критикуемых за чрезмерную ориентацию на рынок, в политическом пространстве потеснили «новые социальные движения» – альтерглобалисты, экологи и «зеленые», движения за права этнических и культурных меньшинств, феминистское движение, движения за права сексуальных меньшинств и т.п. Если правые популисты продолжали сохранять и отстаивать привычные для себя лозунги, то левый популизм, наоборот, получил широкое поле для маневра. Представители левых популистских партий и движений выступали с критикой правящей политической элиты (как на наци-

ональном, так и на общеевропейском уровне), призывали уделять внимание проблемам рядовых граждан, обращали внимание на необходимость развития прямой демократии, критиковали господство неolibерального капитализма, неспособность правительств решить проблемы иммигрантов, безработицы, терроризма. Имея широкую, хотя и аморфную, социальную базу, левые популисты активно пропагандировали идеи социальной справедливости, перераспределения экономических благ в пользу нуждающихся категорий населения, выступая против давления бюрократии и за развитие гражданской инициативы. Под влиянием изменений, происходящих в мире, к их дискурсу добавились пацифизм и антиамериканизм.

Несколько важных факторов обусловили активное присутствие левого популизма в политике: проблемы системных партий, кризис устоявшегося социального порядка и непрекращающийся рост безработицы под влиянием социально-экономического кризиса 2008–2009 гг., требование реформировать существующую социальную систему в интересах всех граждан, утрата населением веры в способность политических институтов преодолеть кризисные явления, необходимость преодоления политической отчужденности масс и др. В этом контексте левый популизм не только сохранил свою утопическую составляющую в виде идеи всеобщего блага и равенства (с ведущей ролью государства в достижении социальной справедливости и перераспределении благ) и апелляции к широким массам населения, но и остался прагматичным течением, имевшим конъюнктурную политическую программу, набор избирательных технологий и инструментов воздействия на массы, был по-прежнему нацелен на прямой контакт между своими лидерами и наро-

дом. Но при всем стремлении к обновлению политической жизни и лозунгов левый популизм оставался заложником существующих правил игры. Как писал Ф. Закария, «повестка новых левых не сильно отличается от программы старых левых. Во многих европейских странах левые популистские партии сегодня гораздо ближе к центру, чем 30 лет назад» [Закария 2016, с. 83]. В свою очередь Э. Лаклау отметил присутствие левому популизму отсутствие специфического содержания и политически нейтральный механизм, находящийся на службе исчезающих идеологий, когда «народ» выступает как политическая категория, а не как данность социальной структуры, а социальная трансформация становится следствием политического процесса [Laclau 2008, pp. 223, 260].

Левый популизм во Франции

Во Франции левый популизм означает быть левее традиционной левой. Его идеологические корни уходят в историю леворадикальных течений, которые, как и другие французские политические культуры, возникают в эпоху Французской революции, действуют и эволюционируют на протяжении двух последующих столетий. Падение влияния Французской коммунистической партии (ФКП), закат французского гошизма после майских событий 1968 г. привели к тому, что на рубеже 1970–1980-х гг. крайне левые оказались интегрированными в ряды Соцпартии (ФСП). Впоследствии кризис ФСП и идея «множественной левой», выдвинутая Л. Жоспеном в период третьего сосуществования (1997–2002), привели к «освобождению» левого популизма и возрождению неконформистского дискурса [Вершинин 2016, с. 72]. Непосредственным толчком к подъему крайне левых послужи-

ли забастовки и социальные протесты осенью 1995 г., направленные против жесткой либеральной политики правительства А. Жюппе, а также организационное оформление антиглобалистского движения. На фоне провала идеи «множественной левой» в начале 2000-х гг. крайне левые впервые на президентских выборах 2002 г. в совокупности преодолели десятипроцентный барьер в первом туре (О. Безансено – 4,25% и А. Лагийер – 5,7%). В 2005 г. референдум по европейской конституции привел к формированию широкого пространства диалога между профсоюзами, альтерглобалистами и политическими партиями, сделав актуальным лозунг объединения за «левую левую» («la gauche de la gauche»). Кандидатура популярного антиглобалиста и лидера Крестьянской конфедерации Ж. Бове на президентских выборах 2007 г., а затем основание и подъем Левого фронта Ж.-Л. Меланшона, создание антисистемного движения «Непокоренная Франция» в 2017 г. закрепили новую тенденцию и привели к трансформации французского политического пейзажа.

Политическая карьера и стратегия Ж.-Л. Меланшона

Начавший свою политическую карьеру в леворадикальных (троцкистских) группах, принявший участие в протестах мая 1968 г., Жан-Люк Меланшон позднее вступил в ФСП, став руководителем ее федерации в Эссоне. Поддерживая политику и стратегию президента Ф. Миттерана, он тем не менее позиционировал себя на крайне левом фланге социалистов, основывая совместно с Ж. Дреем «Социалистическую левую». Знаковым для дальнейшей политической карьеры Меланшона стал съезд социалистов в Ренне в 1990 г., на котором проявился кри-

зис миттерановского течения и обсуждались перспективы дальнейшей стратегии ФСП. На съезде Дрей и Меланшон предложили идею создания «красно-розово-зеленого» альянса. Однако сторонникам умеренности удалось одержать верх, и принятая 21 марта 1990 г. резолюция провозгласила необходимость «объединения слева», подразумевая, что ФСП займет пространство на левом фланге и именно вокруг нее должны будут объединиться все левые партии и движения, включая коммунистов и экологов. В перспективе имелось в виду создание крупной левой социалистической партии, которая преодолела бы «синдром Тура» [Bergounioux, Grunberg 2005, pp. 346–347]. Таким образом, с начала 1990-х гг. можно отметить создание внутри ФСП оформленного течения «социалистической левой», вдохновленного выходцами из троцкизма Ж. Дреем, Ж.-Л. Меланшоном, бывшим руководителем «SOS-расизм» Х. Дезир и бывшей сторонницей Рокара М.-Н. Лиенман. В последующие годы участники группы пытались усилить свое влияние, участвуя в дискуссиях по обновлению руководства социалистов, критикуя направленность европейской интеграции и включив в свою доктрину антиглобалистский и антилиберальный дискурс. На короткий срок, в период с 2000 по 2002 г., Ж.-Л. Меланшон стал министром-делегатом по вопросам профессионального образования в правительстве социалиста Л. Жоспена.

После поражения Л. Жоспена в первом туре президентских выборов 2002 г. Ж.-Л. Меланшон и А. Эмманюэлли основали течение под названием «Новый мир», критикуя социалистов за конформизм по отношению к либеральной мондиализации, требуя смены политической стратегии. Их антилиберальная резолюция на съезде ФСП в Дижоне с требованием проведе-

ния «иной» политики и разрыва с либеральным консенсусом собрала 16,3% голосов. Во время кампании по ратификации проекта европейской конституции Ж.-Л. Меланшон совместно с М.-Ж. Бюффе (ФКП), О. Безансено (Революционная коммунистическая лига) и Ж. Бове (Крестьянская федерация) снова дистанцировался от официальной позиции ФСП, призвав к отрицательному ответу на референдуме 29 мая 2005 г. Но итоги референдума и действия Меланшона вызвали разногласия в рядах «Нового мира». Часть его членов во главе с Эмманюэлли создали новое течение под названием «Социалистическая альтернатива». Меланшон же основал ассоциацию «За социальную республику» с «республиканской и антилиберальной» ориентацией, призванной извлечь уроки из поражения советской модели и тупика европейской социал-демократии. Он считал, что кандидатом от социалистов на президентские выборы 2007 г. должен быть тот, кто выступал за отрицательный ответ на референдуме и, следовательно, мог бы вести независимые переговоры о новом конституционном договоре. Кроме того, Меланшон увязывал эти переговоры с выборами в Европейский парламент, которые должны были пройти в 2009 г. Однако в период избирательной кампании и особенно во втором туре выборов он призвал поддержать официального кандидата ФСП С. Руаяль в противовес кандидату правых Н. Саркози.

На состоявшемся после выборов в ноябре 2008 г. съезде социалистов в Реймсе снова встал вопрос о политической стратегии социалистов. С. Руаяль отстаивала сближение с правым центром, тогда как ее оппонент М. Обри – «чистоту левой» и верность традициям. Со своей стороны, Меланшон выступил против сближения с центром и призвал делегатов съезда присоединиться к ре-

золюции Б. Амона, назвав «историческим событием» видимое единство левого фланга партии. Но во время решающего голосования резолюция Амона набрала только 18,5% голосов против резолюции С. Руаяль с почти 29%. На следующий день Ж.-Л. Меланшон и М. Долез объявили о решении покинуть Социалистическую партию, чтобы создать новое движение. Новая структура получила название «Левая партия» (по образцу немецкой партии «Die Linke»). Обосновывая идею новой структуры, Меланшон предложил понятие «другой левой», конкурирующей с умеренными социалистами и подразумевающей создание альтернативного большинства, заняв пространство «левее левой» [Mélénchon 2009]. Он призвал к «созданию фронта левых сил на европейских выборах». 18 ноября ему удалось договориться об альянсе в форме партнерства с ФКП в «рамках левого фронта за другую социальную и демократическую Европу, против ратификации Лиссабонского договора и существующих европейских договоров»¹.

Официально Левая партия была учреждена на съезде 1 февраля 2009 г. Ж.-Л. Меланшон стал председателем ее национального бюро, а затем в ноябре 2010 г. – сопредседателем партии (совместно с Мартин Бийар). Одновременно его партия приняла участие в формировании политического альянса в перспективе европейских выборов под названием «Левый фронт». Первоначально в Левый фронт вошли ФКП, Коммунистическая партия Реюньона, Левая партия и Унитарная левая (часть Революционной коммунистической лиги). Позже Левый фронт был расширен за счет других крайне левых организа-

ций, в том числе экологистов и антиглобалистов. В июле 2009 г. Ж.-Л. Меланшон был избран депутатом Европейского парламента по списку «Европейские объединенные левые / Лево-зеленые Севера» (всего список получил 5 мандатов). На региональных выборах 2010 г. Левый фронт, поддержанный крайне левыми и некоторыми профсоюзными организациями, смог набрать в первом туре 5,84%, но во втором туре получил только 56 092 (0,26%).

Несмотря на весьма скромные результаты «другой левой», Ж.-Л. Меланшон 21 января 2011 г. объявил, что выдвинет свою кандидатуру на президентских выборах 2012 г. В течение нескольких недель он получил поддержку Левой партии, Унитарной левой и Федерации за социальную и экологическую альтернативу. На национальной конференции ФКП 16–18 июня 2011 г. за кандидатуру Меланшона проголосовали 59,12% активистов, и он был выдвинут единым кандидатом².

Влияние левого популизма на президентскую кампанию 2012 г.

Избирательная кампания 2012 г. дала возможность Меланшону заявить о себе как национальном лидере, имеющем свою программу и харизму. В ходе предвыборной кампании он активно использовал массовые митинги своих сторонников. Например, он собрал около 120 тыс. сторонников во время «марша за VI Республику» на площади Бастилии в Париже 18 марта 2012 г. В своих выступлениях он призывал ликвидировать «засилье финансовой олигархии»,

1 Jean-Luc Mélenchon Quitte le PS (2008) // Le Monde, November 7, 2008 // http://www.lemonde.fr/politique/article/2008/11/07/jean-luc-melenchon-quitte-le-ps_1115955_823448.html, дата обращения 15.02.2018.

2 2012: les Communistes se Rangent Derrière Mélenchon (2011) // Le Figaro, June 18, 2011 // <http://www.lefigaro.fr/politique/2011/06/18/01002-20110618ARTFIG00488-le-pcf-choisit-melenchon-pour-2012.php>, дата обращения 15.02.2018.

произвести раздел богатств для ликвидации финансовых рисков, увеличить налог на состояния, поднять минимальную заработную плату, ограничить перевод капиталов, перейти к новым типам производства и обратить внимание на экологические проблемы, активно делать инвестиции в культуру и образование, созвать Учредительное собрание для принятия новой конституции, выйти из НАТО и т.д.³ Социальный популизм кандидата Левого фронта, активная защита им интересов национальных, культурных, сексуальных меньшинств нередко облекалась им в революционную лексику («новый мир», «новая французская революция», «народный фронт» и т.п.). Он активно апеллировал к протестному электорату, отчасти унаследованному от компартии – рабочим традиционных отраслей промышленности, безработной молодежи, представителям средних слоев [Рубинский 2012, с. 21–22]. По результатам опросов, проведенных перед выборами 2012 г., рейтинг Меланшона колебался от 6 до 15%, конкурируя с рейтингами центриста Ф. Байру и М. Ле Пен⁴. Можно также отметить, что давление Левого фронта на левых избирателей побудило Ф. Олланда сделать ряд популистских заявлений и включить в свою предвыборную программу несколько радикальных мер, например обязательство повысить налог на физических лиц, чьи доходы превышают 1 млн евро в год, до 75%.

По результатам первого тура президентских выборов, состоявшегося 22 апреля 2012 г., Меланшон набрал 3 985 089 (11,1%) голосов, заняв четвертое место среди всех кандидатов. Со-

гласно одному из опросов, в первом туре Меланшон получил голоса 15% рабочих, 14% представителей промежуточных профессий, 18% временно работающих, 17% неактивных с низкими доходами, 23% голосов мусульман, 18% без религии и 16% молодежи в возрасте от 18 до 24 лет⁵. Во втором туре Ж.-Л. Меланшон призвал поддержать кандидатуру Ф. Олланда, который и был избран, получив 51,64% голосов избирателей и одержав победу над Н. Саркози.

Однако на парламентских выборах в июне того же года результат поддержки Меланшона и его партии французами оказался гораздо слабее. В первом туре выборов 10 июня 2012 г. кандидаты его партии собрали 6,91% (1,79 млн), а во втором лишь 1,08% голосов. При этом М. Ле Пен (НФ) и Ж.-Л. Меланшон столкнулись лицом к лицу в избирательном округе департамента Падде-Кале на северо-востоке страны, но оба потерпели неудачу. Меланшон набрал 21,48% голосов, уступив и М. Ле Пен (42,36%), и кандидату-социалисту Ф. Кемелю (23,5%). Левый фронт при поддержке ФСП получил 10 мандатов в Национальном собрании, и ему пришлось обращаться к депутатам от заморских департаментов, коммунистам и отдельным маргиналам, чтобы иметь возможность создать фракцию.

Подъем левого популизма

В целом президентские и парламентские выборы 2012 г. открыли перед «другой левой» возможности для пропаганды собственных идей и ча-

3 Mélenchon J.-L. (2012) A l'Humain d'abord. Le Programme du Front de Gauche et de Son Candidat Commun Jean-Luc Mélenchon // http://www.jean-luc-melenchon.fr/brochures/humain_dabord.pdf, дата обращения 17.02.2018.

4 Sondage. Mélenchon Devient le Troisième Homme (2012) // L'Obs, March 23, 2012 // <https://www.nouvelobs.com/politique/election-presidentielle-2012/20120322.OBS4390/sondage-melenchon-devient-le-troisieme-homme.html>, дата обращения 15.02.2018.

5 Sondage Jour du Vote au Premier Tour. Présidentielle (2012) // OpinionWay-Fiducial, April 22, 2012 // http://opinionlab.opinion-way.com/dokumenty/Sondage%20jour%20de%20vote-SOCIOLOGIE%20DU%20VOTE%20VF%20OLAB_5.pdf, дата обращения 15.02.2018.

стичной их реализации. Левые господствовали в стране, контролируя власть на местном и национальном уровнях, имея абсолютное большинство в Национальном собрании. Однако разочарование французов от действий правительства Ф. Олланда оказалось велико. Эти настроения быстро уловил Меланшон, закрепляя свой имидж харизматичного левого популиста. Его сторонники критиковали «безумную политику» президента, которая «ведет к катастрофе» Францию и Европу. В январе 2013 г. крайне левые расценили как неприемлемый договор «о поддержании занятости», заключенный между профсоюзами и работодателями, и подвергли его обструкции за «многочисленные социальные отступления», равно как и анонсированный правительством в декабре того же года «пакт ответственности» между бизнесом и правительством. 5 мая 2013 г. в Париже прошла организованная левыми демонстрация под лозунгом «гражданский марш за VI Республику». 1 декабря того же года Меланшон руководил в Париже новой манифестацией за «налоговую революцию», протестуя против роста тарифов ТВА, предложенного правительством Ж.-М. Эйро. В марте 2014 г. Левый фронт с разочарованием встретил назначение правого М. Вальса главой правительства, но так и не смог внести свои коррективы в правительственную программу, одобренную 29 апреля 2014 г.

Во время избирательной кампании на европейских выборах 2014 г. Левый фронт получил 8,57% голосов (в 2009 г. – 8,16%), а Меланшон был переизбран депутатом Европейского парламента. Сам он сосредоточился на кри-

тике правительства и практически не уделял внимания перспективам «другой левой». 22 июля 2014 г. Меланшон объявил об изменении своего статуса в рядах Левой партии: «Для меня это означает не уйти в отставку, а использовать себя иначе. Я посвящаю свое время организации жизни партии. Я пытаюсь кристаллизировать то, что существует вне меня. Мне нужно время, я не могу продолжать как раньше»⁶. Несколько недель спустя он объявил об уходе из руководства партии и создании коллегиального руководства. В сентябре 2014 г. он призвал к созданию широкого движения в пользу VI республики – альянс Левого фронта и «Европа-экология-зеленые», включая фрондирующее крыло ФСП, Новую антикапиталистическую партию и др. Его цель – создать подобное греческой «СИРИЗА», которая только что пришла к власти в результате выборов.

Однако дальнейшие события означали наступление серьезного социально-политического кризиса в стране. Социалисты потерпели тяжелое поражение на региональных выборах в марте и декабре 2015 г. Кроме того, попытка Ф. Олланда использовать лозунг национального единства перед лицом терроризма не увенчалась успехом. Она не принесла ему ощутимой поддержки ни со стороны правой оппозиции, ни со стороны левых. Это показала полемика вокруг ревизии Конституции с включением в нее статей о чрезвычайном положении и лишении французского гражданства лиц, осужденных за терроризм. Принятый в Национальном собрании проект был заблокирован в Сенате. Широкое движение протеста, особенно среди молодежи, вызвал про-

6. Boni M. (2014) Jean-Luc Mélenchon Quitte la Direction du Parti de Gauche // Le Figaro, August 22, 2014 // <http://www.lefigaro.fr/politique/le-scan/coulisses/2014/08/22/25006-20140822ARTFIG00053-jean-luc-melenchon-va-quitter-la-direction-du-parti-de-gauche.php>, дата обращения 15.02.2018.

ект реформы трудового законодательства. Результатом стал раскол в самом правительстве – отставка министра юстиции К. Тобира, представлявшего левое крыло большинства, и министра иностранных дел Л. Фабиуса [Рубинский 2016, с. 25–26]. В итоге в стране назрело почти всеобщее недовольство президентством Ф. Олланда. Президент оставался крайне непопулярным, а его рейтинг в 2016 г. колебался в диапазоне от 4 до 13%.

5 июля 2015 г. Ж.-Л. Меланшон заявил, что снова будет кандидатом на президентских выборах. 10 февраля 2016 г. он подтвердил свое намерение, отказавшись от участия в первичных выборах внутри левых и став кандидатом созданного в виде интернет-платформы движения «Непокоренная Франция». Иными словами, он предложил «кандидатуру, строящийся проект, средство совместной работы и инструмент действия». Конечная цель состояла в том, чтобы в случае победы собрать представительную ассамблею, обремененную задачей разработать новую конституцию⁷.

На протяжении нескольких месяцев его программа обсуждалась и корректировалась, в том числе в его блоге. Она была выстроена вокруг ряда типичных левых тезисов: мирная революция, критика господства финансовой олигархии, перераспределения доходов, полная занятость, социальные программы. Но она также учитывала настроенные избирателей, рост среди них пессимизма, утрату доверия к традиционным элитам, необходимость смены поколений. В этом плане задачей Меланшона было изменить формат политической борьбы и реформ, доказать кредитоспособность альтернативы «другой

левой», объединить массы под общим стремлением к переменам, совершить «гражданскую революцию». В декабре 2016 г. программа Меланшона была опубликована в виде книги под названием «Совместное будущее» [*Mélenchon* (1) 2016].

Главный тезис программы – «упразднить президентскую монархию» и «покончить с Пятой Республикой» – не был новым для политических требований, актуализируемый различными антисистемными группами в момент социально-политических трудностей. Но Меланшон дополнил его требованием созыва Конституционной ассамблеи, избираемой на пропорциональной основе, в том числе по жребию, открытой для участия всех граждан, но исключая бывших депутатов. Новую конституцию предлагалось одобрить на референдуме. Прямая демократия в политической жизни дополнялась социальной демократией. Например, это декларируемое право трудящихся выносить вотум недоверия руководству предприятия и накладывать вето на его решения; увеличение налогообложения крупных доходов («налоговая революция»), особенно свыше 1 млн евро; трудоустройство безработных на общественных работах, создание 3 500 тыс. рабочих мест при одновременном сокращении рабочей недели до 32 часов; повышение минимальной заработной платы до 1300 евро; снижение пенсионного возраста до 60 лет; постепенное свертывание атомной энергетики и т.п. В разгар предвыборной кампании Меланшон добавил к этим пунктам требования увеличить расходы бюджета на 270 млрд евро и повысить налоги на 120 млрд евро, увеличить ежегодный оплачиваемый отпуск до шести недель, а также

7 Laïreche R, Rousseau N. (2016) Mélenchon et Son Antisystème // *Liberation*, March 28, 2016 // http://www.liberation.fr/france/2016/03/28/melenchon-et-son-antisysteme_1442481, дата обращения 15.02.2018.

конфисковать все доходы, превышающие 400 тыс. евро в год. В экономической сфере Меланшон призвал освободить экономику от «мира финансов», то есть от неограниченных финансовых спекуляций, сверхдоходов, разделить банки на инвестиционные и коммерческие и т.п. Хотя эти требования не подкреплялись четко прописанными механизмами исполнения, тем не менее они были призваны привлечь к Меланшону протестный электорат.

Говоря о безопасности граждан, Меланшон предложил «возврат к разуму» в вопросах укрепления полиции и расширения полномочий соответствующих ведомств. Он критично оценивал расширение «репрессивного аппарата», считая, что решение проблемы лежит в социальной неустроенности иммигрантов и непривилегированных слоев общества. В вопросе иммиграции главный акцент он сделал не на правах иммигрантов, а на создании условий, которые «позволили бы каждому человеку жить в своей стране, так как эмиграция всегда связана со страданиями». Позже, отвечая кандидату «Республиканцев» Ф. Фийону на предложение об установлении квоты на иммиграцию, он высказался за смягчение условий воссоединения семей, за регулирование нелегальной рабочей силы, за доступ к французскому гражданству и к государственной медицинской помощи иностранцев, легально проживающих на территории страны⁸.

Наконец, в области внешней политики программа Меланшона демонстрировала разрыв с более умеренной позицией большинства левых, но в некоторых пунктах смыкалась с позицией правых популистов. В программе

четко прослеживался скептицизм относительно возможностей либеральной политики ЕС, функционирования наднациональных институтов и проектов вроде Трансатлантического партнерства. Меланшон высказался за выход из НАТО и зоны евро, а в случае если европейские партнеры не согласятся на глубокую реформу Евросоюза, то и из ЕС. Вместе с тем внешнеполитическая программа Меланшона ставила ряд актуальных вопросов, требующих разрешения: сближение с Россией, выход из системы ПРО в Восточной Европе, организация международной конференции по Крыму и фиксирование новых границ, действия США в Сирии. Отвечая в марте 2017 г. Б. Амону по поводу России, Меланшон подчеркивал: «Я никоим образом не связан с господином Путиным. Я категорически против его политики и, если я был бы русским, я голосовал бы не за его партию, а за моего товарища из русского Левого фронта, который находится в тюрьме...» (имелся в виду С. Удальцов. – Д.Ш.). При этом он подчеркнул: несмотря на трудное положение левых в России и преследование оппозиции, он не готов присоединиться к «хору раздраженных», которые призывают к усугублению конфликта с Россией, что вызывает у него «отвращение»⁹.

Избирательная кампания Ж.-Л. Меланшона в 2017 г.

1 декабря 2016 г. Ф. Олланд отказался снова стать кандидатом на президентских выборах. 22 и 29 января 2017 г. прошли первичные выборы по кандидатуре от Социалистической

8 Programme de Jean-Luc Mélenchon Candidat à l'Élection Présidentielle 2017 // Le Monde // <http://www.lemonde.fr/personnalite/jean-luc-melenchon/programme/>, дата обращения 17.02.2018.

9 Rieth B. (2017) Jean-Luc Mélenchon: Ce qu'il a Vraiment Dit sur la Russie, Poutine et la Syrie // Marianne, April 4, 2017 // <https://www.marianne.net/politique/jean-luc-melenchon-ce-qu-il-vraiment-dit-sur-la-russie-poutine-et-la-syrie>, дата обращения 17.02.2018.

партии – был определен Б. Амон. Попытка руководства ФСП и части активистов партии сдвинуть избирательную кампанию влево, перехватить популярность и лозунги Меланшона не сла в себе некоторую угрозу для него, но и давала преимущество. Несмотря на нападки правой и левой прессы, называвшей его программу «бредовой», обвинявшей его в экстремизме и квалифицировавшей его как «апостола революционных диктаторов»¹⁰, Меланшон сумел воспользоваться ситуацией, чтобы привлечь на свою сторону избирателей. Начиная с июня 2016 г. данные опросов избирателей давали Меланшону преимущество среди левых кандидатов. Накануне первого тура президентских выборов за него намеревались голосовать 19% избирателей, в том числе 32% избирателей Б. Амона, 30% избирателей Э. Макрона и 11% избирателей М. Ле Пен. В случае выхода Меланшона во второй тур он проиграл бы в дуэли с Э. Макроном (соответственно 43 и 57% намерений голосовать), но выиграл бы у Ле Пен (57% за Меланшона против 43% за Ле Пен) и Фийона (58 и 42% соответственно). В целом избиратели подчеркивали, что он действительно хочет изменения, называли его честным, хорошо знающим проблемы страны, симпатичным, доказавшим свою эффективность и подходящим на роль президента¹¹.

Ж.-Л. Меланшон активно использовал создавшуюся ситуацию, привлекая колеблющихся избирателей не

только своей популистской программой, но и новейшими избирательными технологиями: веб-радио, собственные голографические изображения во время митингов в Нанте, Клермоне-Ферране, Монпелье, Гренобле, Нанси и Режонбоне. Таким образом, он выбрал «цифровую стратегию», используя новые медиа и получив дополнительную возможность донести до избирателей свои лозунги. Сделав главной площадкой своей кампании интернет с его интерактивными технологиями, Меланшон стал настоящей звездой социальных сетей. Он часто появлялся на каналах в YouTube, имея к апрелю 2017 г. 270 тыс. подписчиков. Его канал в YouTube только с 1 января по 9 апреля 2017 г. набрал 13 млн просмотров, оставив далеко позади конкурентов (канал М. Ле Пен – 1 млн 610 тыс., Э. Макрона – 978 тыс., Ф. Фийона – 468 тыс., Б. Амона – 345 тыс.). Кроме того, он вел еженедельный выпуск под названием «Журнал недели» (*Revue de la semaine*). На своем митинге 5 февраля 2017 г. он впервые в мире предстал вживую в Лионе и в виде голограммы в Париже¹².

4 апреля 2017 г. состоялись телевизионные дебаты с участием всех одиннадцати кандидатов, победителем которых стал Ж.-Л. Меланшон. Его выступление признали наиболее убедительным 25% опрошенных, тогда как выступление Э. Макрона – 21%, а Ф. Фийона – 15%. Кроме того, по итогам социологического опроса, проведенного по-

10 Reymond M. (2017) Les Editocrates contre Jean-Luc Mélenchon (bis repetita) // ACRIMED, April 19, 2017 // <http://www.acrimed.org/Les-editocrates-contre-Jean-Luc-Melenchon-bis>, дата обращения 17.02.2018.

11 Enquête Electorale Française 2017 (Vague 13 / avril 2017) // Enefr // <https://www.eneffr/donnees-et-resultats/>, дата обращения 17.02.2018.

12 Lacarrière C. (2017) Mélenchon, Star Incontestée des Réseaux Sociaux pour le Sprint Final // L'Opinion, April 20, 2017 // lopinion.fr/edition/politique/melenchon-star-incontestee-reseaux-sociaux-sprint-final-124782, дата обращения 17.02.2018; Magal M. (2016) Stratégie Numérique: Jean-Luc Mélenchon Domine YouTube // Le Point, December 12, 2016 // http://www.lepoint.fr/presidentielle/strategie-numerique-jean-luc-melenchon-domine-youtube-20-12-2016-2091892_3121.php, дата обращения 17.02.2018; Moullot P. (2017) Jean-Luc Mélenchon en Hologramme: une «Première Mondiale»? // Liberation, January 12, 2017 // http://www.liberation.fr/politiques/2017/01/12/jean-luc-melenchon-en-hologramme-une-premiere-mondiale_1540898, дата обращения 17.02.2018.

сле телевизионных дебатов, Меланшон с 21% поддержки оказался на втором месте, уступив Э. Макрону (27%), но опередив Ф. Фийона (20%)¹³.

23 апреля 2017 г. Ж.-Л. Меланшон получил в первом туре президентских выборов поддержку 19,58% избирателей (7 060 885 чел.), снова заняв четвертое место среди всех кандидатов и не выйдя во второй тур выборов. Наилучшими оказались результаты Меланшона в заморских департаментах, а также в департаментах Сена – Сен-Дени, Дордонь, Арьеж¹⁴. В перерыве между первым и вторым туром Меланшон отказался от любых призывов к своим избирателям и не стал присоединяться к «республиканскому фронту» против М. Ле Пен. 26 апреля он решил не объявлять о своем собственном выборе, но, по всей видимости, проголосовал за Макрона, оставшись в рамках левой культуры и солидарности. Кроме того, согласно данным опросов, сторонники Меланшона также массово голосовали за Макрона¹⁵.

Победа Э. Макрона во втором туре означала формирование нового президентского большинства, вызвав к тому же глубокий кризис системных партий. Парламентские выборы должны были окончательно ответить на вопрос, кто будет доминировать в ближайшие пять лет в политической жизни Франции и сумеют ли Э. Макрон и его партия «Вперед, Республика!» подтвердить свой успех. Кроме того, результаты

парламентских выборов должны были также показать реальное политическое влияние Ж.-Л. Меланшона и «Непокоренной Франции».

В первом туре парламентских выборов 11 июня 2017 г. кандидаты «Непокоренной Франции» набрали 11,02% голосов, во втором туре 18 июня – 4,86%, что дало им 17 мест в Национальном собрании. Сам Меланшон в первом туре набрал 34,31% голосов, а во втором туре одержал верх с 59,85%, победив К. Версини, кандидата партии «Вперед, Республика!»¹⁶. В Национальном собрании он стал членом комиссии по иностранным делам, но вынужден был сложить мандат депутата Европейского парламента. Таким образом, новый расклад сил по итогам президентских и парламентских выборов дает весомое место присутствию левого популизма на французской политической сцене и фиксирует его место среди наблюдателей и строгих критиков действий правительства. В своем выступлении в обновленном Национальном собрании 4 июля 2017 г. Меланшон объявил, что не проголосует в поддержку правительства Э. Филиппа, назвав происходящее «актом насилия» и апеллируя к историческим параллелям времен Французской революции. Обращаясь к премьер-министру, он подчеркнул, что «Непокоренная Франция» – это не просто оппозиция его правительству, но «альтернатива миру», который он представляет¹⁷.

13 Clément L. (2017) Présidentielle. Jean-Luc Mélenchon, le Plus Convaincant du «Grand Débat» // Humanite, April 5, 2017 // <https://www.humanite.fr/presidentielle-jean-luc-melenchon-le-plus-convaincant-du-grand-debat-634339>, дата обращения 17.02.2018.

14 Présidentielle 2017: les Résultats du Premier Tour, Commune par Commune // Le Monde, April 24, 2017 // http://www.lemonde.fr/election-presidentielle-2017/article/2017/04/24/election-presidentielle-2017-cherchez-les-resultats-du-premier-tour-dans-votre-ville_5116163_4854003.html, дата обращения 17.02.2018.

15 Mathoux H. (2017) Finalement, les Electeurs de Mélenchon Ont Majoritairement Voté pour Macron au Second Tour // Marianne, May 9, 2017 // <https://www.marianne.net/politique/finalement-les-electeurs-de-melenchon-ont-majoritairement-vote-macron-au-second-tour>, дата обращения 17.02.2018.

16 Résultats des Elections Legislatives 2017 // [https://www.interieur.gouv.fr/Elections/Les-resultats/Legislatives/elecresult__legislatives-2017/path\)/legislatives-2017/013/01304.html](https://www.interieur.gouv.fr/Elections/Les-resultats/Legislatives/elecresult__legislatives-2017/path)/legislatives-2017/013/01304.html), дата обращения 17.02.2018.

17 J.O. Débats Parlementaires. Séance du Mardi 4 Juillet 2017 // Assemblée Nationale // <http://www.assemblee-nationale.fr/15/cri/2016-2017-extra/20171001.asp#P981344>, дата обращения 17.02.2018.

Ж.-Л. Меланшон и «Непокоренная Франция» после президентских и парламентских выборов

Последующий год для французского левого популизма стал серьезным испытанием. По мнению политолога и члена «Непокоренной Франции» Т. Геноле, Франция оказалась разделена на четыре блока, представленных Меланшоном, Макроном, правыми и М. Ле Пен, создавая новую партийно-политическую конфигурацию¹⁸. В Национальном собрании партия Э. Макрона «Вперед, Республика!» имела абсолютное большинство (313 из 577 мандатов), что не оставляло шанса оппозиции повлиять на принятие правительственных законопроектов. В этом плане она вынуждена была сделать ставку на уличные протесты. Тем более что Э. Макрон довольно быстро предоставил повод, инициировав ряд законопроектов, затронувших изменение налогообложения крупных состояний, акций и доходов, «морализацию» политической жизни, ограничение бюджетного дефицита и в особенности реформу трудового кодекса.

Реформа трудового законодательства, предпринятая Э. Макроном, по сути, продолжила политику прежнего президента, дополняя т.наз. «закон Эль-Комри», вызвавший активные социальные протесты в 2016 г. Она преследует цель упростить трудовое законодательство, оставив в нем лишь ба-

зовые принципы (минимальный размер оплаты труда, продолжительность рабочей недели в 35 часов, меры против дискриминации и необоснованных увольнений и т.п.). Все остальные вопросы должны решаться на переговорах между работодателями и работниками и определяться коллективными соглашениями. В целом, предполагалось, что реформа сделает более гибким французский рынок труда, даст возможность бизнесу регулировать численность работников и менять организацию труда в зависимости от конъюнктуры¹⁹.

В сентябре 2017 г. начались новые манифестации против трудовой реформы. Принятие правительственных предложений через издание ордонансов еще больше накалило ситуацию. 23 сентября «Непокоренная Франция» организовала крупную демонстрацию против реформы, которая объединила большинство левых политиков, недовольных действиями Макрона, включая П. Лорана (ФКП), О. Безансено (Новая антикапиталистическая партия) и двух бывших кандидатов на президентских выборах Б. Амона и Ф. Путу. Меланшон назвал реформу попыткой «государственного переворота в социальной сфере», призвав профсоюзы и политические партии объединиться против политики президента Макрона²⁰. Однако правительство осталось непреклонным, а Меланшон в ноябре 2017 г. признал поражение социального движения против ордонансов²¹.

18 Guénolé Th. (2017) Vers la Quadrupolarisation de la Vie Politique Française // Le Figaro, January 9, 2017 // <http://www.lefigaro.fr/vox/politique/2017/01/09/31001-20170109ARTFIG00262-vers-la-quadrupolarisation-de-la-vie-politique-francaise.php>, дата обращения 11.05.2018.

19 Peillon L., Eychenne A. (2017) Réforme du Code du Travail: Ce que Contient le Projet // Liberation, August 31, 2017 // http://www.liberation.fr/amphhtml/france/2017/08/31/reforme-du-code-du-travail-ce-que-contient-le-projet_1593206, дата обращения 11.05.2018.

20 Laïreche R. (2017) Pour Mélenchon, «La Bataille n'Est pas Finie, Elle Commence» // Liberation, September 23, 2017 // http://www.liberation.fr/france/2017/09/23/pour-melenchon-la-bataille-n-est-pas-finie-elle-commence_1598439, дата обращения 11.05.2018.

21 Jean-Luc Mélenchon: «Nous Sommes Encore Bien Fragiles» (2017) // Le JDD, November 26, 2017 // <https://www.lejdd.fr/politique/jean-luc-melenchon-nous-sommes-encore-bien-fragiles-3503273>, дата обращения 11.05.2018.

2 ноября 2017 г. «Непокоренная Франция» опубликовала тематическое досье, направленное против бюджета, предложенного правительством Э. Филиппа. Альтернативный бюджет был представлен ее депутатами на пресс-конференции, а затем стал предметом обсуждения в социальных сетях²².

Осенью 2017 г. определилась дальнейшая политическая стратегия Меланшона. Можно отметить, что ему удалось сохранить хрупкий союз крайне левых движений и по-прежнему претендовать на лидерство среди левой оппозиции. Были уточнены отношения с партнерами и союзниками по Левому фронту. Меланшон сохранил поддержку крайне левой партии «Вместе!» («Ensemble!»), руководители которой К. Отен и К. Фиат стали членами фракции «Непокоренной Франции» в Национальном собрании, а также части экологов, недовольных поддержкой их руководством Б. Амона во время избирательной кампании 2017 г. и вступлением Н. Юло в правительство Э. Филиппа. Оставались сложными отношения с коммунистами. В Национальном собрании существовали раздельно фракции «Непокоренной Франции» и коммунистов. Ж.-Л. Меланшона не было на «Празднике Юманите» в сентябре 2017 г., а национальный секретарь ФКП П. Лоран критиковал его за стремление «единолично обладать истиной». Тем не менее П. Лоран принял участие в манифестации 23 сентября, выражая готовность к конструк-

тивному сотрудничеству на почве борьбы с правительственными реформами²³. Наконец, в ряды «Непокоренной Франции» продолжает быть интегрирована Левая партия (8 из 17 депутатов фракции принадлежат к этой партии), резолюция национального совета которой от 16–17 декабря 2017 г. подтвердила главенство «Непокоренной Франции» как «первой и главной политической оппозиции»²⁴.

«Непокоренная Франция» завершила структурные изменения. Во время ее съезда в ноябре 2017 г. окончательно зафиксирована формула этого движения и опора на горизонтальные структуры – социальные сети (вместо партийных секций), автономные инициативы, «персонализированный милитантизм». В партии отсутствовали традиционные членские взносы. По словам политолога Ф. Эгель, «для нового поколения с изменением способов коммуникации форма иерархизированной, дисциплинированной политической партии не является больше приемлемой». Фактически закреплено лидерство в движении Меланшона и его команды. Однако при отсутствии явно выраженной партийной иерархии активисты оказались оттеснены от принятия важнейших решений²⁵. Была сохранена медийная стратегия. Так, 23 апреля 2018 г. появилось специализированное веб-телевидение «Непокоренной Франции», вещавшее в интернете и дублировавшее часть материалов в личном бло-

22 La France Insoumise Présente Son «Contre-budget» pour «l'Intérêt Général» (2017) // La Tribune, November 2, 2017 // <http://archive.wikiwix.com/cache/?url=https%3A%2F%2Fwww.latribune.fr%2Fconomie%2Ffrance%2Ffrance-insoumise-presente-son-contre-budget-pour-l-interet-general-756607.html>, дата обращения 11.05.2018.

23 Communistes et Insoumis, le Week-end où Tout a Basculé (2017) // Europe1, September 17, 2017 // <http://www.europe1.fr/politique/communistes-et-insoumis-le-week-end-ou-tout-a-basculé-3438569>, дата обращения 11.05.2018.

24 Duclos H.G. (2017) Résolution Politique Adoptée par le CN des 16 et 17 décembre 2017 // Le Parti de Gauche, December 19, 2017 // <https://www.lepartidegauche.fr/resolution-politique-adoptee-par-le-cn-des-16-et-17-decembre-2017/>, дата обращения 11.05.2018.

25 Roger P. (2017) La République en Marche et la France Insoumise, Mouvements de Haut en bas // Le Monde, September 15, 2017 // http://www.lemonde.fr/idees/article/2017/09/15/la-republique-en-marche-et-la-france-insoumise-mouvements-de-haut-en-bas_5186020_3232.html#6yGJstf2QolAiHc.99, дата обращения 11.05.2018.

ге Меланшона²⁶. Таким образом, движение Меланшона остается важной и боеспособной частью организованной левой оппозиции. Новый избирательный цикл и судьба протестного движения, с новой силой вспыхнувшего в мае 2018 г., покажут жизнеспособность альтернативы французского левого популизма, равно как и способность Меланшона стать главным политическим конкурентом Макрона.

В целом, избирательная кампания и подъем популярности Меланшона внесли существенную новизну в характер отношений как внутри левых сил, так и между левыми и правыми. Прежде всего, речь идет о специфике левопопулистского дискурса и новых методах ведения избирательной кампании. Антиэлитизм, антисистемность, антикапитализм и антилиберализм, эгалитаризм и требование социальной справедливости, пацифизм и критика неолиберального варианта глобализации – все это составило важную часть лозунгов Меланшона. Левый популизм продолжает опираться на исторически сложившуюся специфику леворадикальной политической культуры. Но в новых условиях быть левым для Меланшона и его сторонников – значит ассоциироваться с периодом президентства Ф. Олланда. Поэтому надо объединить народ вокруг «другой левой», совершить «гражданскую революцию». Этой цели служат не только традиционные леворадикальные лозунги и требования, но и достаточно агрессивные и провокационные стиль диалога и ведения избирательных кампаний, критика средств массовой информации, постоянное обращение к истории и революционной традиции (что можно квалифицировать как «винтажный популизм» или стори-

теллинг). Подобным образом, к слову, действовали испанское левое движение «Подemos» и американский сенатор Б. Сандерс, которого не раз цитировал Меланшон и опыт которого был учтен в его предвыборном штабе. Наконец, движение Меланшона решает ряд практических задач, нацеленных на обновление политического персонала, преодоление раскола среди левых, пробуждение внимания граждан к политике, поддерживая их стремление к изменению.

Список литературы

- Вайнштейн Г.И. (2013) Популизм в современной Европе // Мировая экономика и международные отношения. № 12. С. 24–33.
- Вершинин А.А. (2016) Французские ультралевые на рубеже веков // Современная Европа. № 3(69). С. 66–78.
- Закария Ф. (2016) Популизм на марше // Россия в глобальной политике. № 6. С. 82–92.
- Клинова М.В., Кудрявцев А.К., Тимофеев П.П. (ред.) (2017) Президентские выборы во Франции-2017: Материалы межинститутского круглого стола, состоявшегося в ИМЭМО РАН 1 марта 2017 года. М.: ИМЭМО РАН.
- Кузнецов А.В., Клинова М.В., Кудрявцев А.К., Тимофеев П.П. (ред.) (2016) Франция на пороге перемен: экономика и политика в начале XXI века. М.: ИМЭМО РАН.
- Рубинский Ю.И. (2012) Франция на новом витке истории: выборы 2012 года // Современная Европа. № 4(52). С. 19–33.
- Рубинский Ю.И. (2016) Франция на перепутье // Современная Европа. № 3(69). С. 23–31.

26 La France Insoumise Lance sa Chaîne de Télévision, «Canal Fi» (2018) // Europe1, April 24, 2018 // <http://www.europe1.fr/politique/la-france-insoumise-lance-sa-chaine-de-television-canal-fi-3634244>, дата обращения 11.05.2018.

Bergounioux A., Grunberg G. (2005) *L'Ambition et le Remords. Les Socialistes Français et le Pouvoir (1905–2005)*. Paris: Fayard.

Delapierre F. (2012) *Quelle Histoire! Chronique(s) du Front de Gauche*. Paris: Bruno Leprince.

Laclau E. (2008) *La Raison Populiste*. Paris: Seuil.

Mélenchon J.-L. (2009) *L'Autre Gauche*. Paris: Bruno Leprince.

Mélenchon J.-L. (2014) *L'Ère du Peuple*. Paris: Fayard.

Mélenchon J.-L. (1) (2016) *L'Avenir en Commun: le Programme de la France Insoumise et Son Candidat Jean-Luc Mélenchon*. Paris: Seuil.

Mélenchon J.-L. (2) (2016) *Le Choix de l'Insoumission: Entretien Biographique avec Marc Endeweld*. Paris: Seuil.

Mélenchon J.-L. (2017) *De la Vertu*. Paris: Ed. L'Observatoire.

Raynaud P. (2010) *L'Extrême Gauche Plurielle: Entre Démocratie Radicale et Révolution*. Paris: Perrin.

Left-wing populism in Western countries. The Phenomenon of J.-L. Mélenchon

Dmitry V. SHMELEV

DSc in History, Professor, Department of History and Public Relations, Kazan National Research Technical University named after A.N. Tupolev. Address: 10, K. Marx St., Kazan, 420111, Russian Federation. E-mail: dmitryShmelev@mail.ru

CITATION: Shmelev D.V. (2018) Left-wing populism in Western countries. The Phenomenon of J.-L. Mélenchon. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 11, no 3, pp. 69–84 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-3-69-84

ABSTRACT. *The article studies the phenomenon of left populism in Western Europe. On the example of France, the author examines the specifics and historical origins of left populism, its ideas and slogans, electoral technologies, factors of presence on the political scene. The author focuses on the political activities of Jean-Luc Mélenchon, his election campaign for the presidential and parliamentary elections in 2017 in France. The article considers the key stages of Mélenchon's political career, the features of his political discourse and program, the creation of the Left front, the conditions for the rise and the specifics of left populism in France. Among the specific features of French left populism, anti-elitism, anti-system, egalitarianism and the demand for*

social justice, pacifism and criticism of the neoliberal version of globalization are highlighted. The author believes that the rise of left populism in France has led to significant changes in the balance of political forces during the presidential and parliamentary campaigns of spring and summer of 2017, putting it to the forefront of political struggle. In the light of the evolution of the political situation in France, the article analyzes Mélenchon's subsequent activities related to his position around the debate on the reform of labor legislation, social protests in autumn 2017 and spring 2018, relations with other left-wing parties and movements, structural changes within the "La France insoumise". The article emphasizes the undeniable leadership of the Mélen-

chon movement among the far left organizations; it is noted that the preservation of the horizontal structures of “La France insoumise” (social networks, Autonomous initiatives, activism), media strategy, the specifics of political discourse and appeal to different layers of the electorate, participation in social protests allow us to talk about the French left populism and Mélenchon as the main political rival of President Macron.

KEY WORDS: Left populism, France, Left Front, “France insoumise”, J.-L. Mélenchon, extreme left

References

- Bergounioux A., Grunberg G. (2005) *L'Ambition et le Remords. Les Socialistes Français et le Pouvoir (1905–2005)*, Paris: Fayard.
- Delapierre F. (2012) *Quelle Histoire! Chronique(s) du Front de Gauche*, Paris: Bruno Leprince.
- Klinova M.V., Kudryavtsev A.K., Timofeev P.P. (eds.) (2017) *Prezidentskie vybory vo Francii–2017: Materialy mezhhinstitutskogo kruglogo stola, sostojavshegosja v IMJeMO RAN 1 marta 2017 goda* [Presidential Elections in France in 2017: Proceeding of Inter-institutional Round Table, Held in IMEMO RAN on March 1, 2017], Moscow: IMEMO RAN.
- Kuznetsov A.V., Klinova M.V., Kudryavtsev A.K., Timofeev P.P. (eds.) (2016) *Frantsiya na poroge peremen: ekonomika i politika v nachale XXI veka* [France on the Threshold of Change: Economy and Politics at the Beginning of the Twenty-First Century], Moscow: IMEMO RAN.
- Laclau E. (2008) *La Raison Populiste*, Paris: Seuil.
- Mélenchon J.-L. (2009) *L'Autre Gauche*, Paris: Bruno Leprince.
- Mélenchon J.-L. (2014) *L'Ère du Peuple*, Paris: Fayard.
- Mélenchon J.-L. (1) (2016) *L'Avenir en Commun: le Programme de la France Insoumise et Son Candidat Jean-Luc Mélenchon*, Paris: Seuil.
- Mélenchon J.-L. (2) (2016) *Le Choix de l'Insoumission: Entretien Biographique avec Marc Endeweld*, Paris: Seuil.
- Mélenchon J.-L. (2017) *De la Vertu*, Paris: Ed. L'Observatoire.
- Raynaud P. (2010) *L'Extrême Gauche Plurielle: Entre Démocratie Radicale et Révolution*, Paris: Perrin.
- Rubinskij Yu.I. (2012) *Frantsiya na novom vitke istorii: vybory 2012 goda* [France in a New Round of History: Elections in 2012]. *Sovremennaya Evropa*, no 4(52), pp. 19–33.
- Rubinskij Yu.I. (2016) *Frantsiya na pereput'e* [France at the Crossroads]. *Sovremennaya Evropa*, no 3(69), pp. 23–31.
- Vajnshtejn G.I. (2013) *Populizm v sovremennoj Evrope* [Populism in Modern Europe]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, no 12, pp. 24–33.
- Vershinin A.A. (2016) *Frantsuzskie ul'tralevyje na rubezhe vekov* [French Ultra-Left at the Turn of the Century]. *Sovremennaya Evropa*, no 3(69), pp. 66–78.
- Zakariya F. (2016) *Populizm na marshe* [Populism on the March]. *Rossiya v global'noj politike*, no 6, pp. 82–92.

Метаболизмы правого популизма во Франции XXI века

Галина Николаевна КАНИНСКАЯ

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова. Адрес: 150003, Ярославль, Советская ул., д. 14. E-mail: kanin@uniyar.ac.ru

ЦИТИРОВАНИЕ: Канинская Г.Н. (2018) Метаболизмы правого популизма во Франции XXI века // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 11. № 3. С. 85–101. DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-3-85-101

АННОТАЦИЯ. В работе анализируется феномен правого популизма в современной Франции. В этом контексте рассмотрены теоретические подходы ведущих французских историков, социологов и политологов к определению популизма. Показаны основные различия в определении популизма разными специалистами. Охарактеризованы такие проявления популизма, как левый, правый, исходящий от народных масс и правящей элиты. Особенности современного правого популизма рассмотрены на примере партии «Национальный фронт» (НФ), возглавляемой Марин Ле Пен. Изучены политико-культурные, электоральные и институциональные факторы, вызвавшие рост популярности НФ. Специфика успеха «фронтистов» на различных выборах, начиная с 2012 г., изложена с точки зрения долгосрочной, среднесрочной и краткосрочной перспективы. Показаны слабости в управлении страной системных правящих левых и правых партий и рост недоверия к ним со стороны гражданского общества. Рассмотрены эволюция Национального фронта со времени основания партии Жан-Мари Ле Пенем и внутрипартийные кризисы. Автор приходит к выводу: несмотря на то что в доктринальном плане «маринисты» не отошли от «национал-попу-

лизма», следовавшие за съездом НФ 10–11 марта 2018 г. тактические действия и смена названия партии наводят на мысль, что партия пытается стать второй системной правой партией Франции. К тому же, прочное утверждение популизма в глобальной политической культуре стало вызовом либеральной демократии в XXI веке, поэтому проявления его можно ожидать и в других крайне правых объединениях.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: правый популизм, национал-популизм, крайне правые, Национальный фронт, национальная идентичность, евроскептицизм

Популизм – наихудшая форма ответа на нарушение демократии.

**P. Rosanvallon.
Le bon gouvernement.
Paris, Seuil. 2015**

Волна популизма, захлестнувшая в последние двадцать лет страны демократии, в том числе и Францию, оживила дискуссии ученых по вопросу о причинах его усиления, формах проявления, программных установках. Отмечается, что «в исторически меняющейся ситуации, когда классические по-

литические системы поражает кризис, когда разрушаются привычные общественные установки, теряются прежние смыслы, когда все знают, что рождается новый мир, но не представляют, какой именно, а он запаздывает прийти на смену старому», тогда и активизируется популизм, строящий свой дискурс на «иллюзорных и несбыточных» представлениях, «обещая всем перемены, возможность соединения старого с новым, сохраняя при этом собственное лицо» [Wieviorka 2012].

Некоторые методологические подходы

С теоретической точки зрения известный французский социолог М. Вевьёрка характеризует четыре главные разновидности современного популизма [Wieviorka 2017]. К первой он относит левый и правый варианты популизма, подчеркивая, что правый в этой дихотомии более значим, пропитан национализмом, расизмом, ксенофобией и, ведомый харизматическим лидером, ратует за национальное единство, чистоту культуры, нападает с критикой на интеллектуальную элиту и государственную систему, стремясь в то же время стать ее ядром и прийти к власти. Этот «процветающий по всей Европе» правый популизм М. Вевьёрка называет «национал-популизмом» [Wieviorka 2017]. Менее распространенному левому популизму, по мнению М. Вевьёрки, также присущи почитание харизматического лидера, антисистемные, демагогические лозунги, защита закрытости общества, но, в отличие от «национал-популизма», он лишен расистских, националистических выпадов, не враждебен интеллектуальной элите. По сути, левый популизм представляет собой радикальный ответ на современный кризис классических левых партий.

Второй вариант популизма, по определению М. Вевьёрки, не имеет ни левой, ни правой четко выраженной идеологической окраски, а может исходить как «снизу», так и «сверху», иными словами, как от народа, так и от политических верхов. Первый провозглашает малореализуемые, полные противоречивых обещаний лозунги в виде радикального симбиоза частично заимствованных левых и правых идей, а также безоговорочно сориентирован на харизматического лидера. Соглашаясь с М. Вевьёркой, другие французские авторы пишут, что носители такого популизма «представляют себя истинными выразителями интересов народа, глашатаями молчаливого большинства, тех, кого забыли элиты. Они заявляют об отклонениях существующей политической системы, обвиняя в этом истеблишмент. Их главный приоритет – народная воля» [Ivaldi, Zaslove, Akkerman 2017, p. 2].

Популизм верхов также демонстрирует дистанцированность как от левых, так и от правых системных партий, подчеркнуто нацелен на объединение под своими знаменами порвавших с ними граждан, намереваясь тем самым положить конец сложившейся политической системе в случае прихода к власти, и ориентирован главным образом на образованный электорат. М. Вевьёрка не без основания усматривает элементы такого популизма в движении «В путь!» Э. Макрона, победившего на президентских выборах во Франции в 2017 г. под лозунгом: «Ни левый, ни правый».

Наличие третьего типа популизма М. Вевьёрка связывает с возможностью сосуществования и противоборства в одной стране двух или трех из вышеназванных его разновидностей и в качестве примера приводит современную Францию, где открыто соперничают несколько популизмов: левый в рамках партии

«Непокоренная Франция» Ж.-Л. Меланшона, правый – Национального фронта (НФ) Марин Ле Пен, которые находятся в оппозиции к правительству, и верхушки – в партии «Республика на марше» Э. Макрона, находящейся у власти. У радикальных правых, по мнению многих других специалистов, «более высокий уровень популизма», и особенно ярко на французской почве «правый популизм» выражен у сторонников М. Ле Пен и Н. Дюпон-Эньяна» [Ivaldi, Zaslove, Akkerman 2017, pp. 1, 6, 8].

Четвертый вариант популизма, названный М. Вевьёрой «интегрированным», отличается тем, что разные его проявления встречаются у находящихся у власти правительств, как это было, например, в Аргентине и ряде других стран Латинской Америки в 1960–1970-е гг. Представляется, что совсем недавно, после парламентских выборов 4 марта 2018 г., такой вариант популизма начал складываться в Италии после формирования правительственной коалиции партий «Лига» и «Пять звезд».

Как подчеркивает именитый французский историк Ж.-Ф. Сиринелли, один из основоположников «культурной истории», многие специалисты во Франции, в том числе и он сам, избегают употреблять термин «правый популизм» в силу его размытости и многовариантности, предпочитая ему выражение «крайняя правая» [Sirinelli 2017]¹ (фр. «*extrême droite*». – Г.К.). Он же утверждает, что во Францию из стран Латинской Америки во второй половине XX в. пришло еще одно толкование правого популизма – «национал-популизм». Впервые ввел его во французский научно-политический лексикон в 1984 г. известный специалист по исто-

рии идей П.-А. Тагиефф, анализируя НФ времен его основателя Жана-Мари Ле Пена. Это определение не потеряло своей актуальности [Ivaldi, Zaslove, Akkerman 2017, p. 3], хотя впоследствии П.-А. Тагиефф, изучая «фронтистов» периода преемницы отца-основателя в руководстве партией – его дочери Марин Ле Пен, уточнил свою оценку, заговорив о появлении на нынешней политической сцене «неонационал-популизма»². В условиях современного глобализирующегося мира Ж.-Ф. Сиринелли вообще предлагает говорить о популизме во множественном числе, подчеркивая тем самым, что в разных странах он имеет собственную специфику и его нельзя «анализировать с национальной точки зрения, как это было возможно для историков и политологов в 80-е гг. прошлого века» [Sirinelli 2017]. Ж.-Ф. Сиринелли высказывает также предположение, что «популизм больше не представляет собой волнообразное движение, как это было 30 лет тому назад, и прочно утвердился в глобальной политической культуре», из чего следует, что «в XXI веке либеральные демократии столкнулись с популистским вызовом» [Sirinelli 2017].

Размышляя над проблемой правого популизма, французские ученые анализируют его через призму знаменитой броделевской периодизации истории на долгосрочную, среднесрочную и краткосрочную³. Не вдаваясь в детали, отметим, что они единодушны в том, что в долгосрочном измерении корни правого популизма уходят в конец XIX в., что процесс его исторического развития шел волнообразно, проявляясь на определенных этапах во Франции в разных идейно-по-

1 Так назван коллективный труд под редакцией известного французского историка Мишеля Винока: [Winoch 1994].

2 Это определение дано уже в названии книги [Taguieff 2012].

3 См., например [Garrigues, Guillaume, Sirinelli 2010; Berstein 2003; Perrineau 2015; Richard 2017; Rosanvalon 2015; Roussellier 2017; Wiewiorka 2012].

литических течениях и группировках: в буланжизме конца 80-х гг. XIX в.; фашизме 1930-х гг.; пужадизме середины 1950-х гг.; лепенизме 1970-х гг. – конца XX в.; наконец, маринизме начала века XXI-го. Каждый всплеск правого популизма во Франции совпадал с тремя глубокими общественными кризисами: экономическим, политическим и кризисом национальной идентичности [Sirinelli 2017]. «Метаболизм» современного национал-популизма, как об этом пишет Ж.-Ф. Сиринелли, возник вследствие серьезных *политико-культурных, электоральных и институциональных* «разломов/расколов» во французском обществе [Sirinelli 2005, p. 35; Garrigues, Guillaume, Sirinelli 2010, p. 125; Канинская 2011, с. 160]. Они повлекли за собой постепенный рост популярности Национального фронта и вели «фронтистов» к успехам на разных выборах, особенно после 2012 г. Какие конкретно трансформации общественно-политической жизни Франции вызвали эти «разломы»?

Политико-культурный контекст

С позиции длительной перспективы истоки поворота французских граждан к поддержке НФ следует искать в процессах, кардинальным образом изменивших социополитическую экосистему Пятой республики, начиная с 1980-х гг. Образно говоря, эту экосистему можно представить таким образом: в основании ее лежит «социокультурный доколь», состоящий из базовых ценностей общества, наверху располагаются политические институты, а между ними, как пружины, вибрируют «дополнительные составляющие» общества, или граждане – носители базовых ценностей. Институты и ценности далеко не всегда эволюционируют синхронно, и получается, что многое

в жизни страны зависит от реакции на происходящее со стороны этих «дополнительных составляющих» [Garrigues, Guillaume, Sirinelli 2010, pp. 27–28].

С момента основания Пятой республики в 1958 г. и до начала 1980-х гг. Франция жила, говоря словами Ж.-Ф. Сиринелли, в условиях четырех «П»: мира (paix), процветания (prosperité), полной занятости (plein emploi) и прогресса (progrès) [Garrigues, Guillaume, Sirinelli 2010, pp. 25, 537]. В одном из своих недавних выступлений он добавил к этим четырем пятое «П», подразумевая под ним «планетарное процветание» [Sirinelli 2017]. Иными словами, граждане Франции ощущали стабильность своего положения. Однако с 1975 г. наметился рост безработицы, и в 1982 г. в стране насчитывалось уже 2 млн безработных. С того времени их число, то убывая, то вновь возрастая, продолжало увеличиваться (в 2018 г. цифра составила свыше 3 млн 400 тыс.). Проблема безработицы превратилась в болевую точку внутренней жизни Франции; она не только растет, но еще и отягощается тем, что в отдельных районах страны существуют семьи, в которых уже три поколения безработные. Эта хроническая безработица создала трудно преодолимый социальный раскол во французском обществе, стала структурным элементом социокультурной экосистемы и вызвала социальный кризис. Появились новые маргинальные и «исключенные» из общества слои, «новые бедные».

После того как правительство социалиста Ф. Миттерана, пришедшее к власти в 1981 г. под лозунгами «Изменить жизнь» и «Разрыв с капитализмом», отказалось от их реализации в 1982 г., повернув экономическую стратегию на управление рыночной экономикой, а в политическом плане в 1986 г. пошло на сосуществование во власти левых и правых партий, левые перестали олицетворять собой в глазах фран-

цузов тех, кто «заставляет мечтать» [Garrigues, Guillaume, Sirinelli 2010, р. 29]. Консенсус, возникший между левыми и правыми центристами, наряду с ростом безработицы и неудачами правящих коалиций привели к нарастанию общественного протеста и скептицизма по отношению к истеблишменту, политикам перестали доверять, их упрекают в том, что они «превратились в циничную, коррумпированную, некомпетентную и не интересующуюся нуждами народа касту» [Ivaldi, Zaslove, Akkerman 2017, р. 6]. Раскол между гражданами и властной элитой существенно изменил политическую атмосферу в стране. Развился, говоря словами Ж.-Ф. Сиринелли, «кризис репрезентаций, который в дискурсе Национального фронта свелся не просто к критике отдельных политиков, а в целом к нападкам на политические институты и чиновников как олицетворение системы, что вылилось в антипарламентаризм» [Sirinelli 2017].

С позиции среднесрочной к трудностям социально-политическим добавился кризис национальной идентичности, обострившийся по мере притока иммигрантов во Францию. Французское общество еще со времен Третьей республики (1875–1940) строилось на «республиканской модели единства нации путем ассимиляции» и считало неизблемыми такие базовые ценности, как «гражданское общество, светскость, единая нация». Наплыв иммигрантов из мусульманских стран Ближнего Востока в последней трети XX – начале XXI вв. размывал прежние основы государства-нации, рядом с традиционными ценностями возникли новые: «разнообразие, смешанное общество, смешение кровей» [Garrigues, Guillaume, Sirinelli 2010, р. 533]. С одной стороны, либеральная часть общества отстаивает идеи «универсального гуманизма», основанного на признании равенства людей незави-

симо от расы, возраста, пола, профессии, добивается отмены смертной казни [Berstein 2003, pp. 381, 383]. Но с другой, часть французов не желает приспосабливаться к мультикультурному обществу, а прогремевшие в 2012 г. в Тулузе, в январе и ноябре 2015 г. в Париже, в июне 2016 г. в Ницце и двух небольших городках страны теракты в краткосрочной перспективе привели к тому, что «Национальный фронт сумел посеять у части французов твердое убеждение о связи иммиграции и безопасности» [Perrineau 2015].

Помимо внутреннего фактора, на рост правого популизма во Франции определенным образом повлиял фактор внешний, вынуждающий страну в процессе глобализации «крутиться в европейском сообществе, пытаясь сохранить свой вес в условиях растущей мощи других европейских стран» [Garrigues, Guillaume, Sirinelli 2010, р. 533]. В европейском и глобальном измерениях наметилось противостояние «националистов и мондиалистов» (во Франции этот термин употребляют как синоним глобализации. – Г.К.), и «националисты, сгруппировавшись вокруг Национального фронта и пополнив таким образом ряды суверенистов в европейском измерении, стали главными противниками интеграции Франции в неолиберальную Европу» [Richard 2017]. На выборах в Европейский парламент (ЕП) 25 июня 2014 г. они вышли на первое место, набрав 24,9% голосов против 20,8% голосов, поданных за неоголлистов, и 13,98% за социалистов.

Электоральный контекст

Завоевание избирателей Национальным фронтом нарастало по мере выдвижения на первый план во Франции и ЕС проблемы иммиграции, обострившей дискуссии о национальной иден-

тичности по двум направлениям: французской и европейской. Говоря словами признанного специалиста по истории Национального фронта П. Перрино, «НФ – магнит в политической и электоральной системе, утратившей свои традиционные ориентиры» [Perrineau 2015]. Сначала появился классический электорат «фронтистов-лепенистов», состоявший главным образом из представителей «традиционных радикальных правых, считавших, что умеренные правые недостаточно правые» [Berstein 2003, pp. 384, 389, 390–391], что Франции после подписания Маастрихтского договора в 1992 г. и толерантного отношения к иммигрантам грозит потеря национального суверенитета и идентичности. В условиях консенсуса между правящими левыми и правыми партиями по этим ключевым вопросам вокруг Национального фронта консолидировался протестный электорат. В 1990-е гг. в НФ влились французы из народных слоев, так называемые «леволепенисты», обеспокоенные в первую очередь своим социально-экономическим положением. «Иммигрант как источник всех бед и зол для этой категории граждан, среди которой было немало молодежи, заменил собой капиталиста» [Berstein 2003, p. 385]. В отличие от «классических фронтистов», «леволепенисты» не были столь чувствительны к идее «единой нации» и не выражали особой приверженности к религии. Всего 16% голосовавших за НФ объявляли себя практикующими католиками, 35% непрактикующими, тогда как остальные причисляли себя к нерелигиозным гражданам [Berstein 2003, p. 385]. Причем во втором туре разных выборов 1995–1997 гг. половина «фронтистов» голосовала за правых, но четверть все же предпочла левых [Berstein 2003, p. 391]. Приток левого электората в Национальный фронт означал его отток от компартии (ФКП), из районов традиционного ее влияния, так

называемых «бастионов». Иными словами, «леволепенисты» рекрутировались главным образом из рабочих, отвернувшихся от компартии. Показательно, что на выборах в Европарламент (ЕП) 17 июня 1984 г. впервые избирательный список НФ «Фронт национальной оппозиции за Европу Отечества» набрал почти столько же голосов (11%), сколько ФКП (12%) [Richard 2017]. В более широком плане появление «леволепенистов» ударило по всем левым партиям и в конечном счете обернулось «шоком 21 апреля 2002 г.», когда во втором туре президентских выборов впервые противником неоголиста Ж. Ширака стал не социалист Л. Жоспен, как ожидалось согласно всем прогнозам, а Ж.-М. Ле Пен, объявивший себя борцом против «евромондиалистского истеблишмента» и любивший повторять, что с этого момента во Франции произошла «лепенизация сознания» [Richard 2017].

«Классический» социодемографический профиль электората «фронтистов» выглядит следующим образом: мужчины представляют в нем 34%, женщины – 27%; среди молодежи и лиц среднего возраста (35–64 г.) симпатизируют НФ 33%, а среди лиц старше 65 лет – 23%; в плане трудовой деятельности 35% составляют независимые мелкие предприниматели, 41% – наемные труженики, 46% – рабочие, 41% – безработные. Образовательный уровень голосующих за НФ таков: 37% граждан не имеют диплома об образовании; 39% имеют диплом о среднем образовании, а тех, кто получил высшее образование, в этом списке оказалось всего 15%. По показателю уровня дохода видно, что 36% французов, имеющих месячный доход 1250 евро, отдают предпочтение НФ, тогда как тех, чей доход превышает 6000 евро, лишь 19%. В зависимости от религиозной принадлежности в числе сторонников НФ насчитывалось 35% непрактикующих ка-

толиков, 26% протестантов, 25% неверующих, 1% мусульман, в то время как 23% практикующих католиков и 22% еврейской части населения не доверяли «фронтистам» [Perrineau 2015].

Существенная перегруппировка электората в поддержку НФ началась с 2012 г., когда руководство партией перешло в руки М. Ле Пен. Национальный фронт, по определению П. Перрино, стал «национальной партией», «пустил корни во всех социальных слоях», поколение «лепенистов» пополнилось новыми приверженцами – «маринистами». По социальному составу эти последние рекрутировались из среднего аппарата госслужащих (28%), промышленных госпредприятий и медперсонала (30%), составлявших прежде электоральный костяк левых партий. С точки зрения возрастной мобилизации получается, что «35–49-летние французы вошли в политическую жизнь в 1984–1998 гг., то есть социализировались в годы Ж.-М. Ле Пена (36%), а 18–34-летние (33%), голосовавшие в 1999–2015 гг., – уже в годы М. Ле Пен» [Perrineau 2015]. «Маринисты», в отличие от «леволепенистов», примкнувших к НФ в 1990-е гг., никогда не были связаны с ФКП и представляли собой молодое поколение «фронтистов».

После терактов 2015 г. «фронтисты», делавшие обычно ставку на завоевание президентского кресла, активизировались на промежуточных выборах, добившись заметных успехов. На муниципальных выборах марта 2015 г. они завоевали 25,2% голосов, на региональных ноября того же года – 27,9%. Это были самые высокие показатели за всю историю НФ, и это явно свидетельствовало о нарастании национал-популистских пристрастий у электората Франции. Опросы показали, что за НФ голосуют «из 39% респондентов, выступающих за введение смертной казни, 56%; из 50% тех, кто считает, что дети имми-

грантов, родившиеся во Франции, не такие, как французы, 58%; из 54% считающих ислам опасным для Западной цивилизации 45%; из 60%, полагающих, что во Франции слишком много иммигрантов, 47%» [Perrineau 2015]. Наличие подобных настроений подтвердили опросы кануна президентских выборов 2017 г., показавшие, что «80% опрошенных настаивали на том, что политики обязаны следовать за волеизъявлением народа, 58% считали, что наиболее важные вопросы должен решать народ, 68% убеждены в существовании гораздо большего разрыва между элитами и гражданским обществом, чем между самими гражданами, 58% хотели бы, чтобы их интересы защищали не профессиональные политики, а простые граждане, 89% заявляли, что политики мало делают, но много говорят» [Ivaldi, Zaslove, Akkerman 2017]. Кроме того, ряды «фронтистов» пополнились на 37% за счет «абстенционистов», или воздержавшихся на президентских выборах 2012, а также на 20% за счет тех, кто тогда голосовал «белыми», то есть пустыми бюллетенями. И налицо постоянство электората М. Ле Пен. Так, накануне региональных выборов 2015 г. 79% тех, кто голосовал за нее на президентских выборах 2102 г., изъявляли желание снова отдать голоса НФ. Для сравнения отметим, что желание повторить свое голосование за Н. Саркози выражало 78% французов, за Ф. Олланда – 70%, за Ж.-Л. Меланшона – 66% [Perrineau 2015, р. 4]. Вместе с тем тот факт, что для крайне правого электората остаются непреложными такие политические темы, как «враждебность к европейскому строительству, нетерпимость к иммигрантам, стремление к безопасности» [Berstein 2003, р. 402], наглядно подтвердили теледебаты М. Ле Пен и Э. Макрона 3 мая 2017 г. перед вторым туром президентских выборов, по итогам которых из 16,5 млн зрителей 63% посчита-

ли более убедительным нынешнего президента Франции, а 11% «маринистско-го» электората оказалось обеспокоенным поведением своего лидера, посчитав, что она «говорила об экономике, когда следовало говорить об идентичности» [Жидкова 2018, с. 121–122].

Иными словами, в начале XXI в. питательную среду неонационал-популярному электорату создают главным образом проблема национальной идентичности и вытекающая из нее забота о национальной безопасности. А вопрос социально-экономический как мотив голосования претерпел своеобразную метаморфозу: в этой области недовольство избирателей вызывает теперь не капиталист, а иммигрант, преимущественно исламского вероисповедания.

Институциональный контекст

Ж.-М. Ле Пен начинал строить «фронтистскую» стратегию и собирать протестный электорат на «дьяволизации» своей партии, его сравнивали с фашизмом, С. Хусейном. «Эта специфика НФ сразу сделала невозможным его союз с классическими умеренными правыми и закрывала ему доступ к власти» [Berstein 2003, p. 412]. На политическую авансцену НФ вышел, готовясь к парламентским выборам 1973 г., открыто выступал против партий власти и называл себя «правым». Тогда же впервые Ж.-М. Ле Пен появился на телевидении, а Национальному фронту удалось собрать по стране 1,3% голосов, однако в Парижском округе – 5,2%. На президентских выборах 1974 г. он завоевал 0,7% голосов; по итогам кантональных выборов 1976 г. «фронтистам» досталось из 2000 общего числа 15 постов советников; после муниципальных выборов 1977 г. у них появились несколько муниципальных советников, избранных в ряде случаев во втором туре по

совместным спискам с другими правыми, в том числе в Тулузе, а также один мэр в городке Верхней Гароны с населением 100 тыс. жителей. В то время в рядах НФ насчитывалось 500 чел. Общенациональные парламентские выборы 1978 г. не принесли НФ ощутимых результатов (0,3% голосов), обескровили партию финансово, и она предпочла пропустить участие в кантональных и европейских выборах в 1979 г., сконцентрировавшись на подготовке к предстоящим в 1981 г. выборам президента. Однако Ж.-М. Ле Пену не удалось собрать нужного числа подписей, чтобы зарегистрироваться кандидатом, после чего он призвал своих соратников «голосовать за Жанну д'Арк», не давая других советов [Richard 2017]. Триумфальная победа левых сил на парламентских выборах 1981 г. не оставила «фронтистам», получившим 0,2%, никаких шансов на то, чтобы занять свое место в политическом раскладе. Зато в период этих неудачных попыток прорваться к власти отточились лозунги НФ. В 1978 г. появился первый плакат «лепенистов», на котором на красном фоне белыми буквами было написано: «1 млн иммигрантов – 1 млн безработных! Франция и французы – в первую очередь». Впоследствии лозунг этот не менялся, прибавлялись лишь численные данные: в 1980 г. уже значилось «2 млн», а в 1982 г. – «3 млн» [Richard 2017]. Так уже с первых лет существования НФ его пропагандистская риторика свелась к триптиху: безработица, иммиграция, безопасность. При этом Ж.-М. Ле Пен отвергал звучащие по адресу его партии обвинения в экстремизме. 15 января 1982 г. в вечернем выпуске тележурнала первого канала он сказал, что «ни в методах, ни в доктрине Национальный фронт не является экстремистской партией и предпочитает действовать абсолютно в рамках закона, а не революционным путем» [Richard 2017].

В 1984 г., на выборах в Европейский парламент, проявилась еще одна важная черта партии – евроскептицизм. «Фронтисты» удачно для себя эксплуатировали заимствованный от де Голля лозунг «Европа Отецеств» вместо отстаиваемого социалистами, шираковцами и жискарговцами лозунга «Европейское Отечество» и сумели получить 10 мест евродепутатов. А национальные парламентские выборы 1986 г., впервые прошедшие по пропорциональной системе, позволили «лепенистам» занять 35 депутатских кресел. Примечательно, что НФ на этих выборах набрал столько же голосов, сколько и ФКП, – 10%. Годом ранее, в 1985 г., Ж.-И. Галлу, пришедший в НФ из жискаровской партии ЮДФ, опубликовал книгу «Национальный приоритет. Ответ иммиграции», в которой предлагал предпочитать «право крови праву почвы» [Richard 2017].

В 1987 г. Ж.-М. Ле Пен полностью сосредоточился на президентской кампании. Директором его избирательного штаба стал Бруно Мегрэ, пришедший в 1988 г. в НФ из шираковской партии РПР. Опросы прочили Ле Пену 18% голосов, но, заявив накануне поездки в Израиль, что «газовые камеры – это один из эпизодов Второй мировой войны», он вызвал в стране и за рубежом шквал негодования, лишившись значительной части потенциального электората [Richard 2017]. Хотя националистические заявления Ле Пена единодушно осудили левые и правые партии, все же в рядах последних появились те, кто начал выдвигать идею объединения с «фронтистами» во время выборов. У шираковцев подобную мысль на страницах газеты «Монд» 15 мая 1987 г. высказал М. Нуар. В 1988 г. ради поражения Ф. Миттерана на переговорах Ж. Ширака и Ж.-М. Ле Пена между двумя турами президентских выборов состоялся Ш. Паскуа, однако короткая встреча

ожидаемых результатов не принесла, и электорат «лепенистов» во втором туре или воздержался или поддержал победившего Ф. Миттерана. Шираковская партия РПР 8 сентября 1988 г. приняла окончательное решение закрыть двери союзу с НФ, а Ж.-М. Ле Пен, в свою очередь, начал размышлять над тем, как преодолеть 12-летнее маргинальное существование своей партии и превратить ее в партию власти. Ответственным за пересмотр стратегии он назначил Б. Мегрэ, и «фронтисты» повели борьбу за массы, обратив взоры на электорат классических правых партий, на тех представителей народа, кто прежде воздерживался от голосования, и даже на экологистов, напирая на идею «сохранения национальной культуры и природы» [Richard 2017]. Со всей силой зазвучали антииммиграционные мотивы, нацеленные в первую очередь против мусульман. В это время «этнизировался» социальный вопрос, ибо проблема безработицы увязывалась с притоком иммигрантов. На руку «фронтистам» сыграла широко развернувшаяся в 1989 г. в СМИ кампания против ношения платков в школах. «Мегрэтистская» стратегия оказалась успешной. На муниципальных выборах 1989 г. НФ провел своих представителей уже в десятки маленьких коммун, правда лишь в одном городке свыше 9 тыс. жителей. Однако на муниципальных выборах 1995 г. «фронтисты» выставили кандидатов в 90% городов численностью 30 тыс. жителей и избрали 2 тыс. муниципальных советников, завоевали мэрии трех крупных городов: Тулона, Оранжа и Мариньяна. Если в марте 1986 г. у НФ насчитывалось 135 избранных, то в марте 1992 – уже 239 [Richard 2017]. В 1995 г., на президентских выборах за Ж.-М. Ле Пена проголосовало 4,6 млн избирателей, тогда как за победившего кандидата правых Ширака – 6,3 млн, а за его соперника из

правого лагеря Э. Балладюра – 5,6 млн. Сам Ле Пен был разочарован таким результатом, но «мегрэтисты» были вполне довольны, так как впервые за НФ голосовало 30% французов из тех рабочих кварталов, где раньше царил «абстенционизм». В партии тогда уже насчитывалось 40 тыс. членов. В июле 1995 г. во время летнего университета молодежи НФ (МНФ) Самюэль Марешаль, зять Ж.-М. Ле Пена, муж второй его дочери Яны Ле Пен и отчим будущей звезды партии периода «маринизма» Марион Марешаль, выдвинул лозунг: «Ни правые, ни левые: французы!» [Richard 2017]. С этого момента дискурс рассуждений «фронтистов» о будущем Франции начал выстраиваться не сквозь призму социального вопроса, или «борьбы социальной Республики против капитализма, навязанной некогда левым дискурсом», а в контексте борьбы между «мондиалистами и националистами», как это сформулировал в марте 1997 г. Б. Мегрэ.

Дополнительный импульс усилению симпатий к Национальному фронту придал международный контекст. В 1995 г. Ж. Ширак заявил о намерении Франции вернуться в военную организацию НАТО, а в 1997 г. назначил досрочные парламентские выборы в надежде обеспечить более полную поддержку Маастрихтскому процессу в Европе, в связи с чем многим французам показалось, что «рухнет все, что создал де Голль, и наступает кризис национальной идентичности. На этом фоне лучше всех выглядел НФ, потому что давно уже во всеуслышание кричал о возникших в традиционных партиях проблемах» [Richard 2017]. В результате на парламентских выборах 1997 г. НФ добился наилучших результатов – 15%, тогда как классические, или системные, правые партии РПР и ЮДФ понесли потери, а выборы выиграли левые, образовав правительство «мно-

жественной левой» во главе с социалистом Л. Жоспеном.

Тогда в рядах шираковцев вновь проявилась мысль о непродуктивности отказа от союза с «фронтистами» во втором туре. На инициативу о сближении с НФ, исходившую от одного из лидеров РПР, в прошлом министра правительства де Голля, «барона» голлизма, как называют таких соратников основателя Пятой республики, А. Пейрефита положительно отреагировал Б. Мегрэ. Но Ж.-М. Ле Пен этому воспротивился, боясь, что «мегрэтисты» возьмут контроль над его детищем – партией. Сам он в это время продолжил действия на ниве дьяволизации НФ. В 1996 г. на летнем университете партии Ле Пен открыто заявил о неравенстве рас, чем вызвал очередную волну протеста в стране против него лично. Поэтому в следующем году он не участвовал в парламентских выборах, зато в 1997 г. ввел своим волевым решением в национальный совет НФ дочь Марин. На собрании совета партии он заявил: «С партиями в раздрае не объединяемся, ждем, чтобы собрать их осколки» [Richard 2017]. Тем не менее в марте 1998 г. на кантональных выборах НФ провел 275 советников вместо 239 в 1992 г., причем в половине регионов «фронтисты» победили при поддержке РПР и ЮДФ. По опросам общественного мнения, сторонники «фронтистов» стали предпочитать Ж.-М. Ле Пена нацелившегося на завоевание партии Б. Мегрэ, и с 1998 г. в НФ назревал конфликт. Провозглашая себя республиканцем, Ж.-М. Ле Пен вел себя как авторитарный лидер. В газете «Франс-суар» 5 ноября 1998 г. он писал: «Иногда члены партии и руководство думают, что мои идеи не очень хороши. Это потому, что они не достаточно поняли, чего я хочу... Они не такие политики, как я, у них не такое чутье, как у меня. Иными словами, они не политические шефы, а я – политический шеф.

Я командую своими людьми, как республиканский монарх» [Richard 2017].

Все же по требованию «мерэтистов» в январе 1999 г. прошел внеочередной съезд, на котором они проиграли, и Б. Мерэ ушел из партии. На европейских выборах июня 1999 г. избирательный список Ж.-М. Ле Пена, в котором значился Шарль де Голль, внук и тезка генерала, завоевал 5,7% голосов, и по нему в ЕП прошли 5 депутатов. Очередной шаг на пути к «шоку 21 апреля 2002 г.» на президентских выборах был сделан. Свою избирательную кампанию Ле Пен построил на борьбе против «евромондиализма» и защитника евро Ж. Ширака и сумел пробиться во второй тур с 13,5% голосов против 19,9%, поданных за Ширака, оттеснив социалиста Л. Жоспена на третье место. Во втором туре он поставил личный рекорд, добившись поддержки 11,5% избирателей. Хотя второй тур президентских выборов 2002 г. проходил под знаком небывалого единения всех левых и правых противников Ж.-М. Ле Пена, в институциональном плане во Франции в это время окончательно сложился современный раскол, или «кливаж», как это звучит по-французски, между националистами и мондиалистами, причем как в левом, так и в правом политическом лагере.

В 2007 г. Ж.-М. Ле Пен в пятый раз принял участие в президентских выборах, потерял 1 млн электората и набрал 10% голосов, а парламентские выборы 10 и 17 июня того же года обернулись для НФ катастрофой. За партию было подано 5% голосов – худший результат с 1984 г. Сам Ле Пен проиграл в регионе «Провинция Альпы – Лазурный берег» (фр. РАСА), где побеждал в 1997 и 2002 гг. Падение популярности «фронтистов» во многом произошло из-за антисемитских и крайне экстремистских выпадов их лидера. В 2005 г. он заявил, что «нацистская оккупация Франции не была такой уж бесчеловеч-

ной» [Richard 2017], против него был возбужден судебный процесс, и впервые Марин Ле Пен публично дистанцировалась от отца, хотя в 2007 г. возглавила его предвыборный штаб во время президентской кампании и действовала в полном согласии с отцом.

Восхождение «маринизма» в НФ началось после парламентских выборов 2002 г., на которых М. Ле Пен в Пад-Кале получила наилучший результат из всех «фронтистов» 32%. Тогда же она объединила тридцатилетних в молодежную организацию «Поколение Ле Пен», возглавила ежемесячное издание «Мнение» (L'Avis), положив таким образом начало размышлениям о стратегии партии. В 2003 г. она побывала в США, встречалась с представителями администрации Дж. Буша-мл., еврейской общины, ФБР и ЦРУ. Во время выборов в Европарламент в 2004 г. М. Ле Пен с соратниками выступала в защиту Палестины и нацелилась на завоевание голосов молодежи городской периферии и «интегрировавшихся французов иностранного происхождения» [Richard 2017]. Тогда же они выпустили весьма необычную для «фронтистов», но явно популистскую афишу, изображавшую гваделупянку в голубых джинсах с обнаженным пупком и со слоганом: «Национальность, ассимиляция, социальное восхождение, светскость / Правые, Левые / сломали всё» [Richard 2017]. По сути, это была первая заявка «маринистов» на «национал-республиканский» дискурс, согласно определению известного специалиста по истории французских правых Ж. Ришара [Richard 2017]. Однако на этом же политическом поле удачно сыграл Н. Саркози, победивший на президентских выборах 2007 г., что для НФ обернулось плохими последствиями. На муниципальных выборах 2008 г. «фронтисты» избрали всего 50 советников, на европейских 2009 г. – всего трех депутатов, численность пар-

тии сократилась до 10 тыс., начались финансовые трудности.

Несмотря на то что на съезде НФ 2007 г. Жан-Мари Ле Пен был переизбран председателем партии, все понимали, что это его последний срок, и к получению партийного наследства активно готовилась второй по значимости лидер «фронтистов» на то время Марин Ле Пен. Популярность ее в стране стремительно росла в связи с тем, что, в отличие от отца, всегда отказывавшегося от работы в провинции, М. Ле Пен укрепляла свое влияние именно на местах. На парламентских выборах 2007 г. она единственная из «фронтистов» во втором туре по 14 округу в Па-де-Кале завоевала 41,6% голосов. Наряду с успешным маршем за пределами Парижа М. Ле Пен развернула не менее активную работу по «дедьяволизации» НФ. Первым шагом на этом направлении стал отказ от антисемитизма. В публикациях в газете «Фигаро» 7 декабря 2010 г. и в журнале «Пуэн» 3 февраля 2011 г. она выступила с осуждением концлагерей и Холокоста. Главным объектом нападков со стороны М. Ле Пен отныне был выбран исламизм. Во время региональных выборов марта 2010 г. на афише НФ вместо гваделупянки уже была изображена дама в никабе на фоне минарета на карте Франции и с алжирским флагом, а новый слоган звучал: «Нет исламизму». Публичные выступления М. Ле Пен сопровождалась критикой пищи «халаль» в столовых быстрого питания, моления мусульман на улице, которые она называла новой Оккупацией. На региональных выборах 2010 г. «фронтисты» избрали 118 региональных советников, получив 11,5% голосов, что было еще меньше, чем в 2004 г., но уже больше, чем в 2008 и 2009 гг. С осени 2009 г. начался приток в НФ новых членов. Когда в 2011 г. в Туре открылся 24-й съезд партии, в ней состояло уже

20 тыс. французов. На съезде М. Ле Пен одержала безусловную победу, возглавила НФ, и спустя два месяца «маринисты» получили на кантональных выборах 15%.

В плане политической институционализации с этого времени и вплоть до президентских и парламентских выборов 2017 г. «маринисты» неуклонно двигались к желаемой цели стать партией правительства. В 2012 г. М. Ле Пен выпустила книгу «Чтобы Франция жила» (*Pour que vive la France*), где изложила популистскую, антилиберальную и антимонодиалистскую, а потому мало реализуемую на деле программу, призывая к борьбе против «апатридного» ЕС, к установлению протекционистских границ в Европе, за «Европу Отечества», выход из общего командования НАТО, возвращение к франку, национализацию Банка Франции, сохранение госслужб в сельской местности и возможность референдума по выходу из ЕС. В социальной сфере она предлагала вернуть выход на пенсию с 60 лет, реформировать СМИК, сохранить социальные выплаты. Вторым важным программным пунктом М. Ле Пен с 2010 г. стал антиисламизм, поскольку исламизм объявлен главной опасностью для Франции.

Между тем с учетом вышеизложенных политико-культурного и электро-ального контекстов национал-республиканская стратегия «маринистов», выступивших на выборах 2012 г. под именем «Объединение темно-синих» и с заявлением об открытости для союза «патриотам, суверенистам и независимым» [Richard 2017], возымела эффект. НФ собрал 14% голосов, провел в парламент двух депутатов. На муниципальных выборах 2014 г. «маринисты» в провинции с первого тура завоевали одну мэрию, со второго 10; на европейских выборах, как уже было отмечено, стали первой партией; в сентябре

2015 г. впервые с помощью разных правых избрали двух сенаторов. Успешными были департаментские и региональные выборы 2015 г., прошедшие соответственно в марте и ноябре и подтвердившие, что НФ превратился в главную партию страны, ибо он один собрал 5,1 млн голосов, тогда как все левые и другие правые вместе получили по 7,4 млн [Richard 2017]. На пользу М. Ле Пен шли ее отказ от антисемитизма, четко занятая позиция осуждения режима Виши. В 2015 г. после очередных высказываний Ж.-М. Лепена в прежнем духе по поводу газовых камер в нацистских лагерях смерти его исключили из НФ. Весьма осмотрительно повела себя М. Ле Пен во время бушевавших в стране дискуссий по проблеме однополых браков. Она их осудила, но в манифестациях протеста против таких браков не участвовала.

На президентских выборах 2017 г. М. Ле Пен стояла совсем близко от победы, успешно прошла первый тур, но, как уже упоминалось, неудачно выступив на теледебатах между двумя турами, проиграла Э. Макрону. Хотя полученный ею во втором туре результат (33,9%) оказался для партии рекордным за всю ее историю, «с учетом ожиданий в 40%» [Жидкова 2018, с. 122] его в избирательном штабе партии посчитали неудачным. После парламентских выборов 2017 г. число депутатов НФ возросло с двух до восьми, однако для формирования собственной парламентской группы этого недостаточно.

На фоне электоральных неудач в НФ разгорелись внутрипартийные дискуссии между «суверенистами», защищавшими идею восстановления национального суверенитета Франции и,

в частности, отказ от «евро», лидером которых был Ф. Филиппо, руководивший избирательным штабом М. Ле Пен в 2017 г., по сути второй человек в партии, и теми «маринистами», для которых приоритетными были вопросы социальной политики, иммиграции и национальной идентичности и которых вела за собой М. Марешаль, племянница М. Ле Пен. В итоге в сентябре 2017 г. Ф. Филиппо покинул партию, М. Марешаль заявила о приостановке политической деятельности по личным обстоятельствам, тогда как сама М. Ле Пен вплотную занялась реформированием партийной стратегии, чтобы превратить НФ в партию власти.

Последний съезд Национального фронта, проходивший в Лилле 10–11 марта 2018 г., стал и последним съездом партии с таким названием. 79,9% делегатов поддержали идею смены названия партии на «Национальное объединение» (НО) (Rassemblement National) и одобрили новый Устав⁴. Выступая на съезде 1 час 20 минут, М. Ле Пен провозгласила: «Борьба, которую мы ведем, носит цивилизационный характер, ибо мондиализм и исламизм представляют собой две идеологии, стремящиеся к мировому господству»⁵. Девизом этой борьбы М. Ле Пен, выступая, сделала слоган: «Преимственность, Защита, Свобода». Раскрывая его смысл, она употребляла типично национал-популистские формулировки. Так, преимственность в ее понимании означает что «передача культурного наследия, его ценностей, идентичности, души должна стать не только правом, но и обязанностью народа»⁶. Объявляя приоритетной защиту французских граждан, М. Ле Пен, от-

4 Congrès de la Refondation du Front National (2018) // FN53.fr, March 12, 2018// <http://www.fn53.fr/2018/03/12/congres-de-lille-10-et-11-mars-2018/>, дата обращения 27.03.2018.

5 Congrès de la Refondation du Front National (2018) // FN53.fr, March 12, 2018// <http://www.fn53.fr/2018/03/12/congres-de-lille-10-et-11-mars-2018/>, дата обращения 27.03.2018.

метила, что к числу ее задач относится «восстановление авторитета государства и борьба с коммуитаризмом, что террористические акты нужно расценивать как военные действия, достойным ответом на которые послужит заслуженное наказание, а монстры-исламысты должны лишаться гражданства вместе с их женами как соучастницами»⁷. Наконец, свобода в трактовке М. Ле Пен предполагает «осуждение тирании политкорректности и свободу высказываний, а Национальная Ассамблея с этой точки зрения являет собой пародию на демократию».

Выступая на съезде, М. Ле Пен уточнила и свой «европейский» проект в преддверии выборов в ЕП в мае 2019 г. Вместо Европейского Союза (ЕС) она предложила создать Союз европейских наций (ЕЧН) с соответствующими коррективами юридических норм⁸.

Не осталось незамеченным и выступление на съезде НО бывшего советника Д. Трампа С. Бэннона, подчеркнувшего, что «популисты и суверенисты должны гордиться своим присутствием на съезде, решения которого могут положить конец европейской империи с ее диктатом единомыслия»⁹. С особым пафосом он произнес: «Вы боретесь за вашу свободу? А вас называют “ксенофобами”. Вы боретесь за свою страну? А вас называют “расистами”. Но времена оскорбительных значений этих слов прошли... Носите их с честью, потому что каждый прожитый день делает нас более сильными, а наши противники слабее»¹⁰.

Судя по риторике, прозвучавшей на последнем съезде Национального объединения, напрашивается мысль о том, что в доктринальном плане «маринисты» не отошли от национал-популизма. Однако последующие тактические действия поменявшей название партии наводят на некоторые выводы о том, куда в институциональном плане двигаются как партия М. Ле Пен, так и в целом все правые политические силы Франции. Не так давно М. Ле Пен встретила с Т. Мариани, экс-министром Н. Саркози и пока еще членом правой партии «Республиканцы», чтобы обсудить возможность совместного выступления на европейских выборах 2019 г. Известно, что Т. Мариани давно ратует за избирательный союз «Республиканцев» с разными крайне правыми, в том числе и «маринистами», отдаваясь от своей партии, настроенной пока против такого сближения [Laubacher 2018, p. 16]. Возникает вопрос о том, не стоит ли сегодня на повестке дня во Франции новая перегруппировка правых. В этой связи заслуживают внимания суждения вышеупомянутого Ж. Ришара. Он утверждает, что «политическая семья» правых делится на два течения: неолиберальное, представители которого «уповают на то, что однажды все человечество будет жить в глобальном капиталистическом обществе потребления», и националистическое, «заостряющее внимание на социокультурных особенностях каждого народа, давно укоренившихся на почве языка и традиций», и уверен, что «со-

6 Congrès de la Refondation du Front National (2018) // FN53.fr, March 12, 2018// <http://www.fn53.fr/2018/03/12/congres-de-lille-10-et-11-mars-2018/>, дата обращения 27.03.2018.

7 Congrès de la Refondation du Front National (2018) // FN53.fr, March 12, 2018// <http://www.fn53.fr/2018/03/12/congres-de-lille-10-et-11-mars-2018/>, дата обращения 27.03.2018.

8 Congrès de la Refondation du Front National (2018) // FN53.fr, March 12, 2018// <http://www.fn53.fr/2018/03/12/congres-de-lille-10-et-11-mars-2018/>, дата обращения 27.03.2018.

9 Congrès de la Refondation du Front National (2018) // FN53.fr, March 12, 2018// <http://www.fn53.fr/2018/03/12/congres-de-lille-10-et-11-mars-2018/>, дата обращения 27.03.2018.

10 Congrès de la Refondation du Front National (2018) // FN53.fr, March 12, 2018// <http://www.fn53.fr/2018/03/12/congres-de-lille-10-et-11-mars-2018/>, дата обращения 27.03.2018.

гласие между этими двумя семьями невозможно» [Richard 2017]. Вопрос о том, кто станет лидером в первой «семье», согласно Ж. Ришару, будут оспаривать между собой «Республиканцы» и партия Э. Макрона «Республика на марше» при условии, что ему удастся создать крепкую партию. А на лидирующее положение во второй «семье» сделала серьезную заявку М. Ле Пен, партия которой вполне может стать «системной». Что в таком случае произойдет с популизмом во Франции, время покажет, но, ссылаясь на вышеприведенное мнение Ж.-Ф. Сиринелли о прочном утверждении популизма в глобальной политической культуре как вызов либеральной демократии в XXI в., следует ожидать его проявления в других крайне правых объединениях.

Список литературы

- Жидкова А.В. (2018) Национальный фронт после выборов 2017 года: проблемы и перспективы развития // Клинова М.В., Кудрявцев А.К., Рубинский Ю.И., Тимофеев П.П. (ред.) Франция при президенте Эммануэле Макроне: в начале пути. М.: ИМЭМО РАН. С. 121–122.
- Канинская Г.Н. (2011) О ритмах экосистемы Пятой республики во Франции // Международная жизнь. № 5. С. 159–164.
- Berstein S. (ed.) (2003) Les Cultures Politiques en France, Paris: Seuil.
- Garrigues J., Guillaume S., Sirinelli J-F. (eds.) (2010) Comprendre la V-e République, Paris: PUF.
- Ivaldi G., Zaslove A., Akkerman A. (2017) La France Populiste? // Note de recherche ENEF / Sciences Po-CEVIPOF, no 30, 2017 // <https://halshs.archives-ouvertes.fr/halshs-01491961>, дата обращения 25.03.2018.
- Laubacher P. (2018) Le Pen et Dupont-Aignan Draguent Mariani // L'Obs, № 2786 du 29 mars au 4 avril. 16.
- Perrineau P. (2015) La Dynamique du Front National // Note de Recherche ENEF/Sciences Po-CEVIPOF, Note #2 / vague 1/ décembre 2015 // <https://www.enef.fr/les-notes/>, дата обращения 25.03.2018.
- Richard G. (2017) Histoire des Droites en France de 1815 à Nos Jours, Paris: Perrin.
- Rosanvalon P. (2015) Le Bon Gouvernement, Paris: Seuil.
- Roussellier N. (2017) La Force de Gouverner. Le Pouvoir Exécutif en France. XIX–XXI-e Siècles, Paris: Gallimard.
- Sirinelli J-F. (2005) Comprendre le XX-e Siècle Français, Paris: Fayard.
- Sirinelli J-F. (2017) Le Populisme en France depuis la Fin du 19e Siècle // Canal UA // <http://canal-ua.univ-angers.fr/avc/courseaccess?id=3758>, дата обращения 25.03.2018.
- Taguieff P-A. (2012) Le Nouveau National-populisme, Paris: CNRS.
- Wieviorka M. (2012) Le Front National, entre Extrémisme, Populisme et Démocratie // http://counterpoint.uk.com/wp-content/uploads/2013/04/507_CP_RRadical_French_web.pdf, дата обращения 25.03.2018.
- Wieviorka M. (2017) Les Quatre Points Cardinaux du Populisme // Penser Global, February 6, 2017 // <https://wieviorka.hypotheses.org/794>, дата обращения 25.03.2018.
- Winoch M. (ed.) (1994) Histoire de l'Extrême Droite en France, Paris: Seuil.

The Metabolism of the Right Populism in France of the 21st Century

Galina N. KANINSKAYA

DSc in History, Professor, Chair of the World History Department, Demidov Yaroslavl State University. Address: 14, Sovetskaya St., Yaroslavl, 150003, Russian Federation.
E-mail: kanin@uniyar.ac.ru

CITATION: Kaninskaya G.N. (2018) The Metabolism of the Right Populism in France of the 21st Century. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 11, no 3, pp. 85–101 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-3-85-101

ABSTRACT. *The phenomenon of a right populism in modern France is analyzed. In such context, the theoretical approaches of leading French historians, sociologists and political scientists to the definition of populism are considered. The main differences in the definition of populism by different specialists are shown. Different manifestations of populism such as the left-, right-wing, and emanating from the masses and the ruling elite are characterized. The features of a modern right-wing populism are reviewed on the example of the National Front Party (NF), headed by Marin Le Pen. The political, cultural, electoral and institutional factors that led to the growing popularity of the NF are studied. The specifics of the success of the “fronts” in various elections, beginning in 2012, are presented in a “long-term”, “medium-term” and “short-term” perspective. Weaknesses in governing the country of systemic ruling left and right parties, and the growth of distrust towards them by civil society are shown. The evolution of the National Front since the founding of the party by Jean-Marie Le Pen and internal party crises are considered. The author comes to the conclusion that, despite the fact that in the doctrinal plan the “marinists” have not moved away from the “national populism” that followed the NF congress on March 10–11, 2018, tactical actions and a change in the name of the party suggest that that*

the party is trying to become the second system right-wing party in France. Besides, the strong assertion of populism in global political culture has become a challenge to liberal democracy in the 21st century, so it could be expected to manifest itself in other far-right associations.

KEY WORDS: *Right populism, national-populism, extreme right, the National Front, national identity, Euroskepticism*

References

- Berstein S. (ed.) (2003) *Les Cultures Politiques en France*, Paris: Seuil.
- Garrigues J., Guillaume S., Sirinelli J-F. (eds.) (2010) *Comprendre la V-e République*, Paris: PUF.
- Ivaldi G., Zaslove A., Akkerman A. (2017) La France Populiste? *Note de recherche ENEF / Sciences Po-CEVIPOF*, no 30, 2017. Available at: <https://halshs.archives-ouvertes.fr/halshs-01491961>, accessed 25.03.2018.
- Kaninskaya G.N. (2011) O ritmakh ekosistemy Pyatoj respubliki vo Frantsii [On the Rhythms of the Fifth Republic Ecosystem in France]. *International Affairs*, no 5, pp. 159–164.
- Laubacher P. (2018) Le Pen et Dupont-Aignan Draguent Mariani. *L'Obs*, № 2786 du 29 mars au 4 avril. 16.

Perrineau P. (2015) *La Dynamique du Front National. Note de Recherche ENEF / Sciences Po-CEVIPOF, Note #2 /vague 1/ décembre 2015*. Available at: <https://www.enef.fr/les-notes/>, accessed 25.03.2018.

Richard G. (2017) *Histoire des Droites en France de 1815 à Nos Jours*, Paris: Perrin.

Rosanvalon P. (2015) *Le Bon Gouvernement*, Paris: Seuil.

Roussellier N. (2017) *La Force de Gouverner. Le Pouvoir Exécutif en France. XIX–XXI-e Siècles*, Paris: Gallimard.

Sirinelli J-F. (2005) *Comprendre le XX-e Siècle Français*, Paris: Fayard.

Sirinelli J-F. (2017) *Le Populisme en France depuis la Fin du 19e Siècle. Canal UA*. Available at: <http://canal-ua.univ-angers.fr/avc/courseaccess?id=3758>, accessed 25.03.2018.

Taguieff P-A. (2012) *Le Nouveau National-populisme*, Paris: CNRS.

Wieviorka M. (2012) *Le Front National, entre Extrémisme, Populisme et Démocratie*.

Available at: http://counterpoint.uk.com/wp-content/uploads/2013/04/507_CP_RRadical_French_web.pdf, accessed 25.03.2018.

Wieviorka M. (2017) *Les Quatre Points Cardinaux du Populisme. Penser Global*, February 6, 2017. Available at: <https://wieviorka.hypotheses.org/794>, accessed 25.03.2018.

Winoch M. (1994) *Histoire de l'Extrême Droite en France*, Paris, Seuil.

Zhidkova A.V. (2018) *Natsional'nyj front posle vyborov 2017 goda: problemy i perspektivy razvitiya* [The National Front after the Elections of 2017: Problems and Development Prospects]. *Frantsiya pri prezidente Emmanuehle Makrone: v nachale puti* [France under President Emmanuel Macron: at the Beginning of the Road] (eds. Klinova M.V., Kudryavtsev A.K., Rubinskij Yu.I., Timofeev P.P.), Moscow: IMEMO RAN, pp. 121–122.

Азия: вызовы и перспективы

Политические партии Таиланда – проверка на прочность демократии

Наталья Григорьевна РОГОЖИНА

доктор политических наук, главный научный сотрудник, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук. Адрес: 117997, Москва, Профсоюзная ул., д. 23. E-mail: ngrogozhina@mail.ru

ЦИТИРОВАНИЕ: Рогожина Н.Г. (2018) Политические партии Таиланда – проверка на прочность демократии // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 11. № 3. С. 102–119. DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-3-102-119

АННОТАЦИЯ. В преддверии намеченных на февраль 2019 г. выборов в парламент Таиланда, первых после военного переворота в 2014 г., представляется важным оценить роль партий в политическом развитии страны. Таиланд, как и большинство других стран Азии, сталкивается с большими трудностями в построении демократического государства. Современная политическая история королевства представляет собой борьбу двух тенденций – авторитаризма и демократии, что отражается на облике политических партий, их организации и деятельности и на их способности реализовывать интересы различных слоев общества. В статье анализируется процесс эволюции партийных структур в исторической ретроспективе в рамках трансформации политической системы – от бюрократической до квазидемократической и в соответствии с изменениями, происходящими в социально-экономической структуре общества в ходе его экономической модернизации при сохранении традиционной системы взаимоотношений, основанной на отношениях «патрон – клиент». Автор выделяет

несколько этапов в развитии партий. Первый характеризуется контролем военно-гражданской бюрократии над партиями, второй связан с формированием периферийных политических клиентел; на третьем этапе происходит создание партии власти, что привело в начале XXI века к укреплению парламентской демократии. Но следствие этого – дестабилизация политической системы, основанной на относительном равновесии двух сил – бюрократии и армии, заинтересованных в сохранении авторитарной формы правления, и новой силы – буржуазии, стремящейся к либерализации политических институтов. С появлением партии власти, поддержанной большинством населения, выступающего в защиту парламентской демократии, расклад политических сил в стране изменился. Конфликт интересов, в основе которого лежит столкновение позиций по модели политического устройства страны, был преодолен путем военного переворота. Анализируя расклад политических сил в стране накануне проведения выборов, автор приходит к выводу, что в Таиланде, скорее всего, произойдет реставрация

компромиссной модели политического управления образца 1980–1990-х годов. Однако отличие нынешней политической ситуации – в изменениях в социальной структуре общества и укреплении позиций тех групп населения, которые намерены участвовать в политическом процессе, что требует от власти большей открытости и социальной направленности проводимой политики. Эти же вызовы стоят и перед политическими партиями.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Таиланд, демократия, политические партии, политическая система, избирательная система, парламентские выборы, элита, военный переворот

В феврале 2019 г. намечено проведение первых после 2011 г. выборов в парламент страны. Четыре года военные, совершив переворот в мае 2014 г., контролируют власть в стране, установив жесткий авторитарный режим, запретив деятельность всех политических партий и ограничив все политические свободы. Сможет ли страна после столь длительного перерыва возвратиться к парламентской демократии? И какова будет роль партий в этом процессе?

Современная политическая история королевства представляет собой борьбу двух систем – авторитаризма и демократии. С момента провозглашения конституционной монархии в 1932 г. в Таиланде было совершено 19 военных переворотов, сменилось более 20 премьер-министров, принято 19 конституций, создано более 230 политических партий.

Само перечисление этих фактов говорит о том, что партии как институты власти пока еще не стали реальной политической силой, способной обеспечить стабильное демократическое развитие страны и защиту интересов различных социальных групп, оставаясь

заложниками неустойчивой политической системы.

Чтобы оценить роль партий в политическом развитии Таиланда, необходимо проанализировать процесс их становления и эволюции в исторической ретроспективе в рамках трансформации политической системы – от бюрократической до квазидемократической.

Тайский аналитик Сирипан Ноксаван Савасад [Sawasdee 2006, p. 5] выделяет три этапа в эволюции партийной системы. Первый характеризуются контролем военно-гражданской бюрократии над партиями, второй связан с формированием периферийных политических клиентел; на третьем этапе происходит укрепление позиций крупного капитала в партиях. Эта типология даже в самом общем виде наглядно показывает, что развитие партий происходит в соответствии с изменениями в социально-экономической структуре общества в ходе его экономической модернизации при сохранении живучести традиционной системы взаимосвязи, основанной на отношениях «патрон – клиент».

Становление партийной системы

Переход страны от одной модели политического устройства (абсолютной монархии) к другой (конституционной монархии) создал условия для возникновения партий, но не как действенных институтов парламентской демократии, а скорее как элитарных организаций, отражающих и защищающих интересы верхушки общества. На первом этапе становления (вплоть до 1980-х гг.) участие партий в политическом процессе ограничивалось рамками существования бюрократического режима, или «бюрократической политики» [Riggs 1966].

К моменту осуществления буржуазной революции в 1932 г. в стране уже сложилась система политического и административного управления, иерархически закреплявшая взаимосвязи в обществе: король – бюрократия – народ. Отстранив короля от верховного руководства страной, бюрократия вписалась в политическую систему, не подвергнув ломке устоявшуюся модель управления, и в отсутствие других соперничавших за лидерство сил сосредоточила власть в своих руках. Консенсус внутри политической элиты определял прочность бюрократического режима, который не пошел на полное уничтожение институтов представительной власти, сформированных в результате буржуазной революции. Был избран другой путь – демократические институты оказались поставленными на службу бюрократической власти. Такая ситуация предопределила и характер складывающейся партийной системы, являвшейся, по сути, продуктом бюрократического режима и работавшей на его стабильность. Поэтому Национальная Ассамблея (парламент Таиланда) сохранялась даже в периоды существования авторитарных режимов, создавая видимость демократии в стране (тайландское руководство всегда заботилось о своем престиже за границей). Лояльность политическому режиму со стороны избранных депутатов обеспечивалась тем, что большинство партий, участвовавших в выборах, формировалось при поддержке и указке бюрократических клик [Wilson 1962].

К середине 1980-х гг., т.е. через пятьдесят лет после возникновения, партии по-прежнему не имели ни четкой идеологии, ни политической программы, что могло бы обеспечить их обратную связь с народом, участие которого в их избирательных кампаниях, как правило, осуществлялось по традиционным каналам патронатных отношений. Го-

лоса отдавались не той или иной партии, а «большому человеку» (*пу яй* – патрону), связь которого с избирателями устанавливалась либо по каналам неформальных личных отношений, либо с помощью подкупа (материальная услуга патрона клиентам требует от последних ответной услуги).

Партии не только конкурировали между собой за место в правительстве (главная цель любой партии), но и вынуждены были постоянно преодолевать внутрипартийную фракционную борьбу, которая отражала соперничество различных политических клик, разрешаемое путем их перегруппировки в рамках отношений «патрон – клиент». Это вело к расколу партий и появлению множества мелких партий. Но ни одна из них в силу своей малочисленности и ограниченности в финансовых ресурсах не могла реально претендовать на победу на выборах, а следовательно, и на формирование правительства во главе со своим лидером. Главой кабинета становился ставленник бюрократии. Ими же были и ключевые министры. А принятые в этот период конституции помогали военно-гражданской бюрократии удерживать власть в стране и контролировать деятельность партий вплоть до конца 1980-х гг. – второго этапа эволюции партийной системы, который характеризуется трансформацией политической системы в сторону либерализации.

Последнее было обусловлено укреплением положения мелкой и средней национальной буржуазии, в том числе на периферии, и формированием среднего городского класса (социальные последствия процесса форсированной индустриализации). Этот период истории Таиланда можно назвать второй буржуазной революцией с точки зрения изменения социально-экономической структуры общества, социально-классовых основ политической власти,

соответствующего более высокой ступени развития капитализма, переход на которую был заложен еще в 1960-х гг. Численно выросшая и укрепившая свой экономический потенциал национальная буржуазия все еще оставалась объектом жесткого государственного регулирования, что ограничивало ее предпринимательскую деятельность. Особенно страдали средние и мелкие группы буржуазии, чьи позиции в экономике ущемлялись крупным бизнесом, интеграционно связанным с бюрократической властью и представленным китайским капиталом (по национальному происхождению).

Запросом национальной буржуазии на участие в политическом процессе стало ее активное взаимодействие с партиями через формирование периферийных клиентельских групп. Кандидаты в депутаты из-за отсутствия у партий отделений на местах вынуждены были искать поддержку у местных влиятельных людей (*чао по*), которые и обеспечивали их голосами избирателей, а также оказывали им финансовую помощь во время выборов. Политики из Бангкока появлялись в своем избирательном округе в провинции только накануне выборов. В свою очередь, *чао по*, представляющие интересы среднего бизнеса, получали рычаг прямого давления на партии, по крайней мере в части отбора нужных им кандидатов в депутаты, в целях продвижения своих политических интересов на национальный уровень и получения доступа к дополнительным материальным ресурсам. Некоторые из них даже вознаграждались постом в правительстве.

Формированию неформальной системы взаимосвязи между депутатами и местными бизнесменами способствовала и существовавшая в тот период одномандатная избирательная система, предусматривавшая победу на выборах тех кандидатов, которые получали наи-

большее количество голосов на основе правила большинства. Поэтому избирательная кампания велась с упором на личность кандидата, а не на программу партии. Такая избирательная система порождала внутрипартийное соперничество и имела следствием ослабление партий и их дробление.

Заинтересованность каждого кандидата в максимизации своего электората в условиях живучести традиционных отношений «патрон – клиент» приводила к распространению практики подкупа избирателей, что и осуществлялось при прямом содействии *чао по*. По данным независимой мониторинговой компаний PollWatch, в 1988 г. на эти цели было потрачено 10 млрд баттов (примерно 400 млн долл.), а в 1996 г. уже в 10 раз больше [McVey 2000, p. 87]. При этом большинство населения считало, что действует в рамках закона.

Соответственно, результат выборов напрямую зависел от способности каждого кандидата в депутаты обрести неформальными личными связями с местными лидерами, которые и брали на себя оперативное руководство мобилизацией голосов электората, выступая как бы главами их избирательных штабов – *хуа кана*.

Эти группы периферийной буржуазии, получив доступ к выборам, были заинтересованы в сохранении парламентской демократии, поскольку она открывала путь к продвижению их интересов на государственный уровень и выводила их из-под контроля местной бюрократии. Рост численности и укрепление социально-экономического положения буржуазии и средних слоев населения обусловили их возросшую политическую устремленность и амбициозность, что нашло выражение в упрочении партийной системы.

Правда, непоколебимость универсальной модели «патрон – клиент» определила своеобразный облик поли-

тических партий Таиланда. Они объединяли не единомышленников, связанных общностью политических взглядов, а политических деятелей, преследующих сугубо корыстные личные цели – получить доступ к дележу добычи – посту в правительстве. Политические партии по-прежнему представляли собой своеобразные патерналистские группы, построенные по принципу объединения вокруг лидера (контролирующего финансы), смена которого приводила к дроблению партий и внутрипартийной фракционной борьбе. Вместе с тем особенности организаций, созданных по модели «патрон – клиент», облегчали (особенно с середины 1980-х гг.) перегруппировку сил внутри самих политических партий, способствуя оттеснению старого руководства, связанного личными контактами с бюрократией, и появлению нового лидерства, чьи позиции обеспечивались их финансовыми возможностями.

Поэтому практически во всех партиях главенствующее положение занимали представители делового мира, но в основном той его части, которая не ощущала своей зависимости от военных и стремилась к полной свободе и самостоятельности в принятии решений. Они в основном и формировали правительство страны, определяли содержание политики, становившейся все более ориентированной на укрепление позиций национального предпринимательства. Но поскольку большинство партий относились к категории мелких и средних, не способных завоевать большинство мест в парламенте, то соперничество и постоянная

перегруппировка сил между ними вели к регулярной смене правительства, создаваемого на основе коалиции пяти-шести партий¹. Следствие этого – неустойчивость парламентской демократии в стране.

Та форма политической власти, которая установилась в Таиланде в 1980–1990-х гг., представляла собой компромиссную модель общественного развития, в которой отразилось столкновение двух сил – бюрократии и армии, заинтересованных в сохранении авторитарной формы правления, и новой силы – буржуазии, стремящейся к либерализации политических институтов, что предоставляло ей доступ к механизму принятия решений. В стране существовало как бы два реальных центра власти: парламент + правительство и армия + бюрократия. Эта форма политической власти покоится, вернее балансирует, на относительном равновесии двух сил, нарушение которого приводит к постоянной перегруппировке в политической элите (укрепление позиции военных сменяется упрочением демократических институтов и т.д.) и чревато угрозой дестабилизации политической ситуации.

Появление партии «власти»

Это и наблюдается в Таиланде с начала XXI в., когда временное упрочение парламентской формы правления и усиление позиций Таксина Чинавата, лидера последовательно побеждавших на всех парламентских выборах (2001, 2005, 2006, 2007 и 2011 гг.) аффилированных с ним партий², стало угрожать

1 Средняя продолжительность работы правительства не превышала 13 месяцев.

2 В 2001 г. впервые с 1957 г. одна-единственная партия – Таи Рак Таи после победы на выборах смогла обеспечить себе парламентское большинство путем консолидации с мелкими партиями и их поглощения. В мае 2007 г., одержав в очередной раз победу на выборах, она была распущена по решению конституционного суда, обвиненная в коррупции. Ее сторонники образовали новую Партию народной власти, а в 2011 г. ей на смену пришла партия Пхэа Таи.

стабильности компромиссной модели политического управления страны.

Сирипан Ноксаван Савасад, как уже отмечалось ранее, связывает этот этап развития партийной системы с приходом крупной буржуазии и больших денег. Действительно, оказавшись в тяжелой ситуации в период финансового кризиса в 1997–1998 гг., национальная буржуазия проявила заинтересованность в консолидации вокруг партии Таи Рак Таи, созданной в 1998 г. миллиардером Таксином Чинаватом³, видя в ней политическую силу, способную осуществить необходимые для роста экономики реформы [Hewison 2006, р. 98]. Таксину удалось вывести страну из финансового кризиса. В 2002 г. темпы экономического роста составили уже 6%.

Экономическая политика, которую стал проводить Таксин Чинават, заняв пост премьер-министра страны, известная как «таксиномика», была направлена на укрепление позиций национального предпринимательства и стабилизацию национальной экономики, повышение ее конкурентоспособности за счет развития внутреннего рынка и расширения покупательной способности населения [Nguyen 2011, р. 69]. Поэтому своей деятельностью уже во власти партия доказала, что ее цель не сводится лишь к защите узкокорпоративных интересов крупного предпринимательства.

Первым из премьер-министров Таиланда Таксин Чинават обратил внимание на нищенский уровень жизни народа, который усугубился финансовым кризисом 1997–1998 гг. и спровоцировал рост социального напряжения. Находившаяся тогда у власти Демократи-

ческая партия предпочла не замечать требований бедняков периферийных районов. По-другому поступил Таксин Чинават, став во главе правительства. Он принял стратегически важное решение – не подавлять силой недовольство, как это было при политических режимах в 1970–1980-е гг., а привлечь низшие слои общества на свою сторону в обмен на оказанные им «услуги» (говоря в терминах отношений «патрон – клиент»), последовательно проводя меры по снижению задолженности крестьян, предоставляя им финансовую поддержку, обеспечивая их бесплатными медицинскими услугами и возможностями получить образование. Он заключил с населением своеобразный социальный контракт. Даже название его партии Таи Рак Таи, что переводится как «тайцы любят тайцев», отражало новую концепцию развития страны.

Он сделал все возможное, чтобы убедить сельскую бедноту в том, что его команда является главным поставщиком политических услуг для них. Ему даже удалось купить расположение местных влиятельных людей, заплатив им крупное вознаграждение за вступление в ряды Таи Рак Таи [Sawasdee 2006, р. 145]. И то, что ее предвыборные обещания были положены в основу проводимой политики после прихода во власть, обеспечило ей, и прежде всего самому Таксину, кредит доверия со стороны населения.

Чтобы лучше узнать настроения и потребности своего электората, Таи Рак Таи регулярно проводила встречи с лидерами крестьянских общин. Эта информация затем обрабатывалась аналитиками, а их рекомендации использовались при формирова-

3 Таксин Чинават привлек в ряды Таи Рак Таи новое поколение молодых политиков, а также известных политиков старой гвардии из других партий, в том числе Саноха Тиеоханонга, бывшего министра внутренних дел, члена партии «Новые чаяния» (New Aspiration party, или Пак Кавам Хавангмай), который привел с собой 60 своих соратников.

нии стратегии проведения избирательной кампании. Таксин Чинават был первым из партийных лидеров, который установил прямой контакт с населением, используя средства массовой информации. Каждую субботу по радио шла программа под названием «Таксин встречается с народом», в которой он отчитывался за проделанную его правительством работу за последнее время, рассказывал о планах на будущую неделю и о своем видении стоящих перед страной проблем, высказывал мнение относительно позиции своих критиков и оппонентов⁴. Такая тактика позволила партии значительно расширить свою опору в обществе. Если в 2001 г. партия набрала 248 мест в парламенте (из 500), то четырем годами позже – уже 375, что обеспечило ей парламентское большинство.

Вместе с тем усилению политических позиций Таи Рак Таи, как и в последующем Пхэа Таи⁵, помогло ее финансовое самообеспечение. Основными донорами партии были сам Таксин Чинават и его ближайшее окружение⁶. В 2000–2003 гг., по данным Избирательной комиссии Таиланда, крупнейшим спонсором Таи Рак Таи была Потьяман Чинават, супруга Т. Чинавата, передавшая на нужды партии 366,4 млн батов (около 9 млн долл.) [Sawasdee 2006, p. 95].

Сосредоточение основных финансовых ресурсов в руках Таксина Чинавата усилило его контроль над партией⁷, повысило его авторитет лидера и помогло обрести относительную свободу в принятии решений в бытность его премьер-министром.

Однако появление на политической арене партии власти и укрепление основ парламентской демократии было предопределено прежде всего теми изменениями, которые произошли в социально-экономической структуре общества. Видимым результатом экономического курса Таксина стал подъем отстававшей в своем развитии периферии. Доход населения северо-востока, самого бедного района страны, вырос на 46% с 2001 по 2006 г., численность бедняков (менее 2 долл. по ППС) сократилась с 17,44% в 1999 г. до 11,51% в 2004 г. С 2007 по 2011 г. темпы роста экономики этого региона составили 40% в сравнении с 17% в Бангкоке [Montesano 2014, p. 3]. Этому успеху сопутствовало изменение социальной структуры местного общества, в составе которого образовалась прослойка так называемого *нижнего среднего класса* [Apichat Satitniramai, Yukti Mukdawijitra, Niti Pawakapan 2013], имеющего отличное от традиционного политического истеблишмента представление о демократии.

Выражению этих новых для тайского общества взглядов о его роли в политическом развитии способствовало принятие в 1997 г. новой конституции и введение новой избирательной системы, содержащей элементы системы относительного большинства голосов и системы пропорционального представительства по партийным спискам [Hicken 2002, pp. 4–5]. Четыреста одномандатных округов заменили собой многомандатные округа. Был также учрежден второй уровень в 100 мест, пре-

4 The Nation, February 9, 2005 // www.thenation.com, дата обращения 21.04.2018.

5 Таксин Чинават – первый глава правительства в истории страны, которому удалось удерживать власть в течение полного четырехлетнего срока. Он занимал пост главы кабинета с 2001 по 2006 г., а его сестра Йинглак Чинават, лидер партии Пхэа Таи, – с 2011 по 2014 г.

6 В 2003–2004 гг. семья Чинават была крупнейшим держателем акций на фондовом рынке страны. В 2008 г. решением Верховного суда был наложен арест на 78 млрд батов семейных активов в связи с уголовным преследованием Таксина Чинавата.

7 Депутаты от Таи Рак Таи получали от Таксина ежемесячное вознаграждение (помимо официальной заработной платы). Он же выделял средства на проведение их избирательной кампании.

тенденты на которые избирались в одном общенациональном округе по пропорциональной системе голосования по партийным спискам. Для получения мест на этом уровне партии должны были преодолеть пятипроцентный порог. Каждая партия представляла на рассмотрение избирателей список кандидатов, и избиратели отдавали два голоса: один за представителя округа и один за партийный список.

Если раньше голоса электората сосредоточивались по множеству мелких партий, то с введением пятипроцентного порога возможности для победы на выборах крупных партий возросли⁸. Однако для получения поддержки населения они вынуждены были менять свою тактику проведения избирательной кампании. Теперь результаты выборов стали зависеть не столько от личности кандидата в депутаты, сколько от программы партии и ее соответствия социальным потребностям различных групп населения. Наиболее успешными в этом плане оказались партии, связанные с именем Таксина Чинавата, что способствовало расширению их социальной опоры в обществе, прежде всего в бедных районах страны (север и северо-восток). Таксин стал единственным премьер-министром страны, занявшим этот пост по конституции 1997 г.

С изменением социально-экономического положения населения периферийных районов растет и политическое самосознание, которое выражается в борьбе за политическое переустройство Таиланда, за развитие демократических институтов власти. Может быть, сам того не желая, Таксин Чинават выпустил джинна из бутылки, приоткрыв некогда закрытый политический про-

цесс, чтобы вовлечь в него людей из низов. Это изменило общую расстановку политических сил в стране и привело к расколу общества на два лагеря – сторонников и противников Таксина Чинавата, а в более широком плане – на тех, кто выступал в защиту парламентской демократии, и тех, кто, поддерживал власть традиционного политического истеблишмента, заинтересованного в сохранении режима квазидемократии.

Парадокс в том, что период правления Таксина Чинавата (2001–2006) нельзя назвать временем расцвета демократии в стране, несмотря на формальное существование демократических институтов власти. Режим Таксина нередко называли популистской авторитарной версией демократии⁹. Демократическое развитие Таиланда при нем оказалось сильно подорванным, а его стиль руководства напоминал военную диктатуру [Connors 2008, p. 143]. Это проявилось в ужесточении контроля над средствами массовой информации, в гонениях на представителей прессы, в использовании жестких форм борьбы с наркотрафиком и террористами на юге, сопровождавшейся массовыми убийствами. Методы управления страной напоминали единоличное руководство крупной корпорацией. Такое представление верховной власти о демократии препятствовало открытому выражению протеста со стороны оппозиции. Чтобы лишить ее права на существование, Таксин принял законы, предусматривающие мониторинг деятельности и контроль над финансами общественных объединений, а также строгие меры по борьбе с терроризмом, под который подпадали любые проявления недовольства в стране.

8 По новому закону только те партии допускались к выборам, которые имели в своем составе не менее 5 тыс. чел. и были представлены во всех регионах страны. В 2001 г. было зарегистрировано шестьдесят партий, пять из них смогли набрать 85,69% голосов.

9 The International Herald Tribune, December 25, 2007.

И тем не менее большая часть электората продолжала оказывать ему поддержку, которая строилась на доверии к нему как к лидеру партии, представляющей их интересы в парламенте. Отсюда и массовые выступления в защиту Таксина Чинавата после его отстранения от власти в 2006 г. в результате организованных оппозицией массовых протестов, которые привели к военному перевороту¹⁰, и предпринятых впоследствии попыток со стороны традиционного политического истеблишмента реставрировать свою власть.

Критика в адрес режима Таксина, который называли не иначе как *таксинократия*, стала той идеологической платформой, на которой объединились представители высшего и среднего классов Бангкока и юга страны – предприниматели, чиновники, военные, приближенные к королевской семье и представители буддийской сангхи. Всех их сплачивала принадлежность к тайландскому истеблишменту. По выражению газеты Bangkok Post, антитаксиновское движение состояло из представителей элиты «голубой» крови, которые традиционно поддерживали старейшую в стране Демократическую партию.

Конечно, каждая группа участников этого движения имела свою мотивацию для вступления в его ряды. Но их сближал страх по отношению к режиму Таксина и установлению его личного контроля над политикой и экономикой [Kanchoochat 2016, p. 374]. Он представлял угрозу не столько потому, что не принадлежит к традиционному политическому истеблишменту (хотя являлся генералом полиции и крупным бизнесменом), а прежде всего из-за того, что позволил себе играть на чу-

жом поле – не привлекать сторонников из политической элиты, а опираться на электорат беднейших районов севера и северо-востока (откуда он родом). Для укрепления своей власти Таксин использовал традиционные отношения «патрон – клиент», но его клиентела (социальное окружение) стала опасной для высшей страты тайландского общества.

Массовая поддержка населения, которая обеспечила Таксину Чинавату, а впоследствии и его сторонникам победу на выборах, не устраивала традиционную политическую элиту, которая оказалась на периферии политической системы, несмотря на свои высокие политические амбиции и традиционное представление о том, кто должен править страной – «достойный» образованный человек, а не «толпа».

Соответственно и представительная демократия (характеризовалась оппозицией как «парламентская диктатура»), приносившая победу сторонникам Таксина Чинавата на всех выборах, не отвечала интересам традиционной политической элиты и воспринималась как угроза стабильности ее положения в обществе. Элита оказалась в меньшинстве и не желала подчиняться воле большинства – «необразованных граждан, политическое доверие которых завоевывалось, по ее мнению, подкупом голосов и популистской политикой» [Connors 2008, pp. 143–145]. Именно поэтому следовало создать в стране такую политическую систему, которая была бы свободной от коррумпированных политиков и допускала бы к власти только «моральных людей» [Puangthong Pawakapan 2014, p. 5].

Эти идеологические воззрения присущи тайскому либерализму, носителем которого как раз и являются высшие

¹⁰ Свергнутый военными в 2006 г. и обвиненный в мошенничестве и коррупции, Таксин вынужден скрываться за границей.

и средние слои общества. Антиправительственные выступления развернулись под тремя основными лозунгами: борьба с коррупцией, защита института монархии и отрицание представительной демократии [Hewison 2014, p. 4]. И это была реакция традиционного политического истеблишмента на вызов избирательной силы сторонников Таксина Чинавата. Его правление угрожало стабильности Таиланда, основанной на свободной конкуренции военно-бюрократических патерналистских групп.

Баланс сил в пользу партий Таксина лишил возможности оппозицию, прежде всего Демократическую партию, прийти к власти через механизм выборов¹¹. Отсюда и ее реакция – либо непризнание итогов выборов, либо их бойкот (2007 и 2014 г.). В последнем случае выборы признавали недействительными, что давало возможность оппозиции продолжить борьбу с режимом Таксина.

Перегруппировка политических сил пошла по линии создания массовых движений – одно имело антитаксиновскую, антиправительственную направленность, другое было представлено сторонниками Таксина (а в 2013–2014 гг. – правительства Йинглак Чинават). Появление этих массовых движений – результат отсутствия реальных условий для создания в Таиланде двухпартийной политической системы, способной обеспечить демократическое развитие страны, основанное на свободной конкуренции политических сил. Хотя эти движения напрямую не управлялись оппонирующими партиями – Таи Рак Таи и Пхэа Таи, с одной стороны, и Демократической

партией, с другой, однако были связаны с ними общностью идеологических воззрений. Во время уличных протестов, захлестнувших страну с 2006 по 2014 г., их участники выступали не в защиту какой-либо партии, а в поддержку той политической системы, которая, по их мнению, в наибольшей мере соответствовала их взглядам на характер управления страной. Политическая поляризация общества стала неизбежным итогом конфликта политических интересов. В основе его лежит дилемма не между республикой и конституционной монархией, а между назначением и выборами.

Наметившийся в обществе раскол привел страну в состояние политического хаоса. Попыткой его преодолеть и стал произошедший 22 мая 2014 г. очередной, 19-й по счету, военный переворот. Военные захватили власть под предлогом наведения порядка в стране, что они успешно и осуществили, распустив парламент, запретив деятельность политических партий и ограничив все демократические свободы. В стране был в очередной раз установлен авторитарный режим.

В преддверии выборов

Хотя военные находятся у власти уже более четырех лет, поставив под свой контроль исполнительные и законодательные органы страны, они вынуждены под давлением общественного мнения приоткрыть политическое пространство. Правда, обещание провести всеобщие выборы в парламент они не торопятся выполнять, каждый раз откладывая их под разными предлогами.

11 В 2001 г. партия Таи Рак Таи получила 71% голосов населения севера, 50% – северо-востока, 2% – юга, 50% – центра и 78% – Бангкока. В 2005 г. эти показатели составили: 93% – на севере, 93% – на северо-востоке, 1% – на юге, 83% – в центре и 86% – в Бангкоке. Для сравнения: ее конкурент – Демократическая партия пользовалась поддержкой только 7% жителей севера, 1,5% – северо-востока, 96% – юга, 7% – центра и 11% – Бангкока.

Нет полной уверенности в том, что выборы состоятся в феврале 2019 г. (ранее они были намечены на ноябрь 2018 г.), как и то, кто одержит победу на них.

По прогнозам военных, большинство мест в парламенте опять наберет Пхэа Таи¹², но это вызывает большие сомнения по ряду причин. Сила этой партии держалась на авторитете ее лидера – Таксина Чинавата, на его финансовых возможностях, а также на массовой поддержке. В настоящее время сам Таксин Чинават и его сестра Йинглак Чинават, против которых заведены уголовные дела, вынуждены скрываться за границей, а на их имущество наложен арест. Партия осталась не только без лидера, но и без его солидной финансовой поддержки, что с неизбежностью приводит к ослаблению ее политических позиций. Не последнюю роль в этом играет и обострение внутрипартийного фракционного соперничества, которым в свое время Таксин успешно управлял путем перестановок в кабинете министров. Расколоть партию пытается и военная хунта, переманивая некоторых ее членов в новые партии¹³. Косвенным доказательством того, что партия сегодня не едина, служат проведенные Таксином Чинаватом в начале 2018 г. встречи с ее руководством за границей. По мнению Патрика Джоя из университета г. Квинсленд, это можно расценить как стремление Таксина убедить электорат в том, что Пхэа Таи остается «его партией», а не партией «заурядных политиков»¹⁴.

Вопрос, кто будет поддерживать Пхэа Таи на выборах, остается откры-

тым. Военное руководство, извлекая уроки из прошлого и учитывая удачный опыт политической кампании своего главного соперника, активно пытается завоевать голоса его электората, используя средства экономического подкупа. И эта политика начала приносить свои дивиденды. Согласно недавно проведенному опросу, отношение населения Севера и Северо-Востока к военным меняется в позитивную сторону¹⁵.

На авторитет партии и ее способность мобилизовать общественную поддержку повлияло и бегство из страны Йинглак Чинават. А вот если бы она предстала перед судом и была осуждена на пять лет тюремного заключения (этот приговор ей вынесен заочно в сентябре 2017 г.), то стала бы жертвой политических репрессий в глазах миллионов сторонников, что придало бы новый импульс их борьбе за политическое переустройство страны в ходе выборов.

В предстоящей гонке за места в парламенте Пхэа Таи будет состязаться не только со своим главным конкурентом – Демократической партией, но и с массой вновь созданных мелких партий. Переход к новой избирательной системе (т.наз. смешанной модели германского образца, когда половина депутатов избирается по одномандатным округам, а другая половина по партийным спискам) практически лишает крупные политические партии возможности одержать победу на выборах и сформировать кабинет, который, по всей видимости, будет представлен де-

12 Joshua Kurlantzick (2017) Thailand's Enforced Calm Could Collapse After Yingluck Trial // Council for Foreign Affairs, August 24, 2017 // <https://www.cfr.org/blog/thailands-enforced-calm-could-collapse-after-yingluck-trial>, дата обращения 21.04.2018.

13 Bangkok Post, March 17, 2018 // <https://www.bangkokpost.com/>, дата обращения 21.04.2018.

14 Bhavan Jaipragas (2018) In Hong Kong and Singapore, Thaksin Shinawatra Prepares His Party for Elections in Thailand // South China Morning Post, February 24, 2018 // <http://www.scmp.com/week-asia/politics/article/2134444/hong-kong-and-singapore-thaksin-shinawatra-prepares-his-party>, дата обращения 21.04.2018.

15 Thai Junta's Popularity Falls to Lowest Level since 2014 (2018) // The Star, January 6, 2018 // <https://www.thestar.com.my/news/regional/2018/01/06/thai-juntas-popularity-falls-to-lowest-level-since-2014>, дата обращения 21.04.2018.

путатами от средних и мелких партий. Цель новой конституции, подготовленной военными (проект был поддержан большинством населения на референдуме в августе 2016 г.), – создать политические условия для сохранения их контроля над правительством и парламентом. А мелкими и средними партиями легче манипулировать.

Хотя запрет на политическую деятельность по-прежнему сохраняется, более 114 инициативных групп известили избирательную комиссию о готовности создать партии, которые, согласно новому закону об их деятельности, должны иметь в составе своих учредителей не менее 500 чел., обладать страховым фондом в размере 1 млн баттов, а также быть представленными в различных районах страны. На 2 марта 2018 г., когда начался процесс регистрации, заявки подали уже 40 новых партий, которые условно можно разделить на три категории¹⁶.

Первую категорию составляют партии – сторонники нынешнего военного руководства, поддерживающие назначение генерала Прают Чан-Оча (главу военной хунты) на пост премьер-министра после проведения всеобщих выборов. В их составе: Народная партия реформ во главе с бывшим сенатором П. Нититаваномом, который известен своими антидемократическими взглядами; партия Мэанг Маха Прачачон (Партия народных масс), организованная С. Тиеоксубаномом, возглавлявшим массовое антиправительственное движение в 2013–2014 гг.; партия Пхэа Чат Таи («За тайскую нацию»), связанная с бывшим главнокомандующим,

генералом Сунтомом Конгсмпонгом, совершившим военный переворот в 1991 г. Все эти консервативные партии, лоббирующие интересы военно-бюрократической элиты и связанной с ней крупной китайско-тайской буржуазии, укрепившей свои позиции в период правления военной хунты, маскируются под народные партии своими громкими названиями.

Ко второй категории относятся партии, которые хотят войти в состав коалиционного правительства, такие как Прачакон Таи (Партия народной власти), сформированная политиками старой гвардии, входившими ранее в состав других партий и придерживающимися разных политических позиций. Прачакон Таи рассчитывает на 20 депутатских мандатов¹⁷. А кто будет возглавлять правительство – Прают Чан-Оча или кто-то другой, ее особенно не волнует.

Третью категорию составляют партии, представляющие себя как альтернативную политическую силу. Особое внимание привлекает партия Анакот Май, более известная как Future Forward Party (Форвард будущего), созданная по инициативе молодого демократически настроенного бизнесмена-миллионера Танатона Тьенгрунгренгкита (его семья владеет Thai Summit Group, крупнейшей в стране компанией по производству компонентов для автомобилей). Поскольку запрет на политическую деятельность все еще сохраняется, то представление о программе партии «Форвард будущего» можно составить лишь по отдельным высказываниям ее лидера. Цель пар-

16 New Political Parties to Take First Steps to Contest Elections in Thailand (2018) // The Straits Times, February 27, 2018 // <http://www.straitstimes.com/asia/se-asia/new-political-parties-to-take-first-steps-to-contest-elections-in-thailand>, дата обращения 21.04.2018.

17 The Nation, January 30, 2018 // www.thenation.com, дата обращения 21.04.2018.

18 Billionaire Forms New Thai Party (2018) // The Star, March 16, 2018 // <https://www.thestar.com.my/news/regional/2018/03/16/billionaire-forms-new-thai-party-anakot-mai-or-future-forward-party-hopes-to-challenge-traditional-p/#mCIT7qQy0b1XvTHw.99>, дата обращения 21.04.2018.

тии – проведение прогрессивной политики в интересах развития демократии в стране, что помимо упрочения парламентской формы управления страной предполагает предоставление равных экономических возможностей для всех групп населения, повышение уровня жизни, создание системы социального обеспечения, ликвидацию монополии крупного бизнеса¹⁸. Финансирование партии будет обеспечиваться за счет средств, поступающих от населения, чтобы исключить доминирующее влияние крупного бизнеса на процесс принятия решений, в котором будут участвовать все ее члены.

Свою партию «Форвард будущего» Танатон Тьенгунгренгкит представил как третью силу, способную преодолеть раскол в обществе, наметившийся между сторонниками Таксина Чинавата и теми, кто поддерживает военную хунту¹⁹. В решении этой задачи он намерен апеллировать к либерально настроенным слоям общества²⁰, прежде всего молодежи, используя в этих целях социальные сети. Судя по откликам в них, он хорошо принимается молодежью и средним городским классом, прежде всего в Бангкоке. Это те группы населения, которые отвернулись от Демократической партии, разочаровались в правлении военной хунты, но вместе с тем испытывают недоверие к партии Пхэа Таи и в целом к семье Таксина Чинавата²¹.

Но будет ли их голосов достаточно для победы на выборах, остается вопросом открытым. Свою связь с Таксином Чинаватом, в чье ближайшее окружение входил его родной дядя, Танатон Тьенгунгренгкит полностью опровергает. Эксперты не исключают, что для расширения своей опоры в обществе Пхэа Таи может использовать новые лица и новые организации. Как заметил Ватана Мэнгсук, член этой партии, «многие люди, которые не захотят голосовать за Пхэа Таи, отдадут свои голоса за эту новую партию. В итоге партии, поддерживающие диктатуру, потеряют своих избирателей»²². По мнению некоторых аналитиков, «поддержка на выборах Танатона скорее означает начало процесса формирования новой политической силы, стимулирующей изменения, чем конец политического кризиса»²³.

Согласно опросу общественного мнения, проведенному 15–16 марта 2018 г. Национальным институтом управления развитием, большинство респондентов (62,32%) заявили, что после проведения всеобщих выборов хотят видеть новые политические партии в составе правительства, а его главой – Прают Чан-Оча (38,64%). Танатон Тьенгунгренгкит оказался на четвертом месте с 6,88% голосов²⁴.

То, что премьер-министром страны может стать нынешний глава хун-

18 Billionaire Forms New Thai Party (2018) // The Star, March 16, 2018 // <https://www.thestar.com.my/news/regional/2018/03/16/billionaire-forms-new-thai-party-anakot-mai-or-future-forward-party-hopes-to-challenge-traditional-p/#mCIF7qQyOb1XvTHw.99>, дата обращения 21.04.2018.

19 Thailand's (Possible) Election: A Plethora of Parties Register, But Will Politics Actually Change? Blog Post by Joshua Kurlantzick (2018) // Council for Foreign Affairs, March 16, 2018 // <https://www.cfr.org/blog/thailands-possible-election-plethora-parties-register-will-politics-actually-change>, дата обращения 21.04.2018.

20 В состав учредителей партии входят молодые преподаватели и предприниматели, активисты студенческого движения, правозащитники, экологи.

21 Can Thanathorn Be a Savior of Thai Politics? Part 2 Blog Post by Joshua Kurlantzick (2018) // Council for Foreign Affairs, March 23, 2018 // <https://www.cfr.org/blog/can-thanathorn-be-savior-thai-politics-part-2>, дата обращения 21.04.2018.

22 Aukkarapon Niyomyat, Chayut Setboonsarng (2018) Thai Auto Heir Launches New Party, Promises to Heal Political Rift // Reuters, March 15, 2018 // <https://www.reuters.com/article/us-thailand-politics/thai-auto-heir-launches-new-party-promises-to-heal-political-rift-idUSKCN1GR0E8>, дата обращения 21.04.2018.

23 Pavin Chachavalpongpun (2018) Is Thailand Ready for Its Youngest Prime Minister? // The Diplomat, March 15, 2018 // <https://thediplomat.com/2018/03/is-thailand-ready-for-its-youngest-prime-minister/>, дата обращения 21.04.2018.

ты Прают Чан-Оча, не лишено оснований. Во-первых, новая конституция допускает возможность нахождения на этом посту человека, не обладающего депутатским мандатом. А в том, что его кандидатуру поддержит полностью назначаемый сенат, нет никаких сомнений. Во-вторых, при существующей палитре политических партий и невозможности взаимодействия между двумя основными – Пхэа Таи и Демократической – наиболее вероятным сценарием развития ситуации станет создание коалиционного правительства из мелких и средних партий. Компромиссной фигурой для них на посту премьер-министра может быть Прают Чан-Оча. И поскольку в начале 2018 г. он заявил, что «не намерен быть политиком на один день»²⁵, он сам не собирается уходить с политической сцены.

Но нельзя исключить и другой вариант развития событий. Если Пхэа Таи или Демократическая партия наберут необходимое количество депутатских мандатов, чтобы, объединив вокруг себя мелкие партии, создать правительство, тогда вряд ли они поддержат кандидатуру Прают Чан-Оча.

А пока военные делают все возможное, чтобы осложнить процесс подготовки партий к предстоящим выборам. Прежде всего страдают крупные партии. Сохраняющийся запрет на политическую деятельность ограничивает их возможности при проведении избирательной кампании и мобилизации сторонников. Распоряжением премьер-министра генерала Прают Чан-Оча они будут допущены к политической деятельности только после 1 апреля, ког-

да подадут новые списки своих членов. Они считают (и в этом вопросе позиции Пхэа Таи и Демократической партии сходятся), что таким образом военное руководство расчищает поле для создания новых партий, которые смогли начать работу уже с 1 марта.

Однако создается впечатление, что военные пока не имеют четко разработанного плана политических действий накануне предстоящих выборов. В пользу этого говорит тот факт, что в январе 2018 г. Национальная ассамблея приняла неожиданное для всех решение отложить вступление в силу закона, регулирующего избрание членов парламента, что автоматически привело к тому, что выборы состоятся не ранее февраля 2019 г. Это можно расценить как уловку со стороны военной хунты, чтобы продлить свой срок пребывания у власти. В пользу этого говорит и сделанное Прают Чан-Оча заявление, что выборы состоятся только в том случае, если будет гарантирован общественный порядок²⁶.

Питер Мамфорд из консалтинговой компании Eurasia Group считает, что «отсрочка с проведением выборов позволит хунте продумать вопрос, как остаться у власти после 2019 г. Военные до сих пор не уверены, что результат выборов их устроит»²⁷. Возможность сохранения за военными руководящей роли в стране и после проведения выборов заложена в конституции, которая предусматривает пятилетний переходный период передачи власти от военных гражданскому правительству.

Вряд ли военная хунта в лице Национального комитета по обеспечению

24 Bangkok Post, March 18, 2018 // <https://www.bangkokpost.com/>, дата обращения 21.04.2018.

25 The Nation, January 04, 2018 // www.thenation.com, дата обращения 21.04.2018.

26 No Election Unless There Is Public Order, Says Thai PM (2018) // The Star, January 2, 2018 // <https://www.thestar.com.my/news/regional/2018/01/02/no-election-unless-there-is-public-order-says-thai-pm/>, дата обращения 21.04.2018.

27 Thai Vote Faces Delay after Lawmakers Amend Election Law (2018) // Today, January 25, 2018 // <https://www.todayonline.com/world/thai-vote-faces-delay-after-lawmakers-amend-election-law>, дата обращения 21.04.2018.

мира и порядка пойдет на отмену всеобщих выборов, поскольку это может вызвать недовольство гражданских политиков и населения, которое в 2016 г. поддержало разработанную военными конституцию в значительной степени в надежде на возврат к демократии. Военная хунта, судя по всему, исчерпала свой кредит доверия у населения. Общественное мнение склоняется к тому, что после кремации короля Пумипона Адульядета в октябре 2017 г. нахождение у власти военных утратило легитимность.

Но в том, что при теперешнем раскладе политических сил демократия и после проведения всеобщих выборов будет существовать в урезанном виде, нет сомнения. Это признает и Сомбат Тамронгтаньеувонг, ректор университета Валайлак, представитель традиционного политического истеблишмента. По его мнению, «от предстоящих выборов нельзя ожидать ничего нового, и они не принесут никаких изменений»²⁸.

Скорее всего, произойдет реставрация компромиссной модели политического управления образца 1980–1990-х гг. Однако отличие нынешней политической ситуации состоит в том, что окрепла прослойка т.наз. низшего среднего класса, заявившая о своем намерении участвовать в политическом процессе, что потребует от власти большей открытости и социальной направленности проводимой политики. В противном случае не избежать новых политических столкновений.

Партии пытаются уловить эти новые настроения общества и стараются им подыгрывать. Это проявляется не только в соответствующих названиях партий, но и в их декларациях о намерении решить насущные проблемы об-

щества. Но социальный облик партий не меняется. Они все еще не сформировались как реальные демократические институты, имеющие массовый характер, сохраняя свою элитарность и организацию по принципу «патрон – клиент». У них (за исключением Пхэа Таи) нет поддержки на местном уровне в виде *grass roots* структур. Поэтому и возникают большие сомнения в их способности разрешить кризис власти в Таиланде. И проблема не в том, что Таиланду нужна своя демократия «незападного» образца, на что неоднократно указывал генерал Прают Чан-Оча²⁹. Это – словесная уловка, маскирующая нежелание традиционного политического истеблишмента, в отличие от большинства населения, принять парламентскую демократию. Большинство как раз признает выборы единственным законным средством прихода политиков во власть, а политические партии воспринимает как выразителей их политических требований [Sawasdee 2014, p. 20]. В этом и проявляется кризис современной политической ситуации в Таиланде.

Список литературы

- Apichat Satitniramai, Yukti Mukdawijitra, Niti Pawakapan (2013) Re-examining the Political Landscape of Thailand, Bangkok: Thailand Universities Healthy Public Policy, Thai Health Promotion Foundation.
- Connors M.K. (2008) Article of Faith: The Failure of Royal Liberalism in Thailand // The Journal of Contemporary Asia, vol. 38, no 1, pp. 143–165.
- Hewison K. (2006) Thailand: Boom, Bust, and Recovery // The Political Economy of South-East Asia. Markets, Pow-

28 Supporting the Junta's Political Agenda (2018) // Political Prisoners in Thailand, March 3, 2018 // <https://thaipoliticalprisoners.wordpress.com/tag/sunthorn-kongsompong/>, дата обращения 21.04.2018.

29 The Nation, January 17, 2018 // www.thenation.com, дата обращения 21.04.2018.

er and Contestation (eds. Rodan G., Hewison K., Robison R.), Melbourne: Oxford University Press, pp. 72–106.

Hewison K. (2014) Thailand: The Lessons of Protest Asian Studies // *Journal of Critical Perspectives on Asia*, vol. 50, no 1, pp. 1–15.

Hicken A. (2002) The Market for Votes in Thailand. Paper presented at the International Conference “Trading Political Rights: The Comparative Politics of Vote Buying”, Cambridge, August 26–27, 2002. Center for International Studies, MIT.

Kanchoochat V., Hewison K. (2016) Introduction: Understanding Thailand's Politics // *Journal of Contemporary Asia*, vol. 46, no 3, pp. 371–387.

McVey R. (ed.) (2000) Money and Power in Provincial Thailand, Nordic Institute of Asian Studies.

Montesano M. (2014) What Is to Come in Thailand? // *ISEAS Perspective*, February 10, 2014, no 7.

Nguyen M. (2011) The Continual Breakdown of Democracy in Thailand. A Case Study on the Role of Elite Competition, Modernization and Political Institutions in the Democratization Process of Thailand, Brown University.

Puangthong Pawakapan (2014) The Thai Junta's Interim Constitution: Towards an Anti Electoral Democracy // *ISEAS Perspective*, August 12, 2014, no 45.

Riggs F. (1966) Thailand: The Modernization of a Bureaucratic Polity, Honolulu: East-West Center Press.

Sawasdee S.N. (2006) Thai Political Parties in the Age of Reform, Bangkok, Thailand: Institute of Public Policy Studies.

Sawasdee S.N. (2014) Politics of Electoral Reform in Thailand, Kyoto: Kyoto University.

Wilson D. (1962) Politics in Thailand, New York: Cornell University Press.

Asia: challenges and perspectives

Political Parties of Thailand – Examination for Democratic Stability

Natalia G. ROGOZHINA

DSc in Politics, Chief Researcher, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences. Address: 23, Profsoyuznaya St., Moscow, 117997, Russian Federation. E-mail: ngrogozhina@mail.ru

CITATION: Rogozhina N.G. (2018) Political Parties of Thailand – Examination for Democratic Stability. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 11, no 3, pp. 102–119 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-3-102-119

ABSTRACT. *On the threshold of elections designed to be held in February 2019, the first after the military junta seized power in 2014, it is important to define the role of parties in the political process of Thailand, which as other developing countries of Asia, faces challenges in democratic state building. The contemporary political history of kingdom represents the confrontation of two tendencies – authoritarianism and democracy what has a reverse impact on political parties, their character, structure and ability to represent interests of the society as a whole. The author analyses the process of party evolution in the historical retrospective in the context of transformation of political system – from bureaucratic to semidemocratic subjected to economic modernization and changes in socio structure of society where traditional form of organization patron-client is persisted. The author defines three stages of evolution of party system in Thailand The first is characterized by the full control of civil-military bureaucracy over parties. The second stage is closely related to the formation of provincial political clientele groups. The third stage marks the evolvement of party of “power” with the implication for strengthening the parliamentary democracy in the beginning of XXI century. And as the result*

of it – to the destabilization of political system, based on the relative balance of power between two main political forces – bureaucracy and army interested in reservation of authoritarian government, and bourgeoisie supporting the liberalization of political institutes. With the emergence of party of “power” supported by the majority of population advocating parliamentary democracy political spectrum has changed. The arising conflict of interests subjected to collision of positions regarding the model of political governance was overcome by military coup. Analyzing the political spectrum on the threshold of elections the author comes to conclusion that the restoration of compromised model of political governance sample of 80-90 years of XX century is the most likely option of political development of Thailand in the near future. Though it differs in one aspect – the social structure has changed, there is the rise of that groups of population that intend to participate in the political process, what will force the power to be more transparent and social oriented. These challenges face the political parties as well.

KEY WORDS: *Thailand, democracy, political parties, political system, election system, parliamentary elections, elites military coup*

References

- Apichat Satitniramai, Yukti Mukdawijitra, Niti Pawakapan (2013) *Re-examining the Political Landscape of Thailand*, Bangkok: Thailand Universities Healthy Public Policy, Thai Health Promotion Foundation.
- Connors M.K. (2008) Article of Faith: The Failure of Royal Liberalism in Thailand. *The Journal of Contemporary Asia*, vol. 38, no 1, pp. 143–165.
- Hewison K. (2006) Thailand: Boom, Bust, and Recovery. *The Political Economy of South-East Asia. Markets, Power and Contestation* (eds. Rodan G., Hewison K., Robison R.), Melbourne: Oxford University Press, pp. 72–106.
- Hewison K. (2014) Thailand: The Lessons of Protest Asian Studies. *Journal of Critical Perspectives on Asia*, vol. 50, no 1, pp. 1–15.
- Hicken A. (2002) *The Market for Votes in Thailand*. Paper presented at the International Conference “Trading Political Rights: The Comparative Politics of Vote Buying”, Cambridge, August 26–27, 2002. Center for International Studies, MIT.
- Kanchoochat V., Hewison K. (2016) Introduction: Understanding Thailand’s Politics. *Journal of Contemporary Asia*, vol. 46, no 3, pp. 371–387.
- McVey R. (ed.) (2000) *Money and Power in Provincial Thailand*, Nordic Institute of Asian Studies.
- Montesano M. (2014) What Is to Come in Thailand? *ISEAS Perspective*, February 10, 2014, no 7.
- Nguyen M. (2011) *The Continual Breakdown of Democracy in Thailand. A Case Study on the Role of Elite Competition, Modernization and Political Institutions in the Democratization Process of Thailand*, Brown University.
- Puangthong Pawakapan (2014) The Thai Junta’s Interim Constitution: Towards an Anti Electoral Democracy. *ISEAS Perspective*, August 12, 2014, no 45.
- Riggs F. (1966) *Thailand: The Modernization of a Bureaucratic Polity*, Honolulu: East-West Center Press.
- Sawasdee S.N. (2006) *Thai Political Parties in the Age of Reform*, Bangkok, Thailand: Institute of Public Policy Studies
- Sawasdee S.N. (2014) *Politics of Electoral Reform in Thailand*, Kyoto: Kyoto University.
- Wilson D. (1962) *Politics in Thailand*, New York: Cornell University Press.

Партийная система современной Японии: от господства ЛДП до реальной многопартийности

Дмитрий Викторович СТРЕЛЬЦОВ

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой востоковедения, МГИМО МИД России; ведущий научный сотрудник, Институт востоковедения Российской академии наук. Адрес: 119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76. E-mail: d.streltsov@inno.mgimo.ru

ЦИТИРОВАНИЕ: Стрельцов Д.В. (2018) Партийная система современной Японии: от господства ЛДП до реальной многопартийности // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 11. № 3. С. 120–136. DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-3-120-136

АННОТАЦИЯ. В политической системе послевоенной Японии закрепился уникальный для мирового опыта феномен «системы 1955 года», который по форме и содержанию противоречил присущему демократическим системам принципу сменяемости власти. В течение 38 лет Либерально-демократическая партия сохраняла большинство в нижней палате парламента, что позволяло ей формировать правительство без создания коалиций с другими партиями. «Система 1955 года» была формой адаптации политической власти к специфическим условиям эпохи холодной войны. Во внешнеполитической плоскости биполярная модель японской политической системы отражала идеологический выбор между ориентацией на капиталистическую систему во главе с США и на страны социалистического блока, возглавляемые СССР. В экономической сфере феномен доминантной партии лучше всего отвечал на специфические потребности мобилизационной экономической модели, в которой первую скрипку играла бюрократия, а политическая власть выполняла скорее декоративные функции. Авторитарное начало, которое,

как можно представить, должно было бы стать следствием монопольного правления ЛДП, в реальности не проявлялось вследствие фактического отсутствия в ней единоначалия и сохранения дееспособной фракционной системы, хорошо адаптированной к избирательной модели средних округов. Завершение периода «системы 1955 года», связанное с окончанием холодной войны, проявилось в утрате ЛДП доминантного положения в партийно-политической системе и начале эпохи коалиционных правительств. Вопросы идеологии в постбиполярный период утратили свое значение как форма межпартийного размежевания. В настоящее время ЛДП удерживает лидирующие позиции на политической арене, выступая в качестве основной политической силы в парламенте. Правящая партия сталкивается с серьезными проблемами, среди которых следует выделить падение авторитета ЛДП в обществе на фоне резонансных политических скандалов, отсутствие внутрипартийной демократии и авторитарный стиль правления Абэ, повышающие риск политических ошибок, а также отсутствие надежных механизмов

преемственности в кадровых назначениях на высшие посты в партийной иерархии. Вместе с тем особенности избирательной системы, а также хронический раскол в стане оппозиции и отсутствие в ней ярких политических лидеров предоставляют ЛДП существенные преимущества перед прочими партиями, что дает основания для вывода о сохранении ЛДП доминантного положения в политической системе страны на обозримую перспективу.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Либерально-демократическая партия, «система 1955 года», доминантная партия, коалиционное правление, двухпартийная система, Синдзо Абэ, Конституционно-демократическая партия, популизм, «плавающие голоса», авторитарный стиль

Японская партийно-политическая система обладает существенной спецификой с точки зрения роли и места политических партий в системе государственного управления. Прежде всего, в противоположность принятой в западной политологии точке зрения о том, что политическая партия возникает как форма протеста ущемляемого меньшинства против привилегий и власти, политические партии в Японии с момента их возникновения в период Мэйдзи образовывались в рамках существующей власти и как инструмент власти именно против оппозиции. Например, Сэйюкай, первая крупная олигархическая партия, образовавшаяся в 1900 г. первый в истории страны партийный кабинет, ставила своей целью находиться «по правую руку» от власти.

Общепринятый в Японии подход к месту и роли партий заключается в том, что партии, не находящиеся у власти и не имеющие шанса войти в правящую коалицию, политическими

партиями вообще не являются. Только приход партии к власти, позволяющий ее лидерам войти в состав правительства и дающий партии реальное право голоса в подготовке государственных решений, оправдывает высший смысл существования политических партий и усилия по их созданию.

Следствием такого подхода является то, что политические партии Японии – это парламентские организации, не обязательно имеющие массовое членство. Партия в Японии может быть зарегистрирована пятью действующими депутатами парламента либо получить регистрацию как организация, завоевавшая поддержку как минимум двух процентов голосов избирателей, принявших участие в последних парламентских выборах. Депутатский корпус составляет в партиях политическую верхушку, осуществляет выборы высшего партийного руководства и принимает все политически значимые решения. Таким образом, парламентский статус является для партии главным и единственным критерием ее политической субъектности. Местные же партийные организации, как правило, имеют ограниченное право голоса, реализуемое через избираемых по определенной квоте представителей на партийных съездах.

Партийное строительство в первой половине XX в. шло в Японии по пути заимствования и внедрения элементов парламентской демократии британского типа (т.наз. Вестминстерской модели), предполагающей существование в парламенте двух крупных политических партий, которые периодически сменяют друг друга у власти. В 1911 г. один из отцов-основателей японского парламентаризма Юкио Одзаки отмечал, обосновывая необходимость введения двухпартийной системы: «Как только имеющиеся партии наберутся опыта вхождения во власть и ухода

в оппозицию, они смогут в полной мере привыкнуть к двухпартийной системе и превратиться в одну из двух основных партий. Именно так должен работать конституционализм»¹. Принципы двухпартийной системы были апробированы на практике в середине 1920-х гг., когда на политическом Олимпе закрепились две партии – Сэйюкай и Минсэйто, лидеры которых сменяли друг друга на посту премьера. Сам избирательный закон 1925 г., гарантировавший каждой из них определенный минимум представительства в парламенте, явился результатом компромисса, основанного на принятии политической верхушкой принципа регулярной сменяемости власти.

Однако в политической системе послевоенной Японии, прошедшей через период демократических реформ второй половины 1940-х гг., сформировался и закрепился уникальный для опыта демократических стран феномен «системы 1955 года», который по форме и содержанию противоречил указанному принципу.

Термин «система 1955 года» связан с событиями ноября 1955 г., когда несколько конкурирующих политических группировок консервативной ориентации, опасаясь прихода к власти левых сил, создали Либерально-демократическую партию (ЛДП). В дальнейшем ЛДП на протяжении почти четырех десятилетий доминировала на политической арене страны. В течение 38 лет она сохраняла большинство в нижней палате парламента (и 34 года – в обеих палатах), что позволяло ей формировать правительство без создания коалиций с другими партиями. При этом основным соперником ЛДП в парламенте была Социалистическая партия Японии (СПЯ).

Другое название «системы 1955 года», закрепившееся в профильной литературе, – «полуторапартийная система». Этот термин впервые был использован в 1960 г. Робертом Скалапино и Дзюнноске Масуми для характеристики партийной конфигурации в Японии, в рамках которой «одна партия» всегда находится у власти и «половина партии» (т.е. СПЯ. – Д.С.) является «вечной оппозицией» [Hrebenar 1992, p. 6]. К началу 1970-х гг., когда в парламенте имели ощутимое представительство уже пять партий, этот термин перестал соответствовать реальности. Однако поскольку ни одна партия, помимо ЛДП, не имела возможности прийти к власти, Нобутака Икэ применил для анализа определение «система доминантной партии» (one-party-dominant system) [Hrebenar 1992, p.6].

Ось идеологического противостояния между ЛДП и СПЯ по-разному проявлялась во внешнеполитической и социально-экономической плоскостях. ЛДП выступала за ориентацию на США, отмену ст. 9 конституции и проведение активного военного строительства, а СПЯ – за сохранение конституции и политику невооруженного нейтралитета. Основными пунктами политических противоречий на выборах и в парламенте поэтому были такие вопросы, как отношение к Договору безопасности с США и союзническим обязательствам Японии, особенно затрагивающим военную сферу, изменение конституции, проблемы ядерного оружия и т.д. В то же время ЛДП традиционно ставила во главу угла своей политики цели поддержания высоких темпов экономического роста и приоритетного развития экспортных отраслей экономики, тогда как СПЯ отдавала приоритет социальной политике, защищая ин-

1 Цит. по: Асахи симбун. 17.08.2009.

интересы прежде всего наемных работников крупных предприятий. Оппозиционные партии оказывали на ЛДП давление по вопросу создания современной системы социальных гарантий, прежде всего в области пенсионного обеспечения, здравоохранения, защиты интересов наемных работников.

«Система 1955 года» была формой адаптации политической власти к специфическим условиям эпохи холодной войны. Во внешнеполитической плоскости биполярная модель японской политической системы отражала идеологический выбор между капиталистической системой во главе с США и социалистической системой, возглавляемой СССР. В экономической сфере феномен доминантной партии лучше всего отвечал на специфические потребности мобилизационной экономической модели, в которой первую скрипку играла бюрократия, а политическая власть выполняла скорее декоративные функции. Наконец, монопольное правление доминантной суперпартии компенсировалось фактическим отсутствием в ней единоначалия и сохранением дееспособной фракционной системы, хорошо адаптированной к избирательной модели средних округов.

Завершение «системы 1955 года» связано в первую очередь с окончанием холодной войны и прекращением глобальной идеологической биполярности, спроецированной на японскую политическую сферу. В 1993 г. в результате поражения на выборах в нижнюю палату парламента ЛДП уходит в оппозицию, и к власти в стране приходит «семипартийная коалиция», сформированная всеми оппозиционными партиями, кроме коммунистов. И хотя через год ЛДП вернула себе бразды правления, она уже не могла удерживать власть иначе как в составе коалиционного правления. Эти события знамено-

вали собой переход японской партийно-политической системы в качественно иное состояние, а именно – в эпоху коалиционных правительств. При этом вопросы идеологии в постбиполярный период утратили свое значение как форма межпартийного размежевания.

В дальнейшем ЛДП вплоть до 2009 г. удерживала статус правящей партии в коалиции с различными политическими партиями, а затем, после трехлетнего пребывания в оппозиции, вновь восстановила его в 2012 г. Почти шесть десятилетий пребывания у власти приносят ЛДП лавры чемпиона по продолжительности правления одной политической партии в демократической стране, – это больше, чем в Мексике, Индии, Швеции, Италии, Израиле и других демократических странах с опытом правления доминантных партий.

Исторический опыт «системы 1955 года»

Исторический опыт системы власти Либерально-демократической партии является одним из наиболее поучительных для мировой политической практики. В некоторых демократических странах (например, Швеции и Италии), где также сложились системы доминантной партии, правящие партии находились у власти без перерывов еще дольше, чем ЛДП, однако эти партии не имели столь продолжительного сохранения абсолютного большинства в парламенте. Уникальность феномена «системы 1955 года» заключается не только в отсутствии аналогов в мире по формальному показателю продолжительности правления одной партии, но и в порождении этой системой специфического инструментария удержания власти в условиях работы всего спектра демократических институтов. Следует

отметить, что в течение всего периода действия этой системы Япония оставалась полностью демократическим государством, в стране на всех уровнях регулярно проводились выборы, неукоснительно соблюдались все политические права и свободы.

Специфика феномена доминантной партии в Японии заключается, помимо всего прочего, в отсутствии у этой партии значимого уровня общественной поддержки, позволяющего говорить о широком общественном консенсусе, по логике вещей необходимом для формирования и развития этого феномена. С 1960 по 1993 г. уровень электоральной поддержки ЛДП на парламентских выборах составлял в среднем 32,5% (и лишь однажды превысил 50%), а в постбиполярный период снизился еще больше (в среднем до 23,3% с 1993 по 2008 г.) [Reed 2011, p. 14]. Таким образом, даже в период расцвета «системы 1955 года» ЛДП не имела отчетливо выраженной характеристики «партии популистского типа», черпающей свою власть в поддержке со стороны широких народных масс; более того, с течением времени эта партия постепенно и неуклонно утрачивала популярность в японском обществе.

На начальном этапе развития «системы 1955 г.» (с момента учреждения ЛДП 15 ноября 1955 г. до раскола Социалистической партии и образования Партии демократического социализма в 1960 г.) на политической арене страны наблюдалась ситуация жесткой биполярности, при которой в парламенте доминировали две идеологически противоположные политические силы – консервативная Либерально-демократическая партия и левая Социалистическая партия Японии. Сра-

зу после своего образования в 1955 г. ЛДП имела в парламенте подавляющее большинство – на первых для нее выборах в нижнюю палату, прошедших в 1958 г., она получила 298 из 512 депутатских мандатов, тогда как ее ближайший соперник СПЯ – 131. На указанных выборах эти две партии совокупно получили 91% всех голосов избирателей (ЛДП 57,8% и СПЯ – 61,5%) и 97% от общего числа мест в нижней палате парламента [Curtis 1989, p. 19]. Противостояние ЛДП и СПЯ по сути отражало внешнеполитическую альтернативу дальнейшего развития страны – двигаться ли в направлении западного сообщества при опоре на военно-политический союз с США или по пути невооруженного нейтралитета при опоре на пацифистские положения конституции. Именно тогда оформилась специфическая терминология для характеристики участников идеологического противостояния: СПЯ и КПЯ, ориентировавшиеся на мировой социалистический лагерь, называли «реформистами» (*какусинха*), тогда как ЛДП, выступавшую за членство страны в возглавляемом США западном мире, обычно именовали «консерваторами» (*хосюха*). Понятие «консерватор», кстати, имело тогда в японском политическом сленге негативную коннотацию, будучи синонимом термина «реакционер»².

Однако начиная с 1960-х гг. ситуация стала качественно изменяться. ЛДП на протяжении нескольких десятилетий постепенно утрачивала позиции ведущей политической силы Японии, а образующийся вакуум заполняли не социалисты, а т.наз. «партии третьего пути», выступавшие с центристских и левоцентристских позиций по всем клю-

2 В настоящее время консерватизм себя полностью реабилитировал в Японии в качестве позитивной идеологии. Подробнее см. [Стрельцов 2011].

чевым вопросам политической повестки дня. В 1960 г. в результате раскола СПЯ, вызванного внутривнутрипартийными разногласиями по отношению к обновленному Договору безопасности, появилась Партия демократического социализма (ПДС), затем в 1964 г. – партия Комэйто, опиравшаяся на голоса приверженцев необуддистской организации Сока гаккай. В результате динамика политических процессов в стране была обогащена за счет соперничества между партиями различной идейной ориентации, причем с течением времени все большую долю голосов стали получать партии, тяготеющие к политическому центру, а все меньшую – «системные партии» ЛДП и СПЯ. Например, если на парламентских выборах 1958 г. ЛДП и СПЯ получили 57,8% голосов избирателей, то в 1976 г. – только 41,8%. При этом доля голосов, получаемых СПЯ, сократилась с 32,9% в 1958 до 20,7% в 1976 г. [Curtis 1989, p. 19].

Каким же образом удавалось ЛДП одерживать победу за победой на парламентских выборах 1960–1980-х гг.? Наиболее распространенным ответом на этот вопрос является тезис о том, что популярность ЛДП была в первую очередь основана на ее умелой экономической политике, результатом которой стали внушительные темпы экономического роста в 1960-х – начале 1970-х гг. Но в действительности активное перемещение рабочей силы в города и рост промышленного производства в городской зоне Тихоокеанского побережья создали большие проблемы для электоральной политики ЛДП. Например, «новые городские жители», приехавшие из сельской местности, оказались вне традиционных социальных сетей, позволявших ЛДП проводить эффективную мобилизацию т.наз. «твердых голосов». Кроме того, загрязнение окружающей среды, близкое к коллапсу состояние путей сообщения и иные последствия

ускоренной урбанизации создали для правящей партии дополнительные вызовы, породив в 1960-е гг. мощные движения протеста.

Однако ЛДП удалось справиться с этими вызовами, используя для удержания своих позиций самый широкий арсенал средств [Стрельцов 2016]. Это прежде всего умелое использование электоральных технологий, к числу которых следует отнести ставку на персональную ориентацию японских избирателей, перенесение ответственности за ведение избирательных кампаний на уровень индивидуальных кандидатов с максимальным использованием функции ЛДП как «партии-франшизы»; в сельских округах и малых городах – опору на «твердые голоса» и их мобилизацию с помощью «обществ поддержки»; в урбанизированных регионах – опору на средний класс, его мобилизацию через различные профессиональные, корпоративные, любительские, местные и иные структуры, вовлечение этих структур в сферу клиентelistской политики. Лоббистские возможности влиятельных депутатов парламента от ЛДП давали им существенные преимущества для укрепления на местах сетевых структур по «сбору голосов», что в свою очередь способствовало консолидации электоральной базы ЛДП [Masumi 1995, p. 499].

Другим важным инструментарием ЛДП явилось поддержание внутривнутрипартийной демократии и плюрализма мнений, обеспечение консенсуса на основе межфракционного баланса сил, недопущение раскола партии [Richardson 1997, pp. 56–58]. Партийные фракции обладали достаточными финансовыми и организационными ресурсами и пользовались существенной автономией, гарантируя своим членам иммунитет от преследования, например, за критику руководителей конкурирующих фракций.

Кроме того, ЛДП удавалось не допускать объединения против себя оппозиционных сил и держать их в состоянии хронического раскола, например путем внесения в электоральную повестку дня таких вопросов международно-политического или идеологического характера, где противоречия между самими оппозиционными партиями проявлялись сильнее, чем даже между левыми и консервативными силами.

Важным методом сохранения господства ЛДП выступали механизмы смены лидеров: регулярные отставки премьер-министров и реформирование состава кабинетов министров. В среднем за 38 лет правления период пребывания у власти кабинета министров в среднем составлял полтора года, премьер-министра – два с половиной года. Регулярная смена лидера позволяла ЛДП создавать имидж обновленной партии и таким образом реабилитироваться в глазах избирателей после очевидных провалов или коррупционных скандалов. Вместе с тем следует признать, что специфические методы выбора премьер-министра путем межфракционных консультаций открывали дорогу во власть не самым популярным в партии и обществе, но наиболее лояльным и компромиссным политическим фигурам. По сути, в ЛДП сложилась система «двойной власти» – пост премьер-министра занимал один политик, а реально кадровыми и прочими вопросами ведал другой, стоявший в тени, как правило формальный или неформальный лидер крупнейшей фракции. Наиболее известными «кинг-мейкерами» японской политики были К. Танака, С. Канэмару, Н. Такэсита, И. Одзава.

В числе факторов, способствовавших долговременному пребыванию у власти ЛДП, нельзя не упомянуть и внешний фактор, а именно – зависи-

мость Японии от гарантий безопасности США. На начальном этапе существования «системы 1955 года» американское правительство, озабоченное риском прихода левых сил к власти в Японии, выделяло финансовые дотации для поддержания единства ЛДП, в которой оно видело основного партнера. Нельзя не учитывать и тот факт, что для японского политического класса Америка представляла главный ценностный ориентир на протяжении всего периода холодной войны, что заставляло правящую верхушку прилагать максимум усилий для консолидации во власти сторонников этого геополитического выбора и, соответственно, предотвращения прихода к власти левых сил, настроенных к союзу с США критически. Не случайно социалисты смогли войти в правительство только в 1993 г., уже после распада биполярной системы и окончания холодной войны [Stockwin 2011, p. 99].

Изменения на политической арене после 1991 года

С началом постбиполярной эпохи многие элементы, присущие «системе 1955 года», стали уходить в прошлое. В экономическом отношении эта система играла роль механизма перераспределения сверхдоходов, получаемых экспортными отраслями промышленности. Однако с середины 1980-х гг. в связи со структурной перестройкой экономики, сопровождавшейся передислокацией промышленного капитала за рубеж, Япония перестала получать крупные прибыли от экспорта готовой продукции. Соответственно, перед политиками встали задачи определять приоритеты экономической политики, решать проблемы стареющего общества, создавать жизнеспособную систему пенсионного и медицинского

обеспечения и т.д. Эти задачи потребовали коренной перестройки форм и методов политической деятельности, проводимой как партиями, так и отдельными политиками.

Важным фактором политических трансформаций начала 1990-х гг. стала структурно-функциональная «усталость» «системы 1955 года». Система политической власти оказалась неспособной адаптироваться к коренным сдвигам в социально-экономической сфере. К тому же правящая партия была дискредитирована в глазах избирателей в результате серии коррупционных скандалов конца 1980-х гг., в которые оказалась втянута вся верхушка ЛДП. Стремительное расширение политической коррупции, в основе которой лежали массовые злоупотребления депутатами правящей партии своими полномочиями в деле перераспределения общественного богатства, вызвало массовое недовольство партией, которая оказалась неспособной к самореформированию [Kohno 1997, pp. 6–7].

В результате форма организации власти коренным образом изменилась. В 1993 г. Япония вступила в период коалиционных правительств, и партийная система переживала период высокой волатильности. В 1990-е гг. партии проходили через опыт рождений и исчезновений, расколов, слияний, создания новых союзов и коалиций, на первый взгляд казавшихся противоестественными. Социалистическая партия Японии, выступавшая главным оппонентом ЛДП в биполярную эпоху, фактически исчезла с политической арены, превратившись в маргинальную политическую силу. В 1993 г. в результате объединения всех оппозиционных партий, за исключением коммунистов, к власти в стране приходит семипартийная коалиция, и ЛДП более чем на год уходит в оппозицию. Вернувшись к власти, либерал-демократы с тех пор уже не мог-

ли обходиться для удержания власти без партнеров по коалиции – сначала это были социалисты и партия Сакигакэ, затем Либеральная партия и, наконец, с 1999 г. – партия Комэйто.

Союз ЛДП с партией Комэйто, казалось бы, не должен был просуществовать долго: ЛДП считается консервативной партией и выступает за пересмотр конституции и активное военное строительство, тогда как центристская Комэйто опирается на сильную социальную политику, защиту конституции и пацифизм во внешней политике. Однако коалиция ЛДП и Комэйто оказалась на удивление прочной, дожив до сегодняшнего дня. В основе этого союза лежат исключительно прагматические соображения, связанные с электоральной ситуацией в стране: благодаря коалиции ЛДП привлекает на свою сторону голоса верных приверженцев Сока гаккай, составляющих материнскую организацию Комэйто (с членами семей это почти 10% всех японских избирателей), тогда как для Комэйто участие в правящей коалиции дает возможность активного права голоса в вопросах государственного управления.

Коалиционное правление зачастую заставляет правящую партию существенно корректировать практическую политику правительства в направлении, более приемлемом для партий-партнеров. Например, ЛДП, руководство которой занимает в целом ястребиную позицию в сфере безопасности, приходится учитывать пацифистский курс Комэйто и проводить более умеренную линию по вопросам изменения конституции и отправки войск за рубеж.

В 1998 г. в стране из осколков нескольких политических партий появилась Демократическая партия Японии (ДПЯ). Именно эта центристская партия стала с течением времени единственной политической силой, способной бро-

силь вызов господству либерал-демократов. В 2009 г. ДПЯ одержала победу на всеобщих выборах и в течение трех лет находилась у власти, сместив ЛДП в оппозицию. Однако триумф ее оказался недолгим: в результате неспособности выполнить предвыборные обещания в социальной и экономической сферах, а также нескольких ощутимых провалов во внешней политике ДПЯ потерпела на выборах 2012 г. сокрушительное поражение от ЛДП, от которого она уже не смогла оправиться – в октябре 2017 г., в преддверии внеочередных выборов в нижнюю палату, она фактически самораспустилась. Часть ее депутатов перешли в правоцентристскую Партию надежды, часть сформировали Конституционно-демократическую партию, стоящую на левоцентристских позициях и выступающую за сильную роль государства в социальной сфере. В мае 2018 г. Партия надежды окончательно объединилась с Демократической партией, сформировав Народно-демократическую партию.

По состоянию на май 2018 г. ЛДП имеет в нижней палате парламента 284 места из 465. Правящая коалиция из ЛДП и Комэйто обладает в палате представителей 313 депутатскими мандатами, что составляет квалифицированное большинство, позволяющее ей принимать конституционные поправки и проводить через парламент любые законопроекты даже в случае их неодобрения палатой советников. В оппозиции находятся Конституционно-демократическая партия (57 мест), Народно-демократическая партия (39 мест), Коммунистическая партия (12 мест) и небольшая Партия обновления (11 мест). По два мандата имеют Социал-демократическая, Либеральная партия и Партия надежды, еще 27 мандатов принадлежит независимым депутатам. Имеется также небольшая депутатская группа, планирующая создать собственную партию.

Эпоха коалиционных правительств актуализировала значение малых партий в политической жизни Японии. Бум малых партий был связан с тенденциями в электоральном поведении японцев, которые регулярно демонстрировали разочарование в «системных» партиях (ЛДП и ДПЯ). Именно в руках этих партий (к их числу относились, в частности, Партия всех (2009–2013 гг.), Новая народная партия (2005–2013 гг.), Партия «Вставай, Япония» (2010–2012 гг.) и т.д.) зачастую находился ключ к решению политических кризисов, периодически потрясавших Японию. Особенно поддержка малых партий оказывалась критичной для партии власти в условиях «перекрученного парламента» в 2010–2012 и в 2012–2013 гг. (в котором палаты контролировались противостоящими друг другу политическими силами), когда для преодоления вето верхней палаты правительству для проведения законов требовалось заручиться в нижней палате поддержкой квалифицированного большинства.

Одним из факторов, способствовавших радикализации перемен в партийно-политическом пространстве в пост-биполярный период, стали качественные изменения в социальном портрете японского электората. Проходящие на протяжении нескольких десятилетий процессы урбанизации приводили к увеличению доли «плавающих голосов», не аффилированных с какой-либо из действующих политических сил. По этой причине снижалась традиционно присущая японским избирателям ориентация на конкретную фигуру, предполагающая их голосование на парламентских выборах за того или иного политика вне зависимости от его партийных предпочтений. Одновременно росло значение партийных брендов в электоральной мотивации избирателей. На выборах все большую роль играли «манифесты», т.е. предвыбор-

ные обещания партий по насущным вопросам, представляющим первоочередной интерес для избирателей.

В настоящее время около 40% японских избирателей представляют индифферентные к политике электоральные слои. В отличие от «традиционных» избирателей, политический выбор которых в большей степени детерминируется происхождением, статусом, принадлежностью к традиционным социальным институтам, эти избиратели проявляют гораздо большую волатильность в политических предпочтениях. Они либо вообще не ходят на избирательные участки, либо, если и ходят, делают выбор в последний момент, исходя из собственных субъективных ощущений (например, под влиянием высказываний популярного телекомментатора).

С другой стороны, менее предсказуемыми стали итоги парламентских выборов и по причине того, что большую активность стали проявлять на них политически мотивированные слои избирателей. Это граждане, в основном проживающие в городах, живо интересующиеся содержанием политических платформ партий, а перед очередными выборами с аптекарской точностью подсчитывающие, какие из предвыборных обещаний были выполнены действующей властью, а какие – нет. Сюда же входят и те избиратели, кто из протестных соображений «голосует назло» против партии власти, даже если не поддерживают ни одну из оппозиционных партий. С учетом увеличения этой электоральной когорты именно ее поддержка была решающей для убедительной победы ДПЯ на выборах в нижнюю палату в 2009 г., а утрата этой поддержки предопределила столь же сокрушительное поражение этой партии в 2012 г.

В условиях деидеологизации политического пространства и усиления идейно-организационной аморфности

политических партий в обществе существенно усилился запрос на лидерское, популистское начало в политике. Рост значения популизма в электоральной практике проявляется в том, что избиратели все чаще голосуют в своем округе под имиджевым влиянием лидера той или иной партии. В этой связи огромное значение приобретает репутация лидеров ведущих политических партий, их личная незапятнанность, непричастность не только к явной коррупции, но и к относительно несерьезным нарушениям действующего законодательства, например к несоблюдению правил в сферах налогообложения, пенсионного обеспечения, политических пожертвований и проч.

Наиболее отчетливо роль феномена популизма прослеживается на примере отношения японцев к премьер-министрам страны. Среди лидеров XXI в., пользующихся личной харизмой, следует особенно выделить глав правительств Дзюньитиро Коидзуми (2001–2006 гг.) и Синдзо Абэ (2006–2007 гг. и 2012 – наст. вр.) Высокие рейтинги С. Абэ связаны больше с усталостью от длительного «мозаичного» периода политической нестабильности, когда премьеры сменяли друг друга практически каждый год. Особенно важно то, что Абэ уловил запрос на лидера, который умеет говорить на понятном массам языке. В арсенале Абэ – использование кратких и емких слоганов, которые стали визитной карточкой возглавляемого им кабинета. Абэ последовательно вводил в оборот такие девизы, как *тихо сосэй* («обновление регионов»), *дзёсэй кацуяку* («общественная активность женщин»), *итиоку кацуяку* («активность ста миллионов», намек на все взрослое население Японии), *хатаракиката кайкаку* («реформа занятости») и т.д. Даже если в содержательном плане указанные лозунги были абстрактными и допускали раз-

личные интерпретации, они позволяли создать видимость активности правительства и регулярного обновления им политической повестки дня. Такая тактика оказалась особенно эффективной в условиях накапливающегося в японском обществе разочарования итогами деятельности правительства, особенно в социально-экономической сфере.

Популизм Абэ проявился и в том, что благодаря медийным возможностям он создал себе образ «спасителя» Японии, благодаря которому страна избежала многих проблем, связанных с глобализацией, подобных тем, с которыми столкнулись, например, европейские страны – межэтнические и межконфессиональные противоречия, связанные с ростом иммиграции, проблемы терроризма и преступности и т.д. По сравнению с Европой в Японии существенно ниже уровень безработицы, достаточно благоприятна экономическая ситуация. В результате пропагандистских усилий правительства у многих японцев возникло чувство благодарности лидеру, основанное на ложной идее о том, что при любом другом премьерере было бы только хуже.

Другой фактор политического успеха С. Абэ – отсутствие у него серьезных противников на политической арене. Перед выборами октября 2017 г. распалась главная оппозиционная сила страны – Демократическая партия Японии (ДПЯ). При этом большой удачей для партии власти явился дефицит в руководстве Демократической партии Японии популярных политических фигур, способных увлечь за собой недовольные ЛДП слои электората. На этом фоне основная часть японских избирателей предпочла воздержаться от поддержки

ДПЯ на выборах даже несмотря на осязаемое усиление протестных настроений в массах, связанное с социальными издержками курса «абэномики».

Однако стоит отметить, что сама правящая партия сталкивается в настоящее время с серьезными проблемами, среди которых следует выделить падение авторитета ЛДП в обществе на фоне резонансных политических скандалов; отсутствие внутрипартийной демократии и авторитарный стиль правления Абэ, повышающие риск политических ошибок; отсутствие надежных механизмов преемственности власти, устойчивых к изменениям политической конъюнктуры, подобным тем, что существовали в ЛДП в период холодной войны.

Большой проблемой для правящей партии является внутренний управленческий кризис. Многие наблюдатели указывают на то, что авторитарный стиль правления Абэ, который принимает многие важные политические решения единолично, не советуясь с коллегами, наносит больший ущерб как ЛДП, так и правительству в целом³. В глаза бросается отсутствие плюрализма мнений и внутрипартийных дискуссий, которые были характерной чертой правления ЛДП в период «системы 1955 года». К тому же сам Абэ в 2017–2018 гг. оказался под огнем критики со стороны оппозиции в связи с личной причастностью к скандалам «Моритомо гакуэн» и «Какэ гакуэн», в ходе которых на поверхность всплыли факты злоупотреблений со стороны членов кабинета министров и лично премьер-министра, а также допущенной ими несправедливости при совершении сделок с государственной землей. Вовлеченность Абэ

3 Tahara Soichiro. Cha bozu bakari no jiminto-ga hokaisuru shinario (The Scenario When the Flattery-Grounded LDP Collapses) (2017) // Nikkei bijinesu, April 28, 2017 // <http://business.nikkeibp.co.jp/atcl/opinion/16/12200032/042700019/?P=4>, дата обращения 15.04.2017.

и его супруги в скандал бросили тень на всю правящую партию.

Проблемой для ЛДП является и непрозрачность ее кадровой политики. Дефицит демократических процедур и отсутствие информации о дискуссиях внутри партии переводят вопрос о механизмах преемничества в непубличную плоскость. Можно предположить, что ради сохранения власти ЛДП будет делать ставку на лидера, имеющего личную харизму и предоставляющего партии мощный популистский ресурс. Однако потенциал фракционной политики исчерпан не до конца, и совещание лидеров фракций пока еще сохраняет перспективу как реально действующий орган кадровой политики. В этом смысле ЛДП еще только предстоит найти формулу передачи власти следующему поколению политических лидеров.

Заключение

В нынешних условиях ни одна из оппозиционных партий, включая Конституционно-демократическую партию, Народно-демократическую партию и Партию обновления, не способна составить ЛДП реальную конкуренцию в борьбе за власть. Этому способствует мажоритарная система, по которой проходят выборы основной части мест в нижнюю палату парламента (289 из 465), однозначно дают преимущества крупным партиям, способным мобилизовать силы и средства на всей территории страны. В рамках сложившейся в середине 2010-х гг. партийно-политической конфигурации ЛДП оказывается безусловным и единственным бенефициаром мажоритарной системы, получая в процентном отношении существенно боль-

ше мест в нижней палате, чем то их количество, которое бы она получила пропорционально проценту реально отданных за нее голосов. Огромные преимущества правящей партии дает состояние хронического раскола в стане оппозиции, соперничество оппозиционных партий за голоса в одних и тех же электоральных слоях, отсутствие в них ярких политических лидеров, способных увлечь за собой массы. В реальности партии оппозиции могут провести своего кандидата в малых округах только при достижении электорального соглашения, однако опыт такого соглашения, в котором впервые за всю послевоенную историю участвовали коммунисты, получен только на выборах середины 2010-х гг.

Пролонгации однопартийного правления ЛДП способствует и то обстоятельство, что японское общество относительно однородно в экономическом отношении – его основу составляет сильный средний класс, и идеологически «всеядная» Либерально-демократическая партия в этом смысле лучше соответствует общественным ожиданиям, нежели прочие политические партии, ориентированные на более узкие электоральные сегменты. Кроме того, общий вектор общественных настроений смещается в сторону усиления консерватизма и стремления возродить традиционные «японские ценности», выразителем которых многие считают нынешнего лидера ЛДП С. Абэ. Большая часть японского электората (по опросам, более 60%)⁴ проявляет сдержанность к радикальным реформам и не желает никакого «ниспровержения основ», что, безусловно, играет на руку действующей власти. Более того, консервативной идеологии парадоксальным образом склон-

4 Сэйкэн котай 1 нэн-но хёка (Оценка ситуации через год после смены власти) // NHK хосо бунка кэнкюдзё // <https://www.nhk.or.jp/bunken/summary/yoron/social/049.html>, дата обращения: 31.05.2017.

ны придерживаться слою населения с наиболее низкими доходами⁵, которые в рамках обычной логики должны были бы служить электоральной основой левой оппозиции. К тому же японские избиратели имеют протекционистски ориентированный тип сознания и склонны поддерживать в первую очередь партии, которые имеют реальную перспективу прийти к власти. Во многом такие настроения связаны с устойчивостью представления о депутате от правящей партии как об «источнике патронажа» (по выражению Дж. Стоквина) [Stockwin 2008, p. 193].

В этом смысле сохранение доминантного положения ЛДП в политической системе при неуклонном выполнении всех демократических процедур имеет достаточно сильную перспективу и может быть отнесено к числу приоритетных сценариев развития.

Определенную степень вероятности, пусть и существенно меньшую, имеет на данном этапе сценарий формирования в Японии двухпартийной системы Вестминстерского типа. Уместно вспомнить, что цель введения в избирательную систему страны в 1994 г. малых округов состояла в том, чтобы покончить с просуществовавшей в Японии без малого четыре десятилетия «системой 1955 года» и создать условия для формирования двухпартийной системы Вестминстерского типа.

За два с половиной десятилетия в современной Японии так и не сложилось характерного для этой системы размежевания основных партий по программно-идеологическому признаку, являющегося главной характеристикой Вестминстерской модели. Все политические партии, за исключением коммунистов, ви-

дят основную цель своего существования не в реализации программных установок, а в предоставлении своим членам из числа действующих депутатов наиболее удобного для них способа получения депутатского мандата на парламентских выборах.

Одна из причин этого парадоксального на первый взгляд положения заключается в том, что формирование оппозиции в отношении ЛДП в прошлом неизменно происходило в Японии в рамках логики создания ей формальной альтернативы, т.е. приоритета организационной оболочки над идеологическим содержанием. Главная оппозиционная партия в этом смысле выступала не более чем аморфным объединением умеренных сил различной идейной ориентации, объединенных единственной идеей – сменить ЛДП у власти. Единственным ограничителем выступало негласное правило, по которому в эту партию не допускали радикалов из числа коммунистов, левых социалистов или явных правоконсервативных традиционалистов.

Идеология для такой партии имела второстепенное значение, а сама она представляла собой разношерстную, лоскутную коалицию с участием самых разных, зачастую непримиримых политических сил и групп. Именно такими были Партия новых рубежей в 1994–1997 гг. и Демократическая партия в 1998–2017 гг., которые в реальности выступали второй политической силой страны. Похоже, именно к числу таких партий следует отнести и сформированную накануне выборов 2017 г. Партию надежды.

Критика ЛДП на определенном этапе благоприятствовала этим партиям,

5 Нисидзава Ёситака. Какуса саякай то сэйдзи (Общество социальных контрастов и политика). Доклад на конгрессе Японской политологической ассоциации 2016 года (2016) // http://www1.doshisha.ac.jp/~ynishiza/ynishiza2014/downloadables/jpsa16_Nishizawa_v160913_FINALa.pdf, дата обращения: 15.04.2018.

позволяя собирать протестные голоса избирателей. Они могли получать достаточно широкую общественную поддержку и выдвигать реальные претензии на власть. В 2009–2012 гг. эти претензии даже привели к реальной смене власти и переходу ЛДП в оппозицию. Однако идеологическая аморфность и отсутствие должной организационной консолидации, как показал исторический опыт, неизменно приводили указанные партии к поражению на выборах, а в дальнейшем – к расколу и самоликвидации.

Недостаток идеологической сердцевины, позволяющей провести четкий водораздел с правящей партией по коренным вопросам социально-экономической повестки дня, не позволял оппозиции (за исключением коммунистов) формировать когорту преданных себе избирателей, основанную на их идейных убеждениях, а не личной преданности тому или иному политическому деятелю. Именно поэтому в японском парламенте крайне редко можно услышать конструктивные политические дебаты между правящей и оппозиционными партиями по животрепещущим вопросам, касающимся повседневной жизни избирателей. Оппозиция атакует правящий лагерь в основном за личные прегрешения его отдельных представителей и оказывается неспособной выдвинуть привлекательную альтернативу курсу правительства, например в экономической области. Отчасти причина этого заключается в том, что ЛДП, как это было и в эпоху холодной войны, проводит в социальной и экономической сферах в основном либеральную политику, основанную на традиционных эгалитарных ценностях, политику, которая в целом не вызывает широкого общественного недовольства.

В нынешнем парламенте образца лета 2018 г. определенная ниша для созда-

ния крупной партии, которая бы составила политическую альтернативу ЛДП, как представляется, связана в первую очередь с наличием в обществе значительного протестного потенциала, связанного с нерешенностью социально-экономических проблем, включая кризис традиционной системы найма, отсутствие в стране финансово стабильной и самодостаточной системы пенсионного обеспечения и здравоохранения и т.д. Такая ниша могла бы быть заполнена партиями левой и левоцентристской ориентации, к числу которых следует отнести, прежде всего, Конституционно-демократическую партию, а также КПЯ. Однако для получения массовой поддержки левые должны пройти еще долгий и трудный путь. Шансы их будут возрастать лишь по мере обострения экономической ситуации в стране, ухудшения материального положения народных масс и усиления протестных настроений в электоральной среде.

Отдельную проблему составляет роль и место малых и средних партий в партийно-политической системе страны. Продолжится ли процесс фрагментации партийно-политического пространства, сохраняют ли такие партии свое значение в качестве значимых политических акторов?

В пользу этих партий играют такие особенности избирательной системы в парламент, как наличие крупного блока мест в нижнюю палату от округов пропорционального представительства (ОПП), где голосование идет по партийным спискам и поэтому такие партии имеют больше возможностей для получения депутатских мандатов, нежели в малых округах. Например, на выборах 2017 г. ЛДП получила в ОПП только 66 мест из 176, или 38% от их общего числа. Малым и средним партиям благоприятствует и такая особенность японской парламентской системы, как «вязкость». Эта система предоставля-

ет оппозиции реальные возможности воздействовать на процесс принятия законодательных решений. Не следует забывать и об особенностях политической культуры и национальной психологии японцев, отличительной чертой которой является склонность к консенсусным методам разрешения конфликтов. В «вязком» парламенте правящей партии гораздо труднее реализовать свою стратегию, которая бы встречала принципиальные возражения со стороны меньшинства.

Однако проблема заключается в том, что оппозицию в современной Японии составляет крайне разношерстная в идейном и организационном отношениях масса малых и средних партий, которые трудно было бы объединить в «коалицию против ЛДП». Против многопартийности работает и большая по сравнению со многими другими странами ограниченность политической ниши для малых и средних партий. В историческом плане в Японии потребности в политической защите прав меньшинств, структурированных по расовому, этническому, религиозному, гендерному и иным признакам, не возникало, в связи с чем не формировалось и мотивов и для политической институционализации их интересов.

Препятствует завоеванию массовой поддержки и отсутствие традиции преданности депутатов партийному знамени (помимо случаев, касающихся КПЯ). Как и прежде, депутаты с легкостью перекочевывают в лагерь соперников, если чувствуют для себя личную выгоду. Кроме того, малые и средние партии нередко проявляют готовность вступать в конъюнктурных интересах в самые противоестественные коалиции, а зачастую и жертвовать своими базовы-

ми принципами. Зачастую они возникают из осколков «системных партий», как правило не на идеологической основе, а как организации вождистского типа, создаваемые «обиженными» лидерами одной из крупных партий, решивших подобным образом удовлетворить свои личные амбиции (такowymi были, например, Партия всех, партия «Вставай, Япония!», Партия обновления). Как показывает исторический опыт, главный расчет малых и средних партий скорее строится на том, чтобы с наибольшей выгодой «продать себя» – либо в качестве партнера по коалиции, если правящей партии не будет хватать голосов для формирования правительства, либо за счет вхождения в полном составе в правящую партию на условии получения определенных руководящих постов в ее номенклатуре. Это, в свою очередь, создает для малых и средних партий вектор тяготения в сторону ЛДП, препятствуя формированию «лоскутных коалиций» и направляя политический процесс в сторону однополярности.

Список литературы

Стрельцов Д.В. (2011) О роли консерватизма в идеологическом инструментарии японской политической элиты // Другов А.Ю., Малетин Н.П., Новакова О.В. (ред.) Элиты стран Востока. М.: Ключ-С. С. 79–92.

Стрельцов Д.В. (2016) Система доминантной партии в Японии: некоторые уроки исторического опыта // Японские исследования. № 3. С. 70–85. DOI: 10.24411/2500-2872-2016-00023

Curtis G.L. (1988) *The Japanese Way of Politics*, New York: Columbia University Press.

6 Ота Синдзи, Сюин сэн, Нани-га мизэ ка (Выборы в палату представителей: что стало ясно?) (2017) // NHK. News Commentators Bureau, October 23, 2017 // <http://www.nhk.or.jp/kaisetsu-blog/100/282552.html?id=politics>, дата обращения 15.04.2018.

Hrebenar R.J. (1992) *The Japanese Party System*, Oxford: Westview Press.

Masumi Junnosuke (1995) *Contemporary Politics in Japan*, Berkeley and Los Angeles: University of Columbia Press.

Reed S. (2011) *The Liberal Democratic Party. An Explanation of Its Successes and Failures* // *The Routledge Handbook of Japanese Politics* (ed. Gaunder A.), London, New York: Routledge, pp. 14–23.

Richardson B. (1997) *Japanese Democracy*, New Haven, London: Yale University Press.

Stockwin J.A.A. (2008) *Governing Japan: Divided Politics in a Resurgent Economy*, Oxford: Blackwell Publishing.

Stockwin J.A.A. (2011) *Party Politics in Japan* // *In Japanese Politics Today From Karaoke to Kabuki Democracy* (ed. Inoguchi T.), New York: Palgrave Macmillan, pp. 89–108.

The Party System in Contemporary Japan: from the LDP Dominance to a Real Multi-party System

Dmitry V. STRELTSOV

DSC in History, Professor, Head of Department of Afro-Asian Studies, MGIMO of the MFA of Russia, Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. Address: 76, Vernadskij Av., Moscow, 119454, Russian Federation. E-mail: d.streltsov@inno.mgimo.ru

CITATION: Streltsov D.V. (2018) *The Party System in Contemporary Japan: from the LDP Dominance to a Real Multi-party System. Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 11, no 3, pp. 120–136 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-3-120-136

ABSTRACT. *In the political system of post-war Japan there emerged a unique phenomenon of the ‘1955 system’, which contradicted, in its form and in its essence, to the principle of the changeability of power inherent for the democratic systems. The Liberal-Democratic Party retained majority in the lower house of Diet for the 38-year period, which allowed it to form the government without joining coalitions with any other parties. “The 1955 system” was a form of adaptation of the political power to the specific conditions of cold war era. In the sphere of foreign policy, the bipolar model of the Japanese political system reflected the ideological choice between the*

capitalist system led by the United States and the socialist system led by the USSR. In the economic sphere, the dominant party system was the most appropriate response to the specific needs of the mobilization economic model, in which first fiddle was played by bureaucracy, whilst the political power performed rather decorative functions. The authoritarian features in the LDP power system that can be imagined to be the result of its monopolistic rule, in reality did not have a distinct manifestation because of the de facto absence of unity in its top management and the preservation of a viable faction system well adapted to the electoral model of the multimember

districts. The end of 'the 1955 system', associated with the end of the cold war, manifested itself in the loss of the LDP's dominant position in the party system and in the beginning of the era of coalition governments. The issues of ideology in the post-bipolar period lost their significance as a form of axis in the inter-party division. Currently, the LDP holds the leading positions in the political arena as the main political force in the Diet. The ruling party faces serious problems, among which one can mention the decline of the LDP authority in the Japanese society against the background of resonant political scandals, the absence of intra-party democracy and the authoritarian style of Abe's rule which raises the risks of political mistakes, as well as the lack of reliable mechanisms of succession of senior positions in the party hierarchy. However, the specificity of the electoral system, as well as the chronic state of split and the absence of strong political leaders in the opposition camp, give the LDP substantial advantages against other parties, feeding the conclusion that the LDP will remain the dominant political force of Japan in the foreseeable future.

KEY WORDS: *the Liberal Democratic Party, 'the 1955 system', dominant party, coalition government, bipartisan system, Shinzo Abe, Constitutional Democratic Party, populism, 'floating votes', authoritarian style*

References

Streltsov D.V. (2011) O roli konservatizma v ideologicheskom instrumentarii yaponskoj politicheskoy elity [On the Role of Conservatism in the Ideological Tools of the Japanese Political Elite]. *Elity stran Vostoka* [The Elites of the East] (eds. Drugov A.Yu., Maletin N.P., Novakova O.V.), Moscow: Klyuch-S, pp. 79–92.

Streltsov D.V. (2016) Sistema dominantnoj partii v Yaponii: nekotorye uroki istoricheskogo opyta [The System of Dominant Party in Japan: Some Lessons from Historical Experience]. *Yaponskie issledovaniya*, no 3, pp. 70–85.

Curtis G.L. (1988) *The Japanese Way of Politics*, New York: Columbia University Press.

Hrebener R.J. (1992) *The Japanese Party System*, Oxford: Westview Press.

Masumi Junnosuke (1995) *Contemporary Politics in Japan*, Berkeley and Los Angeles: University of Columbia Press.

Reed S. (2011) The Liberal Democratic Party. An Explanation of Its Successes and Failures. *The Routledge Handbook of Japanese Politics* (ed. Gaunder A.), London, New York: Routledge, pp. 14–23.

Richardson B. (1997) *Japanese Democracy*, New Haven, London: Yale University Press.

Stockwin J.A.A. (2008) *Governing Japan: Divided Politics in a Resurgent Economy*, Oxford: Blackwell Publishing.

Stockwin J.A.A. (2011) Party Politics in Japan. In *Japanese Politics Today From Karaoke to Kabuki Democracy* (ed. Inoguchi T.), New York: Palgrave Macmillan, pp. 89–108.

Становление гражданского общества и партийно-политической системы: опыт Индии¹

Андрей Геннадиевич ВОЛОДИН

доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Сектор политического и культурологического анализа, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук. Адрес: 117997, Москва, ул. Профсоюзная, д. 23. E-mail: andreivolodine@gmail.com

ЦИТИРОВАНИЕ: Володин А.Г. (2018) Становление гражданского общества и партийно-политической системы: опыт Индии // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 11. № 3. С. 137–151. DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-3-137-151

АННОТАЦИЯ. В статье на примере «крупнейшей демократии мира» рассматриваются взаимоотношения гражданского общества и партийно-политической системы. Относительная зрелость последней в современной Индии проистекает из длительного функционирования системы «метрополия – колония», двойственной роли «целерационального» британского колониализма в эволюции Индии, наличия в социальной структуре зависимого общества сил, способных к усвоению и материализации индустриальной культуры и политической демократии. Сложно-составной характер индийского общества в конечном счете также повлиял на выбор руководителями движения за суверенитет системы политического представительства как оптимальной модели управления государством. Гражданское общество и партийно-политическая система Индии анализируются на основе «эталонных» ориентиров развития – социумов Западной Европы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: гражданское общество, партийно-политическая система, Западная Европа, Индия, поляризованный тип развития, системная связь «метрополия – колония», британский колониализм, ИНК, БДП, избирательная система относительного большинства, политическая социализация, геополитика и внешнеэкономические связи Индии

Внешнеэкономическая деятельность СССР опиралась на ясные представления о ресурсном потенциале страны-партнера, об особенностях географического размещения производительных сил, о подвижности социально-политических процессов в данном обществе. Системный подход оправдывал себя, особенно в отношениях со странами-гигантами, в частности с Индией. После распада СССР, «тектонически» повлиявшего на Индию, в наших отношениях с этой страной произошли перемены, возникли «шероховатости»

1 Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №14-28-00097 «Оптимизация российских внешних инвестиционных связей в условиях ухудшения отношений с ЕС») в ИМЭМО РАН.

(«wrinkles», как удачно трансформировал русскую дефиницию индийский аналитик Винай Шукла), сказывающиеся на внешнеэкономической деятельности и – в последние 10–12 лет – на военном-техническом сотрудничестве.

Понятно, что «шероховатости» возникли не вдруг; они стали следствием меняющейся расстановки социально-политических сил в Индии. Именно поэтому стоит обратить внимание российского читателя на динамику некоторых общественных процессов, которые могут иметь следствием *новую* конфигурацию партийно-политических сил на всеобщих выборах 2019 г.

В общественном сознании и Запада, и Востока довольно давно укоренилось представление о политических партиях (и образуемых их взаимодействием партийно-политических системах) как о «магистралях», связующих организации гражданского общества и институты государственного управления. В ходе сложного двустороннего движения (именовавшегося в былые времена *прямыми и обратными связями*) гражданское общество реализует интересы входящих в данное формирование сил, обогащает правящие инстанции новыми идеями и концепциями, продлевает мандат на нахождение у власти той или иной элитной группы (либо лишает ее этой привилегии) и т.д. [Sridharan 2012, pp. 6–7].

Гражданское общество как среда политической деятельности

Не стоит забывать: гражданское общество – это живой, постоянно пульсирующий организм, внутри которого не прекращается «кровоток» идей обновления общественного устройства, выдвижения на авансцену новых лиц, способных профессионально реали-

зовывать назревшие преобразования, помещать последние в контекст мирового развития. Это творческое брожение в конечном счете предопределено тем обстоятельством, что *гражданское общество* представляет собой «автономное и саморегулируемое социальное пространство общественных отношений; в его рамках четко “проявлены” экономические, социальные и иные многообразные интересы. (...) Гражданское общество – это пространство, где социально-экономические мотивации, индивидуализируя и эмансипируя личность, вытеснили либо вытесняют модели поведения, опосредуемые доиндустриальными формами социальных и институциональных связей. Следовательно, пространство гражданского общества представляет собой естественную социальную инфраструктуру политики и политических отношений. (...) Институциональный срез гражданского общества – это социальные движения, политические партии, профсоюзы и структуры, которые в современном обществе обеспечивают самовыражение личности, коллектива и массовидных общностей» [Володин 2008, с. 35–36]. История распорядилась так, что степень зрелости гражданского общества и его институтов на Западе и Востоке остается различной.

Сказанное отнюдь не означает, что гражданское общество как *общественный институт* не существует в *незападных* социумах. Ведь если одной из сущностных, «суверенных» характеристик гражданского общества является, как в свое время отметил Ю.А. Красин, наличие «*энергии общественной самодеятельности, самоорганизации и саморазвития*» (курсив в тексте. – А.В.) [Красин 2010, с. 190], то для современной Индии подобной энергетикой, помимо социально-классовых отношений, обладают община, каста (точнее, кастовая система), индивидуальный

опыт больших и малых национально-этнических групп, подвергающиеся интенсивному влиянию процессов модернизации (в экономической, политической и культурной ипостасях). До и раннеиндустриальные особенности индийского социума находятся в отношениях *взаимной дополнительнойности* с современными, «гражданскими» началами общественной жизни, образуя широкий спектр политических программ и идеологий, технологий управления поведением избирателей, инструментов использования исторической памяти в целях массовой электро-альной мобилизации.

Сложносоставной, *композитный* характер современного индийского общества отражается в многообразии частных жизненных интересов, которые впоследствии – с помощью партийно-политической системы – транслируются в публичную сферу политических отношений. Постоянное воспроизводство демократии (и партийно-политической системы как одного из ее осевых элементов) предполагает наличие соответствующих устоев, культуры, образа жизни граждан. В этом своем качестве демократия «проникает во все поры социума, становится “питательной средой” и основой всеобщей гражданственности, которая, в свою очередь, влияет на сознание и поведение людей, на институты власти и ее персональных носителей» [Красин 2010, с. 192].

Привлекательность гражданского общества, института и его исторического «предназначения», в конечном счете определяется сопряжением (реальным либо желаемым) демократии и благосостояния, автономии индивида и средств ее осуществления. Как показывает опыт Запада, конкретными проявлениями подобного сопряжения стали конституции, партийно-политические системы *сравновательного* типа, рыночные начала человеческой жизнедеятельности, пра-

во собственности и т.п. Главный принцип функционирования гражданского общества состоит в том, что взаимодействие между его единицами осуществляется на *горизонтальной* основе, на основе *координации* интересов, практик, волей составляющих данное образование членов [Kaviraj, Khilani 2001, p. 24].

На Западе гражданское общество, его институты и практики формировались довольно долго, с конца XIII до начала XIX в. (завершение этого процесса может быть датировано либо разгаром первой промышленной революции, либо наполеоновскими войнами). Конституирование новоевропейского человека, накопление знаний о природе и социуме, индустриализация – эти и другие обстоятельства резко ускорили сложение основ гражданского общества, в конечном счете предопределили труднопреодолимый лаг между Западом и Востоком, обрекли последний на догоняющий тип развития. Иначе говоря, гражданское общество и его институты в незападной части ойкумены первоначально развивались как часть политэкономической системы отношений «*метрополия – колония*». Индия была ее наиболее «продвинутым» элементом.

Среди нынешних переходных обществ, переживающих становление гражданских отношений, Индия чувствительно выделяется зрелостью современных классообразовательных процессов, относительной развитостью берущих истоки в колониальном прошлом политико-институциональных структур и рационалистических правовых представлений. Индийское общество как *социологическая* категория, по мнению авторитетного отечественного востоковеда А.А. Прусаускаса, «начало формироваться лишь после колониального завоевания, и этот процесс сопровождался как сближением различных социальных

(в том числе этносоциальных) сегментов, так и обострением противоречий между ними» [Празаускас 1990, с. 47].

Впрочем, относительно продолжительное развитие капитализма в рамках системной связи «метрополия – колония» было отнюдь не единственным источником формирования основ гражданского общества в независимой Индии. Скорее прагматический британский колониализм, действуя в собственных интересах, стимулировал развитие социально-структурных элементов и мировоззренческих предпосылок, которые «в Западной Европе вызвали к жизни рациональный способ хозяйствования и впоследствии сформировали индустриальный тип общества и целерационально мыслящую и действующую модель личности» [Володин 2008, с. 135].

Одна из особенностей современного мира – *поливариантность* гражданского общества, определяемая своеобычием социально-исторического опыта стран Запада и Востока. Соответственно, и демократия, как уже признано западной политической мыслью, может быть как либеральной, так и «нелиберальной» [Zakaria 2003], тогда как партийно-политические системы могут быть, если следовать подобной логике, «классическими» («правильными») и «неклассическими» (т.е. деформированными *инверсионной*² моделью исторического развития *незападных* обществ). Современная Индия, уже давно именуемая в науке и публицистике «крупнейшей демократией мира», небезосновательно рассматривается как «эталонный» пример «неклассической»/«нелиберальной» демократии.

Модель *поляризованного* развития, внутри которой функционирует ин-

дийское гражданское общество, постепенно (видимо, более интенсивно, чем в классических западных условиях) высвобождает человека из-под гнетущего влияния конфессиональных и кастовых противоречий. Дорога к современной представительной демократии пролегает и через преодоление *диспаритетов* социально-экономического и регионального развития штатов и территорий многонациональной/полиэтнической страны [Володин 2018, с. 97–109]. Развитие гражданского общества в Индии, таким образом, можно охарактеризовать как процесс формирования *суверенной личности*, преодолевающий институциональные и социокультурные препятствия, оставшиеся в наследство от предшествовавших независимости исторических эпох. Сравнительно близко к пониманию структуры экономики и впоследствии поляризованного гражданского общества подходит родоначальник научной глобалистики Фернан Бродель: «С XVI в. Индия располагала довольно оживленной денежной экономикой, которая постоянно будет двигаться по пути определенного рода капитализма; он, однако, не охватит *все общество целиком*» (курсив мой. – А.В.) [Бродель 1988, с. 112]. Если для Западной Европы начала XVIII в. уже обозначился *индивидуалистический* тип общественного сознания, то для Индии формирование новых, суверенных конструктов ментальности оставалось делом исторической перспективы.

Многие новые элементы в развитие гражданских отношений на Индостане привнес колониальный период (1757–1947). Включение этой обширной территории в систему мирового рынка потребовало от метрополии, в частности,

2 Под инверсионной моделью исторического процесса автор данной статьи понимает опережающее развитие, институционализацию партийно-политической деятельности по отношению к этапам эволюции социально-экономической структуры общества, проявляющей себя в динамике классовых, групповых и межличностных отношений.

создания политико-правовых и духовно-интеллектуальных оснований, способных облегчить восприятие Индией наиболее передовых/эффективных для той эпохи форм экономической и финансовой деятельности.

Направляемая сверху модернизация преследовала цель создания современного буржуазного государства, оснащенного основными институтами и функциями, потребными для участия Индии в разделении труда на мировом рынке. Интегрируя Индию в мировое экономическое пространство, колониальное государство попутно формировало среду, потенциально способную воспринимать организационные принципы и профессиональные модели поведения, характерные для индустриально-капиталистического образа жизни.

С колониализмом в Индии появляется западный (рационалистический) тип бюрократии как исторический вид *организации власти*. Он определенным образом подвел итог развитию самой метрополии, уже активно пользовавшейся такими институтами относительно зрелого индустриального общества, как государство, политика и, наконец, сама бюрократия. Если в Западной Европе развитие гражданских отношений имело *эволюционный* характер, то в Индии, *принудительно* включенной в общемировую систему общения, политический процесс и политическая социализация (в том числе массовых слоев населения) явно опережали сдвиги в социально-экономическом базисе. Иначе говоря, динамика политических отношений подталкивала развитие отношений гражданских. Однако потребовалось время, чтобы наиболее сознательные силы Индостана начали рассматривать себя как целостность с некими общими интересами, отличными от целей британской имперской политики в Индии. (Сами же

идеологи и творцы Британского Раджа рассматривали подконтрольное им население не столько как народ или нацию, сколько как некое географическое пространство с несметным количеством рас, племен и каст.)

Лидеры Индии отчетливо понимали: национальное сознание есть результат длительного просвещения народа, его культурной социализации, вовлечения в ненасильственные общеиндийские политические акции. Подобные действия невозможны без дееспособной организации, т.е. общенационального движения. Созданный в 1885 г. Индийский национальный конгресс (ИНК) заложил основу современного (соревновательного) политического процесса в виде политических партий, общеиндийской элиты, интеграционных тенденций в политической культуре и политическом сознании. Процессы политической социализации, в свою очередь, ускоряли формирование гражданских отношений. Впрочем, в различных субрегионах Индостана эти процессы имели свои особенности, что сказывалось и на их *интенсивности*.

К началу XX в. ход установления основ гражданского общества приобрел поступательный характер; при этом по зрелости гражданских отношений Индия, безусловно, уступала таким европейским государствам, как Италия (для которой был свойственен поляризованный характер общества и развития), не говоря уже о Нидерландах, Франции, Германии. Институциональные реформы 1860–1880-х гг. повысили роль государственной бюрократии (Индийской гражданской службы – ИГС), которая активно влияла на социально-экономические процессы. Эта сила, слившаяся с имперской политической властью, полагает известный голландский социолог Я. Бремман, активно вторгалась в сферу экономических

отношений. Одновременно, развивая свою мысль автор, колониальные власти, озабоченные сохранением преимущественности механизмов эксплуатации, всячески стремились законсервировать традиционные/«вертикальные» социальные связи с целью «подчинить население требованиям нового (капиталистического. – А.В.) способа производства» [Bremar, Mundle 1991, p. 127].

На индостанском субконтиненте под влиянием имперской политики началось становление гражданских отношений и гражданского общества *специфического/неклассического* типа. Постепенно формировалась личность, способная впоследствии стать базовой единицей политического процесса. Понятно, что новый индивид формировался в недрах доиндустриально-традиционной социальной структуры, постепенно выламываясь из нее. В ходе имперской модернизации происходило своеобразное раздвоение *новоколониальной* личности: индустриальные типы мотиваций и ориентаций органически уживались с принадлежностью и лояльностью *дополитическим* идентификациям – этническим, локальным, конфессиональным, кастовым и т.д.

У остальных, т.е. численно преобладающей человеческой общности, жизненная парадигма всецело определялась доиндустриальными, примитивно-коллективистскими моделями сознания и поведения. Поведенческую программу «остальных» определяли: замкнутость и стационарность внешних условий деятельности и общения, малоподвижность механизмов включения индивидов в более широкую систему общественных отношений на субконтиненте, стойкая герметичность межличностных контактов вне пределов непосредственных ареалов обитания и т.п. (Герметичность социальных отношений была прямым следствием системы простого воспроизводства, не

требующего общения за пределами узкого мира семейно-бытового существования.) Имперская политика, таким образом, сохранила *поляризованность* экономики и общества, деформировала процесс распространения гражданских отношений на обширном пространстве Индостана. Тем не менее в начале XX в. появилась своеобразная институциональная «паутина», покрывавшая ранее не тронутые политической регионами и пласты человеческого «материала». Наконец, образование ИНК и его последующее превращение в «политическую машину», способную связать друг с другом различные социальные, этнические, конфессиональные, кастовые ниши композитного общества по вертикали и горизонтали, положило фактическое начало строительству институционально-партийного пространства политических отношений.

Однако положительный фон становления гражданских отношений не исчерпывал всей сложности эволюции Индостана, в которой начали отчетливо проявляться разнонаправленные тенденции. С одной стороны, идеи секуляризма и светской государственности подпитывали развитие *правовых* отношений между властью и личностью и тем самым стимулировали развитие институтов гражданского общества. С другой стороны, набравшее после окончания Первой мировой войны силу движение за суверенитет, подобно мощному потоку, вовлекало в общественно-политические процессы массовые слои населения, большая часть которого еще не подверглась влиянию социализации индустриально-буржуазного типа. Для этих групп индийцев секуляризм пока не стал символом консолидации общества вокруг идеи независимости. Поэтому некоторым политикам, делавшим акцент на феномене недостаточной дифференциации общественного сознания, более

эффективным инструментом завоевания суверенитета представлялся *ревай-вализм*, т.е. презумпция общности цивилизационного наследия, адаптации (но не реформации) религии к целям и задачам национального движения.

Действительно, апелляция к ценностным представлениям «своей» религии стала эффективным инструментом мобилизации масс на желательные для элит политические действия. Однако в условиях *поликонфессионального* социума притупление внутренних противоречий в религиозной общине трансформировалось в обострение межрелигиозных конфликтов, прежде всего между индусами и мусульманами. Надо признать, что принципы политического представительства, институционализированные британцами, привели к расколу формировавшегося гражданского общества по конфессиональным линиям и имели следствием появление на политической карте мира двух самостоятельных государств – Индии и Пакистана³.

Фактически во второй половине 1930-х гг. с введением в действие Закона об управлении Индией 1935 г. имперскими властями было создано *правовое государство* со всеми подобающими подобному образованию атрибутами. Это правовое государство стало одной из движущих сил соревновательного политического процесса. Этот институт принял на себя и функции *социальной инженерии*, смысл которой заключался в *осовременивании* наличной социальной структуры до уровня индустриально-буржуазного государства. Содержанием этого процесса было развитие гражданских отношений, одной из форм проявления которых стала

партийно-политическая система независимой Индии.

Социально-функциональное предназначение партийно-политической системы

Стало общим местом утверждение: партийно-политическая система выступает передаточным звеном, механизмом артикуляции интересов различных сил общества наверх, в институты государственной власти. «Демократия как образ жизни и система управления, – полагает английский автор Р. Осборн, – есть средство, с помощью которого современный индивид может сконструировать свою жизнь, наделить ее разумным содержанием. (...) Демократия – это коллективное предприятие непрерывного цикла, связывающее нас воедино и гарантирующее каждому индивидуальную жизненную программу» [Osborne 2011, р. 1]. Ясно, что чем выше уровень диверсификации и самосознания гражданского общества, тем эффективнее работает партийно-политическая система, реализующая важнейшую для социума функцию *обратной связи*, т.е. направленную от народа к власти.

Конечно, «крупнейшая демократия мира» не располагает столь продолжительным историческим опытом эволюции системы политического представительства, как бывшая метрополия – Великобритания. Недостаточность длительной «положительной инерции демократии» (в сознании невольно возникает риторическая фигура классика политической науки С.М. Липсета) предопределила особенности партийно-поли-

3 Политэкономической подосновой межконфессиональных противоречий была более успешная адаптация индусов в формировавшемся индустриально-капиталистическом хозяйстве. Так, на британских Имперских железных дорогах машинисты рекрутировались преимущественно из индусов, тогда как мусульманам была уготована тяжелая доля стрелочников.

тической системы Индии и выполняемых ею социальных и институциональных функций.

Принято считать, что индийские политические партии пока недостаточно дифференцированы со стороны социальной поддержки, четкости идеологических установок, внятности экономической программы. Стоит, однако, помнить: «эталонные» партии, определявшие стандарты политической деятельности на Западе в послевоенный период (вплоть до начала 1990-х гг.), канули в историческое небытие. Западные общества пока находятся в поиске новой, действенной идейной и партийно-политической парадигмы. И тем не менее именно Запад в его лучшие послевоенные десятилетия остается критерием отнесения партийно-политических систем композитных обществ к *развитым* либо *переходным*. Особенность Индии в том, что партийно-политическая система этой страны сочетает в себе характеристики как первого, так и второго типов. При анализе особенностей индийских партий порой непросто отделить их социальные функции от функционального предназначения.

Так, в работах, исследующих социально-политические процессы в Индии, было принято вычленять две базовые модели партий – *мобилизационную* и *организационную*. Сторонники мобилизационной концепции (к числу которых относятся такие мастера политического анализа, как Р. Котхари, Д.Л. Шетх, О.П. Гойял, К.Л. Камал, Р. Мейер и др.) полагали, что основная задача партий заключается в ликвидации отчуждения между периферийны-

ми группами населения (включая низшие касты, неприкасаемых, значительную часть мусульман и т.д.) и властвующей элитой. Реализация этой функции позволяет расширить социальное пространство политики и повышает маневренность политической системы в целом. Нелишне напомнить: демократизация индийской политики и партийной деятельности развивается по сложной траектории. «Низшие классы, – считает Е.С. Юрлова, – привнесли в политику свои собственные ценности, устремления, привычки, нравственные представления, в чем-то отличные от устоявшихся за годы независимости (т.е. формировавшихся высшими кастами, прежде всего брахманами. – А.В.) норм политического поведения» [Сарабьев 2017, с. 99]. Иначе говоря, переформатирование политики и партийной деятельности, отражая перегруппировку классовых/кастовых сил в индийском обществе, вносит в поведение всей системы дополнительные элементы непредсказуемости и неопределенности.

Организационные модели партийно-политической системы (представленные именами таких маститых авторов, как М. Винер, М.Л. Гоэл, Д.Б. Розенталь, Х.К. Паранджапе и др.) имплицитно исходят из представления о партии как о *сознательной* силе политической социализации (воспитания), которая реализует свои функции в ходе избирательного процесса и повседневно-го общения политиков со своим электоратом⁴. Однако столь четкое разграничение партий по их функциональному назначению, считает, например, Н. Прасад, возможно исключительно

4 Довольно долго электорат (по сути дела, низшие касты с их слабой *самоорганизацией*) воспринимался профессиональными политиками как своеобразные «статисты» в «театре», где заглавные роли принадлежат высоким и средним кастам. Однако регулярный избирательный процесс в конечном счете сделал свое дело: с начала 2000-х гг. манипулировать политическим поведением городской и – что особенно важно – сельской бедноты стало практически невозможно. Всякие политические решения неизбежно становятся результатом компромисса различных социально-классовых сил.

в лабораторных условиях, поскольку мобилизационный потенциал политических партий реализуется лишь тогда, когда сложились соответствующие организационные (т.е. институциональные) условия. Таким образом, индийский автор фиксирует наличие двух *последовательных* этапов деятельности политических партий: 1) политической социализации населения и 2) укрепления политической системы за счет реального включения массовых слоев ранее инертного народа (прежде всего низших каст) в политический процесс. Кроме того, резонно утверждает Н. Прасад, в Индии партии не достигли зрелых форм институционализации; в этой стране традиционные (т.е. доиндустриальные) ценности, ориентации, предпочтения сказываются на их идейных установках, а сам организационный механизм современной (либеральной) политики пока недостаточно диверсифицирован в структурно-функциональном отношении. В данных обстоятельствах рассуждать о теоретически завершенных моделях партий пока преждевременно [Prasad 1980, р. 4]. (Уместно отметить, что прогностические оценки Н. Прасада подтверждаются и современной индийской действительностью.)

Тем не менее сама логика избирательного процесса подталкивает Индию к созданию политических партий, словно пронизывающих общество по вертикали, вплоть до микроуровней (*grassroots*, как предпочитают выражаться политологи в этой стране). Партии такого рода необходимы прежде всего для ассимиляции политической системой периферийных групп населения, все более активно вливающих в современные (открытые) общественные процессы. Интеграционные тренды формируют стереотипы суверенной, *субъектной* политической культуры в массовых слоях населения и тем

самым обеспечивают воспроизводство политической системы на началах «демократического консенсуса» / социального компромисса. Политическая партия, как принято считать в Индии, обязана отвечать как минимум четырем критериям – *интеграции*, т.е. способности ввести в пространство политической системы ранее инертные социальные/кастовые группы; *амортизации*, т.е. умения снижать остроту противоречий в межпартийных отношениях; *стабилизации*, т.е. энергии к расширению пространственной опоры политической системы и предотвращению концентрации власти в отдельных сегментах общества, и *протекционизму*, т.е. навыкам структурировать политическое участие институтами и механизмами политического представительства [Prasad 1980, р. 289]. И эти процессы, несмотря на их сложную, нелинейную траекторию, сохраняют инерцию социального движения.

Вышеперечисленные подходы выстроены по эталонам институционального/структурно-функционального академического направления политических исследований. И в прошлом, и сейчас некоторые авторы пытаются исследовать сложную социально-политическую проблематику в категориях социальной стабильности и сохраняющегося равновесия внутри индийского общества. Между тем эта стабильность имеет динамический, подвижный, неустойчивый характер; все еще нередкие политические коллизии в конечном счете отражают *системный* кризис общества, обременяемый дисбалансами социально-экономического и *регионального* развития, имеющими к тому же *исторический* характер [Володин 2018]. Неуклонная политизация массовых слоев населения многократно увеличивает социально-экономическую нагрузку на политическую систему Индии. В этом случае провидчески-

ми выглядят слова известного индийского политолога Ч.П. Бхамбри, сказанные более 30 лет назад: истинный кризис политики и партий экономически доминирующих классов наступит тогда, «когда претенденты на власть явятся из иной (малоимущей и низкокастовой. – А.В.) среды... Политика приобретет новое качественное измерение, когда неимущие превратятся в организованную силу» [Bhambri 1980, p. 121]. Пока это время не наступило, однако с начала 2000-х гг. все четче просматривается тенденция к консолидации «низов», хотя на пути восходящего развития этого процесса по-прежнему стоит кастовая система, разъединяющая массовые слои населения, мешающая им консолидироваться в общенациональную партию, исповедующую идеологию популизма развития⁵.

Вполне в духе идеологии цивилизационного своеобразия Индии высказываются те авторы, кто выступает против излишнего рационализма (носителями которого, как уже давно повелось в Индии, выступают марксизм и либерализм), абсолютизации материальных аспектов и ценностей жизни, недооценки социальной роли этики и религии (в данном случае индуизма). Такого рода принципы активно внедряет в массовое сознание ныне правящая Бхаратия Джаната Парти (Индийская народная партия). Впрочем, традиционные ценности БДП сочетает с поддержкой частнокорпоративного сектора, добивающегося (и небезуспешно) модификации роли государства в своих интересах. Своеобразный политический и экономический манифест этих сил появился в преддверии парла-

ментских выборов 2014 г. [Debroy, Tellis, Trevor 2014].

Современная партийно-политическая система Индии внутренне противоречива; она отражает сложные процессы в базисе и надстройке общества, не преодолевшего дуализм социально-экономической структуры и вместе с тем функционирующего в системе связей с промышленно развитыми странами. Сохранение существующей партийно-политической системы, таким образом, связано с избавлением общества от дисбалансов социально-экономического развития, некоторые из которых достались Индии в наследство от предшествовавших исторических эпох.

Политические партии Индии функционируют на пространстве, состоящем из 28 штатов и семи союзных территорий. С 1952 г. в стране состоялось 16 всеобщих парламентских выборов. Конфессиональная структура индийского общества предстает в следующем виде: 80% населения исповедуют индуизм; 13,4% – ислам; приверженцев христианства – 2,3%; сикхизма – 1,9%; буддизма – 0,8%; джайнизма – 0,4%. Важную роль в экономической жизни играет немногочисленная община парсов. Мусульмане составляют большинство населения только в штате Джамму и Кашмир. Соотношение городского и сельского населения – 28% против 72%. Количество индийцев, проживающих за чертой бедности, колеблется, по различным оценкам, от 26 до 37% общей численности населения [Sridharan 2012, p. 23].

Среди политических партий выделяются Индийский национальный конгресс (создан в 1885 г.), одна из старей-

5 В социологической литературе популизмом развития именуют идеологию и политэкономическую модель общества, в основе которой лежит желание правящих кругов расширить социальную основу существующей власти. Популизм развития – это политика, предполагающая преимущественное внимание к интересам среднего класса как общности (включая мелких предпринимателей в городе и деревне), в том числе «неорганизованный сектор» экономики; популизм развития нередко сопряжен с определенными ограничениями на деятельность крупного капитала.

ших партий в современном мире, и Бхаратия Джаната Парти, в настоящее время управляющая страной. На всеобщих парламентских выборах 2014 г. БДП и ИНК получили в сумме чуть более половины голосов избирателей (БДП – 31%; ИНК – 19,31%), что является определенной проблемой для общенациональной легитимности партийно-политической системы. Иными словами, тренд к формированию *биполярной* партийно-политической системы, теоретически благоприятный для сложносоставного общества, если и материализуется, то в обозримой исторической перспективе. Можно согласиться с индийским автором Э. Сридхараном в том, что, с одной стороны, коалиционные правительства (с участием региональных и субрегиональных партий) в течение последних трех десятилетий осуществляют проект «углубления индийской демократии» за счет привлечения новых политических сил, представляющих широкое разнообразие социокультурных и экономических интересов; а с другой стороны, наблюдается попытка реванша со стороны высоких каст, стремящихся предотвратить действительное самовыражение некогда социально приниженных слоев индийского общества [Sridharan 2012, pp. 67–68].

Таким образом, партийно-политическая система Индии переживает период своеобразной перестройки. Избирательная система *относительного* большинства (голосование в один тур) пока позволяет удерживать политические институты в состоянии равновесия. Однако конфликты на периферии политической системы (в частности, в штате Джамму и Кашмир), видимо, потребуют квалифицированного воздействия федерального правительства на ситуацию в нескольких проблемных штатах, что неизбежно повлечет за собой усиление роли института премьер-министра (вне зависимости от партий-

ной принадлежности членов кабинета). Глава правительства (что становится все более заметно в последнее время) постепенно начинает принимать на себя некоторые функции по формированию принципов внешнеполитической стратегии и внешнеэкономической деятельности.

В условиях советско-американской биполярности, обеспечивавшей определенную устойчивость системы международных отношений, было принято считать внешнюю политику и внешнеэкономическую деятельность производными от внутренней расстановки основных социально-политических сил в стране. С распадом советско-американского «кондоминиума» (как называл диалектику взаимоотношений СССР и США в послевоенном мире Г. Киссинджер) действия государств во внешнем пространстве оказались под сильным воздействием новых факторов, включая «мегатренды» глобального развития.

Внешнеполитическая и внешнеэкономическая деятельность Индии: новые тенденции

Индия с момента завоевания независимости неизменно придерживалась принципов суверенитета, автономии от противостоящих друг другу военно-политических блоков. Квинтэссенцией идеи «стратегической автономии» (как это явление принято называть в индийском политическом дискурсе в настоящее время) стало участие Индии в *движении неприсоединения*, одним из идейных вдохновителей и активных участников которого был первый премьер-министр страны (1947–1964) Джавахарлал Неру (1889–1964). Искусно балансируя между Западом и Востоком (т.е. блоками, во главе которых нахо-

дились США и СССР), Индия не только постепенно повышала свой статус в мировой политике, но и успешно решала внутренние задачи, стержневой основой которых была *экономическая независимость*, тогда как важными инструментами реализации этого стратегического замысла стали *планирование* (имевшее целью, в частности, ликвидацию дисбалансов социального и регионального развития), *индустриализация*, импортозамещение, аграрные преобразования и другие общенациональные проекты.

Советский Союз по идеологическим и геополитическим соображениям оказывал Индии значительную поддержку, которая в первой половине 1960-х гг. распространилась и на сферу военнотехнического сотрудничества. Советско-индийский Договор о мире, дружбе и сотрудничестве от 9 августа 1971 г. стал основой укрепления двусторонних связей, фактором стабильности межгосударственных отношений в Азии, а также способствовал дальнейшему повышению геополитического статуса «крупнейшей демократии мира». В те же годы были подписаны важные соглашения: об учреждении Межправительственной комиссии по экономическому и научно-техническому сотрудничеству (1972), о сотрудничестве в области прикладных наук и техники (1972), о сотрудничестве между Госпланом СССР и Плановой комиссией Индии (1973). Подписан протокол о расширении сотрудничества между СССР и Индией (1975) и т.д. [Зайцев б/г].

Советско-индийские отношения развивались по восходящей траектории и в 1980-е гг. двусторонние связи были органично вписаны в концепцию «нового политического мышления», с которой выступило советское руководство во главе с М.С. Горбачевым. Однако самоликвидация СССР в конце 1991 г. внесла в отношения новой Рос-

сии и Индии, можно сказать, *концептуальные* коррективы.

Быстрый экономический рост (с неизбежной *геополитической* проекцией) «великого северного соседа» Китая, усиление позиций радикального политического ислама (как принято называть данное явление сейчас), внутренние противоречия модели экономического роста (повлекшие за собой «реформу Манмохана Сингха» 1991 г.) – эти и другие обстоятельства требовали от индийских правящих кругов оперативной реакции в виде модификации принципов внешней политики и внешнеэкономической деятельности.

Давно лелеемая частью «стратегических элит» ориентация на единственную сверхдержаву, с одной стороны, временно укрепила позиции Индии в отношениях с Пакистаном и Поднебесной; а с другой – постепенно начала складываться ситуация, при которой «индийские политические лидеры (...) демонстрируют нежелание занимать сильные позиции по вопросам глобальной политики...» Медлительность Индии в строительстве нового мирового порядка, полагают российские международники, вызвана также несформированностью «институциональной базы для идейного обеспечения более масштабной политики, для стратегического планирования» [Шаклеина, Байков 2014, с. 292].

Фактический отказ от «стратегической автономии» в международной жизни поставил внешнеполитический истеблишмент Индии в сложное положение. Упование на Америку как на гарант безопасности страны обнаружило излишне романтический характер такого рода представлений, что было рельефно продемонстрировано поведением США в ходе «докламского противостояния» с Китаем летом 2017 г. Сама жизнь заставляет непредвзято, без иллюзий взглянуть и на международную поли-

тику, и на внешнеэкономические связи. Поднебесная, как признают эксперты, может стать крупнейшим инвестором в экономику Индии, активно нуждающимся и в обновлении инфраструктуры, и в осовременивании основных производственных фондов. Важную роль могут сыграть и обновленные индийско-российские связи, включая интенсификацию перекрестных инвестиционных потоков [Volodin 2017, pp. 120–135].

Стратегическая автономия во внешней политике предполагает высвобождение сознания общества из-под гнетущей власти исторических страхов и иных комплексов, сковывающих развитие мысли и мешающих становлению самостоятельных, постамериканских моделей восприятия окружающей действительности. Думается, Индия начинает этот нелегкий путь, который сулит серьезные испытания правящему классу, но и обещает стране добиться геоэкономических и геополитических целей, сформулированных на заре независимости.

Список литературы

- Бродель Ф. (1988) Игры обмена. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 2. М.: Прогресс.
- Володин А.Г. (2008) Политическая автономия демократии. М.: Гуманитарий.
- Володин А.Г. (2018) Индия: диспаритеты развития и геоэкономический потенциал // Мировая экономика и международные отношения. Т. 62. № 5. С. 97–109.
- Зайцев Е.М. (6/г) Советско-индийские отношения // <https://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/133896/Советско>, дата обращения 06.06.2018.
- Красин Ю.А. (2010) Инфраструктура демократии // Полития. № 2(57). С. 189–193.
- Празаускас А.А. (1990) Этнос, политика и государство в современной Индии. М.: Наука.
- Сарабьев А.В. (ред.) (2017) Религия и общество на Востоке. Вып. I. М.: Институт востоковедения РАН.
- Шаклеина Т.А., Байков А.А. (ред.) (2014) Мегатренды: основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке: Учебник. М.: Аспект Пресс.
- Bhambri C.P. (1980) The Janata Party: A Profile, New Delhi: National.
- Breman J., Mundle S. (eds.) (1991) Rural Transformation in Asia, Delhi: Oxford University Press.
- Debroy B., Tellis A.J., Trevor R. (eds.) (2014) Getting India Back on Track. An Action Agenda for Reform, Gurgaon: Random House India.
- Kaviraj S., Khilani S. (eds.) (2001) Civil Society: History and Possibilities, Cambridge: Cambridge University Press.
- Osborne R. (2011) Of the People, By the People: A New History of Democracy, L.: The Bodley Head.
- Prasad N. (1980) Ideology and Organization in Indian Politics, New Delhi: Allied Publishers.
- Sridharan E. (ed.) (2012) Coalition Politics and Democratic Consolidation in Asia, New Delhi: Oxford University Press.
- Volodin A. (2017) The Geopolitics of Crisscrossing Russia–India Investments // World Affairs, vol. 21, no 3, pp. 120–135.
- Zakaria F. (2003) The Future of Freedom: Illiberal Democracy at Home and Abroad, N.Y.: W.W. Norton.

National Peculiarities

The Formation of Civil Society and Party-Political system: the Experience of India

Andrey G. VOLODIN

DSc in History, Chief Research, Section for Political and Culturological Analysis, Primakov Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences. Address: 23, Profsoyuznaya St., Moscow, 117997, Russian Federation. E-mail: andreivolodine@gmail.com

CITATION: Volodin A.G. (2018) The Formation of Civil Society and Party-Political system: the Experience of India. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 11, no 3, pp. 137–151 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-3-137-151

ABSTRACT. *The article, India taken as a case study, is focused on civil society/party system interrelationship. Among origins of comparative advancement of India's party system are such historical constituents as: lasting existence of "centre- periphery" relations, ambivalent role of "pragmatic" British imperial rule in country's development, availability of proactive social forces susceptible to absorb overseas industrial culture as well as political democracy. In the ultimate analysis, these and other "motives" were instrumental in India's choice for representative institutions as most functional mode of governance. India's civil society and party system are examined from the "classic"/ west European political economy perspective.*

KEY WORDS: *civil society, party system, western Europe, India, polarized mode of development, British imperial rule, Indian National Congress, Bharatiya Janata Party, relative majority electoral system, political socialization, India's geopolitics and foreign economic relations*

References

- Bhambri C.P. (1980) *The Janata Party: A Profile*, New Delhi: National.
- Braudel F. (1988) *Igry obmena. Material'naya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm, XV–XVIII vv. T. 2* [Games of Exchange. Material Civilization, Economy and Capitalism, XV– XVIII Centuries. Volume 2], Moscow: Progress Publishers.
- Breman J., Mundle S. (eds.) (1991) *Rural Transformation in Asia*, Delhi: Oxford University Press.
- Debroy B., Tellis A.J., Trevor R. (eds.) (2014) *Getting India Back on Track. An Action Agenda for Reform*, Gurgaon: Random House India.
- Kaviraj S., Khilani S. (eds.) (2001) *Civil Society: History and Possibilities*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Krasin Yu.A. (2010) *Infrastruktura demokratii* [Infrastructure of Democracy]. *Politiya*, no 2(57), pp. 189–193.
- Osborne R. (2011) *Of the People, By the People: A New History of Democracy*, L.: The Bodley Head.

Prasad N. (1980) *Ideology and Organization in Indian Politics*, New Delhi: Allied Publishers.

Prazauskas A.A. (1990) *Etnos, politika i gosudarstvo v sovremennoj Indii* [Ethnicity, Politics and State in Modern India], Moscow: Nauka.

Sarab'ev A.V. (ed.) (2017) *Religiya i obshchestvo na Vostoke. Vypusk I* [The Orient: Religion and Society. Volume I], Moscow: Institute of Oriental Studies.

Shakleina T.A., Bajkov A.A. (eds.) (2014) *Megatrendy: osnovnye traektorii evolyutsii mirovogo poryadka v XXI veke: Uchebnik* [Megatrends: Pivotal Trajectories of the 21st Century's World Order], Moscow: Aspekt Press.

Sridharan E. (ed.) (2012) *Coalition Politics and Democratic Consolidation in Asia*, New Delhi: Oxford University Press.

Volodin A.G. (2008) *Politicheskaya ekonomiya demokratii* [Political Economy of Democracy], Moscow: Gumanitariy.

Volodin A. (2017) The Geopolitics of Crisscrossing Russia–India Investments. *World Affairs*, vol. 21, no 3, pp. 120–135.

Volodin A.G. (2018) Indiya: disparitety razvitiya i geoekonomicheskij potentsial [India: Development Disparities and Geoeconomic Potential]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodniye otnosheniya*, vol. 62, no 5, pp. 97–109.

Zajtsev E.M. (n/y) *Soviet-Indian Relations*. Available at: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/133896/Советско>, accessed 06.06.2018.

Zakaria F. (2003) *The Future of Freedom: Illiberal Democracy at Home and Abroad*, N.Y.: W.W. Norton.

Политическая система Исламской Республики Иран: особенности и возможности трансформации

Нина Михайловна МАМЕДОВА

кандидат экономических наук, заведующий сектором Ирана, Институт востоковедения Российской академии наук; доцент, кафедра мировой экономики, МГИМО МИД России. Адрес: 107031, Москва, ул. Рождественка, д. 12.

E-mail: mamedovan@mail.ru

ЦИТИРОВАНИЕ: Мамедова Н.М. (2018) Политическая система Исламской Республики Иран: особенности и возможности трансформации // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 11. № 3. С. 152–165. DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-3-152-165

АННОТАЦИЯ. Около четырех десятилетий в Иране осуществляется исламское правление. Создана уникальная система государственной власти, которая совмещает в себе светские и религиозные начала. При этом водораздел между религиозными и республиканскими институтами власти может быть очевиден, но может проходить внутри самих этих институтов. Одним из основополагающих принципов организации правления является выборная система. В зависимости от тех политических сил, которые в результате выборов завоевывают большинство в руководящих структурах, соотношение между исламскими и республиканскими принципами в определении политического курса, в его проведении, меняется. Нередко эти изменения принимают форму массового протеста. В системе государственной власти вносятся коррективы, однако в целом ей удалось сохранить тот каркас, который был заложен еще имамом Хомейни. В статье сделан анализ особенностей политической системы Ирана, ее эволюции под влиянием изменений внутренней ситуации в стране и внешних факторов, оказывавших разнонаправленное воздействие на процессы модернизации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: исламское правление, рахбар, шиизм, партии, санкционный режим, Иран

В результате революции 1979 г. в Иране, стране с древними традициями монархизма, был установлен теократический режим со своеобразной формой правления. В некоторых исламских странах также делались попытки совместить современные, или светские, принципы государственного устройства с принципами ислама. Но практически установить исламское правление удалось только Ирану. После февральской революции 1979 г., сместившей шахский режим, и после всеобщего референдума 1 апреля 1979 г., на котором проголосовали за создание исламской республики, в стране долгое время шли ожесточенные споры о том, как должна быть практически организована система власти во вновь провозглашенной республике. Ситуация осложнялась тем, что Иран – страна с преимущественно шиитским населением, не признававшим правомочность халифатов после смерти имама Али. Согласно шиитской концепции власти, правом на верховную власть обладают только потомки имама

Али, а настоящее время является временем ожидания прихода сокрытого 12-го праведного имама Махди. Всякая другая власть, например власть шаха, рассматривалась с точки зрения шиитского права как легитимная только в том случае, если правление осуществлялось в интересах всей шиитской уммы. Поэтому создаваемая после революции система власти должна была соответствовать и современным принципам государственного устройства, и шиитским взглядам.

Принятие в декабре 1979 г., также в результате всеобщего референдума, Конституции ИРИ завершило эти споры. Главным принципом, обеспечивающим легитимность исламской власти и сохранение влияния высшего шиитского духовенства на проведение государственной политики, стал принцип «веляте факих». Задолго до исламской революции в своих теоретических работах аятолла Хомейни разработал концепцию «веляте факих», согласно которой легитимность власти может обеспечить нахождение во главе государства наиболее авторитетного факиха (религиозного богослова).

Рахбар – религиозный и государственный лидер

Практическая реализация этого принципа состоит в том, что религиозный лидер страны является и высшим лицом государства. Причем главным объектом споров был не столько сам принцип «веляте факих», сколько объем полномочий лидера страны в структуре государственной власти. В результате дебатов конституционно был закреплен институт рахбара как высшего государственного поста. Рахбар не только осуществляет имамат, но и наделен широкими государственными полномочиями. Его права и обя-

занности включают ряд функций законодательной, судебной и исполнительной власти. Согласно ст. 110 конституции он осуществляет:

- определение общей политики государства – после консультаций с Ассамблеей по определению государственной целесообразности;
- контроль над правильностью претворения в жизнь генеральной линии в политике режима;
- принятие решения о проведении референдума;
- главнокомандование вооруженными силами;
- объявление войны и мира, а также мобилизации;
- назначение и отстранение от должности, принятие отставки следующих лиц:
 - а) факихов Наблюдательного совета (из его 12 членов половина являются факихами, назначаемыми рахбаром), б) главы судебной власти, в) главы телерадиовещательной компании «Голос Ирана», г) начальника Объединенного штаба вооруженных сил, д) главнокомандующего Корпусом стражей Исламской революции (КСИР), е) высшего командования вооруженными силами и внутренними войсками;
- упорядочение отношений между тремя ветвями власти;
- разрешение проблем государства, которые не могут быть решены обычным путем, с помощью Ассамблеи по определению государственной целесообразности;
- подписание указа о назначении президента после его избрания. При отборе кандидатов на пост президента их компетентность подтверждается не только Наблюдательным советом, но и лидером страны;
- отстранение от власти президента, если этого требуют интересы

страны, на основании решения Верховного суда, определяющего виновность президента в нарушении им своих законных полномочий, либо на основании решения меджлиса (парламента) о несоответствии президента занимаемой должности;

- объявление амнистии или смягчение приговоров в рамках исламских норм и по рекомендации главы судебной власти.

Конституция страны может быть изменена только по инициативе рахбара. Первые изменения в конституцию были внесены в 1989 г., после того как Хомейни подписал соответствующий указ, изменения в 2007 г. были сделаны также после указа Али Хаменеи.

Уже перечень этих прав и обязанностей обеспечивает рахбару правовые условия для концентрации в своих руках не просто сильной, но практически монопольной власти. Аппарат рахбара представляет собой широкую горизонтальную и вертикальную сеть представителей – от Наблюдательного совета и министерств до исламских фондов, от губернаторов провинций до пятничных имамов. Рахбар издает декреты религиозного (*фетвы*), государственного (*хокмы*) характера, различные решения (*эблагие*), связанные с управлением государством. Свое влияние рахбар реализует также через выступления на пятничных молитвах, на различных заседаниях. Именно на заседании перед новым годом¹ в ответ на ужесточение санкционного давления 2012/2013 г. и 2013/2014 г. Али Хаменеи провозгласил годами экономического джихада. А 2014/2015 г. в преддверии заключения ядерного соглашения и возможного расширения контактов с Западом

годом он провозгласил годом не только экономического, но и культурного джихада. Им же была обнародована концепция «экономики сопротивления», способной противостоять экономическому давлению на Иран.

И эта сформированная еще в 1979 г. структура правления почти неизменной сохранилась до сих пор. Элементами этой структуры являются как религиозные, так и республиканские органы. Эта «гибридная» система, сочетающая республиканские, теократические, авторитарные и демократические элементы (выборная практика), действует, несмотря на пережитую страной восьмилетнюю войну, периодически возникающие социальные протестные движения, всплески национальных сепаратистских волнений, жесткий санкционный режим. Даже вооруженные силы представлены и армией, и Корпусом стражей исламской революции (КСИР), который был создан сразу же после революции для борьбы с ее противниками. Именно эта система противовесов позволяет иранскому духовенству уже почти четыре десятилетия сохранять в своих руках основные рычаги власти. При этом режим периодически идет на корректировку элементов системы с тем, чтобы сохранить эту власть в целом как исламскую. Самого Р. Хомейни отличал прагматический подход к государственным интересам страны. Например, он не отказался от налоговой системы в пользу исламских налогов, одобрил изменение экономической политики после окончания войны с Ираком, решился на роспуск партии иранского духовенства и т.п. Этот принцип целесообразности (*маслахат*), с одной стороны, создает возможности для модернизации исламской политической системы. Но, с другой стороны, именно

¹ Новый год в Иране начинается 21 марта.

он обеспечивает рахбару право на абсолютную политическую власть.

По конституции государственная власть в Исламской Республике Иран осуществляется законодательной, исполнительной и судебной ветвями под контролем рахбара как главного факиха. Но такое сосредоточение власти в руках рахбара разделялось и до сих пор разделяется не всеми политическими силами в стране. В начале 2000-х гг. бывший президент страны Мохаммад Хатами предпринял попытку усилить полномочия президента, снизив уровень контроля рахбара и Наблюдательного совета над выборами и судебной властью. Однако два его законопроекта, получившие одобрение меджлиса, были отвергнуты Наблюдательным советом и формируемой рахбаром Ассамблеей по целесообразности.

Недовольство сосредоточением власти в руках рахбара проявилось, например, при всплеске оппозиционного движения – так называемого зеленого движения в 2009 г., а наиболее отчетливо – при проведении демонстраций в конце 2017 – начале 2018 гг. Легитимное верховенство религиозного лидера, безусловно, поднимает вопрос о степени демократичности иранского режима. Но, наверное, не следует забывать и того, что концепция такого варианта правления родилась в условиях иранской монархии, которая была не номинальной, как в европейских странах, а реальной деспотической властью без перспектив демократизации.

Нужно также иметь в виду, что конституционное оформление принципа «веляйте факих» в институт главы государства был обеспечен главным образом авторитетом имама Хомейни – признанного лидера революции. Он по Конституции 1979 г. был объявлен и пожизненным рахбаром (руководителем шиитской общины) и марджаа ат-таклид (религиозным наставником),

т.е. получившим право на иджитхад – право выносить собственные решения по важным богословским вопросам. При этом в тексте конституции, принятой в декабре 1979 г., говорилось и о том, что если ни один из факихов не удовлетворяет требованиям большинства народа, то может быть образован руководящий совет из трех или пяти марджа (ст. 109) [*Раванди-Фадаи, Филлин* 2017, с. 8–9, 81].

В 1989 г., после смерти Хомейни, в результате перегруппировки политических сил наиболее подходящей кандидатурой на пост рахбара оказался тогдашний президент и всего лишь ходжат оль эслам Али Хаменеи, хотя было четверо имевших звание марджа ат-таклид. Но они не имели опыта государственного управления. А в это время закончилась восьмилетняя война с Ираком, надо было восстанавливать экономику, менять экономический курс. И для духовенства было важно сохранить контроль над этими процессами. Поэтому оно пошло на изменение конституционного принципа – обязательности для лидера иметь звание марджа ат-таклид. В новой Конституции вопрос о приемнике Хомейни был решен в пользу выборности одного факиха и не прямым всеобщим голосованием, а Советом экспертов, который первоначально создавался для разработки Конституции.

Но сам Совет экспертов (состоит из 86 членов) избирается на 8 лет путем всеобщих прямых выборов (выборы – в 1982, 1990, 1998, 2006 гг., затем в виде исключения срок полномочий продлен до 10 лет, поэтому последние выборы состоялись в 2016 г.). Подавляющее большинство избираемых в Совет экспертов – представители высшего духовенства. Несмотря на попытки либеральных сил выдвинуть в качестве кандидатов на выборы в Совет экспертов женщин или светских лиц, они не получают

согласия Наблюдательного совета. Пожалуй, более строгого отбора Наблюдательный совет не проводит даже в отношении кандидатов в президенты. Согласно внутреннему регламенту, утвержденному самим же Советом экспертов, он работает на постоянной основе. Деятельность Совета экспертов долгое время была закрыта для общества, фактически секретна. Но в последние годы она становится все более прозрачной. При секретариате Совета экспертов создан Центр исследования исламской мысли и исламской власти, который выпускает журнал «Хабреган», имеет сайт, поддерживает постоянные контакты с рахбаром, правительством и меджлисом.

Совет экспертов избрал рахбаром Али Хаменеи буквально на следующий день после смерти имама Хомейни. До избрания рахбаром Али Хаменеи был известен и как религиозный, и как государственный деятель. Вместе с аятоллой Бехешти и Али Акбаром Хашеми Рафсанджани (умер в конце 2016 г.) издал книгу «Наши позиции», которая стала политической программой Партии исламской республики (ПИР), объединившей в 1979 г. все политические и религиозные партии и группировки. В 1981 г. он был избран президентом страны, в 1985 г. – переизбран на второй срок. По специальному указу Хомейни также руководил работой Высшего совета обороны, Высшего совета культурной революции, а также созданной в последний год жизни Хомейни Ассамблеи по определению государственной целесообразности [Мамедова 2007, с. 312–317]. Али Хаменеи получил звание марджа-ат таклида только в 1994 г. после кончины аятоллы Араки, что, несомненно, укрепило его позиции и как рахбара.

Долго не вмешивавшийся открыто в политическую жизнь, Али Хаменеи стал политически активен в период президентства Махмуда Ахмадинежада, фактически приведя его к власти.

В настоящее время, судя по сообщениям прессы, он тяжело болен, поэтому вновь остро стоит вопрос о преемнике – либо новом рахбаре, либо Руководящем совете факихов. Пожалуй, впервые в истории исламской республики во время массовых демонстраций в начале 2018 г. открыто звучали лозунги против рахбара (например, «Рахбар – диктатор»), что опосредованно свидетельствует о глубоких изменениях в сознании иранского общества.

Первые, правда единичные, лозунги против диктатуры рахбара были отмечены в июне 2009 г. в период «зеленого движения», выступавшего против официальных результатов президентских выборов 2009 г. В июле на более чем миллионной демонстрации в Тегеране появились лозунги «Смерть диктатору, кем бы он ни был – религиозным лидером или доктором». А в 2010 г. в годовщину президентских выборов 2009 г. на демонстрации у кампуса Тегеранского университета появились лозунги «Смерть Хаменеи и басиджам!», «Долой веляяте факих» [Филин 2014, с. 182].

В прессе в настоящее время открыто обсуждается судьба не столько самого Али Хаменеи, сколько института рахбара, возможность заменить его коллективным органом.

Значимость института рахбара в системе власти определяется еще и тем, что как марджа ат-таклид он контролирует ряд финансовых потоков. И это не только доходы исламских фондов и вакфов, но и исламские налоги. В систему обязательных государственных налогов они не введены, но большинство шиитского населения уплачивает добровольный налог *хумс*, который идет на помощь потомкам Пророка и на благотворительные нужды. Размер его – 20% годового дохода, он традиционно уплачивался как доля имама. Размеры этого налога могут достигать нескольких десятков миллиардов долла-

ров, что укрепляет не только религиозный и политический, но и экономический потенциал рахбара.

Противоречия между исполнительной и законодательной властью

Наиболее сложные отношения в политической системе Ирана складывались между такими ветвями власти, как исполнительная и законодательная. За время существования режима изменилась даже их структура. По первоначальному варианту Конституции исполнительная власть была представлена президентом и правительством, которое возглавлял премьер-министр. Взгляды этих двух ветвей исполнительной власти чаще всего не совпадали, и их противоречия разрешал Хомейни. Во главе правительства в самые тяжелые для Ирана времена – во время войны с Ираком находился Мир Хосейн Мусави, который сумел, создав жестко централизованную экономику мобилизационного типа, избежать экономического краха. Как ни парадоксально, именно М.Х. Мусави, отстаивавший идеи максимально высокого вмешательства государства в экономику и политику в период пребывания на посту премьер-министра, станет одним из лидеров «зеленого движения», нацеленного на политическую и экономическую либерализацию.

Правительство, возглавляемое М.Х. Мусави, постоянно находилось под контролем, с одной стороны, рахбара, но, с другой стороны, и президента. Между исполнительной и законодательной властью существовали острые противоречия. Ярким показателем отношений между меджлисом (парламентом) и правительством М.Х. Мусави стало то, что кроме закона 1983 г. о банках (о переводе их на исламские принципы ра-

боты) не было принято ни одного основополагающего экономического закона, и правительство Мусави фактически действовало в условиях законодательного вакуума.

И дело не только в позиции меджлиса, представленного разными политическими силами, хотя и объединенными в ПИР. Законодательная власть в Иране была и сейчас представлена не только меджлисом, но еще и Наблюдательным советом, или Советом стражей Конституции.

Меджлис, состоящий в настоящее время из 290 членов, избирается прямым, открытым и тайным голосованием. Выборы в меджлис, как и выборы президента, проходят в обстановке острой борьбы между различными политическими группировками. Именно в это время образуются различные объединения, коалиции, активизируется работа партий или даже создаются новые.

А Наблюдательный совет состоит всего из 12 членов, 6 из которых являются факихами и которых назначает рахбар, а остальные 6 – законоведы, кандидатуры которых предлагает меджлис, но опять-таки представляет их на утверждение рахбара. Задача Наблюдательного совета – проверять утверждаемые меджлисом законы на соответствие Конституции и нормам ислама. Без согласия Наблюдательного совета одобренный меджлисом законопроект не мог и до сих пор не может стать законом. Даже вмешательство имама Хомейни не всегда могло ускорить процесс законотворчества. Поэтому он согласился на создание дополнительного высшего государственного органа – Ассамблеи по определению целесообразности для исламского строя, своеобразного арбитра между меджлисом и Наблюдательным советом.

После окончания войны наиболее остро встал вопрос о восстановле-

нии экономики и о повышении уровня жизни населения. Решение этих экономических проблем требовало и укрепления позиций исполнительной власти и создания законодательной экономической базы. Еще при жизни Хомейни стал составляться первый пятилетний план, и уже первые попытки обсудить в меджлисе первоначальный проект вызвали ожесточенные споры. После смерти Хомейни духовенство согласилось внести в Конституцию изменения. Пост премьер-министра ликвидировали, в состав высших государственных органов ввели Ассамблею по целесообразности. Снизил требования к рахбару; кроме того, он определял общие направления политики совместно с Ассамблеей по целесообразности. И эти конституционные поправки помогли новому президенту страны Али Акбару Хахеми Рафсанджани как главе исполнительной власти проводить курс на либерализацию экономики. Таким образом, на изменение конституционных статей, носящих в значительной мере экономический характер, режим готов идти. Но конституционно ограничить власть духовенства или изменить избирательный закон в сторону секуляризации до сих пор не представляется возможным. Хотя попытки были и в 2003 г., и в 2017 г., когда после победы на выборах Хасан Роухани заявил о том, что собирается стать главой государства, и о возможности выбора рахбара народом [Дунаева 2017, с. 25]. Президент в Иране избирается на всеобщих выборах прямым и тайным голосованием на четыре года, только на два срока подряд. То, что выборы являются прямыми, усиливает легитимность позиций президента. Хотя президент является главой кабинета министров, но для непосредственного руководства им он имеет право назначить первого вице-президента, что и происходит на практике. Президент форми-

рует кабинет министров и представляет его меджлису одновременно с программой деятельности кабинета и каждого из министров. Президент может представить меджлису состав своего кабинета полностью либо частично. Вотум доверия выносится каждому из министров.

Министры в Иране являются не столько административными, сколько политическими фигурами. Они связаны с меджлисом, с соответствующим комитетом меджлиса, принимают участие в заседаниях правительства, Ассамблеи по целесообразности, встречаются с рахбаром. Министры, которые по представлению президента утверждаются на должность меджлисом, отражают в значительной мере позиции не столько президента, сколько наиболее влиятельной в меджлисе фракции.

Если многие министры правительства М. Ахмадинежада были связаны с работой в структурах министерства информации (разведки), КСИР и «басидж» (ополчение), то министры правительства Х. Роухани – со сторонниками прагматического и реформаторского курса.

Формирование кабинета министров часто превращается в политическую борьбу между различными фракциями меджлиса и сторонниками президента. Ключевыми министерствами, за которые постоянно ведется борьба и которые почти всегда возглавлялись лицами духовного звания, являются министерства внутренних дел, юстиции, культуры и исламской ориентации. Состав последнего правительства Х. Роухани был почти полностью одобрен меджлисом, но, как представляется, из-за того, что в нем было сокращено число представителей реформаторского блока, поддержавших Роухани на выборах. Возможно, что причиной этого стало сильное давление, оказываемое на Х. Роухани, в том числе путем аре-

ста его брата. Тем не менее вице-президенты, отвечающие за экономические блоки, примыкают к реформаторскому течению. Пожалуй, стратегической удачей Х. Роухани стало проведение на пост министра обороны генерала Амира Хатами, не связанного с КСИР.

В состав исполнительной власти входят различные организации (планово-бюджетная, атомной энергетики и другие), возглавляемые вице-президентами. По своим функциям эти организации фактически являются министерствами, но возглавляются не министрами, а вице-президентами, и потому выведены из-под жесткого контроля меджлиса. В состав последнего правительства Х. Роухани входят две женщины, что можно рассматривать как тенденцию к трансформации режима. В состав почти всех министерств Ирана на положении компаний-филиалов входит ряд крупных государственных компаний, различных по функциям. Особенность государственного управления Ирана – наличие в структуре министерств значительного количества производственных компаний, нередко проводящих самостоятельную политику. К ним можно отнести, например, Иранскую национальную нефтяную компанию (ИННК), Компанию по развитию и модернизации промышленности, которая в процессе приватизации стала акционером наиболее крупных промышленных объектов, Компанию оборонной промышленности, компании КСИРа [Сажин 2017, с. 107–108]. В Иране сложилась практика назначения министрами юстиции и информации лиц духовного звания, что обеспечивает им поддержку рахбара и главы судебной власти.

Кабинет министров в стране, в которой действуют и парламент (меджлис), и глава государства – рахбар, по правовому статусу более близок к типу правительств при президентско-парламентской форме правления.

Как уже отмечалось выше, законодательная власть представлена меджлисом, Наблюдательным советом и отчасти Ассамблеей по целесообразности. После создания Ассамблеи процедура принятия законов стала более стабильной. Но противоречий между исполнительной и законодательной властью это не смягчило. Когда в 2013 г. президентом на первый срок был выбран Х. Роухани, он получил добро от рахбара на проведение переговоров с «шестеркой» (члены СБ ООН плюс Германия) о сокращении ядерной программы в обмен на отмену санкционного режима. Кроме того, вопреки сложившейся традиции, согласно которой переговоры по вопросам ядерной программы от имени Ирана вел секретарь Совета безопасности, рахбар поручил это правительству. Переговоры шли в очень напряженной обстановке, так как условия соглашения постоянно критиковались меджлисом. И даже когда соглашение (СВПД) было подписано в Вене в 2015 г., меджлис всячески затягивал его ратификацию. В том, что меджлис в конце концов одобрил это соглашение, не последнюю роль сыграл спикер меджлиса Али Лариджани. В настоящее время, когда после парламентских выборов 2016 г. А. Лариджани вновь избран спикером, а Али Мотаххари его заместителем, и они в последние пять лет активно сотрудничают со сторонниками Х. Роухани, можно ожидать, что противостояние между президентом и меджлисом станет менее напряженным. Тем не менее ряд депутатов обвиняли и продолжают обвинять президента и его команду в подписании соглашения, которое они рассматривают как уступку США. Их уверения, что США найдут другие причины для наложения санкций, стали оправдываться после прихода к власти Д. Трампа, что значительно ослабило позиции сторонников Х. Роухани. Нельзя исключать такого разви-

тия событий, как это было при М. Хатами, когда политика президента-реформатора, нацеленного на либерализацию не только экономической, но и политической системы Ирана, под давлением США была свернута, и к власти пришло радикальное крыло консерваторов во главе с М. Ахмадинежадом.

Наиболее острые дебаты между правительством и меджлисом ведутся при рассмотрении расходов Стабилизационного фонда, годовых бюджетов. М. Ахмадинежад, фактически не получавший доступа к Стабфонду, расходы которого утверждал меджлис, добился создания Фонда национального развития, которым распоряжалось правительство. Напряженная борьба идет вокруг годовых бюджетов. Поэтому бюджет на 2017–2018 гг. был принят с опозданием. В декабре 2017 г. президент представил проект бюджета на 2018–2019 гг., который сразу же стал объектом нападков – и справа, и слева. Реформаторы не увидели в нем реальных попыток провести либеральные реформы, консерваторы даже эти робкие попытки сочли противоречащими интересам народа. Меджлис не пошел на повышение ставки прямых налогов для более богатых слоев населения, согласившись поднять НДС, что в большей степени ударило по низшим и средним слоям, до сих пор не введенные в налоговую базу различные исламские фонды. В условиях дефицита правительство продолжило политику сокращения субсидирования ряда товаров и наметило сокращение выплачиваемых населению денежных компенсаций. И это вылилось не только в споры между правительством и меджлисом, но и в массовые демонстрации. В результате правительство уже в первую

неделю января 2018 г. пошло на изменение ряда бюджетных статей. Чьи позиции укрепятся в результате этих массовых выступлений? Возможно, меджлиса. Но Х. Роухани в беседе с членами своего правительства 8 января 2018 г. отметил, что при рассмотрении бюджета меджлису нужно обращать внимание на «необходимость прозрачности финансовой деятельности и подотчетности многих государственных и полугосударственных структур, которые получают значительные доли государственных средств, в то время как правительство сталкивается с большим дефицитом бюджета»². Поэтому правительство тоже может воспользоваться ситуацией и получить возможность более самостоятельного решения проблем с финансированием социальных и экономических программ, в том числе за счет средств исламских фондов.

Политические партии

Партийная структура как часть политической системы Ирана крайне фрагментарна. В феврале 1979 г. была образована Партия исламской республики (ПИР), имевшая целью объединить в ее рамках все созданные к этому времени партии и организации, вплоть до организаций духовенства. Оставшись практически единственной политической партией, ПИР превратилась в партию государствообразующего типа. Только после того, как была достигнута цель сохранения теократической власти даже в условиях восьмилетней войны, а борьба различных течений внутри партии стала находить выражение в конфронтации между различными органами власти и угрожать ста-

2 Popular Demands Not Limited to Economy. <https://financialtribune.com/articles/national/79583/popular-demands-not-limited-to-economy> (дата обращения: 9.01.2018).

бильности власти, в 1987 г. с согласия Хомейни ПИР была распущена.

Даже после роспуска Партии исламской республики партийная жизнь не носила характера, свойственного европейским традициям. Многие партии создавались в предвыборный период, объединяясь не столько на базе программ, сколько вокруг политических фигур. Долгое время почти все партии примыкали к двум крупнейшим группировкам духовенства – Обществу борющегося духовенства и Ассамблее борющихся улемов. К первому традиционно примыкали консерваторы, ко второму – реформаторы. Настоящий бум партийного строительства произошел после избрания президентом страны в 1997 г. М. Хатами, поставившего целью своей внутренней политики создание гражданского общества в Иране.

Поражение «Зеленого движения» затормозило этот процесс, уменьшилась роль указанных выше организаций духовенства в политической жизни, но тенденция развития партийной системы сохраняется до настоящего времени [Мамедова 2006, с. 191–192].

Хотя в законе о выборах нет упоминания о партиях, выборы фактически проводятся по партийным спискам; в преддверии выборов создаются новые партии, образуются партийные блоки, выдвигающие совместных кандидатов. Именно предвыборные кампании в Иране выявляют реальное положение партийной системы; в этот период партии и партийные группировки проявляют наибольшую активность, заявляя о своих программах. Кандидаты от различных партийных группировок, ставшие депутатами меджлиса, образуют партийные фракции, аналогично европейской политической традиции. Опыт

последних трех президентских выборов показал, что созданные накануне выборов блоки сторонников победившего на выборах президента становятся затем основой политических пропрезидентских партий, поддерживающих исполнительную власть. Огромную роль в партийном движении в Иране играют личные и родственные связи. До сих пор почти все политические партии, организации и движения в Иране делятся в основном по степени связи с различными семейными и религиозными кланами.

В настоящее время действуют партии, созданные сразу же после революции или возникшие в ходе последних выборов. Например, до сих пор активно действует прореформаторская партия ОМИР – Организация моджахедов исламской революции, генеральный секретарь которой Мохаммад Саламати в разгар «новогодних» событий 2017–2018 г. дал взвешенный анализ причин волнений, выступив, несмотря на критику работы правительства Роухани, в его поддержку³.

Приход к власти сторонников Х. Роухани вызвал активизацию партий прагматического и реформаторского толка, в 2017 г. возник партийный блок «Омид» (Надежда), но и консервативные силы тоже создали ряд блоков и движений.

Из нелегальных политических партий, оказывающих влияние на политическую жизнь Ирана, следует назвать «Моджахеддине хальк», принявшую участие и в январском движении 2018 г. Система политических партий Ирана до настоящего времени продолжает носить черты традиционных организаций, которые не столько создаются на основе идеологического единства, сколько группируются вокруг какого-нибудь лидера. Обнаружившаяся

3 Reformist Urges Continued Backing for Rouhani. <https://financialtribune.com/articles/national/79182/reformist-urges-continued-backing-for-rouhani> (дата обращения: 3.01.2018).

прямая зависимость активизации партийного строительства во время предвыборных кампаний делает все более актуальным изменение законов о партиях и о выборах, увязку их друг с другом, что сделает более отчетливыми программы и позиции партий. Но свободное развитие политических партий сдерживается идеологическими рамками исламского режима. Не меньшее, а, пожалуй, и большее значение в политической жизни Ирана играют родственные и религиозные связи.

Политическая элита Ирана

После исламской революции формирование политической, религиозной и экономической элит оказалось тесно взаимосвязанным. Политическая власть перешла в руки традиционных религиозных кланов, которые представляли разные шиитские центры. Если до революции главными были Неджеф в Ираке и Кум в Иране, то после революции Кум становится не только главным иранским религиозным центром, но и центром шиитов других стран.

Духовенство, которому досталась значительная часть национализированной собственности, стало составной частью не только политической, но и новой экономической элиты. Духовенство получило собственность через созданные исламские фонды, встав во главе этих фондов. Был снят запрет на создание новых вакфов, увеличилась собственность и действовавших вакфов. Так, вакф «Астане Годс» в Мешхеде, где началось протестное движение 28 декабря 2017 г., получил право на создание свободной экономической зоны Серахс, построил собственный аэропорт. Он имеет в собственности многочисленные компании, учебные заведения.

В санкционный период к субъектам экономической иранской элиты ста-

ла активно присоединяться военная элита, особенно представители КСИР. Компания КСИР «Хатам аль-Анбия» превратилась в одну из крупнейших в стране, особенно в период санкций в президентство М. Ахмадинежада. В это время, когда из страны стали уходить иностранные компании, Корпусу стражей было дано право участвовать более чем в десяти тысячах проектов – от строительства до нефтегазовой и аэрокосмической промышленности.

Противоречия между отдельными кланами то утихают, то нарастают, приводя к смене правительств, изменениям в экономической политике, изменениям в отношениях с внешним миром.

Сам имам Хомейни был представителем одной из влиятельных богословских семей (отец – аятолла, мать – внучка аятоллы). Дети и внуки Хомейни составляют часть политико-религиозной элиты, активно участвуют в политической жизни страны. Семья связана родством с семьей Садров – видных политических и религиозных деятелей Ливана и Ирака, а также с семьей экс-президента Мохаммада Хатами. Члены семьи в значительной степени придерживаются прагматических и даже реформаторских взглядов по ряду вопросов. Дочь Хомейни Захра Мостафави, являясь генеральным секретарем Женского общества ИРИ, выступила на выборах в пользу кандидатуры Х. Роухани.

Клан Али Хаменеи также тесно связан с духовенством. Его отец – аятолла, тетя – жена шейха Хиабани, она же является бабушкой Мир Хосейна Мусави, одного из лидеров «зеленых» и бывшего премьер-министра страны. Семья связана родственными узами с бывшим спикером парламента Холад-Аделем, который примыкает к консерваторам, хотя младший брат А. Хаменеи издавал газеты, в которых публиковались статьи против принципа вelayate факих.

В конце 2016 г. ушел из жизни глава одного из самых могущественных политических, экономических и религиозных кланов страны Али Акбар Хашеми Рафсанджани (Бахрамани). Клан имеет сильные позиции в политической системе Ирана, связан родственными узами с аятоллой Х. Али Монтазери, аятоллой Хасаном Лахути, М.К. Табатабаи Язди, Хоссейном Мараши (вице-президент в правительстве Хатами и лидер партии реформаторского направления). Один из сыновей Рафсанджани – Мохсен Хашеми занимал пост начальника канцелярии Ассамблеи по целесообразности, а после майских выборов в муниципалитет Тегерана в 2017 г. стал главой Тегеранского совета. Дочь Рафсанджани Фаезе Хашеми – известная общественная деятельница, придерживается линии прагматиков, но ближе к реформаторам.

Огромный политический вес имеет клан Лариджани – так называемый иракский клан. Отец братьев Лариджани, аятолла Амоли, долго работал в Неджефе. Али Лариджани – спикер парламента. Один его брат является советником Хаменеи, другой возглавляет судебную власть.

Эти семьи составляют костяк политической элиты ИРИ, в основе их связей не только родственные отношения, но и принадлежность к определенным школам духовенства. Именно этим объясняются тесные связи религиозных авторитетов Ирана с представителями шиитского духовенства в других странах. Этим объясняется и поддержка Ираном шиитских движений в соседних странах, возглавляемых, как правило, воспитанниками Кума или Тегерана [Мамедова 2016, с. 121–127].

Переплетение интересов нескольких крупных кланов способствует распространению коррупции, что стало одной из причин массового оппозиционного движения, развернувшегося в конце

2017 г. – начале 2018 г. Высокому уровню коррумпированности способствуют не только засилье в экономике страны мощных кланов, закрытых экономических структур, но и отсутствие политических свобод, свободы мнений и прессы.

Заключение

Возглавив антишахское движение, иранское духовенство не ограничилось свержением шахского режима. Оно концептуально обосновало и построило новое государство на принципах исламского правления. В политической системе духовенству была отведена руководящая роль. Объективные условия развития иранского общества ставили перед созданной структурой задачи, которые требовали идеологического обоснования изменений экономической, культурной, внешней и внутренней политики. Система с этими вызовами справляется почти четыре десятилетия, внося определенные коррективы. Но до настоящего времени говорить о сколько-нибудь кардинальной трансформации политической системы как системы исламского правления нет оснований. Однако потребности в изменениях назревают, периодически выплескиваясь то в виде массовых движений, то в трансформации некоторых конституционных принципов, то в перегруппировки политических сил, приходящих во власть. Сторонники действующего президента Х. Рухани ставят перед собой задачу оздоровить политический климат в стране, но при сложившемся балансе политических сил, а главное, при существующей структуре политической власти реализовать эти цели крайне сложно. Возможно, в значительной мере потенциальные тенденции демократизации режима сдерживаются постоянным давлением извне – то в виде военных

угроз, то в виде санкционного режима, что позволяет духовенству спланировать население, используя идею шахадата⁴ для противостояния врагам Ирана.

Список литературы

Дунаева Е.В. (2017) Иран: изменение баланса политических сил после выборов Х. Роухани // А.М. Мустафабеги (ред.) Актуальные проблемы Ближнего и Среднего Востока. М.: ДА МИД РФ. С. 17–30.

Мамедова Н.М. (2006) Политические партии Ирана // Публично-правовые исследования. Т. 1. С. 176–197.

Мамедова Н.М. (2007) Институт рахбара в политической системе Ирана

// Публично-правовые исследования. Т. 2. С. 310–322.

Мамедова Н.М. (2016) Иран: особенности формирования политической элиты // Восток (Oriens). № 1. С. 121–127.

Раванди-Фадаи Л.М., Филин Н.А. (2017) Прошлое и настоящее религиозного наставничества в шиитском исламе. М.: РГГУ, ИВРАН.

Сажин В.И. (2017) Корпус стражей исламской революции в Иране – государство в государстве // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 10. № 3. С. 83–109.

Филин Н.А. (2014) Неудавшаяся революция цвета ислама. Причины подъема и упадка Зеленого движения в Иране. М.: РГГУ, Ленанд.

Political System of the Islamic Republic of Iran: Its Features & the Upside for Transformation

Nina M. MAMEDOVA

PhD in Economics, Head of the Department of Iran, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Science; Associate Professor, Department of Global Economy, MGIMO University. Address: 12, Rozhdestvenka St., Moscow, 107031, Russian Federation. E-mail: mamedovan@mail.ru

CITATION: Mamedova N.M. (2018) Political System of the Islamic Republic of Iran: Its Features and the Upside for Transformation. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 11, no 3, pp. 152–165 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-3-152-165

ABSTRACT. *About four decades Iran has been under Islamic ruling, a unique system of state governing combining both secular society rules and religious principles. While the contradictions between the clergy and the republicans' institutions may re-*

main their internal affair, at the same time they may become evident. The electoral system is one of the fundamental principles of the state governing in Iran. The changes in the ratio of Islamic principles and republicans' rules (laying behind the politi-

⁴ Смерть за веру.

cal course), depends on the political forces getting the majority in the state governing bodies following the elections. Often these changes result in the form of mass protest. Notwithstanding the adjustments to the Iran's state governance have been made, the system fundamentally has been operating within the scope of principles proclaimed by Imam Khomeini. The research article studies the Iran's political system distinctions as well as its evolution triggered by the situation inside the country and the external factors, that both act in different directions in respect to the modernization processes.

KEY WORDS: *Islamic governing, rahbar, shiism, parties, the sanctions regime, Iran*

References

- Dunayeva E.V. (2017) Iran: izmene-nie balansa politicheskikh sil posle vyborov Kh. Roukhani [Iran: Change of Balance of Political Forces after H. Rouhani's Elections]. *Aktual'nye problemy Blizhnego i Srednego Vostoka* [Current Problems of the Middle East] (ed. Mustafabekli A.M.), Moscow: DA MID, pp. 17–30.
- Filin N.A. (2014) *Neudavshayasya revolyutsiya tsveta islama. Prichiny pod'ema i upadka Zelenogo dvizheniya v Irane* [Unfortunate Revolution of Color of Islam. The Reasons of Rise and Decline of the Green Movement in Iran], Moscow: RGGU, Lenand.
- Mamedova N.M. (2006) Politicheskie partii Irana [Political Parties of Iran]. *Publichno-pravovye issledovaniya*, vol. 1, pp. 176–197.
- Mamedova N.M. (2007) Institut rakhbara v politicheskoy sisteme Irana [Institute of a Rakhbar in Political System of Iran]. *Publichno-pravovye issledovaniya*, vol. 2, pp. 310–322.
- Mamedova N.M. (2016) Iran: osobennosti formirovaniya politicheskoy elity [Iran: Features of Formation of Political Elite]. *Vostok (Oriens)*, no 1, pp. 121–127.
- Ravandi-Fadai L.M., Filin N.A. (2017) *Proshloe i nastoyashchee religioznogo nastavnichestva v shiitskom islame* [The Past and the Present of Religious Mentoring in Shiite Islam], Moscow: RGGU, IVRAN.
- Sazhin V.I. (2017) Korpus strazhej islamskoj revolyutsii v Irane – gosudarstvo v gosudarstve [Islamic Revolution Guards Corps of Iran: a State within a State]. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 10, no 3, pp. 83–109.

Латинская Америка: президентская власть и оппозиция в XXI веке

Наиля Магитовна ЯКОВЛЕВА

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Центр политических исследований, Институт Латинской Америки Российской академии наук. Адрес: 115035, Москва, ул. Б. Ордынка, д. 21/16. E-mail: nel-yakovleva@yandex.ru

ЦИТИРОВАНИЕ: Яковлева Н.М. (2018) Латинская Америка: президентская власть и оппозиция в XXI веке // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 11. № 3. С. 166–184. DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-3-166-184

АННОТАЦИЯ. В конце 2017 г. страны Латинской Америки вошли в электоральный суперцикл, который продлится до конца 2019 г. Пройдут выборы всех уровней – президентские, парламентские, в органы местного самоуправления, а также референдумы. Страны, охваченные избирательной гонкой, обладают 80% совокупного регионального ВВП, к урнам придет около двух третей избирателей региона. Будет избрано четырнадцать глав государств с президентской формой правления. Выборы проходят в обстановке политической нестабильности, дискредитации властных структур, деградации правящих элит, фрагментации партийных систем, волатильности предпочтений электората. В регионе сильны антиэлитные настроения, наблюдается замедление демократических процессов, падает уровень поддержки демократии. В статье анализируются причины сложившейся ситуации. Значительное место отводится характеристике политических систем стран региона, при этом основное внимание уделяется эволюции института президентства в XXI в., причинам появления нового лидерства и формирования режимов персонифицированной власти. Автор придерживается мнения, что дисбалансы президентских систем, заложенные в норматив-

но-законодательной базе, способствуют консолидации персоналистских режимов разной идеологической окраски и открывают возможности для концентрации власти в руках главы государства. Гиперполномочия президентов и ослабление контрольных функций парламентов способствуют расцвету коррупции, принявшей в последние годы форму эпидемии и затронувшей высшие эшелоны власти практически всех стран. Коррупционные скандалы в свою очередь становятся причиной президентских отставок и импичментов, ведут к институциональной нестабильности. Борьба с коррупцией выступает основным лейтмотивом избирательных кампаний. В статье приводятся результаты избирательных кампаний 2015–2017 гг., прослеживается зависимость электоральных предпочтений населения стран региона от состояния экономики и социальной ситуации, подчеркивается особая роль нового среднего класса в политической жизни. Утверждается, что Латинская Америка стоит на пороге знаковых изменений, однако предсказать результаты выборов и характер грядущих перемен не представляется возможным.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Латинская Америка, политические системы, президентская форма правления, новое ли-

дерство, результаты выборов, коррупция, импичмент

В конце 2017 г. страны Латинской Америки вошли в электоральный суперцикл, который продлится до конца 2019 г. Совпадение в столь исторически сжатом отрезке времени выборов всех уровней – президентских, парламентских, в органы местного самоуправления, а также проведение референдумов в регионе случается нечасто. Только в 2018 г. в общей сложности пройдет четырнадцать выборов, из них шесть – глав государств. Страны, охваченные избирательной гонкой (среди них такие гиганты, как Мексика и Бразилия), обладают 80% совокупного регионального ВВП, к урнам придет около двух третей латиноамериканских избирателей. В 2019 г. состоятся президентские выборы еще в шести странах. Всего за два года электорат должен проголосовать за четырнадцать глав государств с президентской формой правления, поэтому, по оценке экспертного сообщества, суперцикл может стать в политическом отношении судьбоносным. Одни специалисты считают, что по его окончании определится идеологический профиль региона (так называемый левый/правый поворот), другие предполагают, что речь идет о судьбе дихотомии «демократия vs. авторитаризм», третьи ждут отката популистской волны, накрывшей Латинскую Америку в первом десятилетии XXI в. Немалое чис-

ло экспертов предлагают рассматривать итоги выборов как знак готовности к этапу системного реформирования сложившихся политических моделей, властных институтов и государственных структур. При этом большинство наблюдателей сходятся во мнении, что предсказать результаты этого эпохального электорального марафона невозможно. В любом случае суперцикл может послужить поводом рассмотреть ситуацию, сложившуюся в регионе в последние десятилетия, уделив внимание главному виновнику торжества – институту президентства.

Контуры политических систем и институт президентства

В странах Латинской Америки и Карибского бассейна (ЛАКБ)¹ исторически сложились четыре формы государственного правления: президентская, президентско-парламентская, парламентская и одна особая форма, основанная на принципиально других юридических постулатах, представленная Кубой². В трех – на Гаити, в Гайане и Суринаме – существуют президентско-парламентские республики. В одиннадцати бывших колониях Великобритании преобладает парламентская форма правления. В восемнадцати странах принята президентская форма, во многом имитирующая конфигурацию власти, сложившуюся в Соединенных Штатах Америки.

1 Всего в ЛАКБ насчитывается 33 политически независимых государства, из них парламентская форма правления существует в 11 странах: в виде конституционной монархии в Антигуа и Барбуда, на Багамах, в Барбадосе, Белизе, Гренаде, Сент-Винсенте и Гренадинах, Сент-Кисе и Невисе, Сент-Люсии и на Ямайке. В парламентских республиках Доминика (Содружество Доминики) и Тринидад и Тобаго наряду с премьер-министром предусмотрена должность президента, который избирается в первом случае парламентом, во втором – коллегией выборщиков [Энциклопедия 2013, с. 116, 550, 795].

2 Республика Куба не входит в число президентских республик и не признает принципа разделения властей. По конституции высшим органом государственной власти является Национальная ассамблея народной власти, из числа депутатов которой избирается коллегиальный орган – Госсовет, возглавляемый председателем. Исполнительная власть принадлежит Совету министров во главе с председателем. Обе должности с 2008 г. (с 2006 г. – и.о.) до 19 апреля 2018 г. занимал Рауль Кастро Рус, являвшийся также главнокомандующим вооруженных сил и первым секретарем ЦК Компартии (с 2011 г.). В настоящее время руководителем страны является Мигель Диас-Канель. Р. Кастро сохранил за собой главный партийный пост.

Таким образом, в центре политических систем большинства латиноамериканских республик находится фигура президента, в полномочия которого входит общее управление государством, командование вооруженными силами, формирование правительства. На нем лежит ответственность за сохранение суверенитета и территориальной целостности государства, в чрезвычайных обстоятельствах он получает дополнительные полномочия за счет ограничения функций законодательной ветви власти. В шестнадцати странах президенты возглавляют кабинеты министров. Наличие в Аргентине должности главы кабинета, а в Перу – председателя кабинета министров не меняет характера президентской системы, так как де-факто правительства возглавляют сами президенты, а формально – назначенные ими соратники по партии или правящей коалиции, доверенные лица, которые являются исполнителями президентской воли. Почти то же можно сказать о должности вице-президента³, предусмотренной для управления страной в случае отсутствия, недееспособности, смерти или отставки президента, хотя бывают отдельные исключения в виде конфликта интересов, когда вице-президент является представителем другой политической силы. В обычной практике вице-президенты выполняют протокольные функции или координируют работу с губернаторами (в федеративных государствах), могут участвовать в работе правительства, в ряде случаев – в парламенте⁴.

Президенты латиноамериканских стран располагают рычагами влияния на работу двух других ветвей власти – законодательной и судебной, так

как обладают правом законодательной инициативы, издания декретов и могут участвовать в формировании судебных органов. Немаловажным фактором, как показывает практика, является компетенция президента созывать референдумы (например, для пересмотра отдельных положений основного закона). Широкий диапазон властных полномочий и гибкость в трактовке их границ создают условия для концентрации в руках президента огромной власти и обеспечивают его главенствующую роль в системе государственного управления, в конечном счете открывая путь к формированию гиперпрезидентских, персоналистских режимов. Не последнюю, а иногда и определяющую роль играет право главы государства участвовать в формировании госбюджета, контроле за сбором налогов и распределении национального дохода, управлении инвестиционной и социальной политикой, а в реальности – возглавлять эти ключевые процессы.

Именно финансовые ресурсы государства, сосредоточенные в руках президента, послужили, как представляется, экономическим фундаментом для становления и консолидации персоналистских режимов в Латинской Америке в начале XXI в. Вместе с тем функция законодателей по контролю за исполнительной властью может нивелироваться наличием пропрезидентского большинства в парламенте, созданием правящих коалиций, коррупционной практикой скупки лояльности законодателей. Таким образом, установленный в конституциях принцип разделения властей нередко работает ограниченно, а исполнительная власть является доминантной по отношению к другим ветвям.

3 Пост вице-президента есть во всех странах с президентской формой правления, за исключением Мексики.

4 В Аргентине вице-президент возглавляет Сенат – верхнюю палату Национального конгресса.

Выборы президентов регулируются электоральными законами, имеющими национальную специфику, однако во всех странах с президентской формой правления президенты, вице-президенты и парламентарии избираются всеобщим, прямым и тайным голосованием. В одиннадцати странах возможно в случае необходимости проведение второго тура голосования. Срок президентских полномочий варьируется от четырех до шести лет. В десяти случаях полномочия главы государ-

ства ограничиваются четырьмя годами, в шести – пятью и в двух – шестью годами. В пяти странах президент избирается на один срок без права повторного переизбрания, а в двух – Венесуэле и Никарагуа – сняты любые ограничения на переизбрание. В семи государствах предусмотрена возможность переизбрания президента на следующий срок, в трех возможно переизбрание через один срок, и в одном – Панаме – можно вновь избраться, пропустив два мандата (см. табл. 1).

Таблица 1. Страны Латинской Америки с президентской формой правления⁵

№	Страна (официальное название)	Срок одной президентской каденции	Наличие второго тура выборов	Право на переизбрание
Унитарное государство				
1	Многонациональное государство Боливия	5	да	Однократное переизбрание
2	Республика Гватемала	4	да	Без права переизбрания
3	Республика Гондурас	4	нет	Однократное переизбрание
4	Доминиканская Республика	4	да	Однократное переизбрание
5	Республика Колумбия	4	да	Однократное переизбрание
6	Республика Коста-Рика	4	да	Без права переизбрания
7	Республика Никарагуа	5	нет	Без ограничений на переизбрание
8	Республика Панама	4	нет	Переизбрание через два срока
9	Республика Сальвадор	5	да	Без права переизбрания
10	Восточная Республика Уругвай	5	да	Переизбрание через один срок
11	Республика Чили	4	да	Переизбрание через один срок
12	Республика Эквадор	4	да	Однократное переизбрание
Децентрализованное унитарное государство				
13	Республика Парагвай	5	нет	Без права переизбрания
14	Республика Перу	5	нет	Переизбрание через один срок
Федеративное государство				
15	Аргентинская Республика	4	да	Однократное переизбрание
16	Федеративная Республика Бразилия	4	да	Однократное переизбрание
17	Боливарианская Республика Венесуэла	6	нет	Без ограничений на переизбрание
18	Мексиканские Соединенные Штаты	6	нет	Без права переизбрания

⁵ Составлена автором по: [Ивановский 2014].

Контент нового лидерства начала XXI в.

Неустойчивость демократических систем и череда экономических кризисов в конце XX – начале XXI вв. в крупнейших государствах региона – Мексике, Бразилии, Аргентине – привели к разбалансировке функционирования властных структур, в том числе института президентства. Результаты правления гражданских президентов, политических партий, приведших их к власти в 1980–1990-е гг. на волне демократизации, не дали ожидаемых населением социально-экономических результатов и вызвали резкое недовольство политическим классом в целом. Наиболее ярко кризис управляемости проявился в Аргентине, где в период с 2001 по 2003 г. сменилось несколько президентов, а массовые уличные протесты проходили под лозунгом «Пусть убираются все» [Яковлева 2014, с. 63–64]. Неспособность местных элит справиться с нараставшими проблемами обнажила хрупкость молодой латиноамериканской демократии и вызвала к жизни спрос на новое лидерство.

В начале XXI в. в Латинской Америке сложилась благоприятная конъюнктура для укрепления института президентства. Этому способствовали по меньшей мере три фундаментальных фактора. Первый носил системообразующий характер и отражал совокупность исторических, культурных и политических традиций, цивилизационных проблем развития, особенностей конституционального процесса и развития демократии [Давыдов 2006; Чумакова 2009]. В контексте данного исследования можно вспомнить о феномене каудильизма (от испанского слова *caudillo* – лидер), прочно укоренившегося во многих латиноамериканских странах. «Традиционно латиноамериканские народы возлагали все свои надежды на каудильо-

спасителей, а не на демократические институты», – объяснял психологию жителей региона и поддержку ими современных лидеров и их политики известный испанский ученый Карлос Маламуд [Malamud 2010].

Второй фактор – экономический. Национальные варианты неолиберальных реформ, проведенные в странах региона в 1990-е гг., несмотря на противоречивость и незавершенность, на ряде направлений приносили определенные плоды. В 2003 г. началось «золотое десятилетие» для реализации товаров латиноамериканского экспорта в связи с ростом мировых цен на commodities – традиционные сырьевые и продовольственные товары. Бюджеты латиноамериканских стран ощутимо пополнялись за счет вывоза нефти, железной руды, меди, сои, продуктов питания и т.д., главным образом благодаря крупным закупкам Китая. В тот период многим казалось, что Латинская Америка сумеет наконец преодолеть свою извечную периферийность, воспользовавшись попутным ветром мировой экономики, и на волне экономического подъема укрепит институты демократии.

Третий фактор лежал в социальной сфере. Преобразования предыдущего десятилетия имели обратную сторону и сопровождались негативными эффектами: массовой безработицей, сокращением социальной поддержки малоимущих со стороны государства, росту имущественного расслоения, обеднению и даже обнищанию широких масс и фактическому исключению их из системы распределения национального богатства. Исправить создавшееся положение общество могло лишь путем обновления элит, делегирования политиков нового типа в органы исполнительной и законодательной власти. Электоральные предпочтения большинства латиноамериканцев привели к власти плеяду неординарных ли-

деров – яркие, харизматичные и порой эксцентричные фигуры, мало похожие на традиционных политиков «в галстуках».

Новое лидерство, зачастую не связанное с традиционным политическим истеблишментом, зародилось в Боливарианской республике Венесуэла, где в 1999 г. к власти пришел кадровый офицер Уго Чавес⁶. В 2000 г. в Мексике президентом был избран Висенте Фокс Кесада, «популист, прагматик, шоумен»⁷, в Бразилии год спустя одержал победу профсоюзный деятель Луис Инасиу Лула да Силва, в Аргентине победил мало известный за пределами своей провинции губернатор Нестор Киршнер. В 2004 г. президентом Панамы стал сын легендарного генерала Омара Торрихоса Мартин, а в Уругвае – сын профсоюзного активиста, врач-онколог Табаре Васкес (2005 г.). В 2007 г. список дополнили экономист радикальных взглядов с дипломом американского университета Рафаэль Корреа (Эквадор), революционер-сандинист, борец с диктатурой А. Сомосы Даниэль Ортега (Никарагуа), в 2011 г. – отставной полковник Ольянта Умала (Перу). Своеобразным индикатором изменений в восприятии электоратом института президентства стал приход на пост президента женщин – Мишель Бачелет в Чили (2006), Кристины Фернандес де Кишнер в Аргентине (2007), Лауры Чинчилы в Коста-Рике (2010), Дилмы Руссефф в Бразилии (2011). Еще в 2001 г. в Латинской Америке впервые стал президентом индеец Александр Толедо (Перу), в 2005 г. тренд на победу представителя автохтонного населения поддержал Эво Моралес (Боливия). Другими словами,

неопопулистская волна вынесла на самый верх государственной власти деятелей, которым раньше не приходилось на это рассчитывать (например, Лула да Силва был избран президентом с четвертой попытки).

В большинстве своем новые лидеры принадлежали на деле или из тактических соображений примыкали к национальным разновидностям социалистических, революционных партий и выступали за социальное равенство, справедливое распределение доходов, помощь бедным. Другие ставили во главе политического дискурса правозащитную повестку, обещали неотвратимость наказания военных преступников (Аргентина). Их программы, хотя и не отличались оригинальностью, оказались созвучными настроениям не оправившегося от психологических шоков предыдущих десятилетий населения, что вселило в него энтузиазм и надежду на лучшее. Действительно, благодаря достигнутому в первом десятилетии XXI в. экономическому росту и принятым властями многих латиноамериканских государств социальным программам заметно улучшились условия жизни миллионов латиноамериканцев, сократилось число бедных, стали более доступными образование, включая высшее, и здравоохранение. По данным Экономической комиссии ООН для Латинской Америки и Карибского бассейна (ЭКЛАК), в среднем по региону экономический рост между 2003 и 2008 гг. составлял 5,2%, а душевой ВВП ежегодно возрастал на 3,2%. На возросшие доходы от экспорта правительствам удалось вытащить из состояния бедности порядка

6 У. Чавес реализовывал проект строительства «социализма XXI в.», принявший со временем региональный размах. Впоследствии к нему присоединились Эквадор, Боливия, Никарагуа, Куба, объединившиеся в 2004 г. в Боливарианский альянс для народов нашей Америки (ALBA).

7 Хачатуров К. (2004) Висенте Фокс – популист, прагматик, шоумен // Независимая газета. 17 мая 2004 // http://www.ng.ru/courier/2004-05-17/15_mexica.html, дата обращения 21.04.2018.

56 млн чел.: количество бедных уменьшалось в среднем на 3,5% в год, находящихся за чертой бедности – на 2,9% [CEPAL 2017, р. 309; CEPAL 2009–2010, р. 88]⁸. Все эти люди вливались в ряды среднего класса, определяемого специалистами как группа населения с доходами от 10 до 50 долл. в день на человека [Birdsall 2012, р. 1]. Если в 2003 г. численность среднего класса составляла 103 млн чел., то к 2009 г. возросла до 152 млн [Ferreira, Messina, Rigolini, López-Calva, Lugo, Vakis 2013, р. 1]. Но положение этого класса оставалось уязвимым, а при изменении торгово-экономической конъюнктуры сохранялся риск возвращения «новых средних» на исходные социальные позиции.

Улучшение материального положения широких масс объясняло высокие рейтинги и беспрецедентную популярность новых руководителей, одобрение деятельности некоторых из них достигало 70–80% [Informe 2008, р. 111]. Постепенно исполнительная власть ряда стран приобрела ярко выраженные персоналистские черты и подмывала под себя другие ветви власти. Основными характеристиками таких режимов считают перманентные нарушения конституции, контроль президента над политической сферой, подтасовки результатов выборов, преследование, ликвидацию, подчинение или намеренную фрагментацию оппозиции путем ее раскола, уничтожение признаков и атрибутов правового государства⁹. Важнейшая роль в этих странах отводилась и отводилась средствам массовой информации, приобретающим функции пропагандистского рупора президентской власти. Создавшиеся условия благоприятствовали возникновению различных проектов, направленных

на удержание властных полномочий. С этой целью в ряде стран (Венесуэле, Боливии, Эквадоре, Никарагуа) проведены референдумы и конституционные реформы. В Аргентине успешно реализовали проект семейной альтернации на президентском посту, в Бразилии и Коста-Рике опробовали вариант преемничества, подобные попытки предпринимались и в других странах [Яковлева 2012]. Некоторые эпизоды заканчивались провалом (Мануэль Селайя в Гондурасе, Фернандо Луго в Парагвае) и приводили к всплеску политической нестабильности.

Отличительной чертой периода «сильных президентств» стало свертывание или фактический отход от активной деятельности оппозиционных партий, носивший иногда принудительный характер, особенно в странах Боливарианского альянса. Оппозиция оказалась в тени доминирующей в политическом пространстве исполнительной власти, располагавшей проправительственным большинством в законодательных и судебных инстанциях. Когда определенная политическая сила побеждала и на президентских, и на парламентских выборах, избранный глава государства заручался содействием законодателей. Безоговорочной поддержкой парламента пользовались У. Чавес в Венесуэле, Р. Корреа в Эквадоре, Д. Ортега в Никарагуа. Опора президента на парламент обеспечивала стабильность режима. В других странах региона – Бразилии, Чили и Колумбии – оппозиция сосуществовала с властью в рамках коалиционных президентств. Например, коалиция президентского правления в парламенте Бразилии служила сохранению целостности политической системы, а ее развал привел к острому институционально-

8 Речь идет о странах с президентской формой правления.

9 Sánchez Berzain C. (2016) Hay cinco dictaduras en America Latina // ABC. Asunción, August 15, 2016.

му кризису, отстранению действующего президента и приходу оппозиции к власти в 2016 г. Распад парламентских коалиций в Бразилии и Чили свидетельствовал об изменении политического климата первого десятилетия XXI в. и о наступлении периода институциональной раздробленности, сопровождающегося потерей пропрезидентского большинства в парламентах¹⁰. Такая ситуация сложилась в Гватемале, Коста-Рике, Аргентине, Сальвадоре. В Гватемале число сторонников президента Дж. Моралеса не превышает 7% депутатов.

Президентские выборы на фоне социально-экономических проблем

К середине 2010-х гг. мировая торгово-экономическая конъюнктура претерпела значительные изменения, что привело к резкому сокращению экспортных доходов стран региона, в целом осложнило их финансовое положение [Яковлев 2015]. Персоналистские режимы теряли общественную поддержку, пришло время миллионных массовых выступлений и маршей протеста, которые стали индикаторами меняющейся ситуации. Если электоральный цикл 2013–2014 гг. еще сохранил рычаги управления за действующими главами государств или кандидатами от правящих партий и на свои посты были переизбраны президенты Бразилии, Колумбии, Боливии и Уругвая, то уже в 2015 г. возникли крупные коррупционные скандалы, в которые оказались вовлечены высокопоставленные чиновники и тесно связанные с ними представители бизнеса [Ивановский 2015]. Имидж популистских лидеров подвергся коррозии, а одобрение их де-

ятельности резко снизилось – в отдельные периоды до 8–10%. В результате произошла смена настроений электората, который перестал поддерживать проведение референдумов по изменению конституций, альтернативу супругов у руля государства и другие эксперименты лидеров, пытавшихся продлить свое пребывание у власти. Все чаще латиноамериканский избиратель выступал за альтернативные власти политические проекты. Немалую роль в разоблачении коррупционной деятельности играли оппозиционные СМИ, а мобилизация масс, как правило, осуществлялась посредством социальных сетей, пользующихся в Латинской Америке повышенной популярностью.

Безусловно, основной причиной разочарования масс политикой властей явилось нарастание социально-экономических проблем. В 2015 г. продолжилось торможение экономического развития латиноамериканских стран, начавшееся в 2014 г. Макроэкономические показатели региона оказались самыми низкими в мире. Резко затормозился прирост регионального ВВП (1,2% в 2014 г., 0,1% в 2015 г.) [IMF 2017, р. 246], сократились инвестиции в основной капитал, упал экспорт, а внешний долг и дефицит государственного бюджета выросли. Высокая инфляция, волатильность курсов местных валют, уменьшение золотовалютных резервов дополнили безрадостный пейзаж [Яковлев 2017, с. 63]. Прямым следствием экономического кризиса и грубых хозяйственных просчетов властей стало ухудшение положения населения: увеличилось число бедных и беднейших граждан, возросли безработица, преступность и наркоторговля, сократилось число социальных программ. По уровню социального неравенства,

10 Núñez Castellano R.(2016) América Latina: una época de Presidentes sin mayoría en el legislativo // Infolatam, January 15, 2016.

бедности и преступности регион уступал лишь Африке, а в первой десятке стран с наивысшим числом убийств на сто тысяч жителей находились четыре латиноамериканских государства – Гватемала, Гондурас и Сальвадор в Центральной Америке и Венесуэла в Южной, причем последняя оказалась на первом месте в мире (90 убийств)¹¹. Перечисленные изменения отразились на результатах выборов разных уровней, в частности способствовали успеху оппозиции на парламентских выборах в Венесуэле в 2015 г. Все более отчетливо проявлялось стремление гражданского общества к голосованию за независимых кандидатов на фоне низкой эффективности власти и многочисленных коррупционных дел, в которых были замешаны функционеры самого высокого ранга. Ответом на антиэлитные запросы электората явилось выдвижение в качестве кандидатов на государственные посты «антиполитиков» или политических аутсайдеров. Ярким примером стала победа на президентских выборах в Гватемале оппозиционного кандидата, артиста-комика Джимми Моралеса. На других состоявшихся в 2015 г. выборах – в Аргентине – потерпел поражение представитель правящей партии, и на президентский пост также был избран кандидат от оппозиции, предприниматель и мэр Буэнос-Айреса Маурисио Макри [Яковлева 2016].

2016 г. оказался одним из наихудших в XXI в. по динамике ВВП региона (–0,9%) [IMF 2017, р. 247]. Ухудшение

положения дел в экономике привело к власти в Перу политика Педро Пабло Кучински, который стал вторым после М. Макри латиноамериканским президентом из бизнес-среды. Пошатнулись позиции «народных» лидеров популистского толка. При попытке продлить собственное пребывание на посту потерпел неудачу президент Боливии Э. Моралес¹². В Бразилии импичменту, организованному оппозицией, подверглась президент Д. Руссефф, и власть перешла к вице-президенту, представлявшему оппозицию, Мишелу Темеру. Однако с победой Д. Трампа на президентских выборах в США ситуация стала вновь меняться в пользу популистов. В Никарагуа в третий раз был избран президентом Д. Ортега, предусмотрительно заручившийся еще в 2011 г. правом избираться главой государства без ограничения количества мандатов¹³. Также сохранил свой пост Данило Медина в Доминиканской Республике (см. табл. 2).

Несмотря на некоторые позитивные сигналы, появившиеся в 2017 г. в латиноамериканской экономике, которая вышла из минуса и продемонстрировала небольшой рост после двух лет рецессии, в политическом и социальном плане год был не слишком благополучным. Частично были утрачены социальные завоевания «золотого десятилетия» (2003–2013), продолжалась пауперизация населения, росло материальное неравенство, сокращался рынок труда. 2017 г. стал третьим годом роста безработицы, которая увеличилась на

11 Observatorio venezolano de violencia (2016) // Informes, February 18, 2016 // <https://observatoriodeviolencia.org.ve/2015-tasa-de-homicidios-illego-a-90-por-cada-100-mil-habitantes/>, дата обращения 10.04.2018.

12 Э. Моралес вступил в должность 22 января 2006 г. В 2009 г. после конституционной реформы, разрешившей президенту занимать пост два срока подряд, были проведены досрочные выборы, а отсчет президентских сроков начат заново. В 2014 г. Моралес получил на выборах формально второй, на деле третий мандат. В 2015 г. законодатели разрешили ему баллотироваться вновь при условии одобрения закона на референдуме. 21 февраля 2016 г. более 60% боливийцев высказались против отмены ограничения на количество президентских мандатов.

13 В октябре 2009 г. Верховный суд Никарагуа отменил положения конституции страны, запрещающие баллотироваться на второй президентский срок подряд, а также выставлять кандидатуру на третий срок.

0,5% по сравнению с 2016 г. – до 8,4% (26,4 млн чел.) [Panorama Laboral 2017, р. 32]. Поднялась волна протестов недовольного своим ухудшающимся положением среднего класса, разгорались все новые коррупционные скандалы, власти разных стран обвинялись в подтасовке результатов выборов. Как следствие, упал уровень поддержки демократии (с 69,8% в 2008 г. до 57,8% в 2017) [The Political Culture 2017, р. 6]. По индексу демократии The Economist Intelligence Unit в 2017 г. только одна страна региона квалифицировалась как полноценная демократия – это Уругвай. Две страны характеризовались как авторитарные – Куба и Венесуэла. В гибридные или переходные режимы попали Гватемала, Гондурас, Боливия, Никарагуа и Гаити. Остальные были отнесены к группе стран с несовершенными демократиями¹⁴.

В 2017 г. проведено одиннадцать избирательных кампаний в семи странах, из них три президентские (см. табл. 3).

На состоявшихся в Эквадоре и Гондурасе президентских выборах оппозиции не удалось победить политическую силу, находившуюся у власти в предыдущий период, хотя в Гондурасе впервые был сформирован крупный оппозиционный предвыборный альянс. Несмотря на строгие ограничения и даже наказание за нарушение конституции сумел найти возможность баллотироваться на второй срок президент Х.О. Эрнандес. В Чили произошла неизбежная смена лидера ввиду правила одного мандата, и к власти пришла оппозиция в лице экс-президента Себастьяна Пиньеры. В Эквадоре и Чили понадобился второй тур, отрыв победителей был не слишком убедительным, а проигравшие утверждали, что власти прибегли к фальсификациям.

События 2017 г. показали, что хотя идея удержания государственных постов прочно укоренилась в сознании латиноамериканских элит, попытки незаконного переизбрания на президент-

Таблица 2. Итоги президентских выборов 2015–2016 гг.

Страна	Дата проведения	Избранный президент	Срок мандата
2015			
Гватемала	1 тур – 6.06; 2 тур – 25.10	Джимми Моралес	2016–2020
Аргентина	1 тур – 25.10; 2 тур – 22.11	Маурисио Макри	2015–2019
2016			
Перу	1 тур – 10.04; 2 тур – 5.06	Педро Пабло Кучински	2016 – 21.03.2018
Доминиканская Республика	15.05	Данило Медина Санчес	2016–2020
Никарагуа	6.11	Даниэль Ортега Сааведра	2017–2022

Источники: составлено автором по сайтам центральных избирательных комиссий – Tribunal Supremo Electoral de Guatemala, Dirección Nacional Electoral de Argentina, Oficina Nacional de Procesos Electorales de Perú, Junta Central Electoral de la República Dominicana, Consejo Supremo Electoral de Nicaragua.

¹⁴ Надо признать, что эта классификация ухудшила позиции некоторых государств региона в сравнении с началом десятилетия – Коста-Рика лишилась статуса полноценной демократии, а Венесуэла из гибридных режимов перешла в авторитарные.

ский пост стали приводить к конфликтам, в которых активную роль играли политическая оппозиция и гражданское общество. На фоне массовых протестов отказался от претензий на четвертый президентский мандат Р. Корреа, поддержав кандидатуру соратника из правящего альянса Ленина Морено. Тем не менее позиции отдельных лидеров еще достаточно прочны, чтобы находить лазейки для сохранения власти.

Результаты последних выборов в парламенты стран региона отразили сдвиги, произошедшие в социуме как раз в период правления персоналистских режимов. Речь идет об изменениях в социальном положении бедных слоев населения, перешедших в предыдущем десятилетии в категорию среднего класса и требующих своего представительства в законодательных органах власти. Последствия этого процесса еще не вполне осознаны, но парадоксальным образом именно средний класс, поднявшийся в годы нового лидерства, может стать «могильщиком» гиперпрезидентских режимов, социальную базу которых составляют бедные и социально исключенные граждане. Кроме того, на политическую сцену выходит молодое поколение избирателей с разнообразным спектром политических предпочтений, находящихся за пределами влияния традиционных партий. Такой плюрализм предполагает существенную раздробленность голосов и в результате ведет к большей

фрагментарности составов парламентов. Президент, не имеющий поддержки парламентского большинства, находится под прицелом критики оппозиционных партий и их представителей в конгрессе. Следствием деятельности парламентской оппозиции могут стать прецеденты импичментов, торможение реформ, требующих одобрения законодателей, нестабильность деятельности управленческих структур в целом. С другой стороны, беспрекословная поддержка любых начинаний исполнительной власти парламентом в стратегическом плане чревата самыми негативными последствиями. Поэтому строгое соблюдение руководителем государства конституционных, правовых, моральных норм, склонность к поиску компромиссов и стремление к достижению политического консенсуса с представителями оппозиции способны снять возможные конфликты, в том числе между ветвями власти.

Кроме политических партий и объединений, непосредственно задействованных в электоральных процессах, в оппозиции к государственной власти могут находиться различные субъекты общества, чьи интересы не учтены в политической практике или ущемлены: правозащитные организации, религиозные объединения, СМИ, военные структуры, судебная власть, небольшие профсоюзы и профсоюзные синдикаты, союзы предпринимателей, гражданские объединения (пикетчики, сообщества

Таблица 3. Итоги президентских выборов 2017 г.

Страна	Дата проведения	Избранный президент	Срок полномочий
Эквадор	1 тур – 19.02; 2 тур – 2.04	Ленин Морено Гарсес	2017–2021
Чили	1 тур – 19.11; 2 тур – 17.12	Себастьян Пиньера Эченике	2018–2022
Гондурас	26.11	Хуан Орландо Эрнандес	2018–2022

Источники: составлено автором по сайтам центральных избирательных комиссий – Consejo Nacional Electoral de Ecuador, Junta Electoral de Chile, Junta Central Electoral de Honduras.

соседей, маргинальные движения, в том числе идеологические). Каждый из указанных субъектов преследует свои цели и находит возможность оказать давление на исполнительную власть даже в условиях персоналистских режимов. Оппозиционный активизм возрастает в периоды экономических кризисов, специфической формой протеста в Латинской Америке являются «кастрольные марши».

Современные политические события указывают на то, что регион в целом находится в русле общемирового тренда к замедлению демократических процессов (так называемой «демократической рецессии»), усилившегося в результате глобального финансового и экономического кризиса. Это подтверждается опросами населения, выражающего разочарование в итогах демократических преобразований и отказывающегося в доверии представительным органам власти, разросшейся бюрократии. Около 40% избирателей региона готовы поддержать государственный переворот, если пришедший к власти авторитарный правитель пообещает ликвидировать коррупцию, остановить разгул преступности и обеспечить достаточные юридические гарантии для ведения бизнеса [The Political Culture 2017, p. 146].

Закат латиноамериканского президенциализма?

Анализ деятельности президентских режимов стран Латинской Америки приводит к выводу, что институт президентства (как и другие институты) нуждается в существенном реформировании и модернизации. Такую необходимость наглядно иллюстрируют случаи преждевременного завершения президентских мандатов (см. табл. 4).

С 2000 г. тринадцать президентов не завершили свои каденции – двое доб-

ровольно (Р. Корреа и Э. Моралес), из-за проведенных по их же инициативе конституционных реформ, остальные были вынуждены уйти в отставку по решению законодательной или судебной власти, в результате государственного переворота или даже намеренно организованного переворота (самопереворота). Только три страны – Уругвай, Чили и Колумбия – избежали подобных ситуаций. Главными причинами нестабильности института президентства являются экономические кризисы, социальные протесты, гибель людей, коррупционные скандалы, отсутствие необходимой поддержки в парламенте. Большую роль в отстранении действующих президентов от должности играет парламентская оппозиция, которой неоднократно удавалось довести дело до процедуры импичмента. Так, импичмент президента Бразилии Д. Руссефф состоялся с подачи Партии бразильской социал-демократии [Окунева 2016], импичмент президента Перу П.П. Кучинского инициировался оппозиционной партией «Народная сила». Процедура импичмента позволяет оппозиции отстранить от должности президента, нарушившего закон или потерявшего способность к управлению.

Среди негативных последствий этого юридического феномена можно назвать раскол общества и дестабилизацию внутриполитической ситуации. Оппозицию могут подозревать в намерении закамуфлировать под процедуру импичмента государственный переворот, особенно если в ходе процесса отстранения главы государства нарушаются конституционные нормы. Так интерпретировалась ситуация в Гондурасе в 2009 г., Парагвае в 2012 г. [Ивановский (2) 2017, с. 90, 98]. Но проводить аналогии между государственными переворотами прошлых лет и современными импичментами не вполне корректно, счи-

тает профессор Питтсбургского университета А. Перес Линьян, так как за ними следуют выборы нового главы государства [Pérez Liñán 2009, p. 76]. Вместе с тем отдельные импичменты рискуют привести к своеобразному «эффекту домино» и усилить политическую нестабильность во всем регионе.

С 1990-х гг. восемь президентов стран Латинской Америки подвергались процедуре импичмента и отстранению от должности, П.П. Кучински смог избежать процедуры, уйдя в отставку за неделю до решения вопро-

са об импичменте в парламенте (см. табл. 5).

Процедура импичмента заимствована латиноамериканцами из конституции США и действует в странах с двухпалатным парламентом: в Боливии, Бразилии, Колумбии, Мексике, Перу, Уругвае, Эквадоре. В Коста-Рике, Гватемале и Сальвадоре виновность главы государства определяет однопалатный парламент на предмет обоснованности обвинений и затем передает дело на рассмотрение Верховного суда. Все чаще причиной отставок и им-

Таблица 4. Избранные президенты стран Латинской Америки, не завершившие мандат*

№	Дата отставки	Страна	Президент	Срок мандата
1	1989	Аргентина	Рауль Альфонсин	1983–1989
2	1991	Гаити	Жан-Бертран Аристид	1991
3	1992	Бразилия	Фернанду Колор ди Мелу	1990–1992
4	1993	Гватемала	Хорхе Серрано Элиас	1991–1993
5	1993	Венесуэла	Карлос Андрес Перес	1989–1993
6	1996	Доминиканская Республика	Хоакин Балагер	1994–1996
7	1997	Эквадор	Абдала Букарам	1996–1997
8	1999	Парагвай	Рауль Кубас Грау	1998–1999
9	2000	Эквадор	Хамиль Мауад	1998–2000
10	2000	Перу	Альберто Фухимори	2000–2000
11	2001	Аргентина	Фернандо де ла Руа	1998–2001
12	2003	Боливия	Гонсало Санчес де Лосада	2002–2003
13	2004	Гаити	Жан-Бертран Аристид	2001–2004
14	2005	Эквадор	Лусио Гутьеррес Борбуа	2003–2005
15	2009	Гондурас	Мануэль Селайя	2006–2009
16	2009	Эквадор	Рафаэль Корреа	2007–2009
17	2009	Боливия	Эво Моралес Айма	2006–2009
18	2012	Парагвай	Фернандо Луго	2008–2012
19	2015	Гватемала	Отто Перес Молина	2012–2015
20	2016	Бразилия	Дилма Руссефф	2015–2016
21	2018	Перу	Педро Пабло Кучински	2016–2018 ¹⁶

* В таблице приведены все случаи досрочного завершения мандата, включая добровольное сложение полномочий.

Источники: [Informe-2008; p. 8; Sánchez 2017].

16 [PPK y otros 5 presidentes de América Latina 2018].

пичментов президентов становится их финансовая деятельность, осуществляющаяся с превышением или в нарушение полномочий, а также манипуляции с конституцией. Однако в большинстве случаев главы государств рисковали должностью из-за коррупционных со-
блазнов.

Нельзя не согласиться с мнением, что коррупция в Латинской Америке имеет системный и всеобъемлющий характер [Ивановский (1) 2017, с. 12] и охватывает все в больших масштабах верхние эшелоны власти. Только казус Одебрехта¹⁷ затронул десяток правительств стран региона с разными политическими и юридическими последствиями. В результате совокупных расследований по коррупционным делам высшего руководства были обвинены и вынуждены покинуть свой пост президенты Перу П.П. Кучинский и О. Перес Молина (Гватема-

ла), вице-президенты Эквадора Х. Глас и Уругвая Р. Сендик. Коррупционные скандалы заделали действующих президентов Р. Мартинелли (Панама), М. Фунеса (Сальвадор), М. Темера (Бразилия), Х.М. Сантоса (Колумбия), Л. Гильермо Солиса (Коста-Рика), Н. Мадуро (Венесуэла) и их окружение. Иногда популярные президенты теряют лицо из-за действий своих родственников или ближайшего окружения (Э. Пенья Ньето, М. Бачелет или Р. Мартинелли). Обвинены или подозреваются в коррупции и других нарушениях, в том числе в незаконном обогащении и отмывании денег, получении средств на проведение избирательных кампаний экс-президенты ряда стран: Р. Корреа (Эквадор), К. Фернандес де Киршнер (Аргентина), Д. Руссефф (Бразилия), Ф. Флорес и А. Элиас Сака (Сальвадор), А. Урибе (Колумбия). Экс-президенты А. Фухимори (Перу), Л. Инасиу Лула да

Таблица 5. Президенты стран Латинской Америки, подвергшиеся процедуре импичмента

Страна	Президент	Дата
Бразилия	Фернанду Колор ди Мелу	1992
Венесуэла	Карлос Андрес Перес	1993
Эквадор	Абдала Букарам	1997
Парагвай	Рауль Кубас Грау	1999
Эквадор	Лусио Гутьеррес	2005
Парагвай	Фернадо Луго	2012
Гватемала	Отто Перес Молина	2015
Бразилия	Дилма Руссефф	2016
Добровольная отставка, связанная с угрозой импичмента		
Перу	Педро Пабло Кучински	2018

Источники: [Informe-2008; p. 8; Sánchez 2017; PPK y otros 5 presidentes de América Latina 2018].

17 Глава бразильской строительной компании Одебрехт Марселу Одебрехт разработал разветвленную коррупционную систему подкупа должностных лиц в верхних эшелонах власти Бразилии и других стран в обмен на помощь в получении выгодных подрядов. Миллионные переводы осуществлялись через офшорные зоны на Виргинских и Каймановых островах в Венесуэлу, Доминиканскую республику, Аргентину, Эквадор, Перу, Гватемалу, Колумбию, Мексику. В 2016 г. М. Одебрехт был приговорен к 19 годам заключения.

Силва (Бразилия) подверглись тюремному заключению, а приговоренный к нему перуанец А. Толедо скрывается от правосудия. Экс-президент Перу О. Умала был освобожден из-под стражи решением Верховного суда.

Более половины избирателей в странах Латинской Америки убеждены, что все политики вовлечены в коррупционные схемы или замечены хотя бы в отдельных эпизодах взяточничества. Предвыборная гонка, начавшаяся задолго до выборов в ключевых странах, показывает, что оппозиция учитывает растущее неприятие социумом эндемической коррупции и просчитывает сценарии. В течение 2018 г. должны смениться главы государств, которые не имеют права баллотироваться на пост президента (в Коста-Рике, Чили, Парагвае, Колумбии, Мексике), что приведет к смене лидерства и обновлению властных элит. Значимые перемены могут произойти в Бразилии, нуждающейся в политической перезагрузке. Нынешний президент М. Темер имеет право на переизбрание, но шансы его невелики.

Резюмируя, можно сказать, что Латинская Америка в очередной раз стоит на пороге системного кризиса управляемости и политической нестабильности из-за низкого качества региональных элит и сомнительной репутации института президентства. Это открывает дополнительные возможности для представителей политической альтернативы и внесистемных акторов в трансцендентном электоральном цикле 2018–2019 гг., предсказать результаты которого не представляется возможным. Как справедливо заметил один из маститых латиноамериканских экспертов Даниэль Соватто, «мы живем в эпоху, когда невозможное превращается в маловероят-

ное, а маловероятное – в возможное. Такова реальность»¹⁸.

Список литературы

Давыдов В.М. (2006) Цивилиография и цивилизационная идентификация Латино-Карибской Америки. М.: ИЛА РАН.

Ивановский З.В. (2014) Латинская Америка: электоральное законодательство и властные структуры (справочник). М.: ИЛА РАН.

Ивановский З.В. (ред.) (2015) Латинская Америка: избирательные процессы и политическая панорама. М.: ИЛА РАН.

Ивановский З.В. (1) (2017) Коррупция как системный фактор // Латинская Америка. № 2. С. 12–35.

Ивановский З.В. (ред.) (2) (2017) Политические конфликты в Латинской Америке: вызовы стабильности и новые возможности. М.: ИЛА РАН.

Окунева Л.С. (2016) Импичмент президента Бразилии: размышления и выводы // Латинская Америка. № 10. С. 5–22.

Чумакова М.Л. (ред.) (2009) Латинская Америка: испытания демократии. Векторы политической модернизации. Часть II. М.: ИЛА РАН.

Энциклопедия Латинская Америка (2013). М.: Экономика.

Яковлев П.П. (2015) Латинская Америка на переломе трендов. Опыт осмысления новых явлений // Латинская Америка. № 7. С. 4–18.

Яковлев П.П. (2017) «Эффект Трампа» или конец глобализации? М.: Русайнс.

Яковлева Н.М. (2012) Женщины – президенты американских стран // Латинская Америка. № 2. С. 4–18.

18 Zovatto D. (2018) La democracia en America se deterioró // La Nación, April 1, 2018 // <https://www.lanacion.com.ar/2121227-daniel-zovattola-democracia-en-america-se-deterioro>, дата обращения 10.04.2018.

Яковлева Н.М.(2014) Аргентинская модель посткризисного развития // *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 58. № 2. С. 67–76.

Яковлева Н.М. (2016) Аргентина: переход к «старой норме». Итоги президентских выборов 2015 г. // *Латинская Америка*. № 2. С. 35–49.

Birdsall N. (2012) A Note on the Middle Class in Latin America. Working Paper No. 303. August 2012, Washington: Center for Global Development.

CEPAL (2009–2010). Estudio Económico de America Latina y el Caribe, Santiago de Chile: Naciones Unidas.

CEPAL (2017). Panorama Social de America Latina, Santiago de Chile: Naciones Unidas.

Ferreira F.H.G., Messina J., Rigolini J., López-Calva L.-F., Lugo M.A., Vakis R. (2013) *La Movilidad Económica y el Crecimiento de la Clase Media en América Latina*, Washington: Banco Mundial.

IMF (2017). *World Economic Outlook*. October 2017. Seeking Sustainable Growth Short-Term Recovery, Long-Term Challenges, Washington, International Monetary Fund.

Informe-2008 (2008). Santiago de Chile: Latinobarometro // http://www.latinobarometro.org/docs/INFORME_LATINOBAROMETRO_2008.pdf, дата обращения 21.04.2018.

Malamud C. (2010) *Populismos Latinoamericanos*. Los Tópicos de Ayer, de Hoy y de Siempre, Oviedo, España: Ediciones Nobel.

Panorama Laboral 2017. América Latina y el Caribe (2017), Ginebra: Organización Internacional del Trabajo // http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---americas/---ro-lima/documents/publication/wcms_613957.pdf, дата обращения 21.04.2018.

Pérez Liñán A. (2009) Juicio Político al Presidente y Nueva Inestabilidad Política en América Latina, Buenos Aires: Fondo de Cultura Económica.

PPK y Otros 5 Presidentes de América Latina que no Pudieron Terminar sus Mandatos por Acusaciones de Corrupción (2018) // BBC Mundo, March 23, 2018 // <http://www.bbc.com/mundo/noticias-internacional-43509229>, дата обращения 10.04.2018.

Sanchez Gayosso R.D., Escamilla Cadena A. (2017) La Interrupcion del Mandato Presidencial en America Latina (1992–2016) // *Polis*. México, vol. 13, no 1, pp. 47–84.

The Political Culture of Democracy in the Americas, 2016/2017. A Comparative Study of Democracy and Governance (2017). LAPOP, Nashville: Vanderbilt University.

Latin America: Presidential Power and the Opposition in the Twenty-first Century

Nailya M. YAKOVLEVA

PhD in History, Leading Researcher, Center for Political Studies, Institute of Latin America of Russian Academy of Sciences. Address: 21/16, B. Ordynka St., 110035, Russian Federation. E-mail: nel-yakovleva@yandex.ru

CITATION: Yakovleva N.M. (2018) Latin America: Presidential Power and the Opposition in the Twenty-first Century. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 11, no 3, pp. 166–184 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-3-166-184

ABSTRACT. *At the end of 2017 Latin America has entered the electoral super cycle, which runs until the end of 2019. In the region will take place the elections of all levels: presidential, legislative, local, as well as referendums. The countries covered by the electoral race, provide 80 per cent of regional GDP, ballot will involve about 2/3 of the voters in the region. Fourteen Heads of State will be elected in the countries with a presidential form of Government. Elections are held in an atmosphere of political instability, discredit of the power structures, the degradation of the ruling elites, fragmentation of party systems, volatility of the preferences of the electorate. In the region, there are strong antielite moods, a slowdown of democratic processes, and the low level of support for democracy. This article analyzes the reasons for this situation. Considerable attention is paid to the characterization of the political systems prevailing in the countries of the region and focuses on the evolution of the institute of Presidency in the 21st century, the causes of the emergence of a new leadership and the formation of regimes of personified authorities. The author is of the opinion that the imbalances of presidential systems laid down in the regulatory and legislative framework, contribute to the consolidation of different models of ideological personification colors and offer opportunities for concentrating power in the hands of the head of State. Hyper power of the Presi-*

dents and the weakening of the control functions of parliaments contributed to the flourishing of corruption that has taken epidemic proportions in recent years and among the highest echelons of almost all countries. Corruption scandals in turn cause presidential resignations and impeachments, lead to institutional instability. The fight against corruption becomes the main leitmotif of election campaigns. The article presents the results of the election campaigns of 2015–2017, traces the dependence of electoral preferences of the population of the region from the situation in the economy and the social conditions, and underlines the special role of the new middle class in the political life. It is argued that Latin America is on the threshold of the emblematic changes but to predict election results and the nature of future change is not possible.

KEY WORDS: *Latin America, political systems, a presidential form of Government, opposition, new leadership, the results of the elections, corruption, impeachments*

References

Birdsall N. (2012) *A Note on the Middle Class in Latin America*. Working Paper No. 303. August 2012, Washington: Center for Global Development.

CEPAL (2009-2010). *Estudio Económico de América Latina y el Caribe*, Santiago de Chile: Naciones Unidas.

CEPAL (2017). *Panorama Social de América Latina*, Santiago de Chile: Naciones Unidas.

Chumakova M.L. (ed.) (2009) *Latinskaya Amerika: ispytaniya demokratii. Vektory politicheskoy modernizatsii. Chast' II* [Latin America: the Challenges of Democracy. Vectors of Political Modernization. Volume II], Moscow: ILA RAS.

Davydov V.M. (2006) *Tsivilizatsionnaya identifikatsiya Latino-Karibskoy Ameriki* [Civiliography and Civilizational Identification of Latin-Caribbean America], Moscow: ILA RAS.

Entsiklopediya Latinskaya Amerika [Encyclopedia of Latin America] (2013), Moscow: Ekonomika.

IMF (2017). *World Economic Outlook. October 2017. Seeking Sustainable Growth Short-Term Recovery, Long-Term Challenges*, Washington, International Monetary Fund.

Informe-2008 (2008), Santiago de Chile: Latinobarómetro. Available at: http://www.latinobarometro.org/docs/INFORME_LATINOBAROMETRO_2008.pdf, accessed 21.04.2018.

Iwanowski Z.W. (2014) *Latinskaya Amerika: elektoral'noe zakonodatel'stvo i vlastnye struktury (spravochnik)* [Latin America: Electoral Legislation and Power Structures (Handbook)], Moscow: ILA RAS.

Iwanowski Z.W. (ed.) (2015) *Latinskaya Amerika: izbiratel'nye protsessy i politicheskaya panorama* [Latin America: Electoral Process and the Political Panorama], Moscow: ILA RAS.

Iwanowski Z.W. (1) (2017) *Korrupsiya kak sistemnyy faktor* [Corruption as a System Factor]. *Latinskaya Amerika*, no 2, pp. 12–35.

Iwanowski Z.W. (ed.) (2) (2017) *Politicheskie konflikty v Latinskoj Amerike: vyzovy stabil'nosti i novye vozmozhnos-*

ti [Political Conflicts in Latin America: Challenges for Stability and New Opportunities], Moscow: ILA RAS.

Ferreira F.H.G., Messina J., Rigolini J., López-Calva L.-F., Lugo M.A., Vakis R. (2013) *La Movilidad Económica y el Crecimiento de la Clase Media en América Latina*, Washington: Banco Mundial.

Malamud C. (2010) *Populismos Latinoamericanos. Los Tópicos de Ayer, de Hoy y de Siempre*, Oviedo, España: Ediciones Nobel.

Okuneva L.S. (2016) *Impichment prezidenta Brazili: razmyshleniya i vyvody* [Impeachment of the President of Brazil: Reflections and Conclusions]. *Latinskaya Amerika*, no 10, pp. 5–22.

Panorama Laboral 2017. América Latina y el Caribe (2017), Ginebra: Organización Internacional del Trabajo. Available at: http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---americas/---ro-lima/documents/publication/wcms_613957.pdf, accessed 21.04.2018.

Pérez Liñán A. (2009) *Juicio Político al Presidente y Nueva Inestabilidad Política en América Latina*, Buenos Aires: Fondo de Cultura Económica.

PPK y Otros 5 Presidentes de América Latina que no Pudieron Terminar sus Mandatos por Acusaciones de Corrupción (2018). *BBC Mundo*, March 23, 2018. Available at: <http://www.bbc.com/mundo/noticias-internacional-43509229>, accessed 10.04.2018.

Sanchez Gayosso R.D., Escamilla Caden A. (2017) *La Interrupcion del Mandato Presidencial en America Latina (1992–2016)*. *Polis. México*, vol. 13, no 1, pp. 47–84.

The Political Culture of Democracy in the Americas, 2016/2017. A Comparative Study of Democracy and Governance (2017). LAPOP, Nashville: Vanderbilt University.

Yakovlev P.P. (2015) *Latinskaya Amerika na perelome trendov. Opyt osmysleniya novykh yavlenij* [Latin America

at the Turn of Trends. Experience of Understanding New Phenomena]. *Latinskaya Amerika*, no 7, pp. 4–18.

Yakovlev P.P. (2017) «*Effekt Trampa*» ili konets globalizatsii? [“Tramp Effect” or the End of Globalization?], Moscow: Russains.

Yakovleva N.M. (2012) Zhenshchiny – prezidenty amerikanskikh stran [The Women Presidents of American Countries]. *Latinskaya Amerika*, no 2, pp. 4–18.

Yakovleva N.M. (2014) Argentinskaya model' postkrizisnogo razvitiya [Argentine Model of Post-crisis Development]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, vol. 58, no 2, pp. 67–76.

Yakovleva N.M. (2016) Argentina: perekhod k «staroj norme». Itogi prezidentskikh vyborov 2015 g. [Argentina: the Transition to the “Old Normal”. The Results of the Presidential Elections 2015]. *Latinskaya Amerika*, no 2, pp. 35–49.

Политические процессы в меняющемся мире

Эволюция партийных систем: новая точка бифуркации?

Эдуард Геннадьевич СОЛОВЬЕВ

кандидат политических наук, заведующий сектором теории политики, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук. Адрес: 117997, Москва, ул. Профсоюзная, д. 23. E-mail: solovyev@imemo.ru

ЦИТИРОВАНИЕ: Соловьев Э.Г. (2018) Эволюция партийных систем: новая точка бифуркации? // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 11. № 3. С. 185–198. DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-3-185-198

АННОТАЦИЯ. На фоне относительных успехов правых и левых популистов у представителей интеллектуальной элиты стран Запада возникло и стало частью политического дискурса убеждение – для того, чтобы реставрировать либеральный порядок и не допустить окончательной победы популистов, традиционным партиям понадобится не только ребрендинг. Они должны разработать политику, посредством которой глобализация сможет служить интересам среднего и рабочего класса. На самом деле проблема стоит еще шире, нежели противостояние правым и левым популистам. Трансформация партийных систем происходит на фоне эффектов глобализации, порождающих новые линии социального напряжения и разделения в обществе (в т.ч. по линии «глобализированные элиты» – «антиглобалистски настроенные массы»); в контексте дефицита демократии, когда существенная часть электората развитых западных стран четко осознает, что «может менять правительство, но не политику», и время от времени под влиянием ситуативных факторов участвует в «протестном голосовании», в поддержке альтернативных политическому истеблишменту поли-

тических сил; в условиях фрагментации политического поля из-за кризиса «больших идеологических нарративов» и прихода им на смену т.наз. «молекулярных идеологий» и партий «одного вопроса». Выход на политическую арену в ряде стран крайне правых и крайне левых сил скорее ситуативен, выступает как следствие текущих кризисных явлений – миграционного кризиса, терроризма, экономической рецессии. Подъем популистских партий самого разного (правого, левого, право-левого) толка имеет свои пределы. Но сам процесс адаптации партийных систем к новому типу острого конфликта между глобализированной постмодернистской элитой и остающимися по преимуществу гражданами национальных государств массами населения только начинает набирать обороты (причем и в развитых, и в развивающихся странах). Вопрос состоит в том, насколько готовы к нему партийные и политические системы разных стран и насколько вообще гибки и адаптивны современные политические элиты.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: партии, партийные системы, политические системы, демократия, популизм, политические элиты

Критика роли партий в современных политических процессах и их недостаточной функциональности для развития современной демократии в общем не нова. Еще в 1980–1990-е гг. известные западные политологи Питер Меир, Клаус фон Бойме и др. акцентировали внимание на том, что партии в организационном, институциональном плане не соответствуют тем требованиям, которые предъявляет к ним современное общество, и тем функциям, которые они должны выполнять в рамках современных демократических политических систем (см. [Mair 1990, pp. 3–20; Beyme 1996, pp. 135–159; Ignazi 1996, pp. 549–566] и др.). Уже тогда находились (и в немалом количестве) радикальные критики, в т.ч. в политологической среде, которые видели во «всеохватывающих» и «картельных» партиях скорее симптом «упадка либеральной демократии», перерождающейся в некое подобие олигархии политических профессионалов. Собственно, критика репрезентативной демократии акцентировала такие аспекты негативных перемен, как сужение круга лиц, способных оказать реальное воздействие на процесс принятия политических решений, манипулятивный эффект воздействия СМИ и даже (в максималистской трактовке) иллюзорный характер выборов (из фиксированного числа политических партий и ограниченного набора лидеров, конкурирующих между собой за возможность замещения правительственных постов) (см., например: [Leadbeater, Mulgan 1994, pp. 14–25]). Однако преобладающей в политологическом сообществе на протяжении последних десятилетий оставалась точка зрения, согласно которой в рамках институционального дизайна современной демократии политические партии продолжали выполнять важнейшие функции артикуляции и агрегирования социально значимых интересов, трансляции тре-

бований к центрам принятия решений, рекрутирования элит, оставаясь при этом важной скрепой в системе отношений «гражданское общество – партия – государство». Партии воспринимались как институт, способный реагировать на новые веяния в политике, иницирующий и репрезентирующий политические инновации, организующий электоральные массы.

Тем не менее в последнее время западные аналитики все чаще говорят о кризисе современных политических партий и партийных систем в несколько ином контексте – в основном в привязке к «угрозе популизма» правого, левого или иного толка (см. об этом: [Luce 2017; Kreisi 2014, pp. 361–378; Painter 2013]). Достаточно вспомнить продолжительный политический кризис в США, связанный с неспособностью правящей республиканской партии консолидироваться вокруг фигуры президента Д. Трампа и нежеланием оппозиции (в лице демократов) смириться с итогами выборов (почти неслыханная для Соединенных Штатов ситуация). Или приход к власти в Греции абсолютно внесистемной, как тогда казалось, СИРИЗА. А также трепет европейских элит перед угрозой победы на президентских и парламентских выборах крайне правых – Национального фронта М. Ле Пен во Франции, Партии свободы во главе с харизматичным этническим индонезийцем Г. Вилдерсом в Нидерландах или Австрийской партии свободы. В этом же ряду стоит и стремительный крах партийной системы Франции, где споры о наличии в стране двух-, трех- или четырехполюсной партийной системы сменились анализом невероятных электоральных успехов своеобразного «центристского популиста» Э. Макрона и его стремительно созданной (буквально за два месяца) партии на президентских и парламентских выборах. Популизм, как становится очевидно, – это не некая

политическая патология, характерная для политических маргиналов и присутствующая в той или иной степени любому обществу (normal pathology). Популизм становится выразителем духа времени (populist Zeitgeist) и проявлением некоей «патологической нормы» (pathological normalcy) и лишь представляет несколько экзальтированную и радикализированную картину, в общем понятную и даже разделяемую политическим большинством и большинством населения (см. об этом [Mudde 2010, pp. 1167–1186; Mudde 2014, pp. 217–226]). Вопрос в том, почему это происходит, подводит нас к пониманию, что проблема представляется более широкой и охватывает новые группы противоречий современных (причем не только западных) обществ и сами основы формирования современных партийных систем.

От либерального консенсуса к «выборам отрицания»

Развитие партийных систем можно рассматривать в качестве естественного процесса и значимого индикатора демократичности современных политических систем. Появление новых партий, трансформация идеологии и программы старых, иными словами – развитие партийных систем является частью нормального функционирования (normal performance) современной демократии. Благодаря возникновению новых и идеологическому обновлению старых партий оказывается возможным преодоление «дефицита демократии», поддерживается влияние граждан на политику демократическим и эволюционным путем, в процесс агрегации интересов вовлекаются новые общественные силы. Формулируемые новыми партиями и движениями требования способствуют корректировке направления развития политических процессов, позво-

ляют осуществлять эффективное политическое давление на власти и властвующие элиты соответствующих стран.

Абсолютно аксиоматический характер носит в последние десятилетия утверждение, согласно которому современная демократия немыслима без партий – поскольку партии выполняют такие значимые функции, как структурирование результатов выборов, обеспечение политической интеграции и мобилизации граждан, агрегирование разнообразных социальных интересов, осуществление политического рекрутирования элиты, формирование основных направлений политики. При наличии в рамках политической системы такого элемента демократического институционального дизайна, как свободные выборы, обеспечивается дополнительный импульс развитию политической конкуренции.

Современные политические партии невероятно разнообразны и, функционируя в рамках разных политических систем и режимов, существенно отличаются друг от друга. Но в любом случае политические партии выступают ключевым институтом и инструментом борьбы за власть. В одном из классических определений известного американского экономиста и политолога Э. Даунса подчеркивается, что партия – это «команда людей, стремящихся контролировать государственный аппарат путем приобретения должностей на надлежащим образом организованных выборах» [Downs 1957, p. 25]. А не менее известный американский политолог К. Джанда определял партии как организации, преследующие цель «замещения правительственных должностей своими получающими общественную поддержку представителями» [Janda 1980, p. 5].

В любом случае в рамках соревновательных систем формируется некий набор партий, на протяжении нескольких избирательных циклов получающих су-

щественную электоральную поддержку. И таким образом конкурирующие между собой политические партии формируют партийную систему страны.

В современных демократиях партийная система не является некой застывшей институциональной конструкцией. Она достаточно динамична, реагирует на изменение предпочтений избирателей и отнюдь не исключает исчезновения одних и возникновения других политических партий. При этом, разумеется, история страны, параметры избирательных систем, особенности политических институтов и политических культур накладывают свой отпечаток на политическую динамику и задают рамки возможных трансформаций. Иными словами, каждая из партийных систем обусловлена спецификой развития того или иного государства и характером вызовов, которые перед ним стоят. Тем не менее, если говорить о наиболее общих факторах развития партийных систем, то еще в классических работах, начиная с С.М. Липсета и С. Роккана [Lipset, Rokkan 1967], выделялись четыре основных типа политических конфликтов, оказавших наибольшее влияние на параметры и структуру партийных систем в разных странах. Это конфликты между собственниками и рабочими, между государством и церковью, между центром и периферией, между городом и селом.

Собственники против рабочих – конфликт, выросший из результатов промышленной революции и породивший широкую линейку социалистических, коммунистических и рабочих партий. Причем характер и степень радикализма этих партий во многом зависел от того, как властвующая элита реагировала на требования трудящихся. Там, где элита демонстрировала инклюзивную (включающую) стратегию, старалась интегрировать рабочих в политическую систему, эти партии быстро лега-

лизировались, расстались с наиболее радикальными постулатами партийных программ и, в конце концов, заняли в целом достаточно умеренные, реформистские политические позиции. В тех же странах, где элиты не продемонстрировали достаточной политической гибкости, рабочие партии стремительно радикализировались и в конечном счете оказались в авангарде антисистемных сил.

Конфликт «государство против церкви» был довольно широко распространен в Западной Европе. Исторически политическая активность католической церкви с ее притязаниями на универсальную власть была серьезной проблемой для целого ряда государств, одним из препятствий на пути процесса государственной централизации. Уже несколько столетий, как этот конфликт, казалось бы, полностью потерял свою значимость. Однако его отголоски проявлялись и проявляются в создании и функционировании так называемых христианских партий (клерикальные корни, в частности, у влиятельных ХДС и ХСС в Германии).

Конфликт центра против периферии привел к возникновению по всей Европе националистических или региональных партий (наиболее актуальны в силу особенностей политической динамики Новый Фламандский альянс в Бельгии, Шотландская национальная партия в Британии, каталонские и баскские националистические партии в Испании).

Ну а дихотомия города и села дала жизнь всевозможным «крестьянским», «народным» партиям (их политические аналоги до сих пор функционируют в ряде стран Восточной Европы).

В наше время глобализация порождает новый глубочайший конфликт, отголоски которого, по-видимому, будут сказываться на развитии партийных систем на протяжении длительного времени. Это вызванный объективными

(экономическими и социальными) процессами глобализации конфликт между глобализированной элитой и массами населения. Этот конфликт только начинает набирать силу и будет разворачиваться в обозримой перспективе буквально на наших глазах. Тем не менее он уже оказывает влияние на параметры политических процессов и на характер трансформации партийных систем некоторых европейских стран.

В конце XX в. в развитии партийных систем стран Запада сформировался устойчивый тренд – сужение политического спектра, последовательное движение к политическому центру партий из разных частей политического спектра (от социал-демократов до консерваторов). В широких политических и политологических кругах на рубеже XX–XXI вв. как аксиома стала восприниматься точка зрения, согласно которой было объявлено устаревшим представление о существовании устойчивого «право-левого политического континуума», в рамках которого правые представляют консервативные, а левые – социальные ценности. Социологические измерения общественного мнения на рубеже XXI в. (Pew Research Center и др.) в принципе подтверждали эту точку зрения. Очень ограниченное количество избирателей в странах Запада были способны уверенно причислить себя к левым или правым. Таким образом партии и кандидаты, акцентирующие идеологические мотивы и цели своей деятельности, а также склонные слишком явно смещаться к тому или другому флангу политического спектра, проводили рискованную политическую линию. Ориентируясь на идеологически заряженного «ядрового» избирателя, они не были способны привлечь на свою сторону представителей колеблющегося большинства. Иными словами, они могли потерять на выборах голоса избирателей, не имеющих

определенных идеологических убеждений или не склонных демонстрировать устойчивой приверженности тем или иным политическим силам. Эта, ныне количественно преобладающая, колеблющаяся часть электората группировалась в основном вокруг политического центра и превращала выборы конца XX – начала XXI в. в борьбу идеологически стерильных политических сил за так называемого медианного избирателя. Появился даже попавший в учебники по политологии и политтехнологии лозунг, сводившийся к тому, что партии существуют «не для идеологий, а для успеха на выборах».

Партии в этой борьбе за медианного избирателя окончательно превратились во «всеохватывающие» (catch all party, т.е., коротко говоря, лишенные определенной социальной и идеологической базы) или даже «картельные» (т.е. состоящие из «профессиональных политиков», борющихся между собой за властные позиции за счет мобилизации на выборах голосов избирателей). В условиях доминирующего либерального политического консенсуса и массового смещения избирателя к политическому центру это было прагматичным и по-своему рациональным решением. В русле подобной тенденции четкое деление политических партий на правые и левые во все большей степени становилось данью политической традиции и отражением инерции мышления возрастных политиков и политических аналитиков. Имело место последовательное сокращение идеологических, доктринальных различий (аналитики уверенно заговорили о «конце больших идеологических нарративов»). Размывание идеологического профиля постепенно привело к тому, что и левые, и правые политические партии постепенно сдвигались к политическому центру, буквально оголяя политические фланги (левый и правый).

Но уже с конца 1990-х гг. стала набирать силу и фиксироваться в рамках социологических опросов и в ходе выборов новая тенденция. На смену индифферентному отношению к политике большинства удовлетворенного своим социальным и экономическим положением электората постепенно шло недовольство растущей его части «дефицитом демократии» и сложившейся в странах Запада моделью выработки политических решений. Модель эта, по меткому выражению известного политолога болгарского происхождения Ивана Крастева, давала гражданам «возможность менять лишь правительство, но не политику» [Krastev 2007, р. 59], что явно вступало в противоречие с господствующим в общественно-политическом дискурсе нормативным (почти изоморфным некой «гражданской религии») идеалом демократии.

Продолжала размываться и социальная база политических партий – даже тех, которые изначально (как, например, социалистические и рабочие партии) были ориентированы на артикуляцию интересов совершенно определенных социальных страт или классов.

К началу XXI в. заметно выросла доля представителей старших возрастов в числе приверженцев политических партий. И это связано не только с демографическими сдвигами в развитых странах, но и со сменой мотивации молодых людей, вступающих в те или иные партии либо их активно поддерживающих. Поддержка партий нередко стала носить преимущественно карьерный и даже потребительский характер. По остроумному замечанию немецкого политолога К. фон Бойме, «в постмодернистском обществе членство в партии... больше не является приверженностью всей жизни... Люди вступают в партию, как входят в вагон, в котором едут какое-то время, и выходят, доехав

до нужной остановки» [Beume 2000, р. 202]. Подобные тенденции неизбежно влекли за собой снижение партийной сплоченности, заметное уменьшение численности политических организаций [Whiteley 2011, pp. 21–22]. Все это заставило многих западных исследователей заговорить о «кризисе партий» и партийной политики в целом и вызвало к жизни феномен «выборов отрицания», результаты которых определяются совокупностью факторов – в их числе прежде всего экономические проблемы, вопросы идентичности и ценностный раскол «национально ориентированного» большинства населения и приверженных наднациональным, глобальным целям элит.

Существенную роль в становлении политического феномена сыграла делегитимизация политического истеблишмента в результате кризиса 2008–2010 гг. и по его итогам. Представления о безусловной компетентности элит сменились сомнениями и неуверенностью в будущем, которую явно транслируют в ходе многочисленных социальных опросов представители средних и неимущих слоев населения. Серьезными факторами, стимулирующими представления о кризисе управления, стали падение доходов, рост налогов, сокращение числа рабочих мест, увеличение численности частично занятых (так называемого «прекариата» – от англ. precarious, т.е. нестабильный, ненадежный). Американский экономист нобелевский лауреат Джозеф Стиглиц сделал вывод о том, что оживление экономики, начавшееся после кризиса 2008 г., принесло выгоды лишь 1% жителей страны. По его словам, «последствия кризиса 2008 г. для обычных американцев оказались особенно суровыми, учитывая то, что в период с 2007 по 2013 г. более 14 миллионов заложенных домов было отобрано... Агрессивная монетарная поли-

тика (так называемая “политика количественного смягчения”) была нацелена преимущественно на восстановление прежних цен на фондовом рынке, а не на кредитование малого и среднего бизнеса. В результате она оказалась весьма эффективной с точки зрения восстановления прежнего уровня благосостояния богатых людей, но не сделала ничего, чтобы помочь среднестатистическим американцам или хотя бы создать для них рабочие места. Именно поэтому в первые три года так называемого восстановления экономики после кризиса 95% увеличений в доходах пришлось на долю Одного процента...» [Стиллиц 2016, с. 40]. Концентрация богатства сопровождалась эрозией социальной базы современной демократии (среднего класса) и стагнацией доходов и социального положения наименее обеспеченных слоев общества.

До самого последнего времени левые партии устойчиво и предсказуемо ассоциировались с требованиями увеличения государственных расходов, развитием институтов социального государства и регулированием бизнеса. Правым приписывалось стремление ограничить роль государства, сократить социальные гарантии и вмешательство в жизнь общества. Одновременно модели электорального поведения, как правило, исходили из предпосылки о том, что политические предпочтения избирателей во многом определяются их экономическим статусом и уровнем дохода. Однако многочисленные исследования последних десятилетий (начиная с новаторских работ Р. Инглхарта [Inglehart 1990]) продемонстрировали, что этого недостаточно. Экономический статус уже не определяет в полной мере политиче-

ские и электоральные предпочтения граждан стран Запада, равно как и существующие в этих странах политические размежевания. Позиция по социальным и культурным (а не экономическим) вопросам, таким как проблемы мультикультурализма, меньшинств, гендера, семьи, зачастую становится решающей в обосновании предпочтений избирателей. И эффекты глобализации, информационной революции, демографические проблемы (включая миграционный фактор) только усиливают эти тренды.

Одна из наиболее глубоких линий раскола между приверженцами традиционных ценностей и национальных государств, с одной стороны, и глобализированными элитами, с другой, проходит по вопросу миграционной политики¹. Дополнительным политически дестабилизирующим фактором, оказавшим определенное (но отнюдь не решающее, как это часто интерпретируется в России, – видимо, за лозунгами прогрессирующей эмансипации и новым прочтением свободы удастся пока сгладить последствия) влияние на трансформацию политической повестки партий в странах Запада, стала эрозия традиционных ценностей, что стимулировало подъем консервативных настроений части электората.

Результатом сочетания всех этих факторов стал электоральный цикл, в рамках которого последовательно размывалась по сути неоспоримая до последнего времени монополия на политическую власть системных партий политического мейнстрима и достаточно консолидированного (вне зависимости от формальной партийной принадлежности) политического истеблишмента стран Запада.

1 Закария Ф. (2016) Популизм на марше // Россия в глобальной политике. № 6 // <http://www.globalaffairs.ru/number/Populizma-marshe-18482>, дата обращения 18.06.2018.

Популизм – пределы возможного

В условиях серьезного глобально-го социально-экономического кризиса 2008–2010 гг. и по его окончании ниши (точнее даже пустоты) на противоположных полюсах политического спектра стали заполняться новыми политическими силами. Отсюда рост электоральной привлекательности «гибридных», «популистских» партий и движений «правой» или «левой» ориентации, оспаривающих монопольные лидерские позиции системных партий мейнстрима [Вайнштейн 2017, с. 69–89; Вайнштейн 2018, с. 17–28]. По мнению известного российского исследователя Г.И. Вайнштейна, более корректно вести речь «не о новом характере биполярности партийной системы, а о формировании того, что можно назвать двойной биполярностью, когда противостояние сторонников традиционных системных партий, с одной стороны, и антисистемных политических сил, оспаривающих власть системного мейнстрима, с другой, дополняет, а иногда, действительно, вытесняет традиционное противостояние левых и правых» [Вайнштейн 2016, с. 17].

В программных установках популистских партий нередко обнаруживается довольно сложный микст «правой», националистической, консервативной социально-культурной составляющей и левые (или, по крайней мере, дирижистские) экономические подходы. Популистские партии и движения набирают силу в странах с очень разными социально-экономическими параметрами развития и в очевидном отличающихся социокультурных контекстах – от процветающих Швеции и Германии до переживающей затяжной кризис Греции. В 2014–2016 гг. обозначился подъем лево- и право-популистской волны в странах

Запада. Итоги выборов 2017 г. в Европе показали пределы этого подъема и способность правящих элит преодолеть текущий кризис.

Тем не менее эрозия либерального консенсуса и вообще либерально-демократической политической модели пока не остановлена. Популистский крен политики связан сегодня не только с усилением право- и лево-радикальных партий, но и с происходящими изменениями в позициях ряда системных партий мейнстрима. В стремлении обеспечить электоральную поддержку руководство мейнстримных партий вынуждено радикализировать собственные позиции по ряду вопросов (иммиграционная политика, мультикультурализм и отношение к мигрантским меньшинствам, содержание процесса и темпы евроинтеграции, противостояние «брюссельской бюрократии»).

Что касается собственно популистских партий, нередко именуемых *challenger parties*, «партии, бросающие вызов» [Hino 2012], то преобладание в той или иной стране «новых левых» или «новых правых» во многом зависит от политической истории соответствующих стран. Например, в ряде южноевропейских стран, наиболее пострадавших от кризиса 2008–2010 гг., и с учетом имеющих у них традиций левого движения, преобладающие позиции среди «анти-эблишментских», как их иногда называют, партий заняли левые.

Левые популисты, или крайне левые, заняли нишу, которую добровольно расчистили для них социалисты, социал-демократы, лейбористы, резко сдвинувшись к центру на рубеже XX–XXI вв. В качестве примера стремительного подъема новых левых политических сил можно привести греческую СИРИЗА². Еще один яркий, пусть и кратковременный,

2 См. текст предвыборной программы партии СИРИЗА: What the SYRIZA Government Will Do (2014) // transform! europe, December 14, 2014 // <https://www.transform-network.net/blog/article/what-the-syriza-government-will-do/>, дата обращения 18.06.2018.

всплеск популярности новых левых сил имел место в Испании (партия Podemos – исп. «Мы можем») [Прохоренко 2016, с. 102–107].

При этом в условиях кризисной Греции так уж получилось, что СИРИЗА фактически не столько продвигает левые идеи, сколько защищает национальные интересы страны в столкновении с притязаниями европейских бюрократических структур и политических элит. И в этом смысле в действиях СИРИЗА ярко проявляются черты не столько «левой», сколько «анти-истеблишментской» партии.

Правые популистские партии в европейских странах переживают почти беспрецедентный, но в общем ситуативный подъем, связанный сразу с несколькими болезненными для общественного сознания темами: кризис концепции мультикультурализма, беспрецедентная миграционная волна, накрывшая Европу в 2015 г., и ее последствия (в т.ч. неадекватная политика властей по приему беженцев), недостаточная эффективность и непрозрачность действий брюссельской бюрократии и растущий евроскептицизм, борьба за региональную и национальную автономию, проблема эрозии традиционных ценностей. В этом контексте дополнительный импульс к развитию по всей Европе получило большое число анти-истеблишментских партий. Определенной координации и согласования политических шагов на европейском уровне им удалось добиться за счет формирования отдельной фракции «Европа наций и свобод» в Европейском парламенте, возглавили которую М. Ле Пен (Национальный фронт, Франция), Г. Вильдерс (Партия свободы, Нидерланды) и Х.-К. Штрахе (Австрийская партия свободы).

Весьма симптоматичны оказались результаты выборов 2016 и 2017 г. в Германии (местных и общенациональных). Здесь право-популистская партия «Аль-

тернатива для Германии» получила существенную поддержку избирателей. В результате Германия, ранее практически не затронутая эпидемией популизма, органично вписалась в общеевропейское русло трансформации партийно-политического ландшафта. На федеральных выборах сентября 2017 г. АдГ стала третьей по численности в Бундестаге (94 места), получив 12,6% голосов (см. [Кузнецов 2017, с. 228–229]).

Тем не менее успехи анти-истеблишментских партий на европейской арене относительно. Наиболее впечатляюще они, как правило, выступают на выборах в «слабые» институты (например, в Европарламент, который до последнего времени мало что решал, но давал возможность протестного голосования избирателей). В силу консолидированного сопротивления правящих элит, слабости партийных программ (акцентирующих несколько предельно актуальных пунктов политической повестки дня – например, миграция в Европу или выход Британии из ЕС) в современной Европе этим политическим партиям не удастся завоевать большинства на выборах разного уровня. Кроме того, их политические успехи редко удастся закрепить. Они не бывают долговременными.

Выборы 2016–2017 гг., проходившие во многих странах Европейского Союза, пожалуй, наилучшим образом обозначили предел электоральных возможностей современных западноевропейских праворадикальных партий. С одной стороны, многократное увеличение потока нелегальных мигрантов в ЕС с 2015 г., Brexit в 2016 г., волна террористических актов в мирных городах Европы, а также никем не прогнозируемая победа эпатажного самовыдвиженца Дональда Трампа на президентских выборах в США, усилили недоверие граждан к правящему классу и правильности его политического курса, дали зеленый свет росту радикальных настроений. С другой стороны,

партии мейнстрима оказались перед необходимостью перемен и, перехватывая лозунги и занимая позиции конкурентов по ряду ключевых вопросов, в частности относительно регулирования миграционных потоков, смогли успешно сбить волну популярности радикалов. Президентские выборы 2016 г. в Австрии, парламентские выборы в Нидерландах и Австрии, а также череда выборов во Франции в 2017 г. обозначили общую для Западной Европы тенденцию.

Участие в правительстве также не идет на пользу крайне правым, что уже доказали своим примером Австрийская партия свободы и «Истинные финны». Неизбежность сложных компромиссов при работе в правительстве, отступление от декларированных перед избирателями целей ведет к падению популярности и утрате «новыми правыми» партиями способности противопоставлять себя партийному истеблишменту. А в борьбе за расширение электоральной базы они начинают тяготеть к превращению в обычные «всеохватывающие» партии.

Многие из правых популистов фактически выступают партией «одного» или максимум двух вопросов. Британская Партия независимости (UKIP) и ее харизматичный лидер Н. Фарадж были фактически ориентированы на достижение одной цели – выхода Британии из ЕС. Вся прочая риторика, в т.ч. жесткая антииммигрантская позиция, была производной от этого ключевого пункта политической программы партии. После того как 23 июля 2016 г. на объявленном в Британии главой правительства консерваторов Д. Кэмероном референдуме о выходе из состава ЕС победили сторонники Брекзита, партия фактически утратила смысл своего существования и быстро потеряла политические позиции.

Если европейские правые популисты не смогут диверсифицировать свой политический арсенал и будут концентрироваться лишь на вопросах неэффективности правительств в решении проблем миграции, им едва ли удастся удержать завоеванные позиции. Они останутся партиями относительного меньшинства, стигматизируемыми за идеологический радикализм и неинклюзивный характер провозглашаемых ими политических принципов.

На фоне «выборов отрицания» и относительных успехов правых и левых «популистов» у интеллектуальной элиты стран Запада появилось убеждение, что для того, «чтобы реставрировать либеральный порядок и не допустить окончательной победы популистов, традиционным партиям понадобится не только ребрендинг. Они должны разработать политику, посредством которой глобализация сможет служить интересам среднего и рабочего класса. Если изменений не произойдет, глобальный либеральный порядок умрет»³. Трансформация партийных систем происходит на фоне эффектов глобализации, порождающих новые линии социального напряжения и разделения в обществе (в т.ч. по линии «глобализированные элиты» – «антиглобалистски настроенные массы»); в контексте дефицита демократии, когда часть электората развитых западных стран четко осознает, что «может менять правительство, но не политику», и время от времени под влиянием ситуативных факторов участвует в «протестном голосовании», в поддержке альтернативных политическому истеблишменту политических сил; в условиях фрагментации политического поля из-за кризиса (возможно временного) «больших идео-

3 Colgan J., Keohane R. (2017) The Liberal Order Is Rigged // Foreign Affairs, no 3 // <https://www.foreignaffairs.com/articles/world/2017-04-17/liberal-order-rigged>, дата обращения 18.06.2018.

логических нарративов» и прихода им на смену т.наз. молекулярных идеологий и партий «одного вопроса».

Формируются новые каналы влияния граждан на политику. Политический процесс становится более интерактивным, в него включаются новые силы или разочаровавшиеся в возможностях демократии на определенном этапе старые социальные группы. Выход на политическую арену в ряде стран крайне правых и крайне левых сил скорее ситуативен, выступает как следствие текущих кризисных явлений – миграционного кризиса, терроризма, экономической рецессии. Подъем популистских партий самого разного (правого, левого, право-левого) толка имеет свои пределы. Но сам процесс адаптации партийных систем к новому типу острого конфликта между глобализированной постмодернистской элитой и остающимися по преимуществу гражданами национальных государств массами населения только начинает набирать обороты (причем и в развитых, и в развивающихся странах). Вопрос состоит в том, насколько готовы к нему партийные и политические системы разных стран и насколько вообще гибки и адаптивны современные политические элиты. Ответ на этот вопрос мы узнаем уже в ближайшем будущем.

Список литературы

Вайнштейн Г.И. (2016) Электоральный фактор в эволюции партийного ландшафта Европы // Швейцер В.Я. (ред.) Электоральные процессы в Европейском союзе (середина второго десятилетия XXI века). М.: ИЕ РАН. С. 14–19.

Вайнштейн Г.И. (2017) Современный популизм как объект политологического анализа // Полис. № 4. С. 69–89.

Вайнштейн Г.И. (2018) Трансформация западноевропейского политического ландшафта и институционализа-

ция антисистемной политики // Мировая экономика и международные отношения. Т. 62. № 5. С. 17–28.

Кузнецов А.В. (2017) Германия в год выборов: «пиррова победа» Ангелы Меркель? // Барановский В.Г., Соловьев Э.Г. (ред.) Год планеты. Выпуск 2017 г. М.: Идея-Пресс. С. 227–235.

Прохоренко И.Л. (2016) Испания в процессах трансформации партийно-политических систем европейских стран // Соловьев Э.Г. (ред.) Партийно-политические системы и политические идеологии в странах Запада в начале XXI века: факторы эволюции и направления трансформации. М.: ИМЭМО РАН. С. 102–107.

Стиглиц Дж. (2016) Великое разделение. Неравенство в обществе, или Что делать оставшимся 99% населения? М.: Эксмо.

Beyme K. von (1996) Party Leadership and Change in Party Systems: Towards a Postmodern Party State? // Government and Opposition, vol. 31, no 2, pp. 135–159.

Beyme K. von (2000) Parliamentary Democracy: Democratization, Destabilization, Reconsolidation. 1799–1999, Houndsmills: Macmillan.

Downs A. (1957) An Economic Theory of Democracy, N.Y.: Harper.

Hino A. (2012) New Challenger Parties in Western Europe: A Comparative Analysis, London: Routledge.

Ignazi P. (1996) The Crisis of Parties and the Rise of New Political Parties // Party Politics, vol. 2, no 4, pp. 549–566.

Inglehart R. (1990) Culture Shift in Advanced Industrial Countries, Princeton: Princeton University Press.

Janda K. (1980) Political Parties: A Cross-National Survey, N.Y.: Free Press.

Krastev I. (2007) The Strange Death of the Liberal Consensus // Journal of Democracy, vol. 18, no 4, pp. 56–63.

Kreisi H. (2014) The Populist Challenge // West European Politics, vol. 37, no 2, pp. 361–378.

Leadbeater Ch., Mulgan G. (1994) Lean Democracy and the Leadership Vacuum // *Demos*, no 3, pp. 14–25.

Lipset S., Rokkan S. (eds.) (1967) *Party Systems and Voter Alignments*, N.Y.: Free Press.

Luce E. (2017) The Siege of Western Liberalism // *Financial Times*, May 5, 2017 // <https://www.ft.com/content/c7444248-3000-11e7-9555-23ef563ecf9a>, дата обращения 18.06.2018.

Mair P. (1990) Continuity, Change and the Vulnerability of Party // *Understanding Party System Change in Western Europe* (eds. Mair P., Smith G.), London: Frank Cass, pp. 3–20.

Mudde C. (2010) The Populist Radical Right: A Pathological Normalcy // *West European Politics*, vol. 33, no 6, pp. 1167–1186.

Mudde C. (2014) Fighting the System? Populist Radical Right Parties and Party System Change // *Party Politics*, vol. 20, no 2, pp. 217–226.

Painter A. (2013) *Democratic Stress, the Populist Signal and Extremist Threat: A Call for a New Mainstream Statecraft and Contact Democracy*, London: Policy Network.

Whiteley P.F. (2011) Is the Party over? The Decline of Party Activism and Membership across the Democratic World // *Party Politics*, vol. 17, no 1, pp. 21–44.

Political Processes in the Changing World

Evolution of Party Systems: New Point of Bifurcation?

Eduard G. SOLOVYEV

PhD in Politics, Head of the Section for Political Theory, Primakov Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences. Address: 23, Profsoyuznaya St., Moscow, 117997, Russian Federation. E-mail: solovyev@imemo.ru

CITATION: Solovyev E.G. (2018) Evolution of Party Systems: New Point of Bifurcation? *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 11, no 3, pp. 185–198 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-3-185-198

ABSTRACT. *In face of the relative success of the right and left populists, among representatives of the intellectual elite on the West arose a conviction – in order to restore the liberal order and prevent the final victory of populists, traditional parties will have to make not only rebranding. They must develop policies through which globalization can serve the middle and working class. In fact, the problem is even wider than the opposition to the right and left populists. The transformation of party systems takes place in the context of the effects of globalization, generating new lines of so-*

cial tensions and divisions in society (including “globalized elite” – “anti-globalist-minded masses” opposition); under framework of democracy deficit, when a significant part of the electorate of developed Western countries clearly realizes that they “can change the government, but not the policy” and from time to time under the influence of situational factors involve in the “protest voting”, in support of alternative to political establishment political forces; in the context of fragmentation of the political field due to the crisis of “Grand ideological narratives” and the appearance of so called

“molecular ideologies” and “one question” parties.

Entering the political arena in a number of countries of the far right and far left forces is rather situational, but it becomes a consequence of the current crisis trends – the migration crisis, terrorism, economic recession. The rise of populist parties of all kinds (right, left, right-left) has its limits. But the process of party systems adaptation to a new type of conflict between the globalized post-modern elites and the majority of “nationalized” citizens of national states is only developing now (both in developed and developing countries). The question is in which degree the party and political systems of different countries are ready to it and how the modern political elites are flexible and adaptive to a new political challenge.

KEY WORDS: parties, party systems, political systems, democracy, populism, political elites

References

- Beyme K. von (1996) Party Leadership and Change in Party Systems: Towards a Postmodern Party State? *Government and Opposition*, vol. 31, no 2, pp. 135–159.
- Beyme K. von (2000) *Parliamentary Democracy: Democratization, Destabilization, Reconsolidation. 1799–1999*, Haundsmills: Macmillan.
- Downs A. (1957) *An Economic Theory of Democracy*, N.Y.: Harper.
- Hino A. (2012) *New Challenger Parties in Western Europe: A Comparative Analysis*, London: Routledge.
- Ignazi P. (1996) The Crisis of Parties and the Rise of New Political Parties. *Party Politics*, vol. 2, no 4, pp. 549–566.
- Inglehart R. (1990) *Culture Shift in Advanced Industrial Countries*, Princeton: Princeton University Press.
- Janda K. (1980) *Political Parties: A Cross-National Survey*, N.Y.: Free Press.
- Krastev I. (2007) The Strange Death of the Liberal Consensus. *Journal of Democracy*, vol. 18, no 4, pp. 56–63.
- Kreisi H. (2014) The Populist Challenge. *West European Politics*, vol. 37, no 2, pp. 361–378.
- Kuznetsov A. (2017) Germaniya v god vyborov: «pirrova pobeda» Angely Merkel? [Germany in a Year of Elections: Angela Merkel's Pirrhc Victory?]. *God planety. Vypusk 2017 g.* [Year of the Planet. Issue 2017] (eds. Baranovsky V., Solovyev E.), Moscow: Idea-Press, pp. 227–235.
- Leadbeater Ch., Mulgan G. (1994) Lean Democracy and the Leadership Vacuum. *Demos*, no 3, pp. 14–25.
- Lipset S., Rokkan S. (eds.) (1967) *Party Systems and Voter Alignments*, N.Y.: Free Press.
- Luce E. (2017) The Siege of Western Liberalism. *Financial Times*, May 5, 2017. Available at: <https://www.ft.com/content/c7444248-3000-11e7-9555-23ef563ecf9a>, accessed 18.06.2018.
- Mair P. (1990) Continuity, Change and the Vulnerability of Party. *Understanding Party System Change in Western Europe* (eds. Mair P., Smith G.), London: Frank Class, pp. 3–20.
- Mudde C. (2010) The Populist Radical Right: A Pathological Normalcy. *West European Politics*, vol. 33, no 6, pp. 1167–1186.
- Mudde C. (2014) Fighting the System? Populist Radical Right Parties and Party System Change. *Party Politics*, vol. 20, no 2, pp. 217–226.
- Painter A. (2013) *Democratic Stress, the Populist Signal and Extremist Threat: A Call for a New Mainstream Statecraft and Contact Democracy*, London: Policy Network.
- Prokhorenko I. (2016) Ispaniya v protsessakh transformatsii partijno-politicheskikh sistem evropejskikh stran [Spain in the Process of Transformation of the Party Systems of European Countries]. *Partijno-politicheskie sistemy i politicheskie ideologii*

v stranakh Zapada v nachale XXI veka: faktory evolyutsii i napravleniya transformatsii [Party Systems and Political Ideologies on the West in the Early 21st Century: Factors of Evolution and Vectors of Transformations] (ed. Solovyev E.), Moscow: IMEMO, pp. 102–107.

Stiglitz J.E. (2016) *Velikoe razdelenie. Neravenstvo v obshchestve, ili Chto delat' ostavshimsya 99% naseleniya?* [The Great Divide: Unequal Societies and What We Can Do About Them], Moscow: EKSMO.

Vajnshtejn G. (2016) Elektoral'nyj faktor v evolutsii partiynogo landshafta Evropy [Electoral Factor in the Evolution of the European Party Landscape]. *Elektoral'nye protsessy v Evropejskom soyuze (seredina vtorogo desyatiletiya XXI veka)* [Electoral Process in EU (in the Mid of Second

Decade of 21st Century] (ed. Shveitser V.), Moscow: Institute of Europe RAS, pp. 14–19.

Vajnshtejn G. (2017) Sovremennij populizm kak ob'ekt politicheskogo analiza [Modern Populism as an Object of Political Analysis]. *Polis*, no 4, pp. 69–89.

Vajnshtejn G. (2018) Transformatsiya zapadnoevropejskogo politicheskogo landshafta i institutsializatsiya antisistemnoj politiki [Transformation of the Political Landscape in the West Europe and Institutionalization of Anti-system Policy]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, vol. 62, no 5, pp. 17–28.

Whiteley P.F. (2011) Is the Party over? The Decline of Party Activism and Membership across the Democratic World. *Party Politics*, vol. 17, no 1, pp. 21–44.

Оценка уровня евроскептицизма партий Франции на основе контент-анализа их предвыборных программ

Алексей Олегович ДОМАНОВ

младший научный сотрудник, Институт Европы Российской академии наук.

Адрес: 125009, Москва, Никитский пер., д. 2. E-mail: domanov.aleksey@gmail.com

ЦИТИРОВАНИЕ: Доманов А.О. (2018) Оценка уровня евроскептицизма партий Франции на основе контент-анализа их предвыборных программ // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 11. № 3. С. 199–212. DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-3-199-212

АННОТАЦИЯ. В статье проведен сравнительный анализ уровня и динамики евроскептицизма некоторых партий Франции с помощью индекса отношения к европейской интеграции. На основе предвыборных программ партий численно выражено отношение к Евросоюзу с учетом таких параметров, как отношение к принципиальной идее европейской интеграции, аффе́ктивная и инструментальная поддержка или недовольство ЕС, восприятие Евросоюза как (не-)подотчетной организации. Сопоставление количественных показателей индекса с качественными экспертными оценками отечественных специалистов позволило дополнительно верифицировать применимость и надежность разработанной методологии для исследования феномена евроскептицизма. Стандартизированный подход к измерению позволил не только выявить общее отношение отдельной партии к европейской интеграции, но и сравнить полученные оценки с показателями за прошлые годы, для других партий и в других странах. В частности, показано постепенное усиление евроскептицизма партии «Национальный фронт» и сторонников Ж.-Л. Меланиона (сейчас – в организации «Непокоренная Франция»), ослабление критики ЕС

голлистами из «Союза за народное движение» и объединения «Республиканцы». Подтвержден более радикальный евроскептицизм Французской коммунистической партии по сравнению с Социалистической партией.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Европейский Союз, евроскептицизм, количественный метод, Франция, партия Национальный фронт, политика, Европейский Союз

В последние годы избрание многих евроскептических политиков в Европейский парламент и национальные законодательные собрания (в частности, немецкий Бундестаг) привлекло внимание многих политологов к евроскептической идеологии. Накоплен значительный объем результатов исследования об отношении европейских партий к Евросоюзу с помощью качественных методов: в частности, на страницах данного журнала освещены истоки формирования такого взгляда на европейскую интеграцию [Басов 2017, с. 33–52; Тимофеев 2017, с. 53–68]. Довольно востребованным выглядит переход от изучения отдельных партий к их сравнению: исследователи стремятся не только идентифицировать тип евроскептицизма [Тимофеев 2017, с. 63–64], но и измерить ин-

тенсивность проявления этого признака у различных объединений. Например, в отечественной литературе уже использованы результаты количественного контент-анализа программ политических сил ряда стран, полученные сотрудниками Party Manifesto Project [Громогласова, Либман 2015, с. 5, 7].

Представляет интерес дальнейшее сравнение евроскептицизма различных партий стран ЕС. Поскольку в сравнительных исследованиях удобно использовать стандартные шкалы, зарубежные исследователи предложили для ранжирования политических организаций по степени евроскептицизма вывести некий индикатор их отношения к Евросоюзу, обобщив несколько показателей (не-)одобрения различных аспектов его деятельности [Flood 2002; Conti 2003; Markowski, Tucker 2004]. Однако со временем точность этих методик (в том числе Party Manifesto Project [Meyer, Jenny 2013]) потребовала корректировки.

Краткое описание методики сравнения степени евроскептицизма

Недавно предпринята попытка [Кавешников, Доманов 2018] разработать индекс отношения к европейской интеграции (ИОЕИ, Индекс) – усовершенствованный инструмент количественного контент-анализа программ партий, заявлений политиков, а также других устных и письменных источников на предмет отношения авторов к Европейскому союзу. На наш взгляд, ИОЕИ улавливает нюансы евроскептицизма точнее аналогов и в силу этого может ока-

заться более полезным для того, чтобы исследовать динамику изменений идеологии и идеологические мотивы, которые побуждают политических акторов принимать те или иные решения на европейском уровне. Кроме того, этот способ оценки политической ориентации позволяет получать результаты стандартного вида (в форме таблицы 1) и тем самым обеспечивает верифицируемость и возможность сопоставления результатов исследований, проведенных на основе этой методики различными учеными.

Детальное описание методики расчета Индекса приведено в одном из более ранних исследований [Кавешников, Доманов 2018]. Вкратце, как следует из рисунка 1, предлагаемый индикатор позволяет оценить позицию политической партии или деятеля¹ в диапазоне от 1 балла (крайне евроскептическое отношение, несогласие с принципиальной идеей европейской интеграции) до 13 (безоговорочная поддержка ЕС). В основу расчета ИОЕИ положены четыре параметра: отношение к общей идее интеграции, аффективная и инструментальная поддержка ЕС, восприятие Евросоюза как (не-)подотчетной организации. Основные показатели, рассчитываемые в соответствии с предлагаемой методикой, – итоговый ИОЕИ (в целом характеризует отношение партии к ЕС) и степень инструментальной отраслевой поддержки Евросоюза (отношение к его деятельности в отдельных сферах).

Определяя конкретное значение Индекса для рассматриваемого источника, исследователь оценивает отношение к принципиальной идее европей-

1 Описанная методика позволяет анализировать не только программы партий, но и документы/выступления входящих в них политиков. Однако трудно ожидать от деклараций отдельных политиков (даже если речь идет о тщательно проработанной программе партийного кандидата в президенты страны) полного соответствия компромиссному тексту, включающему пожелания множества членов партии. Следовательно, судить о партийной идеологии по ИОЕИ выступлений партийного лидера / видных членов партии можно лишь приблизительно.

Рис. 1. Алгоритм измерения индекса отношения к европейской интеграции.
Fig. 1. Algorithm for measuring the Attitude to European integration index.

Индикатор инструментальной поддержки	А		В		С		D		F	
Упоминание неподотчётности ЕС	Да	Нет	Да	Нет	Да	Нет	Да	Нет	Да	Нет
Итоговый ИОЕИ	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

ской интеграции. Оно считается положительным, если одобряется коммуниитаризация хотя бы одной отрасли политики (независимо от конкретных форм такого управления интеграционными процессами – либо в рамках ЕС, либо вне его). В противном случае констатируется отрицательное отношение партии к идее евроинтеграции, а ИОЕИ считается равным 1.

Выявив поддержку каких-либо интеграционных усилий, исследователь должен охарактеризовать ее как аффективную или инструментальную. Следуя классификации политолога Д. Истона², актор, поддерживающий Евросоюз *инструментально*, разделяет деятельность Евросоюза на аспекты (чтобы оценить выгоды и издержки его действий в разных отраслях политики). Напротив, *аффективная* поддержка не предполагает такого разделения, она строится на полном одобрении политики ЕС без анализа преимуществ и недостатков³.

Аналогично, актора можно назвать «аффективно *неодобряющим* Евросоюз», если он не выделяет более или менее выгодные для себя меры, а критикует деятельность ЕС в целом (либо неконструктивно, либо предлагая изменить «организационную форму» евроинтеграции – например, передать функции Евросоюза Совету Европы). Стоит отметить, что неодобрение *евроинтеграции* (и в отсутствие, и при наличии требований реформировать ЕС) – более евроскептическая позиция, чем неодобрение деятельности *Евросоюза*, поскольку без интеграционного проекта функционирование любого интеграционного объединения (и ЕС,

и гипотетической замены ему) теряет смысл.

Отрицание принципиальной идеи интеграции имеет большее значение при оценке значения ИОЕИ, чем разделение критики ЕС на аспекты в том же документе. Партия, которая принципиально считает интеграцию злом и потому не формулирует детальной критики в адрес ЕС, является более евроскептической, чем партия, которая подробно описала недостатки Евросоюза, что подразумевает возможность исправления этих недостатков.

Ранее в соответствии с методикой расчета ИОЕИ проведен анализ программ некоторых британских политических сил (Консервативной и Лейбористской партии, а также Партии независимости Соединенного Королевства [Кавешников, Доманов 2018]). На основе контент-анализа программ этих партий была продемонстрирована практическая применимость ИОЕИ для оценки уровня евроскептических настроений политической партии; исследования изменения позиции акторов в отношении интеграции в ЕС; сравнения политической идеологии различных партий (в части их взглядов на ЕС).

Евроскептицизм в идеологии партий Франции

В настоящей статье проанализированы программные документы шести партий Франции, с которыми они начинали нынешний и прошлый электоральный цикл (за 2012 и 2017 гг.). Основные результаты анализа представлены в табли-

2 Политолог Д. Истон определил аффективную поддержку политического института как «независимую от конкретных поощрений или прибылей любого рода», а инструментальную связывал с анализом выгод и убытков от конкретных действий института на разных направлениях [Easton 1965, p. 278].

3 Следовательно, это мнение о ЕС можно считать менее евроскептическим, чем инструментальную поддержку: в последнем случае актор показывает, что осознает издержки, связанные с Евросоюзом (даже не призывая к реформам с целью сократить их). «Аффективный» сторонник ЕС либо не видит их, либо замалчивает специально.

це 1. В задачи исследования входит оценить уровень и динамику евроскептических настроений в политической системе Франции и дополнительно подтвердить применимость и надежность ИОЕИ. Верификация проведена путем сопоставления рассчитанных показателей Индекса с качественными экспертными оценками, высказанными отечественными специалистами (например, приведенными в следующих работах: [Вершинин 2017; Наумова 2017; Рубинский 2016]).

Для анализа выбраны документы шести французских организаций. Пре-

жде всего, речь идет о евроскептических Национальном фронте (НФ), «Непокоренной Франции» и Левом фронте. Вдобавок рассмотрена идеология трех объединений, не отличающихся евроскептицизмом (Социалистической партии, а также «Республиканцев» и «Союза за народное движение», из которого трансформировалось это движение), с целью продемонстрировать способность предложенной методики выявлять нюансы отношения к ЕС даже в текстах евроэнтузиастов. При сравнении «отраслевых» показателей Индекса для крайних евро-

Таблица 1. Значения индекса отношения к европейской интеграции у некоторых партий Франции

Fig. 1. Attitude to European integration index values for some French parties

	Национальный фронт		Левый фронт		Непокоренная Франция	Социалистическая партия	Союз за народное движение	Республиканцы
Год выборов	2012	2017	2012	2017	2017	2017	2012	2017
Отраслевые индексы инструментальной поддержки европейской интеграции								
Иностранные дела	B		C	B	B	D		D
Экономические вопросы	B		B	A	B	C	C	F
Кредитно-денежная политика	A	A	C	C	A	F		F
Правосудие и внутренние дела	A	A	C	C		C	C	C
Занятость, социальная политика и права потребителей	B		C	C	B	C	C	C
Конкурентоспособность	B		C	B	C		D	F
Транспорт, телекоммуникации и энергетика						D	D	F
Сельское хозяйство и рыболовство	B	A	C	C	C		D	C
Образование, молодежная политика, культура и спорт				C	C	D	D	
Окружающая среда			C	C	B	D		
Индикатор обобщенной инструментальной поддержки евроинтеграции (медиана)	B	A	C	C	B	D	D	F
Упоминание неподотчетности Евросоюза	Да	Да	Да	Да	Да	Нет	Нет	Нет
Итоговое значение ИОЕИ	5	3	7	7	5	10	10	12

скептиков и партии, считавшейся федералистской, можно обнаружить неочевидное сходство их позиций по отдельным вопросам (например, иммиграционной политике ЕС). На примере исследования взглядов евроэнтузиастов показан широкий спектр применения ИОЕИ, поскольку с его помощью исследованы партии, находящиеся на противоположных концах шкалы измерения Индекса.

В 2012 г. НФ декларировал [Le Projet de Marine Le Pen 2012] положительное отношение к принципиальной идее европейской интеграции (что дает возможность присвоить его идеологии более 1 балла по шкале ИОЕИ). В программе партии проанализированы выгоды и издержки членства в ЕС, дана оценка отдельным направлениям деятельности ЕС, что позволяет оценить степень инструментальной поддержки.

В целом партия обозначила недовольство антикризисной политикой ЕС («неудача одного европейского политического проекта [единой валюты] исправляется ростом европейского федерализма») и призвала «восстановить примат национального права над европейским». При этом, согласно описанной методике, если партия рассматривает действия ЕС в разных сферах отдельно (выражая тем самым не аффективную, а специфическую поддержку или неодобрение Евросоюза), то оценивать партийную идеологию следует так же: аналитически разделяя отношение к коммунитаризации различных отраслей политики. В частности, положение программы «Европейское объединение угля и стали убило европейскую металлургию» выглядит лишь констатацией последствий евроинтеграции: менее евроскептическим, чем, например, четкий призыв вернуть из Брюсселя и Франкфурта-на-Майне полномочия в сфере кредитно-денежной политики («Франция с европейскими

партнерами должна подготовить возврат к национальным валютам»). Так что «степень евроскептичности» первого утверждения соответствует уровню В, второго – А (критерии для категорий С, D и F приведены на рисунке 1). После группировки подобных высказываний по отраслям политики (таблица 1) рассчитывается средний показатель (не-)одобрения коммунитаризации (путем усреднения полученных «отраслевых» компонент): В. С учетом поправки на (не-)подотчетность Евросоюза (по мнению членов партии) полученное значение переводится в 5 баллов по шкале ИОЕИ (процедура показана на рисунке 1).

В программе НФ 2017 г. [144 Engagements Présidentiels 2017] отношение к ЕС в различных отраслях политики разделяется так же, как и в рассмотренном документе 2012 г. Программа партии содержит призыв создать «Европу независимых наций... европейский проект, уважающий независимость Франции». Устройство Европейского Союза предлагается изменить путем «переговоров с европейскими партнерами, затем – референдума о членстве в ЕС». Программа призывает «вернуть французскому народу суверенитет в законодательной сфере». Учитывая значения компонент Индекса, приведенные в таблице 1, документ в целом следовало бы оценить в 3 балла по шкале ИОЕИ.

Примечательно, что оценка степени евроскептицизма данной партии совпадает с мнениями исследователей ее идеологии. Судя по работам российских франковедов, упомянутые оценки по шкале ИОЕИ соответствуют идеологии НФ: ее характерными чертами считаются протекционизм [Преображенская, Смирнов, Зуева, Тимофеев 2013, с. 75] и экономический патриотизм [Наумова 2017, с. 27] вплоть до «враждебных глобализации и евростроитель-

ству лозунгов» [Рубинский 2016, с. 90], призыв восстановить «национальный суверенитет» [Клинова 2017, с. 20–24] и пересмотреть основополагающие договоры ЕС [Рубинский 2012, с. 19–33], а также «вопрос о необходимости для Франции покинуть Евросоюз» [Вараккина 2009, с. 148], Шенгенскую зону [Зверева 2017, с. 51] и еврозону [Рубинский 2016, с. 90; Узародов 2015, с. 31], причем М.В. Клинова обратила внимание на то, что М. Ле Пен не акцентировала последний пункт программы [Клинова 2017, с. 20–24].

Для сравнения оценим отношение к Евросоюзу в других частях французского политического спектра. Например, организации, которые в последние годы представлял депутат Европейского парламента Ж.-Л. Меланшон, обращают на себя внимание из-за роста популярности этого политика на двух последних президентских выборах с 11,1% до 19,6%.

«Непокоренная Франция» в своей программе 2017 г. [Sortir des Traités Européens] призвала к «скоординированному выходу [всех государств-членов ЕС] из европейских соглашений» и предложила «переформулировать [их] путем новых переговоров». Если согласовать отмену соглашений не удастся, то партия готова к «одностороннему выходу Франции из европейских договоров»: «либо ЕС меняется, либо из него выходят». На этом основании можно сделать вывод, что партия разделяет принцип европейской интеграции, но не приемлет ее практическое выражение в форме ЕС. Отношение авторов партийной программы к деятельности ЕС в отдельных отраслях политики (см. таблицу 1) и утверждения о его неподотчетности позволяют оценить идеологию этой партии в 5 баллов.

Перед парламентскими выборами 2012 г. Ж.-Л. Меланшон состоял в Левой

партии, входившей вместе с Французской коммунистической партией и другими в объединение «Левый фронт», поэтому его программой был общий документ Левого фронта. В 2012 г. его единомышленники [L'Humain d'abord 2012] одобряли принципиальную идею европейской интеграции: в случае прихода к власти они обещали «разработать новые европейские политические курсы, свободные от влияния финансовых рынков». Однако для этого требовалось радикально изменить форму, в которую воплотилась эта идея: «Отказаться от Лиссабонского договора», поскольку «в нем собраны все неразрешимые проблемы современного капитализма». Учитывая отношение «Левого фронта» к политике ЕС в конкретных отраслях, степень евроскептицизма этой организации оценивается в 7 баллов по шкале ИОЕИ.

Примечательно, что это значение характеризует позицию «Левого фронта» не только в 2012 г., но и в 2017 г. Следуя описанной логике, последнюю программу [La France en Commun] тоже можно оценить в 7 баллов. В ней ЕС также представлялся нужным инструментом в достижении целей, который требовал глубокой доработки.

Таким образом, применение стандартизированной процедуры количественной оценки программ позволило зафиксировать расхождение между ориентацией недавних партнеров по избирательному блоку и новой партии Ж.-Л. Меланшона в 2017 г. Стоит отметить, что в исследованиях французских левых, проведенных другими российскими специалистами, также подчеркивается относительный евроскептицизм лидера «Непокоренной Франции» на фоне позиций других политических сил. В частности, политолог Т.В. Зверева назвала реформы ЕС, к которым призвал Ж.-Л. Меланшон в 2017 г., «радикальными», критику «Ев-

ропы обороны» – «жесткой», а его идеологию в целом – «антипроектом в отношении ЕС» [Зверева 2017, с. 51–52]. Многие аналитики упомянули желание этого политика выйти из ЕС и еврозоны [Клинова 2017, с. 21; Вершинин 2017, с. 38–40] и отказ поддержать проект Евроконституции вместе с другими партиями в 2005 г. [Вершинин 2016, с. 75; Работяжев 2012, с. 156; Канинская 2009, с. 29–53].

Систематизировав некоторые параметры идеологии этих крайних партий в соответствии с процедурой оценки ИОЕИ (таблица 1), удобно выявить расхождения между отношением этих, как может показаться, одинаково евроскептических акторов. Так, кодирование позиции Левого фронта и Национального фронта в 2017 г. по Общей сельскохозяйственной политике ЕС (ОСХП) как, соответственно, С и А отражает фундаментальную разницу подходов двух политических сил к регулированию объема дотаций фермерам. Если Левый фронт призвал существенно реформировать ОСХП, не меняя центр принятия решений, то Национальный фронт недвусмысленно потребовал декоммунизации в этой сфере: «Преобразовать ОСХП во Французскую сельскохозяйственную политику. Гарантировать размер дотаций, критерии [для получения] которых теперь будут разрабатываться Францией, а не Евросоюзом». Та же ситуация сложилась в области кредитно-денежной политики: Левый фронт призвал «изменить уставные документы» и цели Европейского центрального банка, в то время как Национальный фронт выступил за выход из еврозоны и независимость от этого учреждения.

Критика некоторых аспектов Евросоюза другими основными французскими партиями не позволяет называть их евроскептическими, хотя и приводит к смещению итоговой оценки их

идеологии от евроэнтузиастского конца шкалы ИОЕИ – 13 баллов в меньшую сторону. Так, Социалистическая партия в своей программе 2017 г. [Charte des Socialistes pour le Progrès Humain], одобряла идею европейской интеграции в любой форме и существование ЕС, но выступала за строительство «альтернативной Европы». Поддержку Евросоюза социалистами можно считать инструментальной, так как в рассмотренном документе проанализирована деятельность ЕС раздельно в различных отраслях политики (выражена поддержка нынешнего политического курса на большинстве направлений и, более того, надежда на формирование экономического правительства еврозоны). Значение Индекса для этой политической силы с учетом отношения к интеграции во всех перечисленных партией сферах, – 10 баллов, что соответствует довольно федералистской ориентации.

Отечественные специалисты, исследовавшие идеологию Социалистической партии, также отметили в ее документах общую поддержку Евросоюза: основополагающих договоров [Варакина 2009, с. 144] и более тесной интеграции с другими государствами – членами ЕС в таких сферах, как европейская политика безопасности и обороны [Преображенская, Смирнов, Зуева, Тимофеев 2013, с. 79] или социальная защита [Зверева 2017, с. 51]. Но существующие исследования не дают присвоить Социалистической партии наивысший балл евроэнтузиазма по шкале ИОЕИ: эксперты отметили, что социалисты предлагали пересмотреть ряд мер Евросоюза (например, дополнить требования бюджетной дисциплины стимулированием экономического роста [Рубинский 2012, с. 19–33] или приостановить действие Пакта стабильности и роста [Зверева 2017, с. 51]), а также в целом отрицали неолиберальный

курс некоторых европейских институтов [Работяжев 2012, с. 160].

«Союз за народное движение» в 2012 г. декларировал инструментальную поддержку идеи европейской интеграции и Евросоюза. В программе данной организации речь шла скорее о сохранении принципа субсидиарности, чем о коммунитаризации новых отраслей политики. По мнению авторов этого документа, необходимо «сконцентрировать деятельность ЕС там, где она действительно полезна», и «упростить и сократить европейские нормы». Анализ показателей отношения к деятельности ЕС в отдельных отраслях политики позволяет оценить идеологию «Союза за народное движение» в 10 баллов по шкале ИОЕИ.

Последователи «Союза за народное движение» – «Республиканцы» в 2017 г. выражали, как и в 2012 г., инструментальную поддержку Евросоюза и интеграции в его рамках [Majorité pour la France 2012]. Те отрасли политики, которые пятью годами ранее предполагалось лишь поддерживать (в частности, расширяя финансирование проектов), в 2017 г. призвали коммунитаризовать вплоть до создания «подлинной политической Европы».

При этом в программе содержится несколько критических замечаний по поводу избыточного регулирования экономической деятельности органами ЕС (особенно в сфере сельского хозяйства): предполагалось, что одновременно с передачей полномочий наднациональным органам сокращалось бы количество нормативных актов, издаваемых ими. Значение ИОЕИ в случае этой партии, усредненное с учетом выборочной критики ЕС, составляет 12 баллов.

Примечательно, что при сравнении «отраслевых» показателей Индекса для этих трех евроэнтузиастских партий обнаруживается, что «Республиканцы» в 2017 г. превосходили социалистов по

степени поддержки федералистских подходов к управлению многими отраслями политики ЕС (и, как следствие, по уровню агрегированной приверженности федерализму). Например, позиции «Республиканцев» в сферах макроэкономики и энергетики оценены как F, то есть ближе к «идеальному типу» федерализма, чем такие же индикаторы социалистов. Этот вывод сделан на основе следующих положений программы «Республиканцев»: «Запустить создание подлинной политической Европы, опирающейся на еврозону и отличающейся от большого рынка 28 стран. Мы предложим Европейскому совету дать зоне евро ресурсы, необходимые для проведения экономической политики» (то есть выделить в ЕС особое «ядро» государств с желанием и возможностями коммунитаризовать экономическую политику), причем это образование было бы «сфокусировано на [...] единой (la – А.Д.) энергетической политике».

Российские специалисты также отмечали, что в соответствии с «линией Ширака и Саркози на развитие наднациональных структур ЕС» [Преображенская, Смирнов, Зуева, Тимофеев 2013, с. 79] их последователи полностью поддерживали базовые документы этого объединения [Варакина 2009, с. 147], членство страны в Евросоюзе и еврозоне [Зверева 2017, с. 51–55], а также, как многие правоцентристские партии, избегали евроскептических лозунгов [Узнародов 2015, с. 28] – видимо, со времен де Голля стремясь использовать Евросоюз как «мультипликатор могущества Франции» [Тимофеев 2017, с. 58]. Вместе с тем аналитики отметили обстоятельства, которые не дают поставить упомянутым политическим силам максимальный балл по шкале ИОЕИ: призывы реформировать иммиграционную политику и «провести новые переговоры о разграничении полномочий в ЕС меж-

ду Брюсселем и национальными правительствами» [Зверева 2017, с. 52].

Самой евроскептической из рассмотренных программ французских партий можно признать программу НФ 2017 г. Ее значение индекса отношения к европейской интеграции составило 3 балла, поскольку в документе выражено наибольшее недовольство конкретной деятельностью ЕС (в отраслях политики, упомянутых в исследованных текстах), а сам Евросоюз охарактеризован как неподотчетный институт. Наибольшее одобрение ЕС вызвал у «Республиканцев» (ИОЕИ = 12), хотя и они в 2017 г. критиковали деятельность Евросоюза в сфере сельского хозяйства, иностранных дел, социальной политики и контроля над иммиграцией.

Приведенные индикаторы демонстрируют, прежде всего, изменчивость позиций политических сил со временем. Например, с 2012 по 2017 г. евроскептицизм «Национального фронта» усилился, а после преобразования «Союза за народное движение» в партию «Республиканцы» ее члены заняли менее евроскептическую позицию. Как уже отмечалось, в ходе расчета ИОЕИ у «Непокоренной Франции» выявлен более радикальный евроскептицизм, чем у «Левого фронта»: количественно выражена степень расхождения позиций Ж.-Л. Меланшона и объединения, в котором его партия состояла ранее. Более того, проанализировав динамику евроскептицизма НФ, «Республиканцев» и сторонников Ж.-Л. Меланшона (в 2012 г. — в «Левом фронте», через 5 лет — в «Непокоренной Франции»), можно констатировать постепенную поляризацию всей национальной политической системы по отношению к европейской интеграции.

Применение ИОЕИ облегчает сравнение евроскептицизма партий, кон-

курирующих на одной политической арене. В частности, использование Индекса позволяет уточнить степень недовольства или поддержки Евросоюза партиями, находящимися в одной части политического спектра: например, выявить у «Левого фронта» сравнительно более евроскептическую ориентацию, чем у социалистов.

В данной статье подтверждена функциональность разработанного автором индекса отношения к европейской интеграции. На примерах французских партий продемонстрирована его применимость для оценки интенсивности евроскептицизма политических акторов по стандартизированной методике, чья структура обеспечивает верифицируемость и сопоставимость результатов исследования. Стоит отметить, что ИОЕИ позволяет синтетически количественно охарактеризовать взгляды политиков не только на ЕС в целом, но и на его деятельность в отдельных отраслях политики: благодаря этой особенности можно избежать трудностей сопоставления объемных и нестандартизованных выводов качественных исследований, сравнивая партии. Кроме того, показана релевантность значений Индекса (они сопоставлены с выводами качественных исследований об ориентации отдельных партий Франции, проведенных отечественными специалистами).

Использование Индекса позволяет оценить динамику изменения позиции партии, сравнить по единой методике идеологию партии в разные годы. С помощью ИОЕИ выявлены нюансы отношения к ЕС на одних флангах политического спектра: в частности, «Левый фронт» представляется более евроскептическим, чем Социалистическая партия. Кроме того, Индекс позволяет идентифицировать схожие постулаты в идеологии евроскептических партий, на основе которых может развиваться их сотрудничество.

Список литературы

- Басов Ф.А. (2017) Германия в Европейском Союзе: от экономического локомотива к политическому лидерству // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. Т. 10. № 1. С. 33–52.
- Варакина А.А. (2009) Современные французские партии о Европарламенте // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Серия 6. Политология. Международные отношения. № 4. С. 144–150.
- Вершинин А.А. (2016) Французские ультраправые на рубеже веков // *Современная Европа*. № 3. С. 66–78.
- Вершинин А.А. (2017) «Непокоренный» Меланшон заходит на второй круг // Клинова М.В., Кудрявцева А.К., Тимофеев П.П. (ред.) *Президентские выборы во Франции-2017*. М.: ИМЭМО РАН. С. 38–40.
- Громогласова Е.С., Либман А.М. (2015) Политико-эконометрический анализ трансформации партийных систем в Евросоюзе // *Мировая экономика и международные отношения*. № 4. С. 5–17.
- Зверева Т.В. (2017) Франция и будущее евроинтеграции // Клинова М.В., Кудрявцева А.К., Тимофеев П.П. (ред.) *Президентские выборы во Франции-2017*. М.: ИМЭМО РАН. С. 51–55.
- Кавешников Н.Ю., Доманов А.О. (2018) Методика оценки евроскептических настроений на примере политических партий Великобритании // *Международные процессы* (в печати).
- Канинская Г.Н. (2009) Что в имени твоём? О французских левых // *Французский ежегодник*. № 1. С. 29–53.
- Клинова М.В. (2017) Экономические аспекты программ М. Ле Пен и Ж.-Л. Меланшона // Клинова М.В., Кудрявцева А.К., Тимофеев П.П. (ред.) *Президентские выборы во Франции-2017*. М.: ИМЭМО РАН. С. 20–24.
- Наумова Н.Н. (2017) Особенности предвыборной программы М. Ле Пен — 2017 // Клинова М.В., Кудрявцева А.К., Тимофеев П.П. (ред.) *Президентские выборы во Франции-2017*. М.: ИМЭМО РАН. С. 26–28.
- Преображенская А.А., Смирнов В.П., Зуева К.П., Тимофеев П.П. (2013) Мир. Вызовы глобального кризиса. Франция // *Мировая экономика и международные отношения*. № 11. С. 70–83.
- Работяжев Н.В. (2012) Европейская социал-демократия в поисках адаптации к меняющемуся миру // *Полития*. № 3. С. 146–167.
- Рубинский Ю.И. (2012) Франция на новом витке истории: выборы 2012 года // *Современная Европа*. № 4. С. 19–33.
- Рубинский Ю.И. (2016) Франция: два съезда // *Современная Европа*. № 2. С. 87–91.
- Тимофеев П.П. (2017) Французский евроскептицизм: истоки и современность // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. Т. 10. № 1. С. 53–68.
- Узнародов И.М. (2015) Евроскептицизм после кризиса // *Современная Европа*. № 1. С. 26–36.
- 144 Engagements Présidentiels. Marine 2017 (2017) // *Rassemblementnational.fr* // <https://www.rassemblementnational.fr/pdf/144-engagements.pdf>, дата обращения 8.03.2018.
- Charte des Socialistes pour le Progrès Humain // *Parti-socialiste.fr* // <http://www.parti-socialiste.fr/les-socialistes/nos-values/charte-des-socialistes-pour-le-progres-humain/>, дата обращения 8.03.2018.
- Conti N. (2003) *Party Attitudes to European Integration: A Longitudinal Analysis of the Italian Case*, Falmer: Sussex European Institute.
- Easton D. (1965) *A Systems Analysis of Political Life*, New York: Wiley.
- Flood C. (2002) *Euroscepticism: A Problematic Concept (Illustrated with Reference to France)* // *UACES.org* // <http://uaces.org/documents/papers/0201/flood.pdf>, дата обращения 8.03.2018.

La France en Commun. Les Communistes Proposent // PCF.fr // http://2017.pcf.fr/notre_engagement, дата обращения 8.03.2018.

Le Projet de Marine Le Pen (2012) // Web.archive.org // <https://web.archive.org/web/20120418192704/http://www.frontnational.com/le-projet-de-marine-le-pen/>, дата обращения 8.03.2018.

L'Humain d'abord (2012) // PCF.fr // <http://www.pcf.fr/18549>, дата обращения 8.03.2018.

Majorité pour la France. Union de la Droite et du Centre. Projet (2012) // Republicains.fr // <https://www.republicains.fr/projet>, дата обращения 8.03.2018.

Markowski R., Tucker J. (2007) Political Representation and Euroscepticism: Evidence from Poland // European Elections after Eastern Enlargement: Preliminary Results from the European Election Study 2004 (eds. Marsh M., Mikhaylov S., Schmitt H.), Mannheim: The Connex Report Series, pp. 53–70.

Meyer T., Jenny M. (2013) Measuring Error for Adjacent Policy Position Estimates: Dealing with Uncertainty Using CMP Data // Electoral Studies, no 32, pp. 174–185.

Sortir des Traités Européens // LAEC.fr // <https://laec.fr/chapitre/4/sortir-des-traites-europeens>, дата обращения 8.03. 2018.

Euroscepticism Level of French Parties Determined by the Content-analysis of Their Pre-election Manifestos

Aleksey O. DOMANOV

Junior Research Fellow, Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences.
Address: 2, Nikitskij lane, Moscow, 125009, Russian Federation. E-mail: domanov.aleksey@gmail.com

CITATION: Domanov A.O. (2018) Euroscepticism Level of French Parties Determined by the Content-analysis of Their Pre-election Manifestos. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 11, no 3, pp. 199–212 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-3-199-212

ABSTRACT. *The dynamics of Euroscepticism intensity of some French parties is analysed in the given article with the use of Attitude to European integration index. The degree of criticism of the EU is evaluated quantitatively (1-13 points) based on the following data extracted from 2010-2017 party manifestos: attitude to the principal idea of European integration, affective and instrumental support or discontent of the EU, the perception of the EU as an (un-) accountable institution. The elaborated method was proven to be instrumental and reliable for*

Euroscepticism studies by finding correspondence between the quantitative values of the Index and Russian scholars' qualitative estimates. This standardized approach to measurement allowed not only to reveal the general attitude of a particular party towards European integration, but also to compare the obtained estimates with indicators for past years, for other parties, and also in other countries. The developed scale let ascertain some strengthening of National Front's and J.-L. Melenchon's supporters' (nowadays – from "Unbowed France") Euroscep-

ticism and weakening criticism of the EU by gaullists from the “Union for the Popular Movement” and the “Republicans”. Relatively stronger Euroscepticism of the French Communist Party in comparison to the Socialist Party has been confirmed.

KEY WORDS: *the European Union, Euroscepticism, quantitative method, France, party The National Front, politics, European Union*

References

- 144 Engagements Présidentiels. Marine 2017 (2017). *Rassemblementnational.fr*. Available at: <https://www.rassemblementnational.fr/pdf/144-engagements.pdf>, accessed 8.03.2018.
- Basov F.A. (2017) Germaniya v Evropejskom Soyuze: ot ekonomicheskogo lokomotiva k politicheskomu liderstvu [Germany in the European Union: from an Economic Locomotive to Political Leadership]. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 10, no 1, pp. 33–52.
- Charte des Socialistes pour le Progrès Humain. *Parti-socialiste.fr*. Available at: <http://www.parti-socialiste.fr/les-socialistes/nos-valeurs/charte-des-socialistes-pour-le-progres-humain/>, accessed 8.03.2018.
- Conti N. (2003) *Party Attitudes to European Integration: A Longitudinal Analysis of the Italian Case*, Falmer: Sussex European Institute.
- Easton D. (1965) *A Systems Analysis of Political Life*, New York: Wiley.
- Flood C. (2002) Euroscepticism: A Problematic Concept (Illustrated with Reference to France). *UACES.org*. Available at: <http://uaces.org/documents/papers/0201/flood.pdf>, accessed 8.03.2018.
- Gromoglasova E.S., Libman A.M. (2015) Politiko-ekonometricheskij analiz transformatsii partijnykh sistem v Evrosoyuze [Political and Econometric Analysis of Transformations in the EU Party Systems]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, no 4, pp. 5–17.
- Kaninskaya G.N. (2009) Chto v imeni tvoem? O frantsuzskikh levykh [What Is in Your Name? On the French Left]. *Frantsuzskij ezhegodnik*, no 1, pp. 29–53.
- Kaveshnikov N.Yu., Domanov A.O. (2018) Metodika otsenki evroskepticheskikh nastroyenij na primere politicheskikh partij Velikobritanii [A Method for the Evaluation of Eurosceptic Attitudes at the Example of UK Political Parties]. *Mezhdunarodnye protsessy* (in printing).
- Klinova M.V. (2017) Ekonomicheskie aspekty programm M. Le Pen i Zh.-L. Melanshona [Economic Aspects of M. Le Pen and J.-L. Melenchon's Manifestos]. *Prezidentskie vybory vo Frantsii-2017* [Presidential Elections in France in 2017] (eds. Klinova M.V., Kudryavtseva A.K., Timofeev P.P.), Moscow: IMEMO RAN, pp. 20–24.
- La France en Commun. Les Communistes Proposent. *PCF.fr*. Available at: http://2017.pcf.fr/notre_engagement, accessed 8.03.2018.
- Le Projet de Marine Le Pen (2012). *Web.archive.org*. Available at: <https://web.archive.org/web/20120418192704/http://www.frontnational.com/le-projet-de-marine-le-pen/>, accessed 8.03.2018.
- L'Humain d'abord (2012). *PCF.fr*. Available at: <http://www.pcf.fr/18549>, accessed 8.03.2018.
- Majorité pour la France. Union de la Droite et du Centre. Projet (2012). *Republicains.fr*. Available at: <https://www.republicains.fr/projet>, accessed 8.03.2018.
- Markowski R., Tucker J. (2007) Political Representation and Euroscepticism: Evidence from Poland. *European Elections after Eastern Enlargement: Preliminary Results from the European Election Study 2004* (eds. Marsh M., Mikhaylov S., Schmitt H.), Mannheim: The Connex Report Series, pp. 53–70.

Meyer T., Jenny M. (2013) Measuring Error for Adjacent Policy Position Estimates: Dealing with Uncertainty Using CMP Data. *Electoral Studies*, no 32, pp. 174–185.

Naumova N.N. (2017) Osobennosti predvybornoj programmy M. Le Pen-2017 [The Features of M. Le Pen's Manifesto in 2017]. *Prezidentskie vybory vo Frantsii-2017* [Presidential Elections in France in 2017] (eds. Klinova M.V., Kudryavtseva A.K., Timofeev P.P.), Moscow: IMEMO RAN, pp. 26–28.

Preobrazhenskaya A.A., Smirnov V.P., Zueva K.P., Timofeev P.P. (2013) Mir. Vyzovy global'nogo krizisa. Frantsiya [World. The Challenges of Global Crisis. France]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, no 11, pp 70–83.

Rabotyazhev N.V. (2012) Evropejskaya sotsial-demokratiya v poiskakh adaptatsii k menyayushchemusya miru [European Social Democratic Movements in Pursuit of Adaptation to a Changing World]. *Politiya*, no 3, pp. 146–167.

Rubinsky Yu.I. (2012) Frantsiya na novom vitke istorii: vybory 2012 goda [A New History Development in France: 2012 Elections]. *Sovremennaya Evropa*, no 4, pp. 19–33.

Rubinsky Yu.I. (2016) Frantsiya: dva s'ezda [France: Two Conventions]. *Sovremennaya Evropa*, no 2, pp. 87–91.

Sortir des Traités Européens. *LAEC.fr*. Available at: <https://laec.fr/chapitre/4/sortir-des-traites-europeens>, accessed 8.03.2018.

Timofeev P.P. (2017) Frantsuzskij evroskeptitsizm: istoki i sovremennost' [French Euroscepticism: History and the Present Time]. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 10, no 1, pp. 53–68.

Uznarodov I.M. (2015) Evroskeptitsizm posle krizisa [Euroscepticism after the Crisis]. *Sovremennaya Evropa*, no 1, pp. 26–36.

Varakina A.A. (2009) Sovremennye frantsuzskie partii o Evroparlamente [Contemporary French Parties on the European Parliament]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 6. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya*, no 4, pp. 144–150.

Vershinin A.A. (2016) Frantsuzskie ul'tralevye na rubezhe vekov [The French Ultra-left at the Turn of the Century]. *Sovremennaya Evropa*, no 3, pp. 66–78.

Vershinin A.A. (2017) «Nepokoryonnyj» Melanshon zakhodit na vtoroj krug [“Unbowed” Melenchon Starts Second Round]. *Prezidentskie vybory vo Frantsii-2017* [Presidential Elections in France in 2017] (eds. Klinova M.V., Kudryavtseva A.K., Timofeev P.P.), Moscow: IMEMO RAN, pp. 38–40.

Zvereva T.V. (2017) Frantsiya i budushchee evrointegratsii [France and the Future of European Integration]. *Prezidentskie vybory vo Frantsii-2017* [Presidential Elections in France in 2017] (eds. Klinova M.V., Kudryavtseva A.K., Timofeev P.P.), Moscow: IMEMO RAN, pp. 51–55.

Точка зрения

Правовое регулирование финансирования политических партий в Королевстве Испании и Российской Федерации: сравнительный анализ

Наталья Игоревна ПЛАТОНОВА

кандидат юридических наук, старший преподаватель, МГИМО МИД России.

Адрес: 119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76. E-mail: platonovani@gmail.com

Гарегин Николаевич МИТИН

кандидат юридических наук, управляющий партнер Консалтингового бюро T&M.

Адрес: 123112, Москва, набережная Пресненская, д. 8. E-mail: garegin.mitin@gmail.com

ЦИТИРОВАНИЕ: Платонова Н.И., Митин Г.Н. (2018) Правовое регулирование финансирования политических партий в королевстве Испании и Российской Федерации: сравнительный анализ // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 11. № 3. С. 213–229. DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-3-213-229

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена изучению опыта правового регулирования современных механизмов финансирования политических партий Российской Федерации и Королевства Испании. В современном мире эффективность политических партий напрямую зависит от возможности привлечь необходимый объем финансовых ресурсов. В этих условиях задачей любого демократического государства является создание такой модели партийного финансирования, которая минимизировала бы влияние «частных денег» и при этом не допускала бы огосударствления партий. При формировании такой модели необходимо принимать во внимание особенности становления института политических партий и их финансирования, сложившуюся практику. Полезным также является изучение опыта зарубежных стран. В настоящей работе исследуются особенности правового регулирования источников партийного фи-

нансирования в России и Испании. Значительное внимание уделяется вопросам государственного финансирования, как прямого, так и косвенного. Подчеркивается роль последнего для развития партийной конкуренции. Отмечается, что государственное финансирование должно осуществляться на базе определенных принципов. Наряду с принципами законности и прозрачности, выделяются принципы «разумности» и «отражения поддержки избирателей». Авторы изучили последние изменения законодательства обоих государств в области регулирования порядка предоставления государственных субсидий. Определяются тенденции развития института партийного финансирования. Особое место в статье отводится вопросам частного финансирования партий, особенностям подходов законодателей относительно определения источников частного партийного финансирования. Отмечаются тенденции ужесточать

ограничения размеров пожертвований, а также лиц, обладающих соответствующим правом, возможности привлечения кредитных денежных средств. Сравнительно-правовой анализ, а также анализ данных финансовых отчетов политических партий России и Испании позволяют по-новому взглянуть на проблемы формирования сбалансированной модели партийного финансирования.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *политические партии, финансирование политических партий, государственное партийное финансирование, пожертвования, вступительные взносы, членские взносы, финансовая отчетность, займы (кредиты)*

*Голодные деньги
порой просят над бульваром...*

Федерико Гарсиа Лорка¹

Прошлый век для обоих государств был насыщен революционными событиями, братоубийственной гражданской войной, свержением монархии и жестокой диктатурой. В отличие от России, Испания не отделялась от остальной Европы и пришла к демократии примерно на десять лет раньше, чем Россия [Волкова, Дементьев 2005, с. 5, 85]. Например, первый Закон о политических партиях был принят там в 1978 г., а первый Органический закон о финансировании политических партий – в 1987 г. Несмотря на такое отставание, ряд положений российского законодательства о финансировании политических партий более прогрессивны с позиций кон-

троля. Участие России и Испании в глобальных и европейских международных организациях, особенно Совете Европы и ОБСЕ, постепенно нивелирует подходы в регулировании демократических процессов.

За последние пять лет изменения в Федеральный закон от 11.07.2001 № 95-ФЗ «О политических партиях» (далее – Федеральный закон «О политических партиях»)² по вопросам финансирования политических партий вносились, полагаем, исключительно на основании докладов и рекомендаций Группы государств против коррупции (далее – ГРЕКО)³. Органический закон о финансировании политических партий (Ley Orgánica 8/2007 sobre Financiación de los Partidos Políticos)⁴ (далее – Закон о финансировании партий) также не остался без внимания этой организации – соответствующие изменения вносились в 2012 и 2015 гг.

Мы последовательно рассмотрим правовое регулирование государственного и частного финансирования политических партий в Испании и России с учетом последних изменений законодательства и подходов ГРЕКО.

Государственное финансирование политических партий

Одним из основных источников партийного финансирования в России и Испании является государственное финансирование. Несмотря на не утихающие споры относительно целе-

1 [Лорка 1983, с. 127].

2 Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 29. Ст. 2950.

3 Имеются в виду Федеральные законы от 28.06.2014 № 185-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О политических партиях”» (Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 26. Ст. 3391) Федеральный закон от 05.12.2017 № 375-ФЗ «О внесении изменений в статьи 29 и 34 Федерального закона “О политических партиях”» (Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 50. Ст. 7546). Законы, по которым индексировались размеры государственного финансирования политических партий, сюда не относятся.

4 BOE num. 160, de 04 de julio de 2007 // <https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-2007-13022>, дата обращения 21.04.2018.

сообразности данного института, поддержка партий со стороны государства предоставляет шанс вновь созданным партиям выступить на политическую арену⁵. При этом в первую очередь речь идет о косвенном государственном финансировании партий.

Следует отметить, что государственное партийное финансирование должно осуществляться на основе принципов разумности и отражения интересов граждан. На современном этапе четкого определения или некой формулы, позволяющей точно определить разумный размер государственных субсидий, не существует. С одной стороны, он должен позволять небольшим и вновь созданным партиям участвовать в политической борьбе, с другой – не ведет к огосударствлению этих политических институтов.

Согласно принципу отражения интересов граждан, государство должно финансировать политические партии с учетом поддержки их населением (в зависимости от количества полученных голосов на последних предыдущих выборах или мест в парламенте).

Таким образом, задача государства – создать систему финансирования партий, представляющую собой некий баланс между публичным и частным финансированием, чтобы предотвратить политическую коррупцию [Платонова (1) 2013, с. 88]. В испанской модели, как и в российской, едва ли существует такой баланс. В Испании для крупнейших партий характерна преобладающая роль государства. Стоит от-

метить, что всего на территории этого государства зарегистрировано 4772 политические партии. Столь значительное число объясняется рядом факторов: легкостью процедуры регистрации партии и отсутствием требований относительно минимальной численности ее членов, а также правом создания на территории отдельных автономных областей, в Стране Басков и Каталонии. Однако большинство этих партий существуют лишь на бумаге. Последние выборы показали, что в них приняла участие всего 51 партия, 20% из которых созданы в течение года-двух до проведения указанных выборов. По результатам прошедших в 2016 г. выборов 16 партий вправе получать прямое государственное финансирование⁶, 9 из них представлены в парламенте⁷.

Доля государственного участия в формировании крупнейших партий Испании может быть охарактеризована как бюджетобразующая (рис. 1) и составляет от 47 до 90%⁸.

В связи с этим представляется возможным говорить об огосударствлении политических партий. Эта модель не однократно подвергалась критике, в том числе со стороны ГРЕКО, которая в своих отчетах указывала на необходимость внести изменения в действующее законодательство. Несмотря на реформирование системы партийного финансирования (относительно частного партийного финансирования, ограничения объемов государственного финансирования и т.д.), проблема слишком значительного влияния на де-

5 Third Evaluation Round. Second Compliance Report on Spain. Transparency of Party Funding. Adopted by GRECO at its 60th Plenary Meeting, Strasbourg, June 17–21, 2013 // <https://rm.coe.int/16806c9db2>, дата обращения 21.04.2018.

6 Gálvez J.J. (2017) Spain: 4,772 Political Parties and Counting // El País, August 15, 2017 // http://elpais.com/elpais/2017/08/15/inenglish/1502785263_174098.html, дата обращения 21.04.2018.

7 В России, для сравнения, зарегистрированы 70 политических партий. Из них, согласно сводным финансовым отчетам, осуществляют деятельность не более 25. Средства от государства получают лишь 4, что связано с установленным барьером в 3% для получения доступа к государственному прямому финансированию.

8 Pina R. (2017) El 80% de los Ingresos de los Partidos Proceden de Fondos Públicos // El Mundo, March 24, 2017 // <http://www.elmundo.es/espana/2017/03/24/58d4369646163f9b648b4626.html>, дата обращения 21.04.2018.

тельность партий со стороны государства при помощи финансовых инструментов так и не была решена.

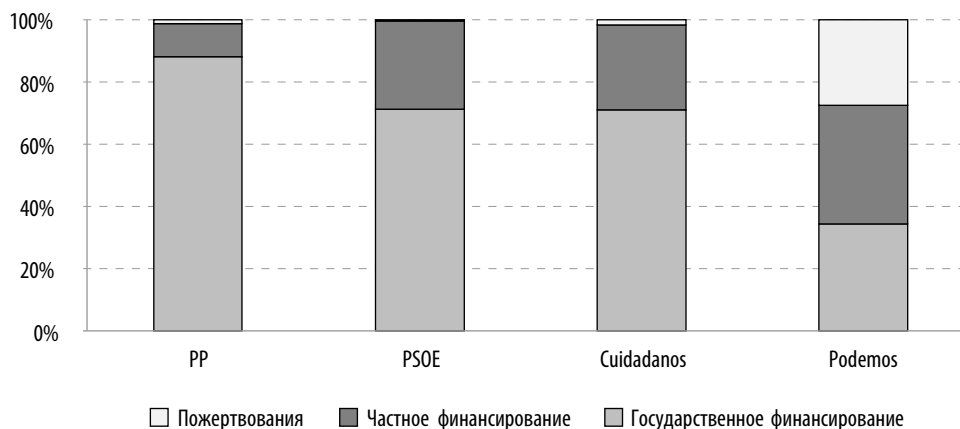
Интересен и заслуживает внимания опыт Испании в области допуска политических партий к средствам государственного субсидирования. В отличие от России, где установлен трехпроцентный барьер, испанские партии вправе рассчитывать на финансовую поддержку со стороны государства независимо от результатов выборов, что позволяет малым и вновь созданным партиям получать необходимые для развития ресурсы. А поскольку государственная поддержка партиям осуществляется в форме выплат и косвенного финансирования, установление указанного барьера не способствует развитию партийной конкуренции. В подобных условиях партии вынуждены прибегать к иным источникам финансовых ресурсов, что может привести их к потере независимости при принятии политических решений.

В целом для России доля государственных средств в бюджетах политических партий (лишь 4 из них получают прямое государственное финансирование) менее значительна (рис. 2). Дан-

ные, приведенные на рисунках 1 и 2, позволяют говорить о том, что в России сложилась более сбалансированная система партийного финансирования. Действительно, при формировании своих бюджетов партии России в большей степени тяготеют к частным источникам. Это связано в том числе и с введением в 2015 г. в Испании запрета на пожертвования от юридических лиц, а максимальный размер подобных поступлений от физических лиц был сокращен вдвое. В России подобные изменения также обсуждались, однако не были приняты. Напротив, в 2016 г. Федеральным законом «О внесении изменений в Федеральный закон “О политических партиях”» объем средств, выделяемых из федерального бюджета на поддержку партий, увеличен на 38%. Что едва ли соответствует принципу разумности.

Рассмотрим подробнее порядок осуществления прямого государственного партийного финансирования партий Испании и России. В соответствии с Федеральным законом «О политических партиях» государственные средства предоставляются в двух случаях:

Рис. 1. Доля источников партийного финансирования в бюджетах партий Испании за 2015 год

1) если федеральный список кандидатов, выдвинутый политической партией на выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, получил по результатам выборов не менее 3 процентов голосов избирателей, принявших участие в голосовании по федеральному избирательному округу;

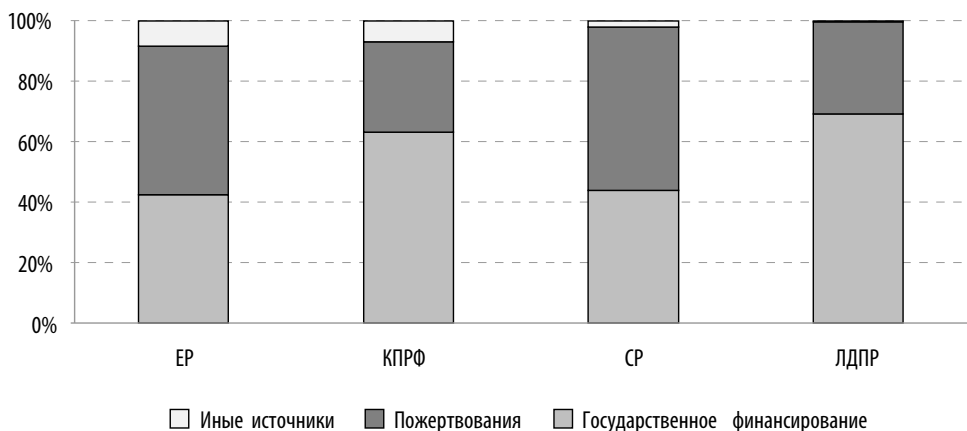
2) если зарегистрированный кандидат на должность Президента Российской Федерации, выдвинутый политической партией, получил по результатам выборов не менее 3 процентов голосов избирателей, принявших участие в голосовании¹⁰.

Согласно Федеральному закону от 19.12.2016 № 415-ФЗ «О федеральном бюджете на 2017 год и на плановый период 2018 и 2019 годов» государственная поддержка политических партий

осуществляется «в целях компенсации затрат по их участию»¹¹ в выборах. Однако это положение допустимо лишь во втором случае – при выборах Президента Российской Федерации. Именно тогда субсидии государства предоставляются одновременно и по сути являются компенсацией затрат на избирательную кампанию. Государственное финансирование партий по результатам выборов депутатов в Государственную Думу, напротив, осуществляется ежегодно. Это позволяет говорить о наличии нецелевого государственного партийного финансирования, иными словами – финансирования их текущей деятельности.

Порядок определения размеров государственного финансирования по законодательству России довольно прост. И рассчитывается с июня

Рис. 2. Доля источников формирования партийных бюджетов в РФ в 2016 году⁹

9 Сводные финансовые отчеты политических партий Российской Федерации (2016) // ЦИК РФ // http://www.cikrf.ru/political-party/finance/svodn_otchet_16.php, дата обращения 21.04.2018.

10 Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 29. Ст. 2950.

11 По информации, опубликованной в «Российской газете» 23 декабря 2016 г.; данный Федеральный закон со всеми приложениями к нему опубликован на официальном Интернет-портале правовой информации по адресу: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102421077&intelsearch=%D4%E5%E4%E5%F0%E0%EB%FC%ED%FB%E9+%E7%E0%EA%EE%ED+%EE%F2+19.12.2016+%B9+415-%D4%C7+%AB%CE+%F4%E5%E4%E5%F0%E0%EB%FC%ED%EE%EC+%E1%FE%E4%E6%E5%F2%E5+%ED%E0+2017+%E3%EE%E4+%E8+%ED%E0+%EF%EB%E0%ED%E5%E2%F8%E9+%EF%E5%F0%E8%EE%E4+2018+%E8+2019+%E3%EE%E4%EE%E2%BB+>, дата обращения 21.04.2018.

2018 г. как 152 рубля за каждый голос избирателя, полученного партией на последних предыдущих выборах Президента РФ и депутатов Государственной думы РФ. Стоит отметить, что подобная система подвергается серьезной критике, так как в российских реалиях не создает условий для развития политической системы. Более того, исследователи отмечают и тот факт, что размер государственных субсидий определяют политические партии, имеющие представительство в парламенте, путем принятия соответствующего закона [Меликян 2011, с. 62]. При этом именно данные политические партии являются фактически единственными выгодоприобретателями, поскольку непосредственно заинтересованы в увеличении размера таких субсидий [Зорькин 2013, с. 42]. Существующий механизм определения размера субсидий не исключает возможности злоупотреблений [Ильин 2015, с. 90], выраженных в необоснованном увеличении размера государственных ассигнований, выделяемых на указанные цели. Потому представляется целесообразным предусмотреть, что изменения размеров государственного субсидирования вступают в силу в день начала работы Государственной Думы нового созыва. А также ограничить возможность принятия такого закона по срокам – скажем, не позднее, чем за полгода до окончания полномочий Государственной думы данного созыва. Учитывая существующие противоречия прямого государственного партийного финансирования в России, интересно будет обратиться к опыту Испании, которая также сталкивается со схожими проблемами. Правовую основу регулирования государственного финансирования политических партий Испании составляют: Органический закон «О политических партиях», Органический

закон 5/1985 «О выборах» и Органический закон «О финансировании политических партий». Последний в ст. 2(1) устанавливает, что государственное финансирование осуществляется в нескольких видах. Прежде всего речь идет о прямом государственном финансировании с целью возместить затраты на проведение избирательных кампаний. Эти средства перечисляются единовременно в год, следующий за годом, в котором состоялись выборы. В 2016 г. партиям было перечислено 15,5 млн евро на эти цели.

Следующим видом является прямое государственное финансирование на осуществление текущей деятельности политических партий, представленных в нижней палате парламента – Конгрессе депутатов Генеральных Кортесов Испании, которое осуществляется ежегодно. Размер этих инвестиций определяется правительством при разработке закона о бюджете на следующий год.

Интересным представляется порядок определения размеров текущего партийного государственного финансирования. Общая сумма государственных субсидий делится на три равные части. Две из них распределяются между партиями пропорционально процентам голосов, полученных на последних предыдущих выборах в Конгресс депутатов. Третья распределяется пропорционально полученным каждой политической партией на последних предыдущих выборах в указанную палату парламента местам. Таким образом, политические партии, не набравшие необходимого количества голосов для получения мест в законодательном органе страны, но все же пользующиеся поддержкой населения, получают государственную финансовую поддержку. В 2018 г. размер государственных ассигнований остался на уровне 2017 г. и составил 52,7 млн евро.

Стоит отметить, что подобные субсидии могут быть предусмотрены и законодательством автономных областей и Страны Басков для политических партий, представленных в их законодательных органах. В этом случае они также выплачиваются ежегодно, однако из средств бюджетов соответствующих автономных областей или Страны Басков.

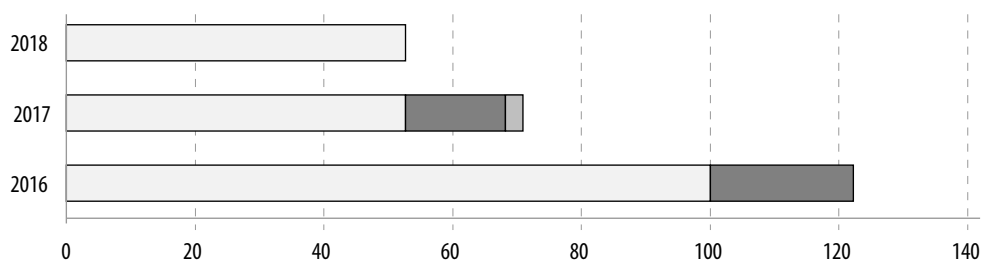
Также законодатель предусмотрел возможность предоставлять дополнительное государственное субсидирование партиям в качестве возмещения понесенных затрат на обеспечение безопасности своей деятельности (рис. 3).

Если сумма государственных субсидий, предоставляемых какой-либо партии, превышает 12 млн евро (что эквивалентно 836 млн руб.), то необходимо получить дополнительное разрешение-одобрение от кабинета министров

Испании. Лишь одна партия – Partido Popular соответствует этим критериям. Проведенный анализ позволяет говорить о том, что затраты государства на поддержку партий в России значительно выше, чем в Испании (рис. 4). Если в России затраты на поддержку партий составляют 0,047% от общего размера государственного бюджета, то в Испании этот показатель значительно меньше и составляет 0,005%.

Особое место в системе государственного финансирования политических партий занимает косвенное финансирование. Развитие именно этого института представляется наиболее соответствующим демократическим принципам государства. Он позволяет создать условия для политической борьбы и обеспечивает небольшим и вновь созданным партиям возможность участвовать в политической жизни страны. Однако, как правило, косвенное финансирование

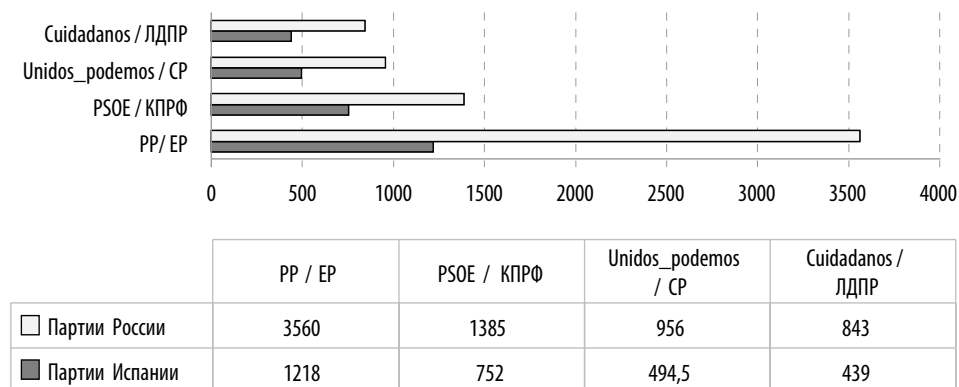
Рис. 3. Объемы выделяемых средств¹²

	2016	2017	2018
□ Текущее финансирование	100	52,7	52,7
■ Электоральное финансирование	22,2	15,5	0
■ (На безопасность)	0	2,7	0

12 El Gobierno Revalida en 2018 los 52,7 Millones de Euros para Subvenciones a Partidos Politicos (2018) // El Periódico, February 23, 2018 // <https://www.elperiodico.com/es/politica/20180223/el-gobierno-revalida-en-2018-los-527-millones-de-euros-para-subvenciones-a-partidos-politicos-6645821>, дата обращения 21.04.2018.

Рис. 4. Объем государственного финансирования крупнейших политических партий России и Испании на 2018 год, млн руб.¹³

предоставляется партиям в период проведения выборов.

Прежде всего речь идет о предоставлении бесплатного эфирного времени. Федеральным законом от 22.02.2014 № 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»¹⁴ предусматривается, что лишь те политические партии, которые смогли преодолеть трехпроцентный барьер голосов избирателей на последних предыдущих выборах в ГД РФ, вправе рассчитывать на бесплатное эфирное время.

Установление таких барьеров едва ли имеет основание и стимулирует развитие политической конкуренции. Чтобы усовершенствовать российское законодательство, необходимо отменить соответствующий барьер полученных голосов для доступа к СМИ. Однако стоит также иметь в виду и действующую поддержку партий со стороны избирателей. В этом случае интересен опыт Испании, где согласно ст. 56 Избирательного кодекса партиям предоставляется бесплатное эфирное время в государ-

ственных средствах массовой информации пропорционально процентам голосов, полученных политическими партиями на последних предыдущих выборах в Конгресс депутатов (табл. 1).

Такая система предоставления бесплатного эфирного времени отражает уровень существующей поддержки партии и предоставляет возможность заявить о себе и развиваться вновь созданным партиям.

Не менее важным является предоставление помещений и средств связи. Согласно российскому законодательству, партиям предоставляются помещения, находящиеся в государственной и (или) муниципальной собственности, на условиях, аналогичных условиям их предоставления государственным и муниципальным учреждениям. Государственный, муниципальный орган не вправе отказать партии в предоставлении помещений, залов, зданий при необходимости проведения партийных мероприятий [Авакьян 2011, с. 160]. Стоит отметить, что создание равных условий предоставления помещений и средств

¹³ Данные сводных финансовых отчетов политических партий, см.: www.cikrf.ru, дата обращения 21.04.2018.

¹⁴ Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 8. Ст. 740.

Таблица 1¹⁵. Бесплатное эфирное время, предоставляемое партиям в государственных СМИ

10 минут	Вновь созданным политическим партиям, не принимавшим участие в последних предыдущих выборах
15 минут	Политическим партиям, получившим не более 5% голосов
30 минут	Политическим партиям, получившим от 5 до 20% голосов
45 минут	Политическим партиям, получившим свыше 20% голосов

связи, находящихся в государственной и (или) муниципальной собственности, политическим партиям «преимущественно ложится на плечи государственных органов субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления» [Митин 2015, с. 42]. Схожие меры государственной поддержки предусмотрены и в Испании.

В период избирательных кампаний испанские политические партии пользуются значительными скидками на почтовые отправления, а также им предоставляется право пользования специальными местами для размещения агитационных материалов – так называемыми билбордами. Такие меры способствуют развитию добросовестной политической конкуренции.

Частное финансирование политических партий

Закон о финансировании партий, на первый взгляд, жестко очерчивает круг негосударственных источников партийного имущества (*recursos privados*):

- 1) членские взносы и сборы;
- 2) доходы от деятельности политической партии, включая продажу сувенирной продукции (*los productos de las actividades propias del partido*) и доходы от управления своими активами;

- 3) пожертвования физических лиц;
- 4) кредитные и заемные средства;
- 5) наследство или легат.

По существу, вторая позиция – доходы от деятельности политической партии – аналогична источникам денежных средств политической партии, указанным в подпунктах «г» и «д» пункта 1 статьи 29 Федерального закона «О политических партиях». Таким образом, в рассматриваемой части Федерального закона «О политических партиях» от испанского Закона о финансировании политических партий отличается только наличие иных не запрещенных законом поступлений (подпункт «е» пункта 1 статьи 29 Федерального закона «О политических партиях»). К этой категории относятся различные экстраординарные поступления вроде компенсаций, выплат по суду, возмещений затрат и т.п. [Митин 2015, с. 63]. Полагаем, что эти поступления испанские партии относят к доходам от своей деятельности.

Таким образом, по факту, несмотря на видимую жесткость в определении видов источников, испанские политические партии пользуются практически тем же их кругом, что и российские политические партии. При этом в Испании, по данным негосударственной организации Civio, с 2007 г. наблюдается рост поступлений из частных источ-

15 Gálvez J.J. (2017) Spain: 4,772 Political Parties and Counting // El Pais, August 15, 2017 // http://elpais.com/elpais/2017/08/15/inenglish/1502785263_174098.html, дата обращения 21.04.2018.

ников, в том числе пожертвований¹⁶. В России же для парламентских партий превалирует государственное финансирование¹⁷; а многие непарламентские партии вынуждены вести деятельность за счет средств, полученных от их руководства.

Взносы (las cuotas) – «денежные суммы, регулярно вносимые через первичные партийные организации в бюджет партии»¹⁸. Правовая природа членских взносов отлична от правовой природы пожертвований. Во-первых, взнос – это обязательный платеж, введение которого допускается законом и осуществляется уставом политической партии (подп. «а» п. 1 ст. 29 Федерального закона «О политических партиях», п. 2 ст. 123.6 Гражданского кодекса Российской Федерации). Во-вторых, круг субъектов, на которых возлагается обязанность уплачивать членские взносы, ограничен. В него входят только члены политической партии. В-третьих, должна быть предусмотрена внутрипартийная система мер, которые бы обеспечивали выполнение членами партии установленной обязанности по уплате членских взносов.

Поскольку, по-видимому, правоприменитель не в состоянии контролировать процесс взимания членских взносов, с учетом рекомендаций ГРЕКО было принято решение ограничить совокупный размер членского взноса от одного члена политической партии за год – 4 330 000 руб. (или примерно 360 833 руб. в месяц). Конечно,

такое ограничение наряду с установленными предельными размерами пожертвований и займов осложняет частное финансирование политической партии, в том числе использование этих институтов для оплаты выдвижения в качестве кандидата, места в списке кандидатов или депутатского мандата, но не препятствует этому. Например, один и тот же гражданин за год может перечислить политической партии 8 660 000 руб.: 4 330 000 руб. до вступления в политическую партию как пожертвования и столько же после вступления в качестве членского взноса.

Закон о финансировании партий не содержит никаких ограничений на размеры членских взносов и сборов, никаких требований к их перечислению (ср.: п.п. 5, 6 ст. 30 Федерального закона «О политических партиях»). В отличие от российских правоприменителей Счетный трибунал (Tribunal de Cuentas) видит необходимость в законодательном определении взносов для их разграничения с пожертвованиями в интересах контроля¹⁹.

Пожертвования (las donaciones) – первый по значимости источник партийного финансирования, поскольку не только обеспечивает политические партии денежными средствами, но и показывает уровень их поддержки в обществе. Второй такой индикатор – волонтерство, однако его учет вряд ли ведется самими политическими партиями²⁰.

Чтобы сохранять финансовую независимость политических партий, раз-

16 Gavilanes M.Á. (2016) Cómo se financian los Partidos Políticos? // Civio.es // <https://civio.es/el-boe-nuestro-de-cada-dia/2016/11/14/como-se-financian-los-partidos-politicos/>, дата обращения 21.04.2018.

17 Есть тому и сугубо юридическое объяснение – требования пункта 9 статьи 30 Федерального закона «О политических партиях».

18 Словарь по партийному строительству (1987). М.: Политиздат. С. 345.

19 Informe № 1.262 de 21 de diciembre de 2017 de Fiscalización de los Estados Contables de los Partidos Políticos y de las Aportaciones Percibidas por las Fundaciones y Demás Entidades Vinculadas o Dependientes de Ellos, Ejercicios 2014 y 2015 (2017) // Tcu.es, December 29, 2017 // www.tcu.es/repositorio/4b80fca6-2263-40f8-a9d2-fa82c4ddc174/11262.pdf, p. 961, дата обращения 21.04.2018.

20 У авторов настоящей статьи нет информации об учете волонтерства всеми российскими политическими партиями, а также испанскими политическими партиями.

меры пожертвований можно законодательно ограничивать. Предельные размеры пожертвований определены и в российском, и в испанском законах (п.п. 8, 9 ст. 30 Федерального закона «О политических партиях», п. «b» ч. 1 ст. 5 Закона о финансировании партий). Однако Закон о финансировании партий не содержит, на наш взгляд, дискриминационного ограничения на общий размер пожертвований, полученных партией за год в целом.

Кроме анонимных пожертвований (*donaciones anonimas*), Закон о финансировании политических партий запрещает целевые пожертвования и возвратные пожертвования, чтобы исключить влияние жертвователей на деятельность политических партий. Федеральный закон «О политических партиях» допускает целевые пожертвования, а вот требование возврата пожертвования может быть связано только с нарушением целевого использования пожертвования (п. 5 ст. 582 Гражданского кодекса Российской Федерации). То есть пожертвование политической партии нецелевого характера в принципе не может быть отменено (п. 6 ст. 582 Гражданского кодекса Российской Федерации).

Закон о финансировании политических партий разрешает пожертвования иностранных граждан (ст. 5 и ч. 1 ст. 7). Такая ситуация, вероятно, оправдана в рамках единой Европы, однако в отношении иных государств она выглядит нелогичной. Тем более что Общие правила против коррупции при финансировании политических партий и избирательных кампаний (далее – Общие правила), принятые 08 марта 2003 г. Комитетом министров Совета Европы, в статье 7 рекомендуют государствам-членам специально ограничивать, за-

прещать или иным образом регулировать пожертвования от иностранных юридических и физических лиц. Федеральный закон «О политических партиях» запрещает принятие пожертвований иностранных граждан и апатридов (подпункты «b» и «v» пункта 2 статьи 30).

Логика российского законодателя в отношении пожертвований юридических лиц заключается в том, чтобы отсечь участие в финансировании политических партий иностранных лиц и лиц, тесно с ними связанных, включая иностранных агентов, государственных (муниципальных) органов и организаций, а также юридических лиц, аффилированных с ними, или некоммерческих организаций, получавших деньги от таких органов и организаций. При этом ограничиваются простые способы обхода указанных запретов: запрещаются пожертвования юридическим лицам, зарегистрированным менее чем за год до перечисления пожертвования, а также посредничество некоммерческих организаций (подп. «н» и «о» п. 2 ст. 30 Федерального закона «О политических партиях»). Эти ограничения по большей части соответствуют требованиям статьи 5 Общих правил.

Испанский законодатель пошел радикальным путем, в 2015 г. полностью запретив пожертвования юридических лиц и объединений без статуса юридического лица (п. «с» ст. Закона о финансировании политических партий). Это изменение было обусловлено рекомендациями ГРЕКО и чередой коррупционных скандалов²¹. Составители справочника «Политические системы современных государств» отмечают, что «по данным различных социологических опросов, около 36% испанцев счи-

21 См., например: <http://www.alertadigital.com/2012/05/05/ciu-recibio-el-42-de-las-donaciones-anonimas-a-partidos-en-toda-espana/>; <https://www.20minutos.es/noticia/1699362/0/financiacion-ilegal/unio/pallerols/>, дата обращения 21.04.2018.

тают, что государство предпринимает недостаточные меры для борьбы с коррупцией» [Peres Francesch 2009, p. 250]. Запрет пожертвований юридических лиц как раз и позиционируется как мера борьбы с политической коррупцией [Миñoз 2013, p. 189].

В России организации, не являющиеся юридическими лицами, также не могут передавать денежные средства и иное имущество политическим партиям, за исключением случая с передачей имущества от организационного комитета к созданной политической партии (п. 3 ст. 13 Федерального закона «О политических партиях»).

Пожертвования юридических лиц для российских политических партий выступают значимым внешним источником финансовых средств (таблица 2).

Непарламентская политическая партия может получить значительную финансовую поддержку в виде пожертвований юридических и физических лиц только после участия в избирательной кампании, показывающего восприятие партии избирателями и адекватность

ведения самой кампании²³. Исключение – политические проекты, например партии-спойлеры (не всегда), партии, созданные для имитации конкуренции на выборах, и т.п.

Запрет пожертвований юридических лиц в Федеральном законе «О политических партиях», полагаем, приведет к использованию политическими партиями различных обходных схем, в том числе с использованием уже существующих околопартийных фондов (иных некоммерческих организаций) [Авакьян 2016, с. 239]. Вряд ли такой запрет серьезно повлияет на уровень политической коррупции, но видимый уровень доходов политических партий снизит. Возможно, произойдет перераспределение соотношений источников партийных доходов²⁴. Однако политические партии, в большей степени зависящие от пожертвований юридических лиц, будут изыскивать способы обходить запрет. Такая ситуация сделает эти политические партии потенциальными правонарушителями²⁵.

Таблица 2. Роль пожертвований как источника финансирования партий

Партия	Год	2013	2014	2015
	Доля пожертвований юридических лиц / граждан среди источников имущества, %			
ЕДИНАЯ РОССИЯ		25,29 / 1,48	38,00 / 1,91	18,48 / 2,69
КПРФ		1,49 / 2,48	2,39 / 2,30	1,21 / 0,78
ЛДПР		56,79 / 0,49	63,49 / 0,37	15,20 / 0,82
СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ		13,65 / 9,49	8,93 / 4,84	7,69 / 1,46
ЯБЛОКО		18,54 / 0,44	44,52 / 2,49	0,00 ²² / 0,31
КОММУНИСТЫ РОССИИ		0,00 / 9,62	0,00 / 0,32	3,94 / 0,03

22 Размер пожертвований юридических лиц мизерный и составляет 0,0040%.

23 Гипотеза, требующая подтверждения.

24 К сожалению, финансовые отчеты испанских политических партий не публикуются, поскольку нет такой обязанности по Закону о финансировании партий.

25 Правонарушение (у Н. Кристи речь идет о преступлении) – «это понятие, применяемое в определенных социальных ситуациях, когда это возможно и соответствует интересам одной или нескольких сторон. Мы можем создавать преступления созданием систем, которые требуют этого понятия. Мы можем ликвидировать преступления, создавая системы противоположного типа» (Крестуи Н. (2011) Причина боль. Роль наказания в уголовной политике. СПб.: Алетей. С. 75). Зачем из политических партий делать нарушителей?

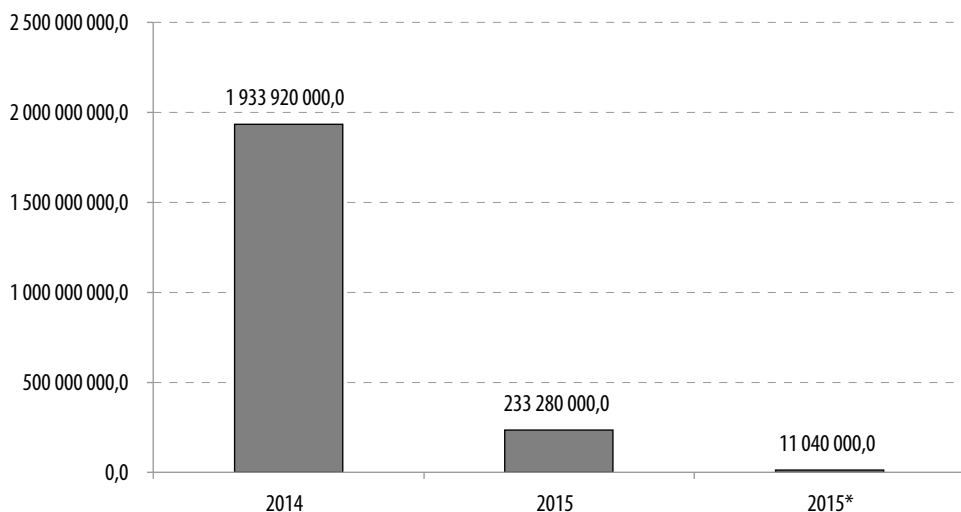
Таким образом, российская модель точечных запретов в отношении жертвователей представляется в российских же условиях оптимальной. При этом ни она, ни испанская модель полного запрета пожертвований юридических лиц не защищены от посредничества по передаче пожертвований²⁶.

Заемные средства, как правило, представляют собой способ финансирования политической партии ее руководителем (руководителями). Этот способ позволяет сохранять контроль за политической партией, защищать от «рейдерского захвата». Например, в 2015 г. Коммунистическая партия «Коммунисты России» получила заемных средств на несколько миллионов рублей только от двух лиц, занимающих в ней руководящие должности. Политическая пар-

тия «Патриоты России», как правило, ежегодно получает заемные средства от гражданина, имя которого полностью совпадает с именем лидера (председателя) партии.

Несмотря на фактическую функцию займов в партийном финансировании (кредитные договоры у российских политических партий не востребованы), на основании рекомендаций ГРЕКО российский законодатель установил предельные размеры займов (кредитных средств), выдаваемых политической партии, и обязал указывать сведения обо всех таких договорах в сводном финансовом отчете. Если прекращение обязательств по договору займа (кредитному договору) наступает не в результате исполнения, заемные средства приравниваются к пожертвованию.

Рис. 5. Общий размер долга политических партий Испании по банковским кредитам (€)²⁷

* На конец года.

26 Этот вопрос поднимался в правоприменительной практике: Определение Верховного Суда Российской Федерации от 07.12.2007 № 36-Г07-11.

27 Informe № 1.262 de 21 de diciembre de 2017 de Fiscalización de los Estados Contables de los Partidos Políticos y de las Aportaciones Percibidas por las Fundaciones y Demás Entidades Vinculadas o Dependientes de Ellos, Ejercicios 2014 y 2015 (2017) // Tcu.es, December 29, 2017 // www.tcu.es/repositorio/4b80fca6-2263-40f8-a9d2-fa82c4ddc174/11262.pdf, p. 953, data обращения 21.04.2018.

В Испании проблема состояла в отношениях политических партий с кредитными учреждениями. Первые получали кредиты на очень выгодных условиях по ставке ниже рыночной; возникавшие задолженности кредитные учреждения попросту списывали, часто кредитные договоры прекращались прощением долга [Платонова 2013, с. 94]. Кредитные средства, полученные партиями, вероятно, «осваивались» их руководящим составом.

На основании рекомендаций ГРЕКО испанский законодатель также ограничил размер заемных (кредитных) средств – €50 000, запретил установление процентной ставки ниже рыночной, в том числе ее изменение в ходе исполнения кредитного договора. Было запрещено и прекращение кредитного договора прощением основного долга, а равно и прощение процентов по нему (ч. 4 ст. 4 Закона о финансировании партий).

Оба закона, испанский и российский, допускают выдачу бессрочных займов. Авторы разделяют озабоченность Счетного трибунала²⁸, которая связана с необходимостью ограничить срок их предоставления, чтобы займы не использовались для обхода лимитов пожертвований.

В отличие от Федерального закона «О политических партиях», Закон о финансировании политических партий выводит *наследство и легат* (las herencias y legados) в отдельную категорию источников денежных средств политической партии (п. «е» ч. 2 ст. 2). С учетом положений гражданского законодательства Российской Федерации наследуемое политической партией имущество относится к доходам от гражданско-правовых сделок. В силу п. 4.1

ст. 31 Федерального закона «О политических партиях» политическая партия (ее региональное отделение) не вправе принимать наследство (завещательный отказ) иностранного гражданина. В Законе о финансировании партий такие ограничения не установлены, т.е. испанские политические партии вправе принимать наследство от иностранных граждан.

Нет в российском и испанском законах ограничений на размеры имущества, передаваемого по наследству: умерший собственник имущества никоим образом не может повлиять на деятельность политической партии.

Имущество, полученное политической партией в виде пожертвования или по наследству, подлежит оценке – требуется определить его *справедливую стоимость* (valor razonable). Федеральный закон «О политических партиях» требует оценки только имущества, полученного в виде пожертвования (п. 7 ст. 30), однако для целей бухгалтерского (финансового) учета оценивается стоимость любого имущественного объекта, принадлежащего политической партии.

Полагаем, что в связи с деятельностью ГРЕКО список ограничений в Федеральном законе «О политических партиях» в отношении юридических лиц будет расширяться: не исключается запрет на пожертвования юридических лиц, участвующих в государственных закупках. Однако полный запрет пожертвований юридических лиц может привести к росту теневого финансирования политических партий, да и политической деятельности в целом.

Формализация понятия «членский взнос», по нашему мнению, необходима и в Законе о финансировании поли-

28 Informe № 1.262 de 21 de diciembre de 2017 de Fiscalización de los Estados Contables de los Partidos Políticos y de las Aportaciones Percibidas por las Fundaciones y Demás Entidades Vinculadas o Dependientes de Ellos, Ejercicios 2014 y 2015 (2017) // Tcues, December 29, 2017 // www.tcu.es/repositorio/4b80fca6-2263-40f8-a9d2-fa82c4ddc174/11262.pdf, p. 962, дата обращения 21.04.2018.

тических партий, и в Федеральном законе «О политических партиях».

Мы полагаем, что под влиянием внешних (рекомендации ГРЕКО, ОБСЕ) и внутренних факторов (коррупционные скандалы, общественный мониторинг партийного финансирования, позиции испанских юристов) испанский законодатель введет требования к порядку перечисления пожертвований и членских взносов. Возможно, указанные требования будут аналогичны российским.

Заслуживающим внимания видится опыт Испании в области государственного партийного финансирования. Порядок распределения государственных средств между партиями, получившими право на такую поддержку, представляется в большей степени соответствующий демократическим ценностям.

Список литературы

- Авакьян С.А. (2011) Конституционно-правовой статус политических партий в России. Учебное пособие. М.: Норма.
- Авакьян С.А. (ред.) (2016) Противодействие коррупции: конституционно-правовые подходы. Коллективная монография. М.: Юстицинформ.
- Волкова Г.И., Дементьев А.В. (2005) Политическая история Испании. М.: Высшая школа.
- Лорка Ф.Г. (1983) Избранное: Стихи. Театр. Статьи. М.: Московский рабочий.
- Митин Г.Н. (2015) Финансирование политических партий: Теория и практические рекомендации. М.: ЛЕНАНД.
- Платонова Н.И. (1) (2013) Правовое регулирование источников финансирования текущей деятельности политических партий в Королевстве Испания // Л.А. Андреева (ред.) История государства и права, сравнительное правоведение. Новосибирск. С. 87–103.
- Платонова Н.И. (2) (2013) Цели и задачи деятельности политических партий // Современная юриспруденция: проблемы и решения (материалы международной заочной научно-практической конференции, 13 февраля 2013). Новосибирск: СибАК. С. 85–88.
- Peres Francesch J.L. (2009) La Financiación de los Partidos Politicos en España. Consideraciones a Partir de los Informes del Tribunal de Cuentas y de la Nueva Ley Organica 8/2007, de 4 de julio // Papers, no 92, pp. 249–271.
- Muñoz O. (2013) La Financiación de los Partidos Politicos en España: Ideas para un Debate // Revista Española de Derecho Constitucional, no 99, pp. 161–200.

Point of view

Legal Regulation of Political Party Financing in the Kingdom of Spain and the Russian Federation: Comparative Analysis

Natal'ya I. PLATONOVA

PhD in Law, Senior Lecturer, MGIMO of the MFA of Russia. Address: 76, Vernadskij Av., Moscow, 119454, Russian Federation. E-mail: platonovani@gmail.com

Garegin N. MITIN

PhD in Law, Managing Partner of the Consulting Bureau T & M. Address: 8, Presnenskaya Emb., Moscow, 123112, Russian Federation. E-mail: garegin.mitin@gmail.com

CITATION: Platonova N.I., Mitin G.N. (2018) Legal Regulation of Political Party Financing in the Kingdom of Spain and the Russian Federation: Comparative Analysis. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 11, no 3, pp. 213–229 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-3-213-229

ABSTRACTS. *This article deals with the modern mechanisms of the political parties financing in Russia and Spain. Nowadays the parties may be effective if they are effective in fundraising. That's why we may say that all and any democratic country shall create a balanced model of parties financing. Such model shall minimize the influence of private money and at the same time of public funds. For this purpose, it is necessary to take into consideration the peculiarities of the political system, order of parties funding and the practice. It is also useful to learn the experience of parties funding of foreign countries. The subject of this study is the legal regulation of sources of political parties financing in Russia and Spain. The special attention is paid to public funds and principles of legal regulation of it. Such principals are rule of law, transparency of parties funding as well as reasonableness and compliance with voters' support. The authors analyze recent amendments of law on political parties in the field of state subsidies. A great atten-*

tion is paid to private sources of parties financing. The study reveals the tendency of tightening of legal regulation of political parties funding especially concerning the amount of donations, donors and credits. The legal comparative study and analyze of financial reports helps to look at the problem of parties funding from other side.

KEY WORDS: *political parties, political parties' funding, state funding, donations, membership fee, financial reports, loan, credit*

References

Avakian S.A. (2011) *Konstitutsionno-pravovoj status politicheskikh partij v Rossii. Uchebnoe posobie* [Constitutional and Legal Status of Political Parties in Russia. Textbook]. Moscow: Norma.

Avakian S.A. (ed.) (2016) *Protivodejstvie korruptsii: konstitutsiono-pravovye podkhodi: kollektivnaya monografiya* [Constitutional and Legal Status of Political Par-

ties in Russia. Textbook], Moscow: Ustiz-inform.

Lorka F.G. (1983) *Izbrannoe: Stikhi. Teart. Statii* [Favorites: Poems. Theatre. Articles], Moscow: Moskovskij rabochij.

Mitin G.N. (2015) *Finansirovanie politicheskikh partij: teoriya i prakticheskie rekomendatsii* [Political Party Financing: Theory and Practical Recommendations], Moscow: LENAND.

Muñoz O. (2013) La Financiación de los Partidos Politicos en España: Ideas para un Debate. *Revista Española de Derecho Constitucional*, no 99, pp. 161–200.

Platonova N.I. (1) (2013) Pravovoe regulirovanie istochnikov finansirovaniya tekushchej deyatel'nosti politicheskikh partij v korolevstve Ispanii [Legal Regulation of Sources of Financing of Current Activities of Political Parties in the Kingdom of Spain]. *Istoriya gosudarstva i prava, sravnitel'noe pravovedenie. Kollektivnaya monografiya* [History of State and Law,

Comparative Law. Collective Monograph] (ed. Andreeva L.A.), Novosibirsk, pp. 87–103.

Platonova N.I. (2) (2013) Tseli i zadachi deyatel'nosti politicheskikh partij [Goals and Objectives of Political Parties]. *Sovremennaya yurisprudentsiya: problemy i resheniya (materialy mezhdunarodnoj konferentsii 13 fevraliya 2013)* [Modern Jurisprudence: Problems and Solutions (Proceedings of the International Correspondence Scientific-Practical Conference, February 13, 2013)], Novosibirsk: SibAK, pp. 85–88.

Peres Francesch J.L. (2009) La Financiación de los Partidos Politicos en España. Consideraciones a Partir de los Informes del Tribunal de Cuentas y de la Nueva Ley Organica 8/2007, de 4 de julio. *Papers*, no 92, pp. 249–271.

Volkova G.I., Dementiev A.V. (2005) *Politicheskaya istoriya Ispanii* [Political History of Spain], Moscow: Visshaya shkola.

Антииммигрантские партии Европы: фальстарт или второе дыхание?

Андрей Эдуардович ЯШЛАВСКИЙ

кандидат политических наук, старший научный сотрудник, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук. Адрес: 117997, Москва, ул. Профсоюзная, д. 23. E-mail: dosier@mail.ru

ЦИТИРОВАНИЕ: Яшлавский А.Э. (2018) Антииммигрантские партии Европы: фальстарт или второе дыхание? // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 11. № 3. С. 230–244. DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-3-230-244

АННОТАЦИЯ. В статье оценивается активизация в Западной Европе праворадикальных политических партий, выступающих под антииммигрантскими лозунгами, на фоне миграционного кризиса 2010-х гг. Массовый приток беженцев и мигрантов приобрел политическое значение, вызвав целый ряд конфликтов (как на межгосударственном, так и национальном уровнях), обозначил для стран Европы многочисленные общественно-политические вызовы и совпал с ростом популярности популистских движений (как давно существующих в Европе, так и возникших в последние годы), выступающих за ограничение иммиграции. Но западноевропейские правопопулистские политические движения добивались определенных успехов и в предыдущие десятилетия, то есть задолго до пика миграционного кризиса. Иммигрантская тема активно эксплуатируется западноевропейскими правыми радикалами (например, французским «Национальным фронтом») с конца 1970-х – начала 1980-х гг. Однако очевидно, что миграционный кризис 2010-х гг. не только послужил триггером для активизации таких движений, выступающих, как правило, с критикой Европейского союза как «наднационального государ-

ства», диктующего свою волю входящим в него странам-членам, но и способствовал возникновению новых движений (например, «Альтернатива для Германии»). Поддержка популистских праворадикальных партий в 2017 г. оказалась в Европе выше, чем в любое другое время за последние 30 лет. В ряде стран (Германия, Австрия, Франция и т.д.) правопопулистские партии выступили на выборах различного уровня как серьезные конкуренты традиционных «системных» политических партий, получив представительство в национальных парламентах и/или правительственных коалициях. При этом правые радикалы демонстрируют попытки сменить имидж, двигаясь в сторону политического мейнстрима. Однако в обозримой перспективе вряд ли возможен кардинальный перелом и приход праворадикальных антииммигрантских партий к власти в странах Западной Европы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: правый радикализм, правый популизм, мигранты, иммиграция, беженцы, миграционный кризис, антииммигрантские партии, праворадикальные партии, Европа, ЕС, Европейский Союз, антииммигрантская политика

Миграция бьет рекорды

В 2010-х гг. Европа столкнулась с самым крупномасштабным за всю историю после Второй мировой войны притоком беженцев и мигрантов. По данным Eurostat, только за 2015 г., когда волна переселенцев достигла пика, страны – члены Евросоюза получили более 1,2 млн заявок на получение убежища (т.е. вдвое больше, чем в 2014 г.). При этом больше всего таких заявок зафиксировано в Германии (35% от общего их числа в странах ЕС), а также в Венгрии (14%), Швеции (12%), Австрии (7%), Италии (7%) и Франции (6%). В целом по Европейскому Союзу на 1 млн жителей входящих в него государств в 2015 г. пришлось в среднем 2470 чел., впервые подавших заявку на получение убежища¹.

Массовый приток мигрантов из ближневосточного и североафриканского регионов в европейские страны в 2010-е гг. и порожденный этим феноменом кризис самым серьезным образом отразились на европейской политике. Ситуация с притоком в Европу сотен тысяч людей из стран «третьего мира» вызвала целый ряд конфликтов на самых разных уровнях – на уровне Европейского Союза в целом, в двусторонних отношениях между странами – членами ЕС, в отношениях ЕС (и входящих в него отдельных стран) с государствами, не являющимися членами Евросоюза, а также внутри отдельных европейских стран, где иммигрантская проблема превратилась в проблему политическую и активно использовалась (используется и будет использоваться в перспективе) в политической (в частности, предвыборной) борьбе.

Целому ряду европейских стран пришлось столкнуться со множеством острых проблем социально-экономического, культурного, политического свойства – и эти проблемы нашли выражение, в том числе, в значительной активизации праворадикальных партий, часть которых сумела из разряда маргинальных перейти в число «мейнстримных» политических сил, с которыми волей-неволей приходится считаться.

Миграционный кризис также «поставил под сомнение общепризнанные европейские ценности – солидарность и ответственность», а в перспективе «приток беженцев и нелегалов из мусульманских стран усугубит существующие противоречия между ценностями ислама и традиционно светским европейским либерализмом, увеличит напряженность в европейском обществе» [Трофимова 2015, с. 151]. О напряженности в связи с миграционным кризисом можно говорить и на межгосударственном уровне. Хотя большинство стран – членов Евросоюза поддерживали систему квот на прием беженцев, ряд государств ЕС (речь, прежде всего, идет о новых членах Союза) отнеслись к ней критически. В открытую оппозицию стали Венгрия, Словакия, Румыния, Чехия, которые в притоке мигрантов видят угрозу не только социально-экономической стабильности, но и своей национальной и культурной идентичности. Близкую позицию заняла и Польша.

Вкупе с социально-экономическими и культурными аспектами проблемы массового притока мигрантов из стран «третьего мира» в Европу следует рассматривать вопросы безопас-

¹ Eurostat News Release. Asylum in the EU Member States Record Number of over 1.2 Million First Time Asylum Seekers Registered in 2015 (2016) // European Commission, March 4, 2016 // <http://ec.europa.eu/eurostat/documents/2995521/7203832/3-04032016-AP-EN.pdf/790eba01-381c-4163-bcd2-a54959b99ed6>, дата обращения 29.03.2018.

ности в связи с чередой террористических актов в европейских государствах, немалую часть которых осуществили или планировали осуществить отдельные представители мигрантского сообщества. Проявления терроризма многократно усилили страхи немалой части европейского населения, что не могло не сказаться на ее политических предпочтениях, качнувшихся в сторону симпатий к тем силам, которые так или иначе выступают за ограничение иммиграции, сокращение помощи уже находящимся в Европе мигрантам и т.п.

В то время как быстрый рост доли иммигрантов в населении обозначил для европейских стран серьезные социально-политические вызовы (в т.ч. проблемы ассимиляции, образования, трудоустройства), «для многих наблюдателей еще более фундаментальным вызовом стал одновременный рост крайне правых политических партий» [Davis, Deole 2017, p. 10]. Более того, как отмечает Г.И. Вайнштейн, «деятельность популистских и антиевропеистских партий воспринимается европейской правящей элитой как самая большая угроза, с которой сталкивается сегодня европейское сообщество» [Вайнштейн 2018, с. 29].

Хотя правительства большинства стран Западной Европы выразили готовность принимать беженцев и мигрантов, многие представители как академического, так и медийного сообщества обращают внимание на то, что миграционный кризис обнажил «расистское и ксенофобское днище Европы» [Filip 2017], свидетельством чего стал значительный рост поддержки праворадикальных, антиисламских и антииммигрантских партий в европейских странах («Альтернатива для Германии», «Йоббик» (Венгрия), «Национальный фронт» (Франция), «Золотая Заря» (Греция), Партия свободы (Австрия), «Истинные финны» (Финлян-

дия), «Шведские демократы», Датская Народная партия, Партия свободы (Нидерланды), Лига Севера (Италия). «Успех этих праворадикальных партий наводит на мысль, что вспышка кризиса с беженцами означает, что расистские, ксенофобские и антииммигрантские дискурсы, выражаемые их политиками, некогда считавшиеся неприемлемыми и низводившими эти партии на уровень маргинальных политического спектра в их странах, находят отклик у растущего числа людей по всей Европе», – не без оснований полагает исследователь из Университета Оттавы Б. Филип [Filip 2017]. Ему вторит журналист издания Politico К. О’Доннелл: «Националистические партии сейчас обрели точку опоры повсюду, от Италии до Финляндии, вызывая страхи, что континент пересматривает свои взгляды в пользу той политики, которая привела к катастрофе в первой половине XX века» [O’Donnell 2017].

Следует заметить, что иммигрантская тема не является чем-то новым ни для западноевропейских стран вообще (начавшись в конце 1950-х гг., иммиграция в Западную Европу никогда не прекращалась [Яшлавский 2017, с. 174–175]), ни для политической повестки дня западноевропейских праворадикальных партий. Так, еще в начале 1980-х гг. возглавляемый Ж.-М. Ле Пенем «Национальный фронт» во Франции активно включал антииммигрантские выпады в свою риторику, изображая иммигрантов (прежде всего выходцев из Магриба) преступниками (вообще же тема выдворения иммигрантов неевропейского происхождения присутствует в идеологических конструкциях НФ с конца 1970-х гг.). Уже тогда в политических кампаниях представителей «Национального фронта» звучали лозунги с призывом к «иммигрантам с другого берега Средиземного моря вернуться в свои хижины» [Dumont, Lorien, Criton 1985, p. 175].

Пытаясь объяснить феномен активизации антииммигрантских партий и движений в Западной Европе в 1980-х гг., большинство исследователей концентрировали внимание на причинах недовольства среди сторонников таких движений; объяснения состояли в том, что антииммигрантские силы получают поддержку со стороны людей, чувствующих угрозу из-за быстрых изменений, происходящих в постиндустриальных обществах. «Синие воротнички» с низким уровнем образования с большой долей вероятности теряют свои рабочие места в результате изменения способов производства. Более того, они конкурируют с иммигрантскими группами за ограниченные ресурсы – такие как рабочие места и жилье» [Van der Brug, D'Amato, Berkhout, Ruedin 2015, p. 11]. Вместе с тем следует признать, что объяснение симпатий к антииммигрантским партиям не может исчерпываться только социально-экономическими причинами: «тезис о чисто экономической конкуренции приходится отвергать в пользу тезиса, включающего культурные элементы» [Van der Brug, D'Amato, Berkhout, Ruedin 2015, p. 11]. С антииммигрантскими настроениями прочно ассоциируются и социодемографические факторы. В этой связи исследователи выделяют следующие факторы: 1) для развития антииммигрантских настроений должен наличествовать хотя бы минимальный уровень миграции в ту или иную страну, а неожиданный наплыв мигрантов (например, беженцев из районов военных действий или гастарбайтеров) может дополнительно вызывать изменения в настроениях; 2) граждане особенно обеспокоены проникновением людей, культурно и этни-

чески отличающихся от социально доминирующих групп; 3) политико-экономический подход высвечивает воздействие иммиграции на рынок труда, а также на политику «государства благосостояния» [Van der Brug, D'Amato, Berkhout, Ruedin 2015, p. 11].

«Многие [западноевропейские. – А.Я.] страны испытали рост антииммигрантских партий, сумевших добиться значительного электорального успеха в таких странах, как Австрия, Бельгия, Нидерланды, Швейцария, – указывают авторы изданной в 2015 г. коллективной монографии “Политизация миграции”. – Миграционная политика также бурно оспаривается, иногда даже с применением насилия, в странах, где антииммигрантские партии никогда не имели успеха на выборах, например в Британии и Германии. Это острое противодействие иммиграции в определенной мере не является чем-то неожиданным. Иммиграция толкает общества к структурным изменениям, которые производят постоянный и всеохватывающий процесс социальной дифференциации» [Van der Brug, D'Amato, Berkhout, Ruedin 2015, p. XIII].

В ряде стран представители ультраправых течений оказались в силах бросить вызов «системным» политикам на президентских выборах (так, кандидат от Партии свободы Н. Хофер и лидер «Национального фронта» М. Ле Пен сумели выйти во второй тур президентских выборов соответственно в Австрии (декабрь 2016) и во Франции (май 2017)). И в этой связи показательно, что автор изданной в 2011 г. работы «Радикальные правые изнутри: развитие антииммигрантских партий в Западной Европе» Д. Арт, говоря о том, что к началу XXI в. многие западно-

2 В сентябре 2017 г. на федеральных выборах в ФРГ антииммигрантская «Альтернатива для Германии» получила 12,6% голосов, а ее фракция в Бундестаге стала третьей по численности после ХДС/ХСС и СДПГ.

европейские праворадикальные партии сумели не только выжить, но и добиться определенных успехов, участвуя в правительственных коалициях, получая парламентское представительство на различных уровнях по всей Европе, утверждал: «Некоторые приближались к получению 30 процентов голосов на национальных выборах. Французский “Национальный фронт” никогда не достигал этой отметки, но попадание Ж.-М. Ле Пена во второй тур президентских выборов в 2002 г., несмотря на его незначительные шансы победить в этой гонке, обозначило кульминацию его политической карьеры» [Art 2011, p. 2]. Но если на выборах 2014 г. в Европейский парламент финишировавший первым среди французских партий «Национальный фронт» не дошел до 30-процентной отметки (набрав 24,86% голосов), то на президентских выборах 2017 г. во втором туре М. Ле Пен эту отметку преодолела, получив 33,9% голосов.

«Когда партии с ксенофобской повесткой становятся силой в парламенте той или иной страны, помогают влиять на ее законодательство и даже участвуют в правящей коалиции, они могут попытаться подогреть государственный национализм с дискриминационными и ограничительными ценностями, – считает канадский исследователь Р. Тарас. – В ЕС влияние националистических и/или антииммигрантских движений выросло в первом десятилетии нового столетия. Примеры включают Австрию, Бельгию, Данию и Нидерланды на Западе и Чешскую Республику, Венгрию и Словакию на Востоке. Радикальные партии возникли даже в Швеции, и они делают упор на необходи-

мости защитить национальную культуру и традиции, пытаясь тем самым вызвать эмоциональное недовольство по отношению к иностранцам» [Taras 2012, p. 94]. Следует заметить, что наряду с праворадикальными партиями, имеющими достаточно длительную историю, насчитывающую несколько десятилетий, на политическом небосклоне Европы восходят и новые «звезды» праворадикального спектра, оформившиеся лишь в 2000-е гг.

Общими для большинства западно-европейских праворадикальных партий являются продвижение ими националистических концепций; противостояние Европейскому союзу как наднациональному «государству» (заметим при этом, что в целом негативное отношение к ЕС у различных партий предполагает различные нюансы – от принятия с оговорками до полного отрицания³); поддержка идей, направленных на принятие жестких мер по борьбе с преступностью и ограничению иммиграции; поддержка ассимиляционной модели (в противовес мультикультурализму); антиэлитаристская риторика.

Антимигрантская позиция праворадикальных партий имеет различные аспекты, среди которых можно выделить социально-экономический (обеспокоенность растущими бюджетными тратами на оказание помощи мигрантам и беженцам, опасения за доступ коренного населения к рабочим местам и т.д.), демографический (озабоченность ростом численности населения, имеющего неевропейское происхождение, на фоне снижения рождаемости у местного населения). Отдельно следует выделить аспекты, связанные с опа-

3 Показательно, что в связи с объявленным выходом Великобритании из ЕС (т.наз. Brexit) в значительной степени снизился в глазах избирателей привлекательность выступающей с антииммигрантской повесткой Партии независимости Соединенного Королевства (UKIP). Если на парламентских выборах 2015 г. UKIP набрала 12,6% голосов (третье место), то в 2017 г. – всего 1,8%.

сениями за сохранение культурной, этнической и религиозной идентичности европейских обществ (в этой связи, в частности, выделяется алармистская тема «наступления ислама»). Тесно соседствует с этими аспектами и тема сохранения европейскими странами своей идентичности как демократии и свободного секулярного общества (например, эта тема звучала весьма остро во время «карикатурного скандала» в Дании, а также в связи с терактами против французского сатирического еженедельника *Charlie Hebdo*).

В поисках альтернативы

Мигрантская тема в идеологических построениях и риторике праворадикальных партий Западной Европы тесно соседствует с критикой Евросоюза, в данном случае – как наднационального объединения, чересчур активно вмешивающегося во внутренние дела стран-членов и диктующего европейским государством их политику по отношению к иммигрантам. При этом, по словам Г. Вайнштейна, «феномен так называемого евроскептицизма (более или менее радикальной критики проекта европейского объединения), представлявший собой до недавнего времени маргинальное для европейской политики явление, все отчетливее выходит на политическую авансцену» [Вайнштейн 2015, с. 40].

Показательно, что одна из наиболее активных во второй половине 2010-хх гг. западноевропейских антииммигрантских партий, «Альтернатива для Германии» (АдГ), возникла изначально в качестве правоцентристского движения евроскептиков, выступавших, в частности, не столько про-

тив членства ФРГ в ЕС, сколько против углубления евроинтеграции, против единой европейской валюты и предоставления финансовой помощи более бедным странам Европы (прежде всего Греции). Однако вряд ли будет преувеличением считать, что именно миграционный кризис, с одной стороны, определил лицо АдГ как антииммигрантской и антимусульманской партии (что выражается, например, в призывах к запрету строительства мечетей, запрету женской одежды, скрывающей лицо, и т.д.), а с другой, сделал ее выразительницей интересов части немцев, обеспокоенных притоком в их страну многочисленных мигрантов. (Действительно, «Германия постепенно становится страной с высокой долей внешних мигрантов в населении. Хотя этот процесс начался давно, проблема интеграции мигрантов заметно обострилась в последние годы, выйдя далеко за пределы вопроса об относительной изолированности турецких общин, ядро которых составляли гастарбайтеры и их родственники» [Кузнецов 2015, с. 231]. Достаточно сказать, что к концу 2015 г. численность прибывших в Германию ищущих убежища лиц оценивалась в 1 млн чел.)

АдГ привлекает противников истеблишмента, либерализации и Евросоюза не в меньшей степени, чем тех, кто разделяет мнение, что «ислам не является частью Германии» (эти взгляды органично коррелируют с антииммигрантским дискурсом). Поддержка партии возросла после инцидентов с сексуальными домогательствами со стороны иммигрантов по отношению к женщинам во время новогодних праздников в Кельне (2016 г.).

Апеллируя к идеям свободы и демократии (в частности, в качестве образца

4 Мировой ВВП в 2016 г. был равен 75,9 трлн долл. США.

политического устройства партия принимает швейцарскую модель прямой демократии, предусматривающую проведение плебисцитов), «Альтернатива для Германии» не слишком скрывает свою националистическую направленность. Уже в преамбуле партийной программы говорится, что «только государствообразующий народ (читай: немцы. – А.Я.) Федеративной Республики Германии» может упразднить, согласно программным документам «Альтернативы для Германии», «нелегитимное положение», при котором «политический картель», далекий от интересов народа, контролирует рычаги государственной власти [Программа для Германии 2017]. Несмотря на то что из 14 разделов партийной программы непосредственно иммиграции и проблемам интеграции посвящен только один, связанные с миграцией вопросы освещаются и в других частях партийного документа. Например, в разделе «Культура, язык и национальная идентичность» поднимаются такие темы, как «Ислам в напряженных отношениях с нашими ценностями», «Ислам несвойственен Германии», «Критика ислама допустима», «Остановить финансирование мечетей из-за границы», «Нет предоставлению статуса публично-правовой корпорации исламским организациям», «Нет парандже в общественных местах» (названия говорят сами за себя). Нашлось место проблемам, связанным с мигрантской тематикой, и в разделе, посвященном образованию: в частности, в программном документе содержатся требования закрыть медресе, ввести изучение ислама на немецком языке для всех мусульманских школьников в рамках уроков этики, а также отказаться от «привилегий» для школьников-мусульман (в том, что касается посещения уроков физкультуры, участия в школьных поездках и т.д.).

К связанным с иммиграцией темам относится и касающийся защиты немецких границ пункт посвященного внутренней безопасности раздела программы АдГ («Альтернатива для Германии») считает сегодняшний уровень защиты внешних европейских границ недостаточным и требует расширения полномасштабной защиты границ немецкого государства под эгидой федеральной полиции. Следует вернуть на внешние немецкие границы пограничные переходы, готовые к работе, которые можно будет быстро ввести в действие при возникновении угроз. Для защиты открытых границ следует по примеру Австрии привлечь служащих бундесвера и при необходимости установить защитные ограждения или аналогичные барьеры) [Программа для Германии 2017].

Признавая наличие в Германии демографических проблем (прежде всего низкий уровень рождаемости, старение населения), АдГ утверждает, что массовая иммиграция не является оптимальным способом демографического развития. В качестве «единственного жизнеспособного решения, как в средней, так и в долгосрочной перспективе» партия предлагает изменить семейную политику за счет повышения уровня рождаемости среди «коренного населения». В связи с притоком иммигрантов АдГ занимает алармистскую позицию, предупреждая, что в стране, особенно в крупных городах, возникает риск образования параллельных обществ за счет отсутствия интеграции и образования цепной иммиграции. При этом, согласно идеологам АдГ, «распространение конфликтных меньшинств, объединяющих в себе различные общества, подрывает социальную сплоченность, взаимное доверие и общественную безопасность в качестве основных элементов стабильного государственного устройства» [Программа для Гер-

мании 2017]. Более конкретно под упомянутыми выше параллельными обществами АдГ понимает «параллельные мусульманские миры, живущие по шариатским законам и все больше отделяющиеся от немецкого общества» [Программа для Германии 2017].

Если на федеральных выборах 2013 г. АдГ не сумела преодолеть пятипроцентный барьер и не получила ни одного места в Бундестаге, то в 2014 г. она получила 7 мест от фракции Европейских консерваторов и реформистов на выборах в Европейский парламент. Обеспечив себе представительство в подавляющем большинстве земельных парламентов ФРГ к октябрю 2017 г., АдГ стала третьей по представительству в Бундестаге политической партией в стране, получив в федеральном парламенте 94 места.

Относительно новым феноменом является апеллирование АдГ к русскому электорату в Германии, объединяющему русскоязычных выходцев из бывшего СССР. Показательно, что на официальном вебсайте текст партийной программы представлен и на русском языке (наряду с английским, французским, испанским и др.). Впрочем, не такая уж большая часть русских немцев поддерживают АдГ (по оценке берлинского издателя и политического аналитика Б. Фельдмана, выходцы из бывшего СССР составляют 5–7% электоральной базы АдГ, однако их голоса были важны как небольшая гирька, способная склонить чашу весов: «Если бы ХДС набрал на три процента больше, а «Альтернатива» на три процента меньше — совсем другая была бы картина»⁴).

За сравнительно короткий срок существования АдГ модифицировалась от изначально правоцентристского ев-

роскептического движения в сторону правого радикализма. Показательно, что в 2015 г. в партии произошел раскол, в результате которого отделилась фракция во главе с одним из основателей движения Б. Луке и создан «Альянс за прогресс и обновление» (Allianz für Fortschritt und Aufbruch, ALFA)⁵. Новое движение сосредоточено прежде всего на экономических проблемах, придерживается «мягкого» евроскептицизма и критикует правый популизм АдГ.

Старые праворадикалы меняют имидж

Если «Альтернатива для Германии» является в некотором смысле новичком на политическом поле, то созданный в 1972 г. французский «Национальный фронт» (НФ), использующий популистскую риторику для продвижения антииммигрантской и антиевросоюзовой позиции, имеет весьма длительную историю. Выступая за протекционизм в экономической политике, НФ осуждает правительственные меры по предоставлению различных льгот для иммигрантов (в т.ч. в сфере здравоохранения) и требует снизить количество мигрантов, получающих разрешение на въезд во Францию.

Возглавившая «Национальный фронт» Марин Ле Пен, которая сумела отстранить от партийного руководства своего отца, Ж.-М. Ле Пена, одного из основателей НФ, пытается улучшить имидж партии, избавив ее от ассоциаций с Ж.-М. Ле Пенем, который, в частности, использовал открыто антисемитскую и расистскую риторику, отрицал Холокост. Смягчилась и ритори-

4 «Альтернатива для Германии»: в чем секрет успеха крайне правых // Русская служба BBC. 25 сентября 2017 // <https://www.bbc.com/russian/features-41392567>, дата обращения 05.04.2018.

5 Позже переименован в «Либерально-консервативных реформаторов».

ка НФ по отношению к иммигрантам из исламского мира. На смену призывам к систематической депортации таких мигрантов в принципе пришли лозунги о необходимости избавить Францию от нелегальных мигрантов, а также криминальных и тунеядствующих элементов из мигрантской среды. Как продолжение линии на смягчение имиджа «Национального фронта» следует рассматривать и попытку провести «ребрендинг» этой партии (в марте 2018 г. М. Ле Пен выступила с предложением переименовать ее в «Национальное объединение» (*Rassemblement national*); впрочем, СМИ указывают на то, что одноименный слоган использовался в пропаганде Ж.-М. Ле Пена на выборах в 1986 г.)⁶.

Относительно немолодой является и праворадикальная партия «Шведские демократы», основанная в 1988 г., – за прошедшие десятилетия она демонстрировала попытку смягчить свой имидж от чуть ли не фашистской и расистской партии до более умеренной политической силы, объявившей в 2003 г. Всеобщую декларацию прав человека основой своей политики и отказавшейся в 2006 г. от старого логотипа с факелом в пользу нового символа – цветка анемона. При этом «Шведские демократы» призывают к жесткому ограничению иммиграции, против приема Турции в ЕС, проведению референдума о членстве Швеции в ЕС.

В сентябре 2014 г. партия получила 13% голосов на выборах, завоевав тем самым 49 из 349 мест в парламенте Швеции. Этому предшествовал успех «Шведских демократов» на выборах 2010 г. (т.е. задолго до миграционного кризиса 2015 г.), когда эта праворади-

кальная партия сумела преодолеть необходимый барьер и, набрав 5,7% голосов, получила 20 мест в парламенте королевства. И хотя в той предвыборной кампании доминировали темы, связанные с обсуждением реформы системы соцобеспечения, налоговой системы, поднятые «Шведскими демократами» проблемы иммиграции и роста мусульманского населения Швеции (лидер партии Дж. Акессон описывал это как крупнейшую угрозу стране со времен Второй мировой войны), очевидно, нашли отклик у части избирателей. «Швеция, которая из-за ее высоких налогов и процветающей системы социального обеспечения рассматривалась многими из-за границы как бастион либерализма и толерантности, имеющий иммунитет от крайне правых. Однако интеграция меньшинств в страну с населением в 9,4 млн чел. превратилась в растущую озабоченность, особенно в больших городах с высокими показателями иммиграции» [*Castle* 2010].

Еще дольше, чем французский НФ, действует на политической арене Австрии Партия свободы (АПС), основанная в 1956 г. (а ее предшественник, «Союз независимых», был создан в 1949 г.) и зарекомендовавшая себя как националистическая и антииммигрантская сила, выступая за укрепление границ Австрии, австрийских вооруженных сил, ограничение льгот для иммигрантов, предпочтение для австрийцев на рынке труда, традиционные ценности («Да семьям, а не гендерному безумию» и т.д.).

Следует заметить и в случае АПС, что ее успехи на политической арене имели место и вне контекста миграци-

6 Marine Le Pen Propose de Renommer le FN "Rassemblement National" (2018) // Le Monde, March 11, 2018 // https://www.lemonde.fr/politique/article/2018/03/11/marine-le-pen-propose-de-renommer-le-fn-rassemblement-national_5269188_823448.html, дата обращения 05.04.2018.

онного кризиса 2010-х гг. Темы противодействия иммиграции (как способствующей росту преступности, а также росту безработицы среди коренного населения) и вступлению Австрии в ЕС активно и небезуспешно эксплуатировались и в прошлые десятилетия, особенно с приходом в 1986 г. к руководству АПС Й. Хайдера⁷ (с чьим именем связывается крутой поворот партии в сторону правого популизма), предлагавшего для иммигрантов дилемму: либо ассимиляция, либо депортация. В риторике АПС эксплуатировалась тема криминальных действий неавстрийцев, прежде всего выходцев из Турции и бывшей Югославии. В 1999 г. Австрийской партии свободы удалось завоевать на федеральных выборах почти 27% голосов, а создание правительственной коалиции между Народной партией и АПС вызвало резкую негативную реакцию в европейских странах. Внутрипартийный раскол и уход из АПС Й. Хайдера в значительной степени ослабили партию. Тем не менее на выборах 2013 г. АПС снова получила внушительные 20,5% голосов. Важной политической вехой для Партии свободы стала победа ее кандидата Н. Хофера в первом туре президентских выборов (2016 г.), хотя во втором туре праворадикальный политик проиграл кандидату от «зеленых» А. Ван дер Беллену с минимальным отрывом (49,7 против 50,3%).

Очевидно, что продемонстрированные на выборах австрийскими крайне правыми успехи заставили менее радикальные силы заимствовать в той или иной степени их «повестку дня». Иммигрантскую тему широко эксплуатировал в своей политической борьбе и лидер более умеренной правоцентристской Народной партии С. Курц.

Будучи министром иностранных дел Австрии (2013–2017 гг.), С. Курц выступал за закрытие «балканского маршрута», по которому мигранты через Грецию и ряд балканских стран попадали в другие европейские государства, а также за ограничение притока лиц, прибывающих в Австрию в поисках убежища. В ходе своей предвыборной кампании Курц продолжал делать акцент на этих проблемах, поддерживая запрет на ношение женщинами бурки (традиционной одежды, закрывающей лицо), а также требуя, чтобы иммигранты получали для детей от государства помощь в меньшем объеме, чем ее получают австрийцы. «По этим проблемам он (С. Курц. – А.Я.) настолько открыто имитировал праворадикальную Партию свободы, что ее лидер Х.-К. Штрахе обвинил его и Народную партию в плагиате. Действительно, критики Курца в Австрии утверждают, что в качестве канцлера он возглавил правительство “Партии свободы – лайт”, неотличимое от его праворадикального партнера, по крайней мере, по данной (иммигрантской. – А.Я.) проблеме» [Schultheis 2017].

Мейнстрим заимствует тему миграции

Вполне можно согласиться с мнением, что растущая быстрыми темпами иммиграция в европейские страны вдохнула жизнь в крайне правые политические движения, «которые, продолжая завоевывать власть, могут бросить фундаментальные вызовы институтам управления Европы и ее продолжающемуся развитию как современного постэтнического общества» [Davis, Deole 2017, p. 15].

7 Впоследствии Й. Хайдер вышел со своими сторонниками из АПС, создав в 2005 г. «Альянс за будущее Австрии».

Анализ, проведенный агентством Bloomberg на основе изучения результатов выборов в 22 европейских странах на протяжении ряда десятилетий, показал, что поддержка популистских и праворадикальных партий в 2017 г. оказалась выше, чем в любое другое время за последние 30 лет. В среднем эти партии получили 16% голосов на последних парламентских выборах в каждой стране (для сравнения, в 2007 г. – 11%, в 1997 г. – 5%) [Tartar 2017]. Но, несмотря на некоторые успехи европейских праворадикальных сил, апеллирующих к озабоченности, которую испытывают граждане в связи с миграционным кризисом, вызывает сомнение их возможность прийти в ближайшей перспективе к власти в странах Западной Европы – во всяком случае, до тех пор, пока этим силам не удастся избавиться в глазах общественного мнения и СМИ от негативного имиджа, ассоциируемого с фашизмом, расизмом и ксенофобией. При этом, однако, не исключено участие праворадикальных сил в правящих коалициях (как это уже произошло, скажем, в Австрии).

Вместе с тем в более отдаленной перспективе не исключен и рост политического влияния праворадикалов – не столько за счет прибытия новых волн мигрантов, сколько вследствие потенциальных конфликтов между представителями мигрантских сообществ и коренного населения европейских стран. И не в последнюю очередь это касается возможных новых террористических актов против граждан европейских стран, которые могут быть связаны напрямую или косвенно с представителями мигрантских сообществ. Вполне логично ожидать, что подобные проявления способны обострить у европейских граждан чувство незащищенности, что может привести к росту популярности

политических сил, выступающих с антииммигрантскими лозунгами.

Трудно отрицать наличие взаимосвязи между резким ростом притока иммигрантов в страны Европы и активизацией праворадикальных партий, эксплуатирующих антииммигрантскую риторику. Можно утверждать, что именно кризису, вызванному притоком иммигрантов в 2015 г., обязана своему успеху на федеральных выборах 2017 г. «Альтернатива для Германии», ставшая первой в послевоенной истории страны правопопулистской партией, получившей представительство в Бундестаге. Однако очевидно, что и до миграционного кризиса 2010-х гг. в ряде европейских стран такие партии демонстрировали успех на выборах.

Политический отклик в европейских странах на иммиграцию различается как во временном, так и в страновом аспекте. Он может зависеть от макроэкономических условий в той или иной стране: «Более конкретно, трудные экономические времена могут ассоциироваться с большей озабоченностью представителей коренного населения конкуренцией с иммигрантами из-за дефицита рабочих мест или государственных ресурсов» [Davis, Deole 2017, p. 14]. Исследователи Л. Дэвис и С. Деол на основе изучения статистических данных по уровню безработицы в странах Европы пришли к выводу, что более высокий уровень национальной безработицы усиливает реакцию граждан на рост доли иммигрантского населения; голосование за праворадикальные партии связывается также с культурной озабоченностью в связи с иммиграцией.

Отдельно стоит заметить, что не только праворадикальные, но и традиционно гораздо более умеренные партии, относящиеся к политическому мейнстриму, заимствуют у правых популистов антииммигрантские и анти-

мультикультурные нарративы. И здесь можно говорить о влиянии (как прямом, так и опосредствованном) популистских сил на трансформацию политических систем в европейских странах. Как точно замечает Г.И. Вайнштейн, популизм на фоне возникновения «нового антисистемного социально-психологического контекста массового сознания» не только утверждает-ся в общественно-политическом сознании европейцев, но и оказывает воздействие на политический мейнстрим: «По сути дела выход популизма в странах Западной Европы на новые политические рубежи проявляется не столько в росте его электорального веса, сколько в усилении его косвенного влияния на политический дискурс и политическую практику системного истеблишмента» [Вайнштейн 2018, с. 36].

Отчасти это связано с попытками набрать дополнительные очки и привлечь симпатии части сторонников праворадикалов, отчасти отражает истинные взгляды тех или иных политиков. В любом случае, существует вероятность того, что антимигрантская повестка может быть в той или иной форме взята на вооружение политическими силами, достаточно далекими от правого радикализма. В Восточной Европе, в частности, это продемонстрировали парламентские выборы в апреле 2018 г. в Венгрии, где действующий премьер-министр страны В. Орбан, возглавивший консервативную коалицию из ФИДЕС и Христианско-демократической народной партии, активно использовал в предвыборной кампании «иммигрантскую карту» в связи с наплывом мигрантов, выставляя себя защитником венгерского национального суверенитета и «христианской Европы». Есть немало примеров и в Западной Европе. Можно вспомнить сделанные в 2018 г. заявления министра внутренних дел Германии Хорста Зеехофе-

ра (ХСС) о том, что ислам не является частью Германии, а также его требования ускоренной депортации нелегалов. Показательно, что и представители традиционно левого фланга политической сцены тоже могут занимать более жесткую позицию по вопросам иммиграции. Как напоминает К.Г. Холодковский, «правоцентристскому канцлеру Ангеле Меркель, стороннику мягкой политики в отношении новой волны иммиграции, оппонируют лидеры не только Христианско-социального союза, фактически одной с ней партии, но и социал-демократов» [Холодковский 2016, с. 19]. В конце концов, автором скандально знаменитой книги «Германия. Самоликвидация» стал член Социал-демократической партии Т. Саррацин.

Успехи и неудачи праворадикальных партий Западной Европы во многом зависят от того, удастся ли ЕС в целом и отдельным входящим в него странам справиться с последствиями миграционного кризиса путем принятия конкретных мер социально-экономического характера, а также выработки адекватной миграционной политики и модели сосуществования мигрантских сообществ и коренного населения.

Список литературы

- Вайнштейн Г.И. (2015) Евроскептицизм: новый фактор европейской политики // Мировая экономика и международные отношения. № 8. С. 40–48.
- Вайнштейн Г.И. (2018) Европейский популизм в конце 2010-х // Мировая экономика и международные отношения. Т. 62. № 3. С. 29–38.
- Кузнецов А.В. (2015) Германия: преодолевая внешние вызовы // Барановский В.Г. (ред.) Год планеты: ежегодник. Экономика, политика, безопасность. Выпуск 2015 г. М.: Идея-Пресс. С. 228–237.

Программа для Германии. Программа Альтернативы для Германии (АдГ) (2017) // *Alternative für Deutschland* // https://www.afd.de/wp-content/uploads/sites/111/2017/04/2017-04-18_afd-grundsatzprogramm_russisch_web.pdf, дата обращения 28.03.2018.

Трофимова О.Е. (2015) Миграционный кризис в странах ЕС: основные причины и тенденции // Барановский В.Г. (ред.) Год планеты: ежегодник. Экономика, политика, безопасность. Выпуск 2015 г. М.: Идея-Пресс. С. 141–151.

Холодковский К.Г. (2016) Перестройка западноевропейской партийной системы // *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 60. № 7. С. 16–24.

Яшлавский А.Э. (2017) Европейские мусульмане: трудные вопросы идентичности // *Международная жизнь*. № 6. С. 173–192.

Art D. (2011) *Inside the Radical Right: The Development of Anti-immigrant Parties in Western Europe*, New York: Cambridge University Press.

Castle S. (2010) Swedish Anti-Immigration Party Claims Seats // *The New York Times*, September 19, 2010 // <https://www.nytimes.com/2010/09/20/world/europe/20sweden.html>, дата обращения 28.03.2018.

Davis L., Deole S.S. (2017) Immigration and the Rise of Far-Right Parties in Europe // *DICE Report*, vol. 15, no 4, pp. 10–15 // <https://www.cesifo-group.de/DocDL/dice-report-2017-4-davis-deole-december.pdf>, дата обращения 15.04.2018.

Dumont S., Lorien J., Criton K. (1985) *Le Système Le Pen*, Anvers: Les Éditions EPO.

Filip B. (2017) The Refugee Crisis in Europe: Unfolding Right-wing Politics, Racism and Anti-Immigration Political Parties // *Global Research*, December 24, 2017 // <https://www.globalresearch.ca/the-refugee-crisis-in-europe-unfolding-right-wing-politics-racism-and-anti-immigration-political-parties/5623846>, дата обращения 28.03.2018.

O'Donnell K. (2017) Anti-immigrant Forces Gain Ground in Europe // *Politico Magazine*, October 22, 2017 // <https://www.politico.com/story/2017/10/22/europe-far-right-czech-election-nationalism-244031>, дата обращения 28.03.2018.

Schultheis E. (2017) A New Right-Wing Movement Rises in Austria // *The Atlantic*, October 16, 2017 // <https://www.theatlantic.com/international/archive/2017/10/austria-immigration-sebastian-kurz/542964/>, дата обращения 28.03.2018.

Taras R. (2012) *Xenophobia and Islamophobia in Europe*, Edinburg: Edinburg University Press.

Tartar A. (2017) How the Populist Right Is Redrawing the Map of Europe // *Bloomberg*, December 11, 2017 // <https://www.bloomberg.com/graphics/2017-europe-populist-right/>, дата обращения 28.03.2018.

Van der Brug W., D'Amato G., Berkhout J., Ruedin D. (eds.) (2015) *The Politicisation of Migration*, London, New York: Routledge.

Europe's Anti-immigrant Parties: False Start or Second Wind?

Andrei E. YASHLAVSKII

PhD in Politics, Senior Researcher, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences. Address: 23, Profsoyuznaya St., Moscow, 117997, Russian Federation. E-mail: dossier@mail.ru

CITATION: Yashlavskii A.E. (2018) Europe's Anti-immigrant Parties: False Start or Second Wind? *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 11, no 3, pp. 230–244 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-3-230-244

ABSTRACT. *The article makes focus on the rise of Western Europe's far-right parties which act with anti-immigrant agenda amid 2010s European migrant crisis. Massive influxes of refugees and migrants have accumulated huge political significance and triggered off a wide range of conflicts (both on international and national levels). The migrant crisis has indicated many social-political challenges for European countries. The crisis has been synchronous with a rise of popularity of right populist political movements (old ones as well as new ones), which promote restrictions of immigration etc. At the same time it cannot be ignored that West European right-wing populist political movements achieved some success in previous decades, well ahead of the current migrant crisis. Immigration issue has been a centerpiece of political discourses of West European right-wing parties (National Front in France, for instance) since late 1970s – early 1980s. But it is quite obvious that the 2010s migrant crisis became a trigger for revitalization of the far-right movements which are outspoken critics of the European Union as “a supra-national body” dictating its conditions to the member countries. Besides, the crisis gave a boost to a rise of new populist movements (for example, “Alternative for Germany”). In 2017 the populist right-wing parties in Europe won the largest support over the three past decades. Recently the right populist forces appeared in elections in a number of Eu-*

ropean countries (Germany, Austria, France etc.) as tough competitor of traditional mainstream political parties and won parliamentary representation and/or representation in the government coalitions. Furthermore, these movements demonstrate attempts to change their image to shift to political mainstream. However, in the foreseeable future, any cardinal breakthrough and far-right anti-immigrant parties' coming to the power in Western Europe's countries is hardly possible.

KEY WORDS: *far-right parties, immigration, migrant crisis, refugees, Europe, EU, European Union, anti-immigrant policy, anti-immigrant parties*

References

- Art D. (2011) *Inside the Radical Right: The Development of Anti-immigrant Parties in Western Europe*, New York: Cambridge University Press.
- Castle S. (2010) Swedish Anti-Immigration Party Claims Seats. *The New York Times*, September 19, 2010. Available at: <https://www.nytimes.com/2010/09/20/world/europe/20sweden.html>, accessed 28.03.2018.
- Davis L., Deole S.S. (2017) Immigration and the Rise of Far-Right Parties in Europe. *DICE Report*, vol. 15, no 4, pp. 10–15. Available at: <https://www.cesifo-group>.

de/DocDL/dice-report-2017-4-davis-de-ole-december.pdf, accessed 15.04.2018.

Dumont S., Lorien J., Criton K. (1985) *Le Système Le Pen*, Anvers: Les Éditions EPO.

Filip B. (2017) The Refugee Crisis in Europe: Unfolding Right-wing Politics, Racism and Anti-Immigration Political Parties. *Global Research*, December 24, 2017. Available at: <https://www.globalresearch.ca/the-refugee-crisis-in-europe-unfolding-right-wing-politics-racism-and-anti-immigration-political-parties/5623846>, accessed 28.03.2018.

Kholodkovskij K.G. (2016) Perestrojka zapadnoevropejskoj partijnoj sistemy [Transformation of West European Political System]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, vol. 60, no 7, pp. 16–24. DOI: 10.20542/0131-2227-2016-60-7-16-24

Kuznetsov A. (2015) Germaniya: preodolevaya vneshnie vyzovy [Germany: Overcoming the External Challenges]. *God planety: ezhegodnik* [Year of the Planet: Yearbook] (ed. Baranovskij V.G.), Moscow: Ideya-Press, pp. 228–237.

O'Donnell K. (2017) Anti-immigrant Forces Gain Ground in Europe. *Politico Magazine*, October 22, 2017. Available at: <https://www.politico.com/story/2017/10/22/europe-far-right-czech-election-nationalism-244031>, accessed 28.03.2018.

Programma dlya Germanii. Programma Alternativy dlya Germanii (AdG) [Manifesto for Germany: The Political Programme of the Alternative for Germany] (2017). *Alternative für Deutschland*. Available at: https://www.afd.de/wp-content/uploads/sites/111/2017/04/2017-04-18_afd-grundsatzprogramm_russisch_web.pdf, accessed 28.03.2018.

Schultheis E. (2017) A New Right-Wing Movement Rises in Austria. *The Atlantic*, October 16, 2017. Available at: <https://www.theatlantic.com/international/archive/2017/10/austria-immigration-sebastian-kurz/542964/>, accessed 28.03.2018.

Taras R. (2012) *Xenophobia and Islamophobia in Europe*, Edinburg: Edinburg University Press.

Tartar A. (2017) How the Populist Right Is Redrawing the Map of Europe. *Bloomberg*, December 11, 2017. Available at: <https://www.bloomberg.com/graphics/2017-europe-populist-right/>, accessed 28.03.2018.

Trofimova O. (2015) Migratsionnyj krizis v stranakh ES: osnovnye prichiny i tendentsii [Migrant Crisis in the EU: Main Causes and Trends]. *God planety: ezhegodnik* [Year of the Planet: Yearbook] (ed. Baranovskij V.G.), Moscow: Ideya-Press, pp. 141–151.

Vainshtein G.I. (2015) Evroskeptitsizm: novyy faktor evropejskoj politiki [Euroscpticism: New Factor of European Politics]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, no 8, pp. 40–48.

Vainshtein G.I. (2018) Evropejskij populizm v kontse 2010-h [European Populism in the Late 2010s]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, vol. 62, no 3, pp. 29–38. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-3-29-38

Van der Brug W., D'Amato G., Berkhout J., Ruedin D. (eds.) (2015) *The Politicisation of Migration*, London, New York: Routledge.

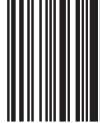
Yashlavskij A.E. (2017) Evropejskie musul'mane: trudnye voprosy identichnosti [European Muslims: Difficult Questions of Identity]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*, no 6, pp. 173–192.

ISSN 2542-0240

9 772542 024004

1 8 0 0 3

>